

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

Великий Новгород

Батыево нашествие на Русь

*Археологические исследования
Северо-Восточной Руси
XIII—XIV вв.*

Люблинская уния

Почему Земский собор — не парламент

Католики и протестанты в императорской Риге

Папская миссия в Советской России

Обсуждаем книгу

А.П. Павлов

Думные и комнатные люди царя Михаила Романова

МОСКВА
ГАУН-ПРЕСС

4

ИЮЛЬ
АВГУСТ
2020

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина,
С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Павлов, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ
М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: И.Я. Билибин. Боярин (1908)

© Российская академия наук, 2020

© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2020

© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2020

Завоевание Руси Батыем

Владимир Кучкин

The conquest of Russia by Batu

Vladimir Kuchkin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010767-4

Решение о походе на русские, польские и венгерские земли, а также в Центральную Азию, против Китая и не поддававшейся в течение многих лет монголам Кореи было принято на курултае наследников Чингиз-хана, состоявшемся в конце 1235 г. в Талан-дабэ. Поход возглавил старший из живших сыновей Джучи, первенца Чингиз-хана, Бату (Батый русских источников). Вместе с ним великий хан Угэдэй отправил на запад своего старшего сын Гуюка, другого сына Кадана, своего брата Кулькана, племянников Менгу-хана, Бучека, Бури и Байдара, братьев Бату Орду, Шибана и Тангута — всего 11 чингизидов¹. В поход отправились и некоторые крупные военачальники, самым известным из которых был Субэдэй-багатур. В феврале—марте 1236 г. монгольская конница двинулась на запад. Численность Батыевой армии по средневековым меркам была огромной.

Правда, в ряде исторических и литературных сочинений отечественных авторов конца XX в. высказывалась мысль, что монгольские ханы под водительством Батыя сумели завоевать русские княжества, имея всего лишь 4—6 тыс. войска. Подсчёты эти основывались на известии персидского историка Фазлаллаха ибн Абу-л-Хейра Рашид-ад-Дина, согласно которому удел отца Батыя, Джучи-хана, населяли всего 4 тыс. семей. Поскольку у Джучи было 14 сыновей, а Батый являлся вторым из них, путём разного рода логических умозаключений и выводилась численность войск Батыя (и ещё десяти чингизидов) в их походе на страны Восточной и Центральной Европы². Однако Рашид-ад-Дин работал над своим трудом в начале XIV в. и мог не всегда точно передавать сведения столетней давности. Кроме того, из рассказа Рашид-ад-Дина не вполне ясно, когда Джучи получил удел, с которого можно было собрать 4 тыс. воинов. Похоже, что речь идёт о владениях Джучи, данных ему отцом ещё до образования собственно Монгольского государства, т.е. до 1206 г.

Более достоверными и показательными являются другие свидетельства о численности монгольских войск. Посланное в 1220 г. на запад Чингиз-ханом войско под командованием Субэдэй-багатура и Джебэ-нойона, опустошившее Северный Иран, государства и народы Кавказа, разгромившее половцев

© 2020 г. В.А. Кучкин

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многоотомного академического труда «История России с древнейших времён до наших дней». Публикуется в целях апробации.

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л., 1941. С. 34.

² Там же. С. 33, 34, 41.

и нанёсшее поражение соединённому русско-половецкому войску в 1223 г. на р. Калке, состояло из 30 тыс. всадников³. Одиннадцать монгольских царевичей во главе с Батыем, двинувшиеся на запад в 1236 г., несомненно, должны были иметь в своём распоряжении более многочисленные силы. На это указывают цифры, приведённые тем же Рашид-ад-Дином. Рассказывая о движении армии Батыея на запад, он сообщил, что её авангард возглавил Шибан, под началом которого находились 10 тыс. воинов, а в распоряжении Менгу-хана и его брата Бучека их было более 20 тыс.⁴

Интересно одно европейское известие XIII в. В письме венгерского монаха Юлиана, адресованном епископу Перуджи (Италия), сообщается, что «татары утверждают также, будто у них такое множество бойцов, что его можно разделить на 40 частей, причём не найдётся мощи на земле, какая была бы в силах противостоять одной их части. Далее говорят, что в войске у них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших (воинов) их закона в строю. Далее говорят, что женщины их воинственны, как и они сами»⁵. Юлиан обращался к епископу Перуджи после того как побывал в Волжской Булгарии, покорённой монголами в 1236 г., и во Владимирском княжестве до нашествия Батыея, т.е. до начала 1238 г. Скорее всего, Юлиан посетил Булгарию и Владимир в 1237 г. Его послание епископу Перуджи сохранилось в трёх вариантах, и лишь один из них содержит приводимую цитату о численности монгольского войска. Цитата исторически достоверна в тех частях, где говорится о составе войск. В военных походах монголов принимали участие не только мужчины, но и женщины⁶, а в битвах участвовали воины покорённых монголами народов. Однако общая численность монгольского войска, завоевавшего Волжскую Булгарию и другие европейские государства, приведённая Юлианом, вызывает недоверие. Она составляет 375 тыс. человек и представляется преувеличенной. Возможно, что преувеличение носило пропагандистский характер: монголы стремились заранее запугать будущих противников, как делали они это не раз в отношении своих азиатских соседей. Но если говорить о 135 тыс. собственно монгольского войска, то такая цифра оказывается близкой к реальной. Приведённые выше сообщения Рашид-ад-Дина о подчинении Шибану 10 тыс. воинов, а Менгу-хану и Бучеку — более 20 тыс., перекликаются с европейским свидетельством о 10 тыс. воинов под командованием Орду, действовавших в Польше⁷. По-видимому, каждый из чингизидов, отправившихся в 1236 г. в поход на запад, имел под своим командованием 10 тыс. всадников. Поскольку чингизидов было 11, общее число их войска должно составлять 110 тыс. человек. Но имелась ещё и конница известных полководцев, а это приближало численность всей монгольской армии к цифре, названной Юлианом, — 135 тыс. человек. Ни одно русское княжество не в состоянии было выставить такого войска. Следует напомнить, что в 1223 г. киевский князь Мстислав Романович, самый могущественный из русских князей, отправился на Калку с войском в

³ *Петрушевский И.П.* Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219—1224 гг. и его последствия // Татари-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 117.

⁴ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 35—36.

⁵ *Аннинский С.А.* Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.; Л., 1940. С. 72, 90, примеч. I.

⁶ Описание действий на войне монгольских женщин оставил Фома Сплитский (*Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. М., 1997. С. 110).

⁷ Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. М., 2002. С. 112.

10 тыс. человек. Монголы явно превосходили своих противников в живой военной силе.

Неверно думать, что князья многочисленных древнерусских княжеств (всего их было 19), часто занятые сведением счётов друг с другом, совершенно игнорировали надвигающуюся с Востока угрозу и не предпринимали никаких превентивных дипломатических и военных мер. Разгром на р. Калке в 1223 г. монголами объединённого русско-половецкого войска, насчитывавшего в своём составе дружины 15 русских князей из Южной Руси, не прошёл для последних бесследно. Князьям стало понятно, что появился новый опасный противник и за его действиями нужно внимательно следить. Не случайно в летописании Владимирского княжества, ведшемся при дворе князя Юрия Всеволодовича, появляются записи от 1229 г. о победе монголов над саксинами и восточными половцами, жившими у р. Яика (современный Урал), от 1232 г. о зимовке монголов близ восточных границ Волжской Булгарии, о взятии в 1236 г. самого государства волжских булгар⁸. Внесение в летопись таких сведений свидетельствует о том, что в древнерусских княжествах следили за действиями монголов. Это подтверждает и упомянутый выше монах Юлиан. Он пишет в своём письме, что «князь суздальский (т.е. князь владимирский) Юрий Всеволодович, при дворе которого и велась летопись со сведениями о приближавшихся монголах. — В.К.) передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днём и ночью совещаются, как бы придти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение идти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому он (хан) отправил послов к королю венгерскому. Проезжая через землю Суздальскую, они были захвачены князем суздальским, а письмо, посланное королю венгерскому, он у них взял; самих послов даже я видел со спутниками, мне данными»⁹. Таким образом, русские правители заранее знали о приближении монголов, догадывались об их завоевательных планах и, конечно, должны были в той или иной мере готовиться к обороне.

Как именно проходило завоевание монголами русских княжеств, описано во многих источниках — как азиатских¹⁰, так и европейских¹¹. Наиболее подробные рассказы о нападении на русские земли войск Батые и его полководцев сохранились в составе древнерусских летописей. Из них необходимо выделить три древнейшие: Новгородскую I старшего и младшего изводов, Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи. В каждой из них читается довольно ранний и оригинальный рассказ о вторжении Батые. Тем не менее любой из этих рассказов обнаруживает признаки более поздних литературных обработок, сокращений, дополнений и редактирований, иногда приводящих к искажениям и ошибкам, без выявления и учёта которых нельзя напрямую опираться на приводимые в этих рассказах сведения. Так, южная Галичско-Волынская летопись, входящая в состав Ипатьевской, рассказывает о событиях монгольского завоевания Руси в статьях 6745, 6746 и 6748 гг. Датировка начала вторжения мон-

⁸ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926—1928. Стб. 453, 459, 460.

⁹ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 88. Относительно монгольских послов следует иметь в виду, что их миссия была обычным приёмом завоевателей, сначала проводивших дипломатическую разведку, а затем обрушивавшихся на противную сторону.

¹⁰ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 15, 21—23, 33—37, 145.

¹¹ Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами. СПб., 2012. С. 26, 29; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 96, 106.

гольских войск на русские земли (6745 год) в этой летописи правильна, хотя первоначально такой годовой даты в тексте памятника не было, о чём свидетельствует её отсутствие в другом списке Ипатьевской летописи — Хлебниковском¹². В статье 6748 г. при описании осады и взятия монголами Киева летописец среди военачальников Батыея отметил Гуюка, который «вратися, оувѣдавъ смерть кановоу, и бысть каномъ»¹³. Гуюк был избран монгольским великим ханом в 1246 г.¹⁴ Следовательно, летописец, знавший об этом факте, составлял свою летопись после 1246 г. Кроме того, в статье 6746 г. Ипатьевской летописи помещено сообщение о дипломатических сношениях между черниговским князем Михаилом Всеволодовичем и владими́ро-волынским князем Даниилом Романовичем. Летописец записал, что «присла бо Михаиль слы Данилоу и Василкоу, река: “Нынѣ же клятвою клену ти ся, яко николи же вражды с тобою не имамъ имѣти”»¹⁵. Летописный текст противоречив: сначала говорится о «слахе» (послах) Михаила к двум князьям-братьям, а затем речь идёт только об одном из них, которому приносит клятву в вечной дружбе Михаил. Историки давно подметили такое противоречие и выяснили, чем оно было вызвано. Оказывается, после смерти Даниила Романовича летописец его родного брата стал систематически подключать в летописи к имени Даниила имя своего сюзерена Василька Романовича, приписывая ему тем самым участие во всех деяниях и успехах первого русского короля. Даниил умер в 1264 г., Василько — в 1269 г.¹⁶ Следовательно, обработка известий о времени нашествия Батыея велась в южнорусском летописании во второй половине 1260-х гг. В этой обработке нет ни одной более или менее точной даты, указаний на месяц, день недели или число события. Видимо, в основе описания монгольского завоевания в Ипатьевской летописи лежали поздние воспоминания разных людей, припомилавших отдельные эпизоды борьбы с Батыеем, но плохо связывавших их друг с другом. Поэтому после рассказа о взятии Рязани, битве при Коломне и захвате Владимира-на-Клязьме в Ипатьевской летописи в общей форме говорится о том, что Батыеем были пленены «грады соуждальские», а после этого — об осаде и взятии черниговского Козельска и утоплении в крови маленького козельского княжича Василия, без упоминания о захвате монголами Торжка и их походе на Новгород Великий. Красочно описано взятие Батыеем Киева, самоотверженное сопротивление врагу киевлян, но и здесь обнаруживаются следы логического несоответствия в общем повествовании: ещё до этого эмоционального рассказа сообщается о том, что, узнав о падении Киева, черниговский князь Михаил бежал из Руси в Польшу¹⁷.

Несогласованность в описании событий первых месяцев иноземного нашествия наблюдается и в другой древней летописи — Новгородской I. Она сообщает, что после гибели на р. Сити (правый приток р. Мологи, слева впадающей в Волгу) владимирского князя Юрия Всеволодовича монголы «взяша Москву, Переяславль, Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тфѣрь»¹⁸. Порядок перечисления городов в этом отрывке явно непоследователен. Получается, что от р. Сити

¹² ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 778, вар. 53—53.

¹³ Там же. Стб. 785.

¹⁴ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 280.

¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 783.

¹⁶ *Donskoï D.* Genealogie des Rurikides. Rennes, 1991. P. 170, 171.

¹⁷ ПСРЛ. Т. II. Стб. 783—784.

¹⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ).

монголы повернули на юг, захватили Москву, затем пошли на северо-восток, где взяли Переяславль, далее свернули на юго-восток к Юрьеву, а потом отправились в противоположную сторону, на запад к Дмитрову и Волоку Ламскому, чтобы от последнего идти на север к Твери, которая была гораздо ближе к р. Сити, чем Москва. Видимо, список захваченных монголами городов был составлен уже в послемонгольское время и не отражает истинного маршрута похода Батыею по землям княжеств Северо-Восточной Руси зимой—весной 1238 г. Согласно Новгородской I летописи битва русских с монголами у Коломны произошла до взятия Батыем Рязани. По Ипатьевской и Лаврентьевской летописям раньше была взята Рязань. Защитником Владимира-на-Клязьме по Новгородской I летописи выступает только Всеволод, старший сын владимирского князя Юрия Всеволодовича. Но как полководец или воин он в новгородском повествовании о Батыевом нашествии себя никак не проявляет. Новгородский летописец утверждает, что Всеволод, уклоняясь от военных действий, пытался укрыться от захватчиков во владимирском Успенском соборе, но сгорел там вместе с женой, матерью, епископом Митрофаном и другими людьми, надеявшимися спастись в храме. В Новгородской I летописи приведена пространная дата взятия монголами принадлежавшего Новгороду Торжка: «мѣсяца марта въ 5, на память святого мученика Никона, въ среду средохрестъную»¹⁹. Однако 5 марта не отмечается память мученика Никона, она празднуется 23 марта. Среда средокрестной недели (четвёртой недели Великого поста) приходилась в 1238 г. на 10 марта²⁰. 5 марта в 1238 г. было пятницей. Такая противоречивость хронологических указаний источника свидетельствует о нарушении его первоначального текста, возникшем, видимо, в результате поздней переработки. Эту переработку следует отнести к периоду после 1274 г.²¹ В то же время фраза составителя статьи 6746 г. Новгородской I летописи «много бо глаголють о немъ инии», заключающая рассказ о гибели владимирского князя Юрия Всеволодовича, свидетельствует о том, что новгородский сводчик собирал сведения от разных лиц о событиях монгольского завоевания и относился к устным повествованиям осторожно, стараясь передать наиболее достоверное.

Из трёх древнейших русских летописей самое большое по объёму повествование о Батыевом нашествии сохранила Лаврентьевская летопись 1377 г. В её основе лежал Тверской великокняжеский свод 1305 г., который, в свою очередь, использовал материалы ростовского и владимирского летописания второй половины XIII в. Как выяснили исследователи, после взятия в начале 1238 г. Владимира работа по ведению летописи в этом городе прекратилась. Она возобновилась только в 1281 г. Из опустошённого монголами Владимира летописание перекочевало в церковный центр Северо-Восточной Руси — Ростов. Произошло это не сразу после нашествия, а полтора десятка лет спустя, в начале 1250-х гг.²² Следовательно, и в Лаврентьевской летописи рассказ о нашествии Батыею не принадлежит очевидцу события. Он не был написан по горячим следам, а составлялся и проходил обработку в епископском Ростове

¹⁹ Там же.

²⁰ Черепнин Л.В. Русская хронология. М., 1944. С. 60 и табл. XVI.

²¹ До 1274 г. новгородское летописание вёл пономарь Тимофей, современник Батыева нашествия (Гиппиус А.А. История сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). М., 2006. С. 11—12).

²² Насонов А.Н. История русского летописания XI — начала XVIII в. Очерки и исследования. М., 1969. С. 193, 195.

и княжеском Владимире спустя несколько десятилетий после 1238 г. Этими обстоятельствами и можно объяснить некоторые особенности данного повествования. Выясняется, что весьма значительная часть его текста представляет собой набор цитат из более ранних статей того летописного свода, куда было внесено описание монгольского нападения на Русь. В описание включались фрагменты текста из летописного рассказа о походе князя Игоря Рюриковича на Константинополь в 941 г., из статьи 1093 г. о нападении половцев на Киев, из статьи 1125 г. о смерти Владимира Мономаха, из статьи 1174 г. об убиении Андрея Боголюбского, из статьи 1185 г. о походе князя Игоря Святославича на половцев, из статей 1206 и 1218 гг., большие отрывки из статьи 1015 г. об убиении Бориса и Глеба, летописной статьи 1203 г. о взятии Киева князем Рюриком Ростиславичем, черниговскими Ольговичами и половцами, обильные цитаты из книг Священного Писания²³. В итоге повествование о вторжении монголов на Русь в Лаврентьевской летописи получилось эмоционально насыщенным, образным и ярким, но для историков превратилось в заминированное поле, где описание реалий 1238 г. смешалось с описанием фактов давно минувших времён. Даже крупнейшие исследователи истории Москвы И.Е. Забелин и М.Н. Тихомиров, ссылаясь на Лаврентьевскую летопись, утверждали, что к 1238 г. в городе и вокруг него уже существовали монастыри²⁴. Ведь летопись ясно указывала: взяв Москву, монголы «град и церкви святыя огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша»²⁵. И только в 1969 г. было обнаружено, что приведённая фраза является цитатой из летописной статьи 941 г.²⁶

В Лаврентьевской летописи приведены даты прихода монгольских войск к Владимиру, начала его осады, взятия, а также гибели владимирского князя Юрия Всеволодовича на р. Сити. В принципе даты эти верны или близки к истинным, но иногда противоречат друг другу. Например, называя время подступа монголов к Владимиру, летопись сообщает, что это произошло «мѣсяца февраля въ 3, на память святаго Семеона, во вторник прежде мясопуста за недѣлю»²⁷. Память Симеона Богоприимца отмечалась 3 февраля, здесь текст летописи точен. Однако далее говорится о дне недели — вторнике, тогда как 3 февраля в 1238 г. было средой мясопустной недели. Вторник в летописи также связывается с мясопустом, но уточняется, что он был прежде мясопуста «за недѣлю», т.е. на неделе, предшествовавшей мясопустной, что ведёт к 26 января, а не к 2 февраля 1238 г., как утверждается в многочисленных трудах. Согласно Лаврентьевской летописи, Владимир был взят в воскресный день 7 февраля 1238 г. Дата точна. 7 февраля в тот год действительно приходилось на воскресенье. Но добавлено, что 7 февраля отмечалась память Фёдора Стратилата, а это неверно: память названного святого празднуется 8 февраля. Такие и подобные им погрешности текста Лаврентьевской летописи объясняются вмешательством в этот текст в разное время редакторов, живших позднее Батыева нашествия, которые не были его очевидцами и допускали всякого рода мелкие фактические ошибки при изложении его истории. Всё это заставляет воспри-

²³ Прохоров Г.М. Повесть о Батиевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. XXVIII. Л., 1974. С. 78—83.

²⁴ Забелин И.Е. Опыт изучения русских древностей. Ч. 2. М., 1873. С. 146—147; Тихомиров М.Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 19.

²⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 461.

²⁶ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 186, примеч. 28.

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 461.

нимать повествование Лаврентьевской летописи с большой осторожностью и проверять каждый сообщаемый ею факт. Впрочем, сказанное относится не к одной Лаврентьевской летописи, но и к двум другим древнейшим русским летописям, о которых говорилось выше.

После сделанных замечаний о степени достоверности различных ранних русских летописных описаний начала монгольского вторжения на Русь следует перейти к анализу того, как реально протекало завоевание монголами русских земель. Монголы вышли к границам Руси в первой половине декабря 1237 г. Первым их нападению подверглось Рязанское княжество, лежавшее на востоке древнерусских земель. Поскольку в предшествовавшем 1236 г. Батый сумел покорить государство волжских болгар, занимавшее относительно скромную территорию по левому берегу р. Волги от р. Камы на севере и до р. Черемшана на юге, а также по правому берегу р. Волги по среднему течению р. Свияги²⁸, современные составители многих исторических карт, особенно учебных, соединяют одной линией Булгарию с Рязанью (Старой), обозначая маршрут военного похода монголов на Русь и полагая при этом, что именно таким путём двигались с востока на древнерусские земли Батый и его полководцы. Однако на самом деле к Рязани они подошли с юга²⁹. Да и оказались на её границах спустя примерно 14—16 месяцев после разгрома Булгарии (Батый напал на неё после 3 августа 1236 г.). Следовательно, подготовка для нападения на Русь заняла у монголов более года, и, разбив Булгарию, они двинулись на запад не сразу, а после значительной передышки в степях, скорее всего, Нижнего Поволжья.

Остановившись у границ Рязанского княжества, монголы послали посольство к её князьям с требованием покорности и выплаты дани: «Просяче у них десятины во всемъ: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ»³⁰. Когда князья рязанские, а вместе с ними пронский и муромский ответили дружным отказом, монголы перешли границу. Первым крупным объектом их нападения стала столица княжества Рязань, стоявшая недалеко от впадения р. Прони в Оку. 16 декабря 1237 г. монголы подошли к городу, окружили его деревянными стенами для осады или поджога, и 21 декабря Рязань пала. Рязанский князь Юрий Ингваревич был убит. После захвата столицы княжества монголы разделились на две колонны и направили свои удары против других рязанских городов выше по рекам Проне и Оке. Был взят Пронск, а на Оке — Ростиславль. После этого, соединившись, монголы направились к Коломне³¹.

У Коломны в самом конце декабря 1237 г. или в начале января 1238 г. произошло большое сражение. К рязанскому князю Роману Ингваревичу и пронскому князю Александру Кир-Михайловичу присоединился старший сын владимирского князя Юрия Всеволодовича Всеволод с воеводой своего отца боярином Еремеем Глебовичем. Впервые монголам противостояли соединённые полки нескольких русских князей. Эти полки оказали упорное сопротивление завоевателям. Под стенами Коломны по свидетельству Рашид-ад-Дина

²⁸ Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. Казань, 1975. Карта археологических памятников Волжско-Камской Булгарии.

²⁹ Так можно говорить на основании упоминания в Новгородской I летописи местности или р. Воронажа (современного Воронежа), южного пограничного района Рязанского княжества (НПЛ. С. 74).

³⁰ НПЛ. С. 74.

³¹ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л., 1960. С. 38. Упомянутый Рашид-ад-Дином город Ике (Ока) — это, скорее, Ростиславль, а не Коломна, стоявшая на р. Москве.

погиб один из предводителей Батыева войска — дядя Батый хан Кулькан³². Такое случалось крайне редко. Но монголы всё-таки взяли верх над русскими. Князь Роман Ингваревич и воевода Еремей Глебович были убиты, владимиро-рязанская рать потерпела поражение, князя Всеволод Юрьевич и Александр Кир-Михайлович бежали с поля боя³³. Победа под Коломной не только завершала покорение монголами Рязанского княжества, она открывала им путь в княжества Северо-Восточной Руси. И Батый устремился к самому значительному городу этих княжеств — Владимиру. Впрочем, действовал он достаточно продуманно и осмотрительно. К западу от дороги с Коломны на Владимир лежала Москва. Она могла оказаться в тылу монголов при осаде ими Владимира и в нужное время прийти на помощь владимирцам. Поэтому, не доходя до Владимира, Батый решил уничтожить Москву. Монголы взяли город, убили московского воеводу Филиппа Нянка и пленили оказавшегося в Москве князя Владимира, младшего сына Юрия Всеволодовича Владимирского. Теперь дорога на Владимир стала для монголов безопасной, и они поспешили к главному городу Северо-Восточной Руси. Появление Батыя под стенами Владимира и взятие его Новгородская I и Лаврентьевская летописи хронологически связывают с мясопустом 1238 г. Мясопустная неделя-семидневка приходилась в названном году на 1—7 февраля, а мясопустная неделя-воскресенье — на 7 февраля. Лаврентьевская летопись сообщает, что Батый подошёл к Владимиру 2 или 3 февраля, 6 февраля в субботу (в 1238 г. 6 февраля действительно было субботой) монголы начали ставить на деревянных подпорках камнеметательные пороки против города, в ночь на 7 февраля соорудили по периметру оборонительных стен Владимира тын и в раннее утро воскресного дня 7 февраля начали штурм. К середине дня город был взят, разграблен и подожжён. Ещё до подхода Батыя правивший во Владимире князь Юрий Всеволодович покинул город и отправился на Волгу, чтобы там собрать войска. Возглавившие защиту города сыновья Юрия Всеволод и Мстислав погибли при штурме, их тела позднее обнаружили за городскими стенами. Мать, жёны и дети этих князей встретили смерть в подожжённом монголами Успенском соборе Владимира. Там же сгорели и местный епископ Митрофан, и много народа³⁴, полагавших, что церковь враги сжечь не посмеют.

Новгородская I летопись свидетельствует, что всё это произошло «в пяток преже мясопустныя недѣли»³⁵, т.е. 5 февраля 1238 г., если под летописной «неделей» понимать воскресенье. Такая дата будет противоречить указанию Лаврентьевской летописи на 7 февраля как на день падения Владимира. Если Новгородская I летопись содержит ошибку, то возникает естественный вопрос, чем она была вызвана. Не обозначил ли новгородский летописец по недоразумению этой датой, бывшей в его источнике и относившейся к иному событию, самый важный факт в истории завоевания Батыем Северо-Восточной Руси — падение её столицы? Ведь под «недѣлей» можно понимать и «неделю» в современном смысле слова, и тогда дата будет иной. Она будет обозначать пятницу перед мясопустной неделей, т.е. 29 января 1238 г. Следует заметить, что в Лаврентьевской летописи имеется и до сих пор ясно не истолкованное хронологическое указание: монголы обступили Владимир «преже мясопуста за недѣлю»,

³² Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 36.

³³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 460; Т. II. Стб. 779; НПЛ. С. 75.

³⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 463, 464.

³⁵ НПЛ. С. 75.

т.е., учитывая двойное значение последнего слова, 25 января или 31 января 1238 г. В таком случае надо признать, что осада и взятие Владимира продолжались не два дня, как говорит та же Лаврентьевская летопись, а примерно одну или даже две недели³⁶. Если же принимать на веру все вроде бы достоверные хронологические свидетельства Лаврентьевской летописи, то получается, что приблизительно за шесть недель (с 22 декабря 1237 г. по 2(3) февраля 1238 г.) монголы сумели взять четыре русских города: Рязань, Пронск, Коломну и Москву, а за 2 дня — Владимир, хотя этот столичный город занимал площадь в 130—145 га и имел четыре укрепленные части³⁷. Похоже, осада Владимира войсками Батыев длилась дольше, чем повествует Лаврентьевская летопись, ведь разбив станы у Владимира, монголы до его взятия сумели захватить Суздаль, разграбив тамошние соборную церковь, монастыри и предав огню княжеский двор и древний Дмитриевский монастырь³⁸. На это необходимо было время.

Падение Владимира открыло монголам пути к другим городам Северо-Восточной Руси. Лаврентьевская летопись сообщает, что после взятия Владимира монголы «поидоша на великого князя Георгия оканнии ти кровопииници, и ови идоша к Ростову, а ини къ Ярославлю, и ини на Волгу на Городецъ, и ти плѣниша все по Волзѣ, доже и до Галича Мерьскаго. А ини идоша на Переяславль, и тѣ взяша, и оттолѣ всю ту страну и грады многы все то плѣниша, доже и до Торжку. И нѣсть мѣста, ни вси, ни сель тацѣхъ рѣдко, идеже не воеваша на Суждальской земли»³⁹. Из этого сообщения вытекает, что после 7 февраля 1238 г. часть монгольского войска направилась на север к Ростову и Ярославлю, часть — на восток к волжскому Городцу, ещё одна часть — к Волге и заволжскому Галичу Мерскому, другая часть — на северо-запад к Переяславлю и далее на запад к Торжку. Особое войско преследовало владимирского князя Юрия. Русские свидетельства подтверждают, таким образом, данные Рашид-ад-Дина о действиях Батыев и его сподвижников «облавой»⁴⁰, т.е. нападениями в разных направлениях. При этом посылка, например, конницы к Городцу Волжскому означала её возвращение к месту отправки лишь к концу февраля, поскольку путь из Владимира до Городца занимал не менее девяти дней⁴¹. Более длинной была дорога от Владимира до Галича Мерского. По прямой она равнялась примерно 280 км и преодолевалась за 12—13 дней. Расстояние от Владимира до Торжка по прямой составляет около 330 км. Такое расстояние можно пройти примерно за 2 недели⁴². Как свидетельствует Новгородская I летопись, монголы «оступиша Торжекъ на Сборъ чистой недѣли»⁴³, т.е. незадолго до 21 февраля, что подтверждает правильность приведённых предварительных расчётов и свидетельствует о выступлении одной из группировок монгольских войск на запад

³⁶ Рашид-ад-Дин сообщает, что Владимир был взят монголами после восьми дней осады (*Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 39).

³⁷ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 56, 90, 125 (рис. 2).

³⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 462.

³⁹ Там же. Стб. 464.

⁴⁰ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 37; *Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 39.

⁴¹ *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 178—179.

⁴² В.Л. Янин считал, что между Владимиром и Торжком было 360—400 км, но монголы преодолевали такое расстояние за две недели (*Янин В.Л.* К хронологии и топографии ордынского похода на Новгород в 1238 г. // *Янин В.Л.* Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004. С. 206).

⁴³ НПЛ. С. 76.

сразу после взятия Владимира. Согласно дальнейшему рассказу Новгородской I летописи, монголы Торжок «отыниша тыномъ весь около, якоже инии гради имаху; и бишася ту оканнии пороки по двѣ недѣли», после чего новоторжцы вынуждены были сдаться. Монголы ограбили город, а жителей перебили. Это случилось 5 марта 1238 г.⁴⁴

Далее новгородский источник сообщает, что после взятия Торжка монголы устремились на Новгород «Серегѣрьскимъ путемъ», а не кратчайшим путём по р. Тверце до её верховьев, а далее по р. Мсте до впадения её в оз. Ильмень. Дорога к Новгороду через верхневолжские озёра, главным из которых являлось оз. Селигер, была более протяжённой, но и более удобной. Она проходила по возвышенным и заселённым местам, а не по топким, болотистым и малонаселённым, как по Тверце и Мсте. К тому же «Серегерский путь» выводил в южные районы Новгородской земли, через которые обязательно должны были проследовать полки из расположенных южнее русских княжеств, если бы последние решились прийти на помощь Новгороду. Таким образом, рейд монгольской конницы на северо-запад от Торжка имел стратегической целью военную изоляцию Новгорода, создание препятствия возможному подходу к Новгороду войск его южных соседей: Полоцкого, Смоленского и более отдалённых Владимиро-Волынского и Киевского княжеств.

Но даже на избранном монголами пути они столкнулись с массой людей, военной угрозы, однако, не представлявших. То были беженцы, стремившиеся после падения Торжка укрыться от завоевателей в других местах обширной Новгородской земли. Имущество этих беглецов, взявших с собой самое необходимое и ценное из того, что у них имелось, представляло явный интерес для захватчиков, ведь главный смысл их военных походов заключался не столько во властвовании, расширении управляемой территории, сколько в обогащении⁴⁵. Монголы гнали несчастных «оли до Игнача креста, а все люди съкуще акы траву, за 100 версть до Новагорода»⁴⁶. Местоположение Игнача креста определил В.Л. Янин. Крест стоял у оз. Глухое, между деревнями Соменка и Полометь и между реками Полометью и Ерыньей⁴⁷, к юго-востоку от оз. Ильмень. 100 вёрст до Новгорода — это район южнее Русы (современной Старой Руссы), крепости, защищавшей Новгород с юга⁴⁸. Достигнуть из Торжка района Игнача креста монголы могли примерно за десять дней (220 км по прямой), около 15 марта. До Новгорода оставалось 4—5 дней пути.

Однако у Игнача креста монгольские полководцы повернули назад. Такое решение не было неожиданным, каковым его считают многие историки, полагая, что монголам пришлось столкнуться с нехваткой продовольствия и начавшейся распутицей. Но никакие источники не говорят о том, что монголы и их конница страдали от голода или даже от недоедания во время похода против государств Восточной и Центральной Европы в 1236—1242 гг. Европейские

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Фома Сплитский отмечал, что монголы «завоёвывают мир не из жадности власти, а из страсти к наживе» (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 105).

⁴⁶ НПЛ. С. 76. Красочно отразил сходную ситуацию и Фома Сплитский. Повествуя о бегстве венгров по разным дорогам после поражения от монголов на р. Шайо 11 апреля 1241 г., он писал: «Как осенние листья, они (венгры. — В.К.) падали направо и налево; по всему пути валялись тела несчастных, стремительным потоком лилась кровь; бедная родина, обогрѣнная кровью своих сынов, алела от края и до края» (Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 109).

⁴⁷ Янин В.Л. К хронологии и топографии ордынского похода... С. 211.

⁴⁸ НПЛ. С. 32.

исследователи, называя голод причиной отказа монголов от наступления на Новгород, забывают о том, что монголы по сравнению с европейцами представляли в XIII в. совсем иную цивилизацию, по-другому поддерживавшую своё существование, иначе ведущую хозяйство, имевшую совсем другие представления о войне и мире, чем европейцы. Один из современников Батыева нашествия так описывал быт завоевателей: «Люди почти не заботятся о запасах еды, кормясь исключительно грабежами. К хлебу они испытывают отвращение и употребляют в пищу без разбора мясо чистых и нечистых животных и пьют кислое молоко с конской кровью». А вот описание главного объекта их хозяйственной деятельности: «Лошади у них малорослые, но сильные, легко переносящие голод и трудности, ездят они на них верхом на крестьянский манер; по скалам и камням они передвигаются без железных подков, как дикие козы. А после трёхдневной непрерывной работы они довольствуются скромным кормом из соломы»⁴⁹. Если процитированные здесь наблюдения Фомы Сплитского дополнить указанием на то, что монгольские лошади в зимнее время кормили себя сами, разрыхля копытами снег и питаясь замёрзшей травой, станет очевидным, что ни в каком фураже конница Батыева не нуждалась и от голода погибнуть не могла. Поэтому мнение о влиянии голода на поведение монголов, в марте 1238 г. прервавших свой поход на Новгород, нельзя признать основательным.

Что касается весеннего паводка, то он наступал в новгородских землях в XX в. между 30 марта и 5 апреля (17—24 марта по старому стилю), но в более раннем XIX в. — в середине—конце апреля и продолжался до конца июня⁵⁰. Если монголы оказались у Игнача креста около 15 марта, в их распоряжении оставался примерно месяц, чтобы дойти до Новгорода и попытаться взять его до распутицы. Но для успешной осады Новгорода монголам необходимо было обезопасить себя от нападений из городов, подчинявшихся Новгороду. Одним из таких городов являлась Руса, располагавшаяся близ того пути, по которому монголы дошли до Игнача креста. На осаду и взятие Русы надо было затратить 8—9 дней (средняя цифра, учитывающая время осад Рязани, Владимира и Торжка). Прибавляя к ним 5—6 дней на дорогу Игнач крест — Руса — Новгород, следует считать, что к осаде Новгорода монголы могли приступить уже в конце марта 1238 г. Можно допустить, что к 10 апреля Новгород был бы взят, а монголы начали бы отступление и через неделю оказались в районе верхневолжских озёр. Но здесь началась бы распутица, и тогда монгольское войско, лишённое провианта, через 10—15 дней неминуемо погибло бы. Взятие Новгорода ничего не давало монголам. Это не внезапное решение, а трезвый и точный расчёт предводителей монгольских войск, и не дойдя до Новгорода 100 вёрст, чингизиды повернули конницу вспять. Эта группировка монголов могла покинуть пределы Новгородской земли и северо-восточных княжеств не ранее конца марта или начала апреля 1238 г.

Действовавшая параллельно с этой группировкой другая часть монгольского войска была послана Батыем для обнаружения, разгрома и поимки владимирского князя Юрия Всеволодовича. Рассказ о гибели этого князя есть во всех трёх древнейших летописных повествованиях о начале завоевания Руси Батыем. Но если в Ипатьевской летописи говорится, что Юрий после победы монголов под Коломной оставил Владимир «и совokuпляющу ему около себе

⁴⁹ *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 114.

⁵⁰ *Янин В.Л.* К хронологии и топографии ордынского похода... С. 212.

вои и не имѣющу сторожи, изъѣханъ бысть безаконнымъ Бурондаемъ, всь городъ изогна и самого князя Юрья убиша», а монголы, осаждая Владимир, издевательски вопрошали осаждённых ими горожан: «Гдѣ суть князи Рязаньстии, ваш градъ и князь вашъ великии Юрьи? Не рука ли наша емша и смерти преда?», указывая тем самым на гибель Юрия ещё до падения Владимира, то в Лаврентьевской летописи последние дни владимирского князя описаны по-иному. Согласно этому источнику, не оборонявшиеся владимирцы узнали от монголов о смерти Юрия, а верные Юрию люди сообщили своего князя о взятии Батыем Владимира, добавив, что монголы «к тобѣ идут»⁵¹. После этого та же летопись сообщает, что «поидоша безбожнии Татарове на Сить противу великому князю Гюргю»⁵². Юрий, по изложению Лаврентьевской летописи, пережил падение своей столицы. Но пережить вторжение монголов ему не посчастливилось. Узнав, что его лагерь на р. Сити обнаружен монголами, он вместе с братом, стародубским князем Святославом, и с племянниками Константиновичами: Васильком Ростовским, Всеволодом Ярославским и Владимиром Угличским, «поидоша противу поганымъ». «И сступишася оби, — продолжает далее Лаврентьевская летопись, — и побѣгоша наши пред иноплеменники, и ту оубьенъ бысть князь Юрьи, а Василка яша руками безбожнии и поведоша в станы своѣ». Погиб Юрий Всеволодович 4 марта 1238 г.⁵³ Что произошло с его братом Святославом, племянниками Всеволодом и Владимиром Константиновичами, Лаврентьевская летопись не сообщает. Не объясняет она и того, как и почему князь Юрий Всеволодович оказался на р. Сити. Ведь для этого Юрию пришлось переправляться на левый берег Волги и останавливаться на самом краю владений суздальских Рюриковичей с Новгородской республикой, почему-то предпочтя остановку на р. Сити отступлению в укрепленный Новгород.

Ситуация проясняется при обращении к Новгородской I летописи. Следует напомнить, что создававший в XIII в. источник этой летописи пономарь Тимофей специально интересовался судьбой Юрия Всеволодовича и расспрашивал о нём многих людей, что неудивительно. После боя на р. Сити многие воины Юрия, скорее всего, бежали в лежавшие рядом новгородские земли и вскоре оказались в самом Новгороде. Именно от них местный летописец мог узнать разные подробности о князе Юрии (как реальные, так и вымышленные — «много бо глаголють о немъ инии») и попытаться нарисовать действительную картину случившегося. Согласно рассказу, сохранившемуся в Новгородской I летописи, Юрий из Владимира сразу «бѣжа на Ярославль»⁵⁴, а не сначала в Ростов, а затем в Ярославль, как говорит Лаврентьевская летопись. Монголы, взяв Владимир, немедленно направили часть своих сил на Ярославль за Юрием («погнашася по Юрьи князи на Ярославль»). Узнав об этом, Юрий Всеволодович послал на разведку трёхтысячный отряд во главе с Дорожем. «И прибѣжа Дорожь, — продолжает Новгородская I летопись, — и рече: “А уже, княже, обошли нас около”. И нача князь полкъ ставити около себе, и се внезапно Татарове приспѣша; князь же не успѣвъ ничтоже, побѣже; и бы на рѣцѣ Сити, и постигоша и, и животь свои сконча ту. Богъ же вѣсть, како скончася»⁵⁵. Выясняется, что Юрий Владимирский был окружён монголами где-то в районе Ярос-

⁵¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 464.

⁵² Там же. Стб. 465.

⁵³ Там же.

⁵⁴ НПЛ. С. 75.

⁵⁵ Там же. С. 76.

лавля, попробовал подготовиться к сопротивлению, но был внезапно атакован и бежал с места боя, судя по всему, к Новгороду. На р. Сити он был настигнут монголами и убит. Это новгородское описание более походит на историческую реальность, чем рассказ Лаврентьевской летописи. Князь Юрий Всеволодович показан здесь как правитель, решающий разные военные вопросы, но не сражающийся на поле брани. И здесь уместно вспомнить кое-что из его предыдущей жизни. До Липицкой битвы 1216 г. Юрий ходил в походы и участвовал в боях. Так было в 1207 г., когда отец Юрия Всеволод Большое Гнездо вместе с сыновьями воевал с рязанскими князьями; в 1208 г., когда Юрий разбил двух рязанских князей на московской территории; в 1213 г., когда Юрий спорил с братом Константином за верховенство во Владимирской земле. Но разгром на Липицком поле в 1216 г., когда Юрий бежал с места сражения в нижней сорочке и, издушив трёх коней, на четвёртом внёсся в спасительный Владимир, видимо, произвёл на князя тяжёлое впечатление. После 1216 г. Юрий вёл войны, готовил походы, даже участвовал в них, но никогда не принимал участия в боевых действиях, посылая на них своих братьев и племянников. Так было в 1220 г. в войне с Волжской Булгарией, в 1226, 1228, 1229, 1232/33 гг., когда Юрий организовал походы против подчинявшихся булгарам мордовских племён⁵⁶; в 1232 г. при нападении на черниговские Серенск и Мосальск и даже в 1237/38 г., когда не Юрий, а его старший сын Всеволод сражался с монголами у Коломны. Лаврентьевская летопись подчёркивает, что Юрий погиб в битве с монголами на р. Сити, она говорит об этом дважды, стремясь показать воинскую доблесть владимирского правителя. Но она же сообщает об отсечении головы у князя, а это могло произойти, когда Юрий был пленён или сдался сам. Похоже, что его судьба была такой же, как участь Василька Ростовского, только казнь произошла раньше. Смерть Юрия означала, что главные цели монголов, вторгшихся в княжества Северо-Восточной Руси, были достигнуты, и Батый повернул войска на юг.

Двигаясь в южные степи, Батый воспользовался дорогой, которой суздальские князья в XII в. ездили в Чернигов, Переяславль Русский и Киев. На этой дороге стоял черниговский город Козельск, и Батый, чтобы сделать путь безопасным, осадил его. Жители города оказали упорное сопротивление захватчикам⁵⁷. Когда стало не хватать боевого оружия, они начали резаться с монголами на ножах, убили трёх сыновей сотников, много рядовых монгольских воинов, но силы были неравны. Батый получил подкрепления, занял город и устроил кровавую расправу с оставшимися в живых козельчанами, не пожалев даже детей-пелёночников. Не избежал злой участи и малолетний княжич Василий, правивший в Козельске⁵⁸. Но обо всём этом в древнерусских княжествах Волго-Окского междуречья уже не знали. Связь с владениями других Рюриковичей была потеряна, новая информация не поступала, и местный летописец в рассказе о событиях 1238 г. отметил: «было мирно».

Явный недостаток информации позволяет современным исследователям лишь фрагментарно восстанавливать дальнейшие действия завоевателей. В 1239 г. первой акцией монголов стал захват Переяславля Русского. Строев-

⁵⁶ Кучкин В.А. Волго-Окское междуречье и Нижний Новгород в средние века. Н. Новгород, 2011. С. 56—60.

⁵⁷ Рашид-ад-Дин сообщает, что Батый осаждал Козельск в течение более двух месяцев (*Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 39).

⁵⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 778—779.

ский список Псковской III летописи сохранил известие, согласно которому на следующее лето после взятия монголами Рязани и Владимира «Переславль Руский взятъ бысть в средокрестная недели в четверг, месяца марта 3»⁵⁹. В 1239 г. пасха приходилась на 27 марта, а средокрестная неделя (семидневка) — на 28 февраля — 6 марта. Следовательно, 3 марта 1239 г. действительно было четвергом средокрестной недели. Несмотря на то что запись дошла в поздней летописи и касается совсем не псковских событий, её надо признать достоверной и восходящей к южнорусскому источнику, поскольку в Псковской III летописи отмечено, что Переяславль был взят «на лѣто», т.е. накануне лета. В древнерусских «верхних» (северных) княжествах и землях 3 марта преддверием лета никогда не считалось. Преддверием лета начало марта могло быть только в южных областях.

Лаврентьевская летопись, не давая точной даты падения Переяславля, сообщает, что монголы «епископа оубиша и люди избиша, а град пожьгоша огнем и люди и полона много вземше, отидоша»⁶⁰. Несколько конкретных штрихов добавляет к этой картине Ипатьевская летопись: штурмом взяв Переяславль, монголы его «изби всь, и церковь архангела Михаила скроуши, и сосоуды церковныя бещисленныя златыя и драгаго камняа взятъ, и епископа преподобнаго Семеона оубиша»⁶¹. Взятие Переяславля, окружённого городами-крепостями, означало, образно говоря, уничтожение замка на тех воротах, о которых примерно полувеком ранее писал автор «Слова о полку Игореве», призывая, умоляя и требуя обороны от половцев: «Загородите полю ворота!». Теперь эти ворота оказались распахнутыми настезь. Путь к другим южнорусским городам для кочевников был открыт.

Однако для завоевания второго крупного южнорусского города Батью потребовалось более полугода. Этим городом стал Чернигов. Точная дата его взятия сохранилась в том же Строевском списке Псковской III летописи: «Того же лѣта и Черниговъ взятъ бысть на осень, месяца октября 18, в вторникъ»⁶². Дата события точная. 18 октября в 1239 г. было вторником. Подробности взятия Чернигова кратко описаны в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Первая из них в статье 6747 г. сообщает, что «того же лѣта взяша Татарове Черниговъ, князи ихъ выѣхаша въ Оугры. А град пожегше, и люди избиша, и манастырѣ пограбиша. А епископа Перфурья пустиша в Глуховѣ, а сами идоша в станы своѣ»⁶³. Ипатьевская летопись добавляет к этому описанию ряд подробностей: после захвата Переяславля Батый «посла на Черниговъ, обстоупиша град в силѣ тяжцѣ. Слышавъ же Мстиславъ Глѣбовичъ нападение на град иноплемьныхъ, приде на ны со всеми вои. Бившимся имъ, побѣженъ бысть Мъстиславъ, и множество от вои его избъенымъ бысть. И градъ взяша и запалиша огоньмъ, епископа оставиша жива и ведоша и во Глоуховѣ»⁶⁴. Ипатьевская летопись не говорит о том, что черниговские князья — Михаил Всеволодович и его сын Ростислав — оставили свою столицу и бежали в Венгрию. Зато она сообщает о попытке защитить Чернигов рыльского князя Мстислава Глебовича, противника Михаила. Попытка не удалась. Многочисленное войско рыльского князя

⁵⁹ Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 79.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

⁶¹ Там же. Т. II. Стб. 781—782.

⁶² Псковские летописи. Вып. II. С. 79.

⁶³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

⁶⁴ Там же. Т. II. Стб. 782.

было разгромлено. Сам Мстислав Глебович, вероятно, попал в плен и позднее (в 1241 г.) был казнён монголами⁶⁵. В конце же 1239 г. («на зиму») монголы взяли и сожгли Муром, вновь воевали по р. Клязьме и пожгли Гороховец⁶⁶.

Несколько месяцев ушло у чингизидов на подготовку осады Киева. Лаврентьевская летопись сообщает, что Киев был взят монголами 6 декабря 1240 г.⁶⁷ Эта дата принята подавляющим большинством исследователей, поскольку она приведена в очень авторитетном источнике. Но Н.Г. Бережков, специально исследуя хронологию Лаврентьевской летописи, обратил внимание и на другое свидетельство о времени падения Киева. Оно заключалось в упомянутом ранее Строевском списке Псковской III летописи: «приидоша Татарове к Киеву [сентября 5] и стояше под Киевом 10 нед[ель] и 4 дня и едва в[зьяша и], ноября в 19 в понедельник»⁶⁸. Анализируя обе даты — 6 декабря и 19 ноября, Бережков приходил к заключению, что «нет достаточно убедительных данных для того, чтобы безоговорочно принять одну из этих двух дат и отвести другую», хотя признавал, что все хронологические элементы записи о падении Киева 19 ноября 1240 г. согласованы друг с другом⁶⁹.

Действительно, 19 ноября 1240 г. приходилось на понедельник; время стояния монголов под Киевом, не считая дня подхода к городу 5 сентября и заключительного дня сдачи 19 ноября, будет равно десяти неделям и четырём дням — всего 74 дням. Полагать, что кто-то после 1240 г. придумал все эти цифры, чтобы неизвестно для чего исказить историю, невозможно. Бережков аргументом в пользу даты 6 декабря считал мнение М.С. Грушевского, согласно которому рассказ Ипатьевской летописи о падении Киева не производит впечатления, будто осада города была длительной⁷⁰. Тем не менее рассказ этот утверждает, что Батый «окружи градъ и остолпи... и бысть градъ во обьдержаньи велицѣ», а сооружение столбового ограждения вокруг Киева требовало немалого времени. Ипатьевская летопись сообщает также, что монголы из пороков, поставленных возле Лятских ворот, день и ночь били камнями по крепостным стенам города, сумели сделать пролом, но киевляне успели возвести новые оборонительные укрепления⁷¹. Всё это не говорит о скоротечности осады Киева. Внимание заслуживает не впечатление Грушевского, а свидетельство побывавшего в 1246 г. в Киеве монаха-францисканца Иоанна де Плано Карпини о длительной осаде Батыем Киева⁷².

Думается, окончательно вопрос решается сообщением современника событий 1240 г. магистра Рогерия о том, что «во время, близкое к Рождеству Господню, стало известно, что татары опустошают смежные с Русью границы Венгрии»⁷³. В XIII в. Рождество у католиков, как и у православных, отмечалось 25 декабря. Если Киев был взят 6 декабря 1240 г., то монголы не успевали до 25 декабря дойти до венгерских границ. Расстояние от Киева до этих границ составляло по прямой около 525 км, причём пройти эти километры надо было

⁶⁵ Там же. Т. I. Стб. 470; Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 30.

⁶⁶ Там же. Т. I. Стб. 470.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Псковские летописи. Вып. II. С. 81.

⁶⁹ *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 111.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 784—785.

⁷² *Иоанн де Плано Карпини.* История Монгалов. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 25.

⁷³ *Магистр Рогерий.* Горестная песнь... С. 26.

с боями. Если Киев был взят 19 ноября 1240 г.⁷⁴, то монголы успевали это сделать. В таком случае дата 6 декабря, читающаяся в северо-восточном летописании, может расцениваться не как дата взятия Киева, а как время получения на Северо-Востоке известия о его падении. Судя по содержанию записи в Лаврентьевской летописи, где сначала говорится о разграблении победителями в Киеве Софийского собора, монастырей и церквей, а затем о том, что они «люди от мала и до велика вся убиша мечем»⁷⁵, известие поступило на Северо-Восток по церковным каналам.

После описания взятия монголами Киева Ипатьевская летопись продолжает мартиролог древнерусских городов, попавших в руки завоевателей. Это Колодяжен, Каменец, Изяславль, Владимир Волынский и Галич⁷⁶. Кременец и Данилов Батыю взять не удалось. Географической последовательности захвата и прохождения этих городов соответствует и последовательность временная. Если Галич был последним в этой цепочке (далее монголы вторглись в Венгрию, а это произошло до 25 декабря 1240 г.), то к самому концу 1240 г. завоевание Батыем Руси было закончено. Из всех древнерусских княжеств только Смоленское, Туровское, Пинское, Витебское, Полоцкое княжества и большая часть территории Новгородской республики не испытали чужеземного нашествия. Все остальные древнерусские княжества были разгромлены и опустошены завоевателями.

Имеющиеся в русских летописях описания этих погромов и опустошений, хотя и сделаны спустя 15—40 лет после нашествия монголов, в 1250—1280-х гг., не могут быть заподозрены в искажениях и сгущении красок. Все русские летописи отметили, что когда при штурме Владимира на Клязьме монголы не смогли сразу ворваться в Успенский собор, где укрылся владимирский епископ Митрофан с княгинями и детьми, составлявшими большую семью князя Юрия Всеволодовича, захватчики обложили церковь лесом и подожгли. От удушья и огня скончались все, надеявшиеся обрести спасение в церкви. Галичский летописец записал, как после взятия Козельска, жители которого, не получая ни от кого помощи, отчаянно сопротивлялись монголам, но были разгромлены, Батый казнил всех оставшихся в живых, «не пощаждѣ от отрочать до сосоущих млеко»⁷⁷, т.е. умертвив даже малых детей. Сходно с приведённым и свидетельство новгородского летописца. После взятия Торжка, города, принадлежавшего Новгородской республике, монголы иссекли всех «от мужьска пола и до женьска, иереиский чин всь и черноризьскый, а все изъобнажено и поругано, горкою смертью предаша душа своя господеву»⁷⁸. И это не выдумки тёмных русских монахов, за толстыми стенами келий дававших волю своим распалённым мыслям, как иногда утверждают современные поклонники Чингиз-хана и чингизидов. Это была действительность, превосходившая всякое воображение.

Вот что писал современник походов Чингиз-хана, один из видных мусульманских деятелей и учёных Конийского (Румского) султаната в Малой Азии

⁷⁴ Е.Л. Коняевская показала, что дата 19 ноября читается также в так называемой летописи Авраамки, т.е. в новгородском владычном своде конца 1460-х гг. Очевидно, она была известна много раньше составления Строевского списка Псковской III летописи. См.: *Коняевская Е.Л.* «Южнорусские» статьи первой половины XIII в. в новгородских летописях // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. Вып. 11(21). С. 108.

⁷⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 470.

⁷⁶ Там же. Т. II. Стб. 786.

⁷⁷ Там же. Стб. 781.

⁷⁸ НПЛ. С. 76.

Ибн-ал-Асир: «Кому же легко поведать (миру) о гибели ислама и мусульман, да кому приятно вспоминать об этом? Может быть, род людской не увидит (ничего) подобного этому событию до преставления света и исчезновения мира, за исключением разве Гога и Магога. Что касается антихриста, то он ведь сжалится над теми, которые последовали за ним, и погубит лишь тех, которые станут сопротивляться ему; эти же (татары) ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши»⁷⁹. Следует заметить, что монголы во времена Чингиз-хана и его ближайших преемников были язычниками, огнепоклонниками, а потому в своих завоевательных войнах не считались с моральными нормами ни буддизма, ни христианства, ни ислама, учиняя одинаково жестокие расправы над своими противниками. Характерно описание тем же Ибн-ал-Асиром взятия монголами весной 1220 г. Самарканда: победители «вошли в город, разграбили (всё), что в нём было, сожгли соборную мечеть, оставив остальную часть города в покое, изнасиловали девушек, истязали людей разными мучениями, вымогая деньги, и убили тех, которые не годились для плена»⁸⁰.

Мусульманскому историку вторит армянский очевидец монгольского нашествия: «В году 685 армянского летосчисления (1236) нас постиг страшный Божий гнев, появились с востока дикобразные, жестокие и кровожадные люди... Они были настолько жестоки, что если бы я обладал самым хорошим красноречием, то не смог бы рассказать те страдания и горести, которые они дали испытать полной чашей в Араратской долине, особенно в городе Ани»⁸¹.

Магистр Рогерий, родом из итальянской Апулии, ставший в 1250 г. архиепископом города Сплита, в 1241 г. попал в плен к монголам и сумел сохранить жизнь, только выдавая себя за «презренного и бедного раба». О своём пребывании в плену он вспоминал с глубокой и непреходящей горечью: «И пусть знают все, что не случайно я говорю, что всякому попавшему в руки татар было бы лучше, если бы не был он вовсе рождён — почувствовал бы он себя тогда не татарами, а в Тартаре прикованном. Об этом сужу как сам изведавший. Ибо был я время и половину времени среди них, где вознаграждение обнаруживалось в смерти и как кара была жизнь»⁸².

Иоанн де Плано Карпини, проезжавший в 1246 г. через южные русские земли, записал: монголы «пошли против Руссии и произвели великое избиение в земле Руссии, разрушили города и крепости и убили людей, осадили Киев, который был столицей Руссии, и после долгой осады они взяли его и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие в поле; ибо этот город был большой и очень многолюдный, а теперь он сведён почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжёлом рабстве»⁸³. С описанием Плано Карпини перекликается письмо брата царя Киликийской Армении Гетума I Смбаата Спарапета, написанное им в Самарканде в 1247 г. и адресованное королю Кипра Генриху де Лузиньяну: «Я увидел там (на пути к Самарканду. — В.К.) несколько городов, разрушенных татарами, величие и богатство которых неоценимы. Я видел некоторые из них за три дня пути и

⁷⁹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. СПб., 1884. С. 1, 2.

⁸⁰ Там же. С. 11.

⁸¹ Галстян А.Г. Армянские источники о монголах. М., 1962. С. 44.

⁸² Магистр Рогерий. Горестная песнь... С. 17.

⁸³ Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. С. 25.

несколько удивительных гор, состоящих из груды костей тех, кого умертвили татары»⁸⁴.

Фома Сплитский вспоминал, как хан Кадан, преследуя венгерского короля Белу IV, сделал короткую остановку, когда «жестокий истязатель приказал собрать всех пленных, которых он привёл из Венгрии, — великое множество мужчин, женщин, мальчиков и девочек — и распорядился всех их согнать на одну равнину. И когда все они были согнаны, как стадо овец, он, послав палачей, повелел всем им отрубить головы. Тогда раздались страшные крики и рыдания, и, казалось, вся земля содрогнулась от вопля умирающих. Все они остались лежать на этой равнине, как валяются обычно разбросанные по полю снопы»⁸⁵.

Галичский летописец писал вскоре после Батыева погрома: «Данилови же со братомъ пришедшоу ко Берестью, и не возмогоста ити в поле смрада ради и множества избьеных, не бѣ бо на Володимѣрь (Волынском. — В.К.) не осталъ живыи, церкви святой Богородици исполнена троупья, иныа церкви наполнены быша троубья и телесь мертвых»⁸⁶. И у пограничного древнерусского Берестья, и в церквях Владимира Волынского, и на равнинах Венгрии лежали истлевавшие трупы, а в Средней Азии и в полях под Киевом даже спустя несколько лет продолжали белеть кости загубленных завоевателями людей.

Приведённые свидетельства современников войн Чингиз-хана и его ближайших преемников, очевидцев, принадлежавших к разным народам и к разным религиям, в полной мере подтверждают описания русских книжников XIII в., свидетельствующих о беспощадности восточных кочевников и опустошении ими древнерусских княжеств. Даже в героических сказаниях о Чингиз-хане, где воспеваются его доблесть и многочисленные победоносные походы, не скрываются факты его бессмысленной жестокости. Об истреблении Чингиз-ханом враждебного ему монгольского племени татар (казнены были все, кто ростом был выше оси тележного колеса монгольской кибитки) сообщает составленное в 1240 г. при дворе чингизидов «Сокровенное сказание».

Правдивость описания монгольского завоевания Руси ранними русскими нарративными источниками подтверждается не только параллельными свидетельствами иностранных очевидцев событий 1220—1230-х гг., хронистов и путешественников, но и данными археологии. Так, рассказывая об осаде монголами Киева в 1240 г., галичский летописец отметил, что во время штурма города часть спасавшихся горожан вместе со своим имуществом взобралась на Десятинную церковь и «от тягости повалишася с ними стены церковныя». При раскопках Десятинной церкви в Киеве в 1939 г. действительно была обнаружена рухнувшая стена этой церкви, похоронившая под собой взобравшихся на неё людей. Одним из них был ремесленник, взявший с собой самую ценную часть своего имущества — каменные формы для отливки женских украшений⁸⁷.

Какие же заключения можно сделать из приведённых данных? Прежде всего можно говорить о громадных людских потерях, понесённых населением Руси в годы монгольского завоевания. Эти потери ощущались сразу же после того, как монголы прекращали свои боевые действия. В середине 1238 г., пользуясь военной передышкой, в Северо-Восточную Русь из Киева вернул-

⁸⁴ Галстян А.Г. Указ. соч. С. 65.

⁸⁵ Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. С. 118.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 788 и вар. 79.

⁸⁷ Каргер М.К. Древний Киев. М.; Л., 1958. С. 500—503.

ся князь Ярослав Всеволодович, занявший владимирский стол. Уже в начале лета 1239 г. он сумел организовать дальний поход на Каменец, стоявший на восточных рубежах Владимиро-Волынского княжества. Ярослав взял город, «а княгиню Михайлову со множеством полона приведе в своя си». В плен попала Феофания Романовна — жена Михаила Черниговского, занявшего Киев сразу после ухода оттуда Ярослава. Пленением Михайловой жены князь Ярослав намеревался, видимо, воздействовать на её мужа и вернуть себе Киев. Замысел не удался. Но зато удалось другое. Из Каменца на Северо-Восток было переведено «множество полона», что позволило в определённой степени восполнить людские потери в северо-восточных княжествах, понесённые зимой—весной 1238 г. Осенью 1239 г. Ярослав Всеволодович предпринял поход на Смоленск, захваченный литовцами. Смоленск был освобождён, а князь Ярослав «сам со множеством полона с великою честью отиде в своя си»⁸⁸. И в этом случае важным результатом похода стал захват большого числа пленных. Очевидно, что такие действия Ярослава Всеволодовича объясняются стремлением пополнить убыль населения Волго-Окского междуречья, сильно пострадавшего от монголов.

Важным оценочным показателем результатов войн 1237—1240 гг. монголов на Руси является сохранность в позднейшее время древнерусских городов в тех княжествах, что подверглись нападению Батые. Эти княжества можно условно разделить на две большие территориальные группы. К одной группе могут быть отнесены Рязанское, Муромское княжества и княжества Северо-Восточной Руси, к другой — южнорусские княжества.

Первая группа княжеств в основном была покорена за четыре месяца, с середины декабря 1237 г. по середину марта 1238 г. За это время монголы сумели пройти путь от Ворожа на юге до Игнача креста на севере длиной около 1 тыс. км (по прямой от среднего течения р. Воронеж до района Игнача креста 720 км), захватили самые значительные города Рязанского княжества (Рязань, Пронск, Коломну), новгородский Торжок. Однако наибольший урон был нанесён княжествам Северо-Восточной Руси. Древнейшие летописи свидетельствуют о захвате монголами Москвы, Суздаля, Владимира, Ростова, Ярославля, Городца на Волге, Галича Мерского, Переяславля-Залесского, Юрьева, Дмитрова, Волока Ламского, Твери — всего 12 городов. Лаврентьевская летопись увеличивает это число до 14, взятых монголами только в феврале 1238 г.⁸⁹, но при этом конкретных городов не называет. Сведения Лаврентьевской летописи, по-видимому, верны. К 12 поименованным городам надо прибавить Мстиславль и Петров, в послемонгольское время как города уже не упоминаемые, но относившиеся к территориям Юрьева и Суздаля, пострадавшим от нашествия в феврале 1238 г. Ещё одно нападение на восточные и северо-восточные русские земли было совершено монголами накануне зимы 1239 г., видимо, обеспокоенными предпринятыми в том же году походами Ярослава Всеволодовича на Кременец и Смоленск. На сей раз монголы пожгли Муром, главный город одноименного княжества, и Гороховец, город Владимирского княжества. Кроме того, монголы воевали по р. Клязьме, а это заставляет подозревать, что пострадал не только Гороховец, но и расположенные на Клязьме выше него Ярополч и Стародуб. В целом же в 1237—1239 гг. в первой группе княжеств в Муромском княжестве пострадал его единственный город, из 12 городов Рязанского княжества пострадали три (25%), из 30(31) городов северо-восточ-

⁸⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

⁸⁹ Там же. Стб. 464.

ных княжеств — 15 (около половины) или 17 (считая Ярополч и Стародуб) (57% или 54,8%).

Территории древних южнорусских княжеств подвергались военным нападениям войск Батые с марта—апреля 1238 г. по конец 1240 г., т.е. в течение 33 месяцев. Первым из южнорусских городов пал Козельск, город Черниговского княжества. В 1239 г. весной монголы взяли Переяславль, столицу Переяславского княжества. О захвате ими других городов этого княжества источники ничего не говорят, но ясно, что захваты были. К Переяславлю просто невозможно было подойти ни с юга, минуя такие города-крепости, как Воинь и Малотин, ни с юго-востока, где путь кочевникам преграждала цепь укреплений по правому берегу р. Сулы. Чтобы выйти на Переяславль, предварительно надо было все эти города завоевать.

Те же источники говорят о захвате монголами в 1239 г. столицы Черниговского княжества Чернигова и, весьма вероятно, Глухова. В 1240 г. монголы взяли столичные Киев, Владимир Волынский и Галич. Кроме того, в Киевском княжестве они взяли город Колодяжен, во Владимиро-Волынском княжестве — Каменец и Изяславль. О захвате Батыем в Галичском княжестве городов помимо Галича источники молчат. В итоге получается, что за 2 года и 9 месяцев монголы на юге Руси сумели взять в общей сложности десять городов. Если припомнить, что к 1237 г. в южнорусских княжествах насчитывалось 256 городов, то потеря десяти городов, захваченных монголами, составит всего 3,9% от общего числа древнерусских городов на юге Руси. В процентном отношении это в 6—12 раз меньше, чем было взято и разрушено городов в Рязанском княжестве и княжествах Северо-Восточной Руси. Между тем та же Ипатьевская летопись, содержащая основную информацию о том, какие именно южнорусские города были взяты монголами, после известия о падении Галича сообщает, что завоевателями были захвачены «иныи грады многи, имже нѣсть числа»⁹⁰. Делается очевидным, что более чем скромное число городов в южнорусских княжествах, повоёванных монголами, отражает не реальную ситуацию, а плачевное состояние источников, сохранивших крупными сведениями о действиях монголов в Черниговском, Переяславском, Киевском, Владимиро-Волынском, Галичском, Туровском и Пинском княжествах на протяжении 1238—1240 гг.

Чтобы иметь действительное представление о масштабах разгрома южных княжеств Древней Руси монголами, необходимо привлечь данные более позднего времени, отразивших численность городов на территориях, занятых в домонгольское время названными выше семью южнорусскими княжествами. Источники, где перечисляются города на достаточно больших географических пространствах, в послемонгольское время единичны. Они появляются только в XV в. Тем не менее их приходится использовать для воссоздания процессов упадка или даже полного уничтожения старых русских городов.

Один из таких источников недавно переиздал С.В. Полехов. Речь идёт о памятнике под названием «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло». Список был составлен между 3 сентября и 1 октября 1432 г. в Полоцке⁹¹. Это перечень городов, которые один из претендентов на литовский престол князь Свидригайло Ольгердович объявлял принадлежащими ему. Перечень был предназначен для великого магистра Тевтонского ордена Пауля

⁹⁰ Там же. Т. II. Стб. 786.

⁹¹ Полехов С.В. «Список городов Свидригайло». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4(58). С. 111—125.

фон Русдорфа, чтобы убедить его в серьёзных возможностях Свидригайло и побудить к оказанию помощи претенденту на власть в Литве.

Перечень включает в себя 84 наименования городов Литовского государства. Характер и назначение документа таковы, что снимают подозрения в подборе подобных наименований не из существовавшей реальности, а из разного рода и разного времени письменных материалов. Впрочем, свидетельства документа нельзя принимать и за абсолютно достоверные. Не следует, в частности, доверять тому, что всеми перечисленными в перечне городами владел именно Свидригайло. Так, указанные в «Именах городов, замков и поветов» Ржева и другая Ржева в 1432 г. не только не принадлежали Свидригайло, но вообще не были подвластны Литве. Первая Ржева (на р. Лъсте) была владением Новгорода, другая (на р. Волге) — владением Москвы⁹². Однако самым важным является то, что указанные города существовали в 1432 г. реально.

Из 84 указанных в Списке пунктов 29 имели домонгольские корни. Это Киев, замок со многими дистриктами (поветами, волостями); Чернигов с немалым числом дистриктов; Смольнеск, Видебеск, Полтеск, Брянск, Мценск, Берестье, Рылеск, Стародуб, Трубческ, Гомей, Бырлад⁹³, Чичереск, Путивль, Новгородок Северский, Куреск со многими дистриктами, Донеск со многими дистриктами, Мстиславль, Рша, Друтеск, Лукомля, Борисов, Браслов, Звенигород, Торопец, Жижец, Великие Луки, другая Ржева. Указаны самые значимые к 1432 г. старинные города, менее значимые могли скрываться в безымянных дистриктах Списка.

К каким же древнерусским княжествам относились в своё время эти старинные города? В состав Киевского княжества входил Киев. Черниговскому княжеству принадлежали Чернигов, Брянск, Гомий (Гомель), Куреск со многими дистриктами, Мценск, Новгородок Северский, Путивль, Рылеск, Стародуб, Трубческ, Чичереск. К южному Переяславскому княжеству относился Донеск со многими дистриктами. Владимиро-Волыньскому княжеству принадлежало Берестье. В состав Галичского княжества входили Бырлад и Звенигород. Видебеск (Витебск) был столицей Витебского княжества. Полтеск (Полоцк), Борисов, Браслов, Друтеск, Лукомль были городами Полоцкого княжества. К Смоленскому княжеству относились Смольнеск (Смоленск), Мстиславль, Рша (Орша), Торопец, Жижец, другая Ржева. Новгородской республике принадлежали Великие Луки.

Таким образом, из 81 города Киевского княжества, существовавших к 1237 г., составленный без малого через 200 лет после завоевания этого княжества монголами литовский источник называл всего один город — сам Киев (1,2%). Из 61 города домонгольского времени Черниговского княжества Список Свидригайло фиксирует только 11 городов (18%), причём семь из них в домонгольское время были стольными княжескими городами. Из остальных 50 черниговских городов, не имевших статуса княжеских резиденций, в Список 1432 г. попало только четыре города (Брянск, Гомий, Мценск, Чичереск — 8%). Из 56 городов домонгольского времени Владимиро-Волыньского княжества в Список Свидригайло 1432 г. был включён единственный город — Берестье (1,8%). Тот

⁹² Янин В.Л. Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII—XV вв. М., 1998. С. 87—88; Кучкин В.А. К изучению процесса централизации в Восточной Европе (Ржева и её волости в XIV—XV вв.) // История СССР. 1984. № 6. С. 157.

⁹³ Так следует переводить читающееся в Списке название «Birlaa», где последняя буква а по написанию близка букве «d».

же Список из 33 домонгольских галичских городов называет лишь два — Звенигород и Берладь (6%). Из 25 домонгольских городов южного Переяславского княжества в Список Свидригайло попадает только окраинный Донецк (4%). Всего из 256 городов пяти перечисленных южных древнерусских княжеств домонгольского времени «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло» 1432 г. фиксируют лишь 16 городов. Это 6,25% от числа городов, существовавших в названных княжествах к 1237 г.

Список 1432 г. «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло» называет города и в некоторых бывших домонгольских «верхних» княжествах. Это Витебск — единственный город в Витебском княжестве (100%), пять городов из 17 в Полоцком княжестве (29,4%) и шесть городов из 21 в Смоленском княжестве (28,6%). Всего из 39 древних городов этих трёх княжеств в Список Свидригайло попало 12 городов, или 30,7% существовавших в домонгольское время в указанном регионе городов. Последняя цифра почти в пять раз превышает показатель, относящийся к городам южнорусских княжеств (6,25%). Очевидно, что в «верхних» княжествах древних домонгольских городов в процентном отношении сохранилось значительно больше, чем на территориях бывших южнорусских княжеств.

Приведённые сопоставления свидетельствуют о том, что за период с 1237 по 1432 г. в южнорусских землях исчезло намного больше городов, чем в регионе от верховьев рек Москвы и Протвы до верхнего течения Западной Двины и Днепра или в бассейне р. Полоты. Такое исчезновение нельзя не связать с монгольским завоеванием в 1237—1240 гг.

Существует и другой источник, позволяющий произвести более масштабные сравнения данных о древнерусских городах первой трети XIII в. с показателями позднейшего времени. Такие сопоставления выявляют тенденции сохранения и развития древнерусских городов в большем числе областей домонгольской Руси, подпавших в 1242 г. под власть иноземцев. Упомянутые выше позднейшие сведения извлекаются из известного Списка «А се имена градом всъм рускым далним и ближним». В настоящее время уточнена датировка этого Списка (вторая половина декабря 1448 — весна 1449 г.), место и цель создания (Киев; разделение церковных приходов между Киевом и Москвой)⁹⁴. В Список включено как минимум 356 городов (названия шести из них повторены дважды).

При составлении Список был поделён на разделы. Они имеют следующие заголовки: «А се Болгарскыи и Волоскыи гради», «А се польскыи», т.е. подольские, «А се Киевскыи гроди», «А се Волыньскыи», «А се Литовьскыи», «А се Смоленскыи», «А се Рязаньскыи», «А се залъскыи». Эти указания на географию «городов русских дальних и ближних» облегчают их локализацию, а если в Списке одно название имеют два города или более, позволяют установить, о каком именно городе идёт речь в источнике.

Для сравнения с городами домонгольской Руси из Списка «А се имена градом всъм рускым далним и ближним» необходимо выделить те, которые имели такие же названия, что и древнерусские города первой трети XIII в. Их нужно распределить по древнерусским княжествам, существовавшим к 1237 г. В круглых скобках после каждого названия отмечается, к какому разделу городов в Списке отнесено такое название.

---

⁹⁴ Кучкин В.А. Датировка Списка «А се имена градом всъм рускым далним и ближним» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. № 3(61). С. 70—72.

Витебское княжество — Видбескъ (литов.). Здесь наблюдается полная сообразованность между показаниями источников домонгольского времени о наличии в Витебском княжестве единственного города — столицы Витебска и указанием на Витебск в Списке в разделе «А се Литовьскыи».

Владими́ро-Во́лынское княжество — Белзь (волын.), Берестии (волын.), Божескъ (литов.), Володимерь (волын.), Во́лынъ (волын.), Городно (литов.), Дорогобучь (волын.), Коречь (киев.), Кременецъ (волын.), Луческъ (волын.), Любно (волын.), Остро (волын.), Перемиль (волын.), Сутъскъ (литов.), Холмъ (волын.), Черлень (польск.), Черторыескъ (волын.), Шюмескъ (литов.), Шумьскыи (залесск.). Как следует из представленного перечня, к числу домонгольских владими́ро-во́лынских городов в большинстве случаев относились те города Списка, что были перечислены в разделе «А се Во́лынскыи» (13 из 18). Среди них три даны не совсем традиционно. Дорогобучь — это Дорогобуж, Остро — это Острог, а Черлень — это Червен. Принимая во внимание то, что некоторые города по южному рубежу домонгольского Влади́миро-Во́лынского княжества названы литовскими (Сутъскъ, Шюмескъ), литовский Божескъ может быть отождествлен с Бужеском на р. Западный Буг, а не с Божеском на р. Южный Буг. Коречь отождествляется с Кореческом (Корьчьском). Он располагался на самой границе Влади́миро-Во́лынского княжества с Киевским⁹⁵. В Списке «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» он мог быть отнесён к киевским потому, что в послемонгольское время был присоединён к Киеву. Шюмескъ и Шумьскыи — два названия одного города Шумеска. Таким образом, Список позволяет отнести к древнему Влади́миро-Во́лынскому княжеству 18 городов — 32% от количества городов (56) в этом княжестве, фиксируемых источниками XI — первой трети XIII в.

Влади́мирское (Влади́мира-на-Клязьме) княжество — Боголюбое (залесск.), Володимерь (залесск.), Галичь (залесск.), Городецъ (залесск.), Гороховецъ (залесск.), Кострома (залесск.), Москва (залесск.), Новгород Нижний (залесск.), Стародубъ-на-Клязьме (залесск.), Суждаль (залесск.), Унжа (залесск.), Юрьевец (залесск.), Ярополчь (залесск.). Относительно городов этого княжества следует сделать два замечания. Во-первых, все города княжества отнесены к числу «залесских», что исторически и географически верно. Во-вторых, хотя Влади́мирское княжество пострадало не только от Батыея, но и от последующих походов на него ордынских ханов, по данным Списка «А се имена градом всѣм рускым далним и ближним» оно сохранило в своём составе почти все домонгольские города — всего 13. Считая в составе домонгольских городов княжества Юрьевец, получаем, что во Влади́мирском регионе к моменту составления Списка сохранилось более 81% древних городов.

Галичское княжество — Бакота (польск.), Галичь (волын.), Звенигород (польск.), Микулинь (литов.), Перемышль (волын.), Теревовль (волын.). К Галичскому княжеству может быть отнесено всего шесть городов из числа названных в Списке. Обоснования требует включение в их состав Микулина. В домонгольской Руси было два Микулина. Один город с таким названием находился в Галичском княжестве, другой — в Киевском. Поскольку Микулин в Списке отнесён к числу литовских, а не киевских городов, надо полагать, что в виду имелся Микулин в Галиче. Сопоставляя шесть городов в Галиче по Списку с 33 городами в Галичском княжестве к 1237 г., выясняем, что в XV в. сохранилось всего 18% древних галичских городов.

⁹⁵ Етимологічний словник літописних географічних назв південної Русі. Київ, 1985. С. 72.

Киевское княжество — Бѣльгород (киев.), Василевъ (киев.), Вручи (киев.), Дверень (киев.), Иванъ (волын.), Каневъ (киев.), Киевъ (киев.), Клѣческъ (литов.), Корсунь (киев.), Мозырь (киев.), Олешескъ (литов.), Пересѣченъ (киев.), Рѣчиця (киев.), Рогачевъ (киев.), Родно (литов.), Ростовець (киев.), Случескъ (литов.), Треполь (киев.), Унеятинъ (киев.), Чернобыль (киев.), Юрьев (киев.). В составленном на основании Списка перечне городов Киевского княжества первой трети XIII в. подавляющее большинство — 16 городов — и в самом Списке отнесено к киевским. Из них один город внесён в перечень с явно искажённым названием — Унеятин вместо Неятин. Ещё один отнесён к волинским — Иванъ. На Волыни такой город неизвестен. В домонгольской Руси с подобным названием — Иван — существовал только один город (в бассейне р. Стугны), и он относился к числу киевских. Поэтому Иванъ Списка можно отождествить с древним Иваном. Два древних киевских города Клѣческъ и Случескъ отнесены в Списке к литовским. Для времени создания Списка такое определение, видимо, правильно, поскольку оба названных города граничили с Полоцким княжеством, ставшим литовским ещё в конце XII — начале XIII в. Владея Полоцком, можно было легко подчинить себе и Клеческ со Случском. Ещё два города Списка из числа литовских также должны быть отнесены к древнекиевским. Это Олешескъ, который по названию может быть сопоставим только с древнерусским Олешьем, и Родно, сопоставимое с древнерусской Родней. Вполне допустимо, что ко времени составления Списка оба последних города уже не существовали. Их названия могли быть заимствованы составителями Списка из письменных источников, скорее всего из летописей. Тем не менее и Олешескъ, и Родно принимаем за действующие и считаем их вместе с остальными киевскими городами. Всего в Списке их оказалось 21. Если к концу 1230-х гг. в Киевском княжестве насчитывался 81 город, то создатели Списка смогли назвать лишь 26% из них.

Муромское княжество — Муромъ (залесск.). Единственный город домонгольского Муромского княжества — его столица Муром — восстановился после сожжения Батыем в 1239 г.

Новгородская республика — Бѣжицкыи Вѣрхъ (залесск.), Вологда (залесск.), Волокъ Ламьскыи (залесск.), Изборско (залесск.), Изборескъ (литов.), Копорья (залесск.), Ладога (залесск.), Луки (залесск.), Луки (литов.), Морева (залесск.), Морева (литов.), Новгород (залесск.), Псковъ (залесск.), Торжокъ (залесск.). Все города Списка, которые можно отнести к Новгородской республике первой трети XIII в., в самом Списке отнесены к числу «залесских». Такой фиксации до появления Списка не было, новгородские города никогда не назывались «залесскими». Три порубежных новгородских города — Изборск, Луки (Великие) и Морева — упоминаются в разных разделах Списка, и среди «залесских», и среди «литовских». В перечень включены все их упоминания в разных разделах, но в подсчётах учитываются только три города. Всего в Списке упоминается 11 древнейших городов Новгородской республики. Это составляет 73,3% всех её городов, существовавших в канун Батыева нашествия.

Переяславское (Переяславля-Залесского) княжество — Дмитровъ (залесск.), Клѣщинъ (залесск.), Переяславль (залесск.). Сознательный пропуск в Списке перечня городов Тверского княжества, вобравшего в себя некоторые древние переяславские города, осложняет вопрос о том, сколько городов Переяславского княжества XIII в. сохранилось ко времени составления Списка. Поскольку о Зубцове, Кснятине и Нерехте говорит целый ряд источников

XIII—XV вв., можно считать, что эти три города уцелели или восстановились после нашествия Батые. В таком случае общее число сохранившихся древних переяславских городов будет равняться шести. Это около 66,7% от числа городов, существовавших к началу XIII в.

Переяславское (Переяславля Южного) княжество — Остръчьскый на Деснь (киев.), Переяславль Русскый (киев.), Ромень (киев.). Список содержит названия лишь трёх городов, существовавших в южном Переяславском княжестве в конце 1230-х гг. Это составляет всего 12% от общего числа городов (25), бывших к тому времени в княжестве.

Пинское княжество — Пинескъ (волын.). В Списке вместо двух городов 1237 г. указан только один — столица княжества Пинск. Упомянуто, следовательно, 50% домонгольских городов.

Полоцкое княжество — Борисовъ (литов.), Вьсвято (литов.), Голотическъ (литов.), Дрютескъ (литов.), Логоско (литов.), Лукомль (литов.), Мънескъ (литов.), Несвъжьскый (залесск.), Полтескъ (литов.). Подавляющее большинство городов Списка, которые могут быть сопоставлены с домонгольскими городами Полоцкого княжества, отнесены в Списке к числу литовских. Названный в числе последних Логоско по созвучию может быть отождествлен только с древним Логожеском в Полоцком княжестве. В целом оказывается, что Список фиксирует девять древних полоцких городов, существовавших к 1237 г. (53% от их общего числа).

Ростовское княжество — Белоозеро (залесск.), Ростовъ (залесск.), Устьюгъ (залесск.). В Списке названы все три города Ростовского княжества, существовавшие в первой трети XIII в.

Рязанское княжество — Глѣбовъ (рязан.), Коломно-на-Оцѣ (залесск.), Переяславль-на-Трубежѣ (рязан.), Пронескъ (рязан.), Ростиславль (рязан.), Рязань Старая (рязан.). Из 12 зафиксированных источниками к концу 1230-х гг. городов Рязанского княжества в Списке названо шесть, причём название города Борисова-Глебова передано его второй частью — Глѣбовъ. Очевидно, что составители Списка знали только о 50% городов, существовавших в Рязанском княжестве до нашествия Батые.

Смоленское княжество — Дорогобужь (смолен.), Елно (смолен.), Зижеч (литов.), Ижеславль (литов.), Кричевъ (литов.), Лучинь (киев.), Мстиславль-на-Вехрѣ (смолен.), Орша (литов.), Ржова (залесск.), Смолнескъ (смолен.), Торопецъ (литов.). Составить по Списку перечень древних городов, существовавших в Смоленском княжестве до монгольского нашествия, оказывается делом непростым. Сами составители Списка из 21 домонгольского смоленского города привели названия только четырёх, которые они считали смоленскими. Ещё одна группа городов: Зижеч, отождествляемый с Жижичем, Кричев, Орша, Ржова и Торопец, идентифицируется с ранними смоленскими городами по своим названиям, хотя в Списке они указываются как литовские (Ржова — как залесская). Лучин как киевский город М.Н. Тихомиров помещал на Днепре в 7—8 верстах к югу от киевского же Рогачёва, рядом с которым Лучин назван и в Списке⁹⁶. Однако в домонгольской Руси был известен единственный Лучин, и этот Лучин считался смоленским городом. Место Лучина, определённое Тихомировым, было пунктом схождения границ Киевского, Черниговского и Смоленского княжеств. На этом основании киевский Лучин Списка мож-

⁹⁶ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 107.

но отождествить со смоленским Лучином XII в. Ещё сложнее отождествить с древнерусским городом названный в Списке Ижеславль. Такого названия среди древнерусских городов нет. Скорее всего, речь должна идти о Изяславле. Изяславлей же в домонгольской Руси было четыре: во Владимиро-Волинском, Полоцком, Рязанском и Смоленском княжествах. Поскольку в Списке до Ижеславля назван Мценск, а после Ижеславля Торопец, ясно, что в данном месте Списка речь о владимири-волинских, полоцких или рязанских землях не идёт. Остаётся только Смоленское княжество, к которому, кстати говоря, относился и Торопец. Поэтому Ижеславль Списка идентифицируется с Изяславлем смоленским. Всего, таким образом, выявляется 11 древних смоленских городов, названных в Списке. Это 52% городов Смоленского княжества домонгольского времени.

Туровское княжество — Туров (киев.). Из двух городов Туровского княжества в Списке назван только один — столичный Туров. Список, таким образом, сохранил сведения о 50% домонгольских городов в этом княжестве.

Черниговское княжество — Брынескъ (волын.), Брянескъ (киев.), Воротынескъ (литов.), Гомии (киев.), Девягорескъ (литов.), Карачевъ (литов.), Козелескъ (литов.), Козелескъ (смолен.), Курескъ на Тускорь (киев.), Любечъ (киев.), Масалескъ (литов.), Мченескъ (литов.), Неринескъ (рязан.), Новгород Съверьскый (киев.), Путивль (киев.), Рылескъ (киев.), Серенескъ (волын.), Сновескъ (киев.), Тмуторокань (киев.), Трубоческъ (киев.), Хороборь (волын.), Черниговъ (киев.), Чечерескъ (киев.). В Списке древние черниговские города оказываются разделёнными между пятью разными частями памятника. Наибольшее их число указано в разделе «А се Киевьскыи гроды» — 12, в разделе «А се Литовьскыи» — шесть, «А се Волянскыи» — три, один попал в число смоленских городов и один в число рязанских. При этом литовский Козелескъ включён ещё и в число смоленских. Всего же 23 названиями в Списке обозначены 22 древних черниговских города. При этом бросается в глаза то обстоятельство, что три из них (Брынескъ, Серенескъ и Хороборь) отнесены к числу волинских, хотя в действительности от Волыни они находились очень далеко. Брынескъ стоял на р. Брынь, правом притоке Жиздры, Серенескъ — на р. Серене, притоке Оки, Хороборь — на р. Хороборе, правом притоке Десны, примерно в 75 км к востоку от Чернигова⁹⁷. Противоречие между истинным местоположением названных городов и включением их составителями Списка в состав Волинской земли может объясняться лишь тем, что составители XV в. ничего конкретного о Брынеске, Серенеске и Хороборе не знали, эти города во времена создания Списка уже не существовали. Составители почерпнули три названия из каких-то старых источников, а сами города поместили там, где им казалось правильным, но в действительности это оказалось ошибкой. Поэтому из 22 городов составленного перечня скорее всего следует вычесть четыре, чтобы точнее определить число сохранившихся до времени составления Списка древних черниговских городов. Тогда их останется 18, или 30% от числа черниговских городов первой трети XIII в.

Юрьевское княжество — Юрьевъ Польскыи (залесск.), Мстиславль (залесск.). Список сохранил упоминания всех городов Юрьевского княжества.

Ярославское княжество — Молога (залесск.), Ярославль (залесск.). И в данном случае в Списке упомянуты все города домонгольского времени.

⁹⁷ *Зайцев А.К.* Черниговское княжество X—XIII вв. Избранные труды. М., 2009. С. 138, 166, 172—173, карта между С. 130 и 131.

Из приведённых характеристик 17 княжеств⁹⁸ и одной республики домонгольской Руси делается очевидным, что их можно поделить на две группы. К одной должны быть отнесены семь княжеств, имевших в своём составе к 1237 г. от одного до трёх городов. Это Туровское, Пинское, Витебское и Муромское княжества, по данным Списка имевшие по одному городу (Углич — в 1237 г. единственный город Угличского княжества — в Списке не упомянут), Юрьевское — два города, Ростовское и Ярославское княжества, имевшие по три города. В сравнении с данными 1237 г. все перечисленные княжества, за исключением первых двух, ко времени составления Списка полностью сохранили свои города. Лишь Туровское и Пинское княжества потеряли по одному городу. Потери составили 50% городов, известных в этих княжествах в первой трети XIII в. Однако в данном случае цифры, характеризующие размеры потерь, не представляются существенными. Но примечательно, что потери коснулись только княжеств, которые ещё в начале второй половины XII в. являлись частью южного Киевского княжества.

Вторая группа княжеств является более многочисленной, и городов в них по Списку насчитывается во много раз больше, чем в княжествах первой группы. Здесь соотношение числа городов, существовавших в каждом из княжеств в домонгольское время, с числом городов, зафиксированных в Списке, оказывается значительно более сложным, но вместе с тем и более показательным. Из группы выделяются два княжества и одна республика, где процент сохранившихся в XV в. старинных городов следует признать высоким. Это Владимирское (Владимира-на-Клязьме) — 81%, Новгородская республика — 73,3% и Переяславское (Переяславля-Залесского) княжество — 66,7%. Три княжества имеют показатель около 50%: Полоцкое — 53%, Смоленское — 52%, Рязанское — 50%. Ниже показатели ещё трёх княжеств: Владимиро-Волынского — 32%, Черниговское — 30%, Киевское — 29,6%. Самые низкие показатели имеют Галичское — 18% и Переяславское (Переяславля Русского) — 12% княжества. Выясняется, что, согласно Списку, менее всего в процентном отношении сохранилось домонгольских городов в пяти последних княжествах. Характерно, что все эти княжества — южные и все они подверглись нападению Батыя. Монголы нападали также на Рязанское, Владимирское (Владимира-на-Клязьме) и Переяславское (Переяславля-Залесского) княжества, но, судя по всем полученным данным, разрушений там произвели меньше, чем на древнерусском Юге. Последний пострадал особенно сильно.

Такое заключение в своей основе совпадает с выводом, сделанным при изучении Списка 1432 г. «Имена городов, замков и поветов, которыми владеет Свидригайло», о меньшей сохранности древнерусских городов во Владимиро-Волынском, Галичском, Киевском, Переяславском (Переяславля Южного) и Черниговском княжествах по сравнению с Витебским, Полоцким и Смоленским княжествами. Следовательно, фиксация такой диспропорции не может списываться на субъективную ошибку исследователей, порождённую недостаточной информативностью использованных ими источников, она указывает на объективную реальность, возникшую в результате монгольского завоевания, последствия которого сказывались даже в XV в. Более богатый и подробный материал Списка «А се имена градом всѣм руским далним и ближним» в сравнении со Списком 1432 г. князя Свидригайло позволяет сделать и ряд заключений более частного характера. Так, самый низкий процент сохранившихся

⁹⁸ В Списке не упомянут Углич, столица одноимённого княжества, образованного в 1217 г.

древних городов в южном Переяславском княжестве объясняет причину прекращения существования этого княжества после нашествия монголов. А картографирование домонгольских городов Черниговщины, упомянутых в Списке, показывает, что в этом памятнике чаще упоминаются города восточной части прежнего Черниговского княжества⁹⁹, и это согласуется с летописными свидетельствами о походе войск Батые в конце 1239 г. после взятия Чернигова только до Глухова и известиями второй половины XIII в. более поздних летописей о существовании на днепровском левобережье русских княжеств (Курского, Рьльского и др.). Очевидно, что часть Черниговского княжества, прилегавшая к Днепру, где, по выражению летописца, была сосредоточена «вся жизнь» черниговцев¹⁰⁰, пострадала от нашествия больше, чем его восточная часть.

Таким образом, в общие представления о ходе монгольского завоевания Руси в 1237—1240 гг. и о его непосредственных последствиях должны быть внесены существенные коррективы. Основной ущерб монголы нанесли не Рязанскому и Муромскому княжествам, не владениям потомков Всеволода Большое Гнездо — княжествам Владимирскому, Переяславскому, Юрьевскому, Ростовскому, Ярославскому, Угличскому, и, конечно, не Новгороду, потерявшему Торжок, а княжествам Днепровского и Днестровского бассейнов: Киевскому, Черниговскому, Владимиро-Волинскому, Галицкому, Переяславскому, Туровскому и Пинскому. Это был тот регион, который ещё С.М. Соловьёв называл «главную сценою действия в начальной нашей истории: области древних княжеств Киевского, Волинского, Переяславского и собственно Черниговского»¹⁰¹. К концу 1240 г. эта «главная сцена» лежала в руинах. Русская государственность была потрясена до основания, и история Руси потекла по иному руслу. Опустошение монголами южнорусских княжеств, которое они, как теперь выясняется, производили в течение почти трёх лет (для сравнения: завоевание Батыем Венгерского королевства и его разграбление продолжалось 15 месяцев), привело к тому, что исчезли источники по истории этих княжеств. Поэтому для характеристики того, что принесло Руси монгольское завоевание, приходится опираться на данные, относящиеся к истории преимущественно Северо-Восточной Руси.

---

⁹⁹ Из 22 городов, существовавших к 1237 г. в Черниговском княжестве и названных в Списке, только шесть (Гомий, Любечь, Сновескъ, Хороборъ, Черниговъ и Чечерескъ) могут быть отнесены к западным городам этого княжества. Остальные 16 — к восточным.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 361.

¹⁰¹ Соловьёв С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1988. С. 66.

Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра Невского

Антон Горский

Inheritance of a great reign in the mid 13th century, Batu and stepmother of Alexander Nevsky

Anton Gorsky

*(Lomonosov Moscow State University, Russia; Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870010768-5

В Житии Александра Невского приводится характеристика князя, якобы данная Батыем при первой встрече с ним: «Истинну ми скажете яко нѣсть подобна сему князю»¹. Эти слова можно отнести на счёт агиографа, имевшего цель превознести достоинства своего героя. Но бесспорным фактом является передача Батыем в 1252 г. Александру Ярославичу великого княжения владимирского, в результате чего последний соединил под своей властью Суздальскую землю, Новгород и Киев². То есть поддержка основателем Орды Александра сомнений не вызывает³. Однако помимо хорошо известных свидетельств Жития и летописной статьи 1252 г., существуют данные, позволяющие говорить о предпочтении, оказываемом не одному Александру, а вообще сыновьям и потомкам Ярослава Всеволодича, притом о предпочтении со стороны не только Батая, но и других монгольских правителей.

Ярослав Всеволодич в 1243 г. прибыл к Батюю по вызову правителя улуса Джучи (только что вернувшегося из Западного похода), и его признали «старейшим» среди всех русских князей, что означало передачу под его власть, помимо владимирского стола, также Киева — номинальной столицы всей Руси⁴. В конце 1245 г. Ярослав вновь приехал к Батюю и был отправлен им в столицу Монгольской империи Каракорум для участия в церемонии возведения на великоханский престол Гуюка (двоюродного брата Батая). Здесь Ярослав умер 30 сентября 1246 г., вероятно, отравленный матерью нового великого хана

© 2020 г. А.А. Горский

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00200.

¹ *Бегунов Ю.К.* Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 174.

² ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 473.

³ В 1940-х гг. писатель А.К. Югов попытался осмыслить этот факт с помощью художественного вымысла, приписав в романе «Ратоборцы» Батюю желание женить Александра на своей дочери, сделать «наречённым сыном» и наследником своего улуса (*Югов А.* Собрание сочинений. Т. 3. Ратоборцы. Кн. 2. Александр Невский. М., 1985. С. 317—318). В 1970 г. данную фантазию развил Л.Н. Гумилёв, утверждавший, что Александр побратался с сыном Батая Сартаком (*Гумилёв Л.Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 382). В более поздней книге автор умудрился «братание» даже датировать — 1251 г. (*Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С. 534). Популярность Л.Н. Гумилёва способствовала тиражированию вымысла в дилетантских сочинениях и СМИ (см. об этом: *Кучкин В.А.* Русь под игом: как это было? М., 1991. С. 7).

⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 470; Т. II. М., 2001. Стб. 806; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 79.

Туракиной⁵. После похорон великого князя во Владимире, состоявшихся уже в следующем, 1247 г., великокняжеский стол занял его младший брат, Святослав Всеволодич, а сыновья Ярослава получили владения согласно воле покойного отца: «Святославъ князь сынъ Всеволожь съде в Володимери на столъ отца своего, а сыновци свои посади по городом, яко же бѣ имъ отецъ оурядилъ Ярославъ»⁶. Очевидно, и вокняжение Святослава во Владимире осуществилось по завещанию Ярослава. В 1238 г., когда Ярослав занял владимирский стол (после гибели старшего брата Юрия на р. Сить), он передал Святославу, ранее княжившему в Юрьеве-Польском, Суздаль⁷. Между тем со времени Андрея Боголюбского, перенёсшего столицу Суздальской земли из Суздаля во Владимир, Суздаль особого стола не имел, принадлежа великому князю владимирскому. Исключением стал короткий период после вокняжения во Владимире в 1216 г. в результате междоусобной борьбы старшего из сыновей Всеволода Великое Гнездо Константина, когда он передал побеждённому брату Юрию Суздаль; после смерти Константина в 1218 г. Юрий вернулся во Владимир, а Суздаль вновь остался без особого князя⁸. Передача Суздаля в 1238 г. Святославу означала, скорее всего, то же самое: Ярослав вступил на великое княжение и отдал этот расположенный близ Владимира город, бывший своеобразным символом земли (она по-прежнему в то время называлась «землей Суздальской», а сокращённо — просто «Суздалем»⁹), следующему по старшинству князю, который должен был наследовать после Ярослава великое княжение. В 1245—1246 гг. Святослав и младший из Всеволодичей — Иван — ездили вместе со старшим братом в ставку Батюя: Ярослав оттуда отправился в Каракорум, а «Святославъ Иванъ князи с сыновци своими приѣхаша ис Татаръ в свою очину»¹⁰. Вероятно, во время этой поездки права Святослава на занятие владимирского стола в случае смерти Ярослава оговаривались, почему он и занял его в 1247 г. без нового визита к Батюю.

Однако почти сразу после происшедшего в 1247 г. распределения столов сыновья Ярослава ему воспротивились. В конце 1247 г. второй из них по старшинству, Андрей Ярославич, отправился к Батюю; следом за ним поехал старший, Александр. Правитель улуса Джучи отправил братьев в Каракорум, где в 1249 г. Александр получил Киев (его отец владел им в 1243—1246 гг.) «и всю Русьскую землю» (т.е. формальное старшинство над всеми русскими князьями), а Андрей — Владимир. Уже после возвращения Александра и Андрея, в 1250 г., Святослав с сыном ездил к Батюю¹¹, но, скорее всего, не для того, чтобы оспорить решение о великом княжении владимирском, а для закрепления за ним и его потомками стола в Юрьеве (им позднее до 1340-х гг. и владели Святославичи)¹². Между тем Святослав как следующий по старшинству брат великого князя по древнерусским нормам наследования являлся первым кан-

⁵ ПСРЛ. Т. I. Стб. 471; *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Spoleto, 1989. P. 323.

⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 471.

⁷ Там же. Стб. 467.

⁸ Там же. Стб. 440; ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 115—116; *Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 100—101.*

⁹ *Горский А.А. Понятие «суздальский» в политическом лексиконе XII—XIV веков // На пороге тысячелетия: Суздаль в истории и культуре России. К 990-летию первого упоминания Суздаля в древнерусских летописях. Владимир, 2015.*

¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 471.

¹¹ Там же. Стб. 471—472.

¹² *Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 112.*

дидатом на великое княжение Ярослава Всеволодича¹³. Не противоречило это и монгольским порядкам: у Чингизидов не было чётких правил наследования, но в отношении русских князей они обычно следовали местным обычаям. В 1246 г. Батый передал владения казнённого князя из Черниговской земли Андрея его брату¹⁴; убитому по приказу Батыя в том же году черниговскому князю Михаилу Всеволодичу наследовал, скорее всего, не сын, а следующий по старшинству (троюродный брат)¹⁵. После великого княжения Александра во Владимире с санкции Орды правили его братья — Ярослав, затем Василий. Лишь после ухода всех Ярославичей из жизни настал черёд сыновей Александра. При этом на великое княжение и во второй половине XIII, и в XIV в. претендовали только потомки Ярослава, представители других ветвей этого никогда не делали¹⁶. Таким образом, налицо явное предпочтение монгольскими правителями потомков Ярослава Всеволодича, причём в конце 1240-х гг. — вопреки порядку наследования, принятому на Руси, и вопреки воле самого Ярослава.

В связи с этим заслуживает внимания сообщение посла римского папы Иоанна де Плано Карпини, общавшегося с Ярославом в ставке Гуюка незадолго до его кончины: «In reversione in terram Biserminorum, in civitate Ianikint, invenimus Coligneum qui de mandato uxoris Ierozlai et Bati ibant ad predictum Ierozlaum» («на обратном пути, в земле бесермен, в городе Яникинт, мы встретили Колигнева, который по приказу жены Ярослава и Батыя ехал к вышеупомянутому Ярославу») ¹⁷. Встреча произошла во время возвращения францисканцев из Каракорума в ставку Батыя, примерно в середине пути (Яникент располагался в низовьях р. Сырдарьи), в феврале—марте 1247 г.¹⁸ Из приведённого текста следует, что в момент смерти Ярослава (30 сентября 1246 г.) в ставке Батыя в низовьях Волги находилась его жена¹⁹. Из русских источников известно о двух женитьбах Ярослава. Первый брак был заключён в 1206 г. с дочерью половецкого князя Юрия Кончаковича²⁰ (о дальнейшей судьбе первой жены сведения отсутствуют), второй — в середине 1210-х гг. с дочерью князя из смоленской ветви Мстислава Мстиславича²¹. Однако новгородская летопись сохранила подробное известие о кончине второй жены²² Ярослава с точной датой — 4 мая 6752 (1244) г.²³

¹³ Принцип «старейшинства» при наследовании столов в домонгольский период соблюдался не всегда, но считался предпочтительным (Гвозденко К.В., Горский А.А. О порядке наследования княжеской власти на Руси // Российская история. 2017. № 6. С. 14—23).

¹⁴ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli.* P. 238—239.

¹⁵ Зотов П.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. СПб., 1892. С. 80, 195—196.

¹⁶ Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 223—226.

¹⁷ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli.* P. 331. Об имени гонца см.: Горский А.А. Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 3(57). С. 119.

¹⁸ *Pellio P. Recherches sur les Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient.* P., 1973. P. 25; *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli.* P. 449 (n. 48), 495 (n. 77).

¹⁹ Лат. *uxor* обозначало именно и только законную венчанную жену.

²⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 426.

²¹ Там же. Т. XL. М., 1995. С. 161.

²² Точка зрения о разводе Ярослава с Мстиславной и третьем браке князя в конце 1210-х гг. убедительно опровергнута В.А. Кучкиным (Кучкин В.А. К биографии Александра Невского // Древнейшие государства на территории СССР. 1985 г. М., 1986).

²³ НПЛ. С. 79.

Ярослав отправился к Батыю, скорее всего, зимой 1245—1246 гг.²⁴ У него было полтора года пребывания на Руси, чтобы жениться вновь, но это представляется маловероятным. Во-первых, из позднейших многочисленных данных о поездках князей в Орду следует, что жён в них брали исключительно редко²⁵. Во-вторых, третий брак запрещался каноническим правом²⁶. В 1347 г. на него пошёл праправнук Ярослава великий князь Семён Иванович, и это вызвало серьёзный конфликт с митрополитом (вплоть до того, что пришлось обращаться за разрешением в Константинополь)²⁷. Семён имел резоны для такого рискованного шага: тридцатилетний князь не имел сыновей. Но зачем было спешно нарушать установленные правила 55-летнему Ярославу, имевшему семерых сыновей? Вопросы снимаются при принятии предположения, сформулированного Д. Домбровским: в брак великий князь вступил во время пребывания в ставке Батыя, и новой супругой Ярослава стала женщина, приближённая к хану. В качестве основания приводятся слова ПIANO Карпини, что гонец Колигнев отправился в путь по поручению как жены Ярослава, так и Батыя («de mandato uxoris Ierozlai et Bati»), что указывает на согласованность их действий²⁸. Могут быть высказаны и дополнительные аргументы, склоняющие к тому, что третья супруга князя была не просто приближённой Батыя, а его близкой родственницей.

Факты выдачи монгольскими ханами родственниц замуж за местных князей, признавших свою зависимость, известны. Правителю Уйгурии Барчуку в 1227 г. обещали в жёны дочь Чингисхана (брак не реализовали сначала из-за смерти Чингисхана, потом из-за кончины невесты), позже за сына Барчука новый великий хан Угедей выдал другую представительницу монгольского «Золотого рода» (вероятно, свою дочь). Чингисхан дал в жёны девушку из своего рода также правителю карлуков²⁹. Что касается Батыя, то на его сестре был женат Карбон — военачальник, в чьих кочевьях возле Дона ПIANO Карпини встретил по пути из Киева к Батыю Даниила Галицкого³⁰. Другую сестру Батый выдал за Инальчи из племени ойрат³¹. Оба эти зятя Батыя стояли рангом ниже Ярослава, и выдача за него, признанного главным из русских князей, менее близкой род-

²⁴ Источники не содержат указаний на его встречу в ставке Батыя с Даниилом Романовичем Галицким, который в феврале 1246 г. уже был на обратном пути из неё, так как посольство ПIANO Карпини в марте встретило его близ Дона (*Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 309, 330—331; Путешествия в восточные страны ПIANO Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 70, 81—82, 217, примеч. 168, 169). В то же время и францисканцы не застали Ярослава у Батыя, их встреча с великим князем произошла в Каракоруме (*Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 331). Возвращение на Русь братьев Ярослава, Святослава и Ивана, поехавших к Батыю вместе с ним, владимирская летопись относит к 6754 г., начавшемуся 1 марта 1246 г. (ПСРЛ. Т. I. Стб. 471). Скорее всего, Ярослав и его братья приехали к Батыю в феврале, а в начале апреля (когда в ставку хана прибыл ПIANO Карпини) великий князь уже находился на пути в Монголию.

²⁵ Лишь в одном сообщении о поездке князя (Андрея Александровича) указывается, что он отправился в путь «с княгиней» (ПСРЛ. Т. I. Стб. 527—528). Подборку известий о княжеских поездках в Орду см.: *Селезнёв Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII—XV веках. Воронеж, 2013. С. 313—415.

²⁶ *Бенешевич В.Н.* Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. 1. СПб., 1906. С. 494 (50-е правило Василия Великого).

²⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922. Стб. 57.

²⁸ *Домбровский Д.* Генеалогия Мстиславичей: Первые поколения (до начала XIV в.). СПб., 2015. С. 560.

²⁹ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. М.; Л., 1952. С. 148—149, 151.

³⁰ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 309, 330—331.

³¹ *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 104.

ственницы или тем более представительницы другого знатного рода была бы не вполне логична³². В пользу версии о близком родстве новой супруги великого князя с правителем улуса Джучи говорит также одно свидетельство Плано Карпини. Во время курултая, избравшего (в августе 1246 г.) великим ханом Гуюка, Ярославу предоставлялось «высшее место» (*locum superiorem*) среди иноземцев — при том, что кроме него присутствовали китайские и корейские князья, два претендента на престол Грузии и несколько ближневосточных султанов³³. Это вполне объяснимо, если Ярослав имел статус зятя Батыея.

Таким образом, представляется очень вероятным, что третья жена Ярослава Всеволодича относилась к ханскому роду, возможно, являлась сестрой Батыея. В первый приезд Ярослава к хану (1243) последний не мог закрепить его зависимость браком, так как князь был женат. Но в начале 1246 г. он являлся вдовцом, и Батый имел возможность сделать Ярославу «предложение, от которого невозможно отказаться»³⁴. В этом случае у Ярославичей появилось свойство с Батыем и вообще Чингизидами. Известный бесспорный случай такого рода — брак сестры хана Узбека Кончаки—Агафьи с московским князем Юрием Даниловичем (тоже вдовцом) сопровождался передачей ему (вопреки «старейшинству») великого княжения (1317)³⁵. Если аналогичная коллизия имела место в 1246 г. с Ярославом, то понятна последующая поддержка владельческих претензий его сыновей в Каракоруме и Сарае.

Через шесть лет после смерти Ярослава Всеволодича в рассказе владимирской летописи о «Неврюевой рати» 1252 г., направленной Батыем против его сына Андрея, занимавшего стол во Владимире, встречается упоминание «княгини Ярославлей»: «В то же лето здума Андрѣи князь Ярославич с своими бояры бѣгати, нежели цесаремъ служити, и побѣже на невѣдому землю со княгынею своею и с бояры своими. И погнаша татарове в слѣдъ его, и постигоша и оу города Переяславля. Богъ же схрани и молитва его отца. Татарове же россунушася по земли, и княгыню Ярославлю яша и дѣти изымаша; и воеводу Жидослава ту оубиша, и княг[ын]ю оубиша, и дѣти Ярославли в полонъ послаша»³⁶. Традиционно подразумевается, что речь идёт о жене и детях брата Андрея — Ярослава Ярославича³⁷. Иначе интерпретировал упоми-

³² Учитывая, что отец Батыея Джучи (ум. в 1226 или 1227 г.) имел много жён и наложниц (от них родились, по одним данным, 18, по другим — около 40 сыновей) (*Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 40—41, примеч. 1), недостаток в сёстрах (и племянницах) правитель Орды испытывать не должен был.

³³ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli.* P. 319. В курултае участвовали шесть братьев Батыея (*Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 118), следовательно, данную почесть нельзя объяснить тем, что Ярослав являлся его представителем.

³⁴ Для вступления в брак невесте следовало принять крещение, что не могло представлять сложности, учитывая веротерпимость монголов и распространённость в их империи христианства: христианином, например, был сын Батыея Сартак (*Путешествия в восточные страны...* С. 89, 111, 114). Крещение и венчание мог, к примеру, осуществить упоминаемый Плано Карпини в окружении Ярослава *Dubazlaus clericus* (*Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli.* P. 331).

³⁵ Сведения о других браках князей с ордынскими аристократками между серединой XIII и началом XIV в. указаний на принадлежность невест к ханскому роду не содержат; широко распространённое утверждение, что Фёдор Ростиславич Ярославский женился на дочери хана, появляется только в конце XV в. в агиографии Московского государства (*Lenhoff G. Rus'-Tatar princely marriages in the Horde: the literary sources // Russian history.* 2015. Vol. 42. № 1: Festschrift for J. Martin).

³⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 473.

³⁷ *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории... С. 115; *Клюг Э.* Княжество Тверское (1247—1485 гг.). Тверь, 1994. С. 60—61; *Хрусталёв Д.Г.* Русь и монгольское нашествие: 20—50-е гг. XIII в. СПб., 2013. С. 291.

вание «княгини и детей Ярославих» только М.Б. Свердлов (без полемики с признанной версией): «Ордынцы... захватили вдову Ярослава Всеволодича и его младших детей»³⁸. И такая идентификация представляется более вероятной. Ярослав Ярославич выше в летописном тексте назван лишь в перечне сыновей Ярослава Всеволодича под 1239 г., и то под крестильным именем — Афанасий³⁹. Как Ярослав он впервые фигурирует в источнике только под 1254 г., и выглядит это упоминание как первое представление князя: «Ярославъ князь Тфърьскый, сын великого князя Ярослава»⁴⁰. Если жена Ярослава Ярославича ушла из жизни в 1252 г., неясно, почему во второй брак он вступил только спустя 12 лет⁴¹. Непонятно также, почему, сказав о спасении Андрея и о несчастьях, постигших семью Ярослава, летописец умалчивает о судьбе самого брата владимирского князя. Между тем непосредственно перед фразой о «княгине и детях Ярослава» упоминается покойный Ярослав Всеволодич — ведь именно он является тем «отцом», чья молитва помогла спастись Андрею. По прямому смыслу текста о его семье и должна далее идти речь⁴². Под «детьми Ярослава» необязательно иметь в виду сыновей Ярослава Ярославича от первого брака Святослава и Михаила (как обычно предполагается)⁴³. В 1252 г. находились в детском возрасте младшая дочь и сын Ярослава Всеволодича (Мария родилась в 1240 г., Василий в 1241 г.⁴⁴). Третья жена также могла успеть родить от него (в конце 1246 г.) ребёнка⁴⁵. Переяславль-Залесский — столица первого (с 1212 г.) княжения Ярослава Всеволодича в Северо-Восточной Руси, и вполне естественно, чтобы его вдова и младшие дети находились там⁴⁶.

Если «княгиня Ярославля» известия 1252 г. — третья жена Ярослава Всеволодича⁴⁷, это означает, что она по смерти мужа переселилась на Русь, и их брак

³⁸ Свердлов М.Б. Александр Невский — гений стратегии и тактики // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3. С. 17. Сомнение выразил ранее П.Д. Мальгин: «На мой взгляд, “княгиня Ярославля” и “дети Ярославли” событий 1252 г. остаются весьма загадочными персонажами, и однозначно связывать их с Ярославом Тверским нет достаточных оснований. Следует помнить, что Переяславль-Залесский — вотчина великого князя Ярослава Всеволодовича, где княжили и его сыновья (Ярославичи) — Александр и Андрей» (Мальгин П.Д. Ярослав Ярославич и Тверь в летописных известиях // Великое прошлое. Тверь, 1998. С. 40).

³⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 469.

⁴⁰ Там же. Стб. 473. Предположение о княжении Ярослава Ярославича до 1252 г. в Переяславле-Залесском (Кучкин В.А. Формирование государственной территории... С. 115—116) основано исключительно на интерпретации «княгини и детей Ярослава» известия 1252 г. как относящихся к этому князю.

⁴¹ См. сообщение о женитьбе Ярослава Ярославича под 6772 (1264/65) г.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Стб. 33.

⁴² Именованье княгинь-вдов по покойным мужьям было обычным, ср.: «княгини Глебовая» (вдова Глеба Всеславича), «княгини Святославля» (вдова Святослава Ольговича), «княгини Всеволожая» (вдова Всеволода Ольговича), «княгини Романовая» (вдова Романа Мстиславича), «княгини Костянтинова» (вдова Константина Всеволодича), «княгини Ярославля» (вдова Ярослава Ярославича) (ПСРЛ. Т. II. Стб. 492, 525, 612, 721, 726—728, 734—735; Т. I. Стб. 445; Т. XV. Вып. 1. Стб. 36).

⁴³ Ключ Э. Указ. соч. С. 61.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. I. Стб. 474.

⁴⁵ Не с вестью ли о рождении сына или дочери ехал от жены и Батя к Ярославу гонец Колигнев, встретившийся Плано Карпини на пути из Каракорума в ставку Батя в начале 1247 г.?

⁴⁶ Из летописного текста, впрочем, не следует, что княгиня и дети Ярослава постоянно пребывали в Переяславле; вполне возможно, что они бежали туда вместе с Андреем из Владимира.

⁴⁷ Убита княгиня была вряд ли намеренно. Умерщвление столь знатной пленницы (даже если бы это была, согласно традиционной версии, неизвестная по происхождению жена Ярослава Ярославича) не могло входить в полномочия отряда Неврюя. Скорее следует предполагать какой-то

здесь признали. Тогда можно допустить, что выступление Ярославичей против своего дяди Святослава и поддержка их Батыем проистекали не просто из факта родства с Чингизидами по браку, но произошли при непосредственном участии жены Ярослава, предпочитавшей быть в положении мачехи нынешнего великого князя, а не просто вдовы прежнего. В результате наследственные права Святослава на великое княжение, утверждённые в начале 1246 г. Батыем, оказались оспорены, и впоследствии владимирский великокняжеский стол стали традиционно занимать только прямые потомки Ярослава Всеволодича.

эксцесс, связанный с действиями погибшего одновременно с княгиней воеводы Жидослава (охранявшего великокняжескую семью и пытавшегося помешать её уводу в плен?).

Северо-Восточная Русь в середине XIII — второй половине XIV в.: археологические данные

Леонид Беляев

North-Eastern Rus' in the mid 13th — second half of the 14th century
as revealed by archaeology

Leonid Belyaev

(Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010769-6

Древности «предмосковского» и раннемосковского периода долго оставались малоизученными в сравнении с домонгольской Русью. Это связано не только с отсутствием внимания археологов к эпохе Московского княжества, но и с тем, что памятники 1240—1380-х гг. не так многочисленны и хуже датированы, при анализе их материал как бы притягивают более крупные массивы предшествующих и последующих слоёв, да они и не столь эффектны. Кроме того, выстроить археологическую хронологию в узком коридоре полутора столетий — трудная задача. Всё же расширение количества работ и их площадей, сочетание традиционных и естественнонаучных методик увеличивают точность датирования, позволяя выделять слои и комплексы второй половины XIII — конца XIV в. и даже градуировать этот интервал.

Поскольку речь идёт об области археологии, которая тесно связана с историческим нарративом, общая картина воспринимается как априорно известная, но нуждающаяся в дополнительной проверке и уточнении деталей. Археологи учитывают событийную канву — то, что в основе трансформаций XIII—XIV столетий лежали: фундаментальные перемены в Восточном Средиземноморье (завершение Крестовых походов и разгром Константинополя в 1204 г.); замедление экономического развития Руси в силу внутренних причин; шок от нашествия 1237—1240 гг., преодоление его последствий и адаптация к сложившейся реальности.

Следует учитывать также, что включение Северо-Востока Руси в орбиту империи монголов исказило привычные линии контактов с Европой, в которых особую роль обрели связи с греческими и итальянскими городами Крыма, а на севере — старые контакты Великого Новгорода и Пскова с Ганзой. Нужно помнить и о том, что в недрах долгой переходной эпохи, восходящей к середине XII в., уже складывались новые городские политические центры, менялись стратегии сельского расселения и само аграрное производство¹.

© 2020 г. Л.А. Беляев

Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России с древнейших времён до наших дней». Публикуется в целях апробации.

¹ Этапным в осмыслении археологии ордынского периода стал сборник: Русь в XIII веке. Древности тёмного времени. М., 2003. Базовый материал по освоению региона Московского кня-

Важными темами оставались наличие/отсутствие порога, связанного с монгольским нашествием, и оценка его более далеких последствий. Впрочем, качественные различия в материальной культуре Древней Руси эпохи расцвета и её состояния после нашествия для археолога очевидны. Предметный мир существенно менялся: к концу XIV в. из обихода навсегда ушли привычные вещи, служившие культурно-социальными маркерами (изделия из шифера, стеклянные браслеты); из сферы престижного потребления исчез парадный женский убор (широко представленный вкладах с XI до первой половины XIII в.). Параллельно пропадали связанные с их производством ремёсла, искажались каналы поставки привычного сырья и вещевого импорт. Наглядны перемены в культурном ландшафте: к середине XIII в. Русь окончательно отказалась от курганных погребений, а население освоило ранее не использовавшиеся для хозяйства территории. Конечно, эти перемены имели эволюционный характер и начались задолго до монгольского нашествия. Но картина военно-политической катастрофы и её последствий для русских городов рисуется всё более убедительно, не позволяя преуменьшить ущерб или интерпретировать последствия разгрома как стимул к развитию. Наоборот, эпизоды гибели княжеских столиц и крепостей Руси рисуются всё чётче и драматичнее.

В Южной Руси следы нашествия давно известны: массовые захоронения и останки погибших в тайнике под Десятинной церковью, на усадьбе Михайловского Златоверхого монастыря и Житомирской улице в Киеве, в Чернигове, на Райковецком и Шепетовском (Изяславль?) городищах². Но слои пожарищ с человеческими скелетами всё чаще открывают и на Северо-Востоке, где яркие свидетельства разгрома связаны со старшими (Владимир-на-Клязьме, Ярославль, Торжок) и молодыми (Москва, Тверь) городами, а особенно — с малыми (Серенск, Ярополч Залесский)³. Во Владимире пожар 1238 г. уничтожил богатую усадьбу в Ветчаном городе, где в подполье постройки найден клад церковных художественных изделий и костяк погибшей женщины⁴. Слой пожара в Торжке достигает полуметра, содержит человеческие кости и спекшиеся от огня остатки икон⁵. В Ярославле подтверждена гибель города зимой 1238 г. и ожесточённый характер сражения, уточнён момент совершения санитарных погребений

жества см.: Культура средневековой Москвы: исторические ландшафты. Т. 1—3. М., 2004—2006; *Кренке Н.А.* Древности бассейна Москвы-реки от неолита до Средневековья: этапы культурного развития, формирование производящей экономики и антропогенного ландшафта. М.; Смоленск, 2019.

² *Ивакин Г.Ю.* Историческое развитие Южной Руси и Батыево нашествие // Русь в XIII веке... С. 59—65; *Ивакин Г.Ю.* Историчний розвиток Київa XIII — середини XVI ст. Київ, 1996; *Коваленко В.П.* Чернигов в середине XIII в. // Труды VI международного конгресса славянской археологии. Т. 2. М., 1997. С. 147—155; *Пескова А. А.* Древний Изяславль // Краткие сообщения Института археологии (далее — КСИА). Вып. 164. М., 1981. С. 66—72.

³ *Седова М.В.* Ярополч Залесский. М., 1978.

⁴ *Жарнов Ю.Э.* Усадьба первой трети XIII века «Ветчаного города» Владимира-на-Клязьме // Труды VI международного конгресса... Т. 2. С. 82—93; *Жарнов Ю.Э.* Художественное медное литьё из раскопок во Владимире-на-Клязьме // Российская археология. 2000. № 1. С. 183—193; *Жарнов Ю.Э.* Археологические исследования во Владимире и «проблема 1238 года» // Русь в XIII веке... С. 48—58.

⁵ *Мальгин П.Д.* Раскопки на Нижнем городище в Торжке // КСИА. Вып. 179. М., 1984. С. 76—84; *Мальгин П.Д.* Судьбы Торжка и Твери в XIII веке // Русь в XIII веке... С. 92—96; *Лапшин В.А.* Тверь в XIII—XV вв. (по материалам раскопок 1993—1997 гг.). СПб., 2009.

(весна), а также обнаружено нетипичное для Руси оружие Востока (клинок из цельнолитой стали)⁶.

Выпадение кладов драгоценностей и предметов высокого художественного уровня при нашествии Бату-хана обрело системный характер. Клады последней трети XII — первой половины XIII в. самые многочисленные, они обнаружены в слоях Московского Кремля (в 1988 и 1991 гг.) и в Твери. Среди них известны невостребованные запасы товаров и/или заготовок для ремесленной работы (40 кг янтаря во Владимире; полуфабрикаты и инструменты из запасов ювелира в Старой Рязани, где по-прежнему регулярно открывают сгоревшие усадьбы с кладами ювелирных украшений и братские могилы)⁷. Разумеется, тотальная идентификация разгрома древнерусских укрепленных поселений именно с Батыевым нашествием была бы ошибкой, но и отрицать его особое значение невозможно.

Итак, прямые археологические свидетельства не позволяют отказаться от привычной мысли: именно монгольское вторжение нарушило традиционные культурные формы и оборвало естественные линии развития⁸. Значительная часть городов (особенно малых) погибла навсегда, многие десятки крепостей прекратили существование. Если в эпоху «около 1200» они быстро росли, обстраивая стенами новые обширные зоны, то после 1237—1240 гг. освоенная территория сократилась. Некоторые в конце концов захирели (Старая Рязань). Другие на столетия впали в анабиоз, получив новый стимул для развития только в XVI—XVII вв. Нижнее городище Торжка на полвека фактически осталось без укреплений (стену из срубов сменил частокол), его улицы перестали мостить деревом. Во Владимире остановился рост городской территории, возобновившись лишь в конце XV в., а уже освоенные участки богатых усадеб внутри крепостей со второй половины XII в. опустели. Эти признаки кризиса отмечаются и в городах, не переживших вторжения (Псков, Новгород)⁹, причём это верно и для старых столиц Северо-Восточной Руси, избежавших разгрома. В Ростове Великом, площадь которого до нашествия составляла около 200 га и быстро прирастала, часть уже обжитых участков забросили, а слой потерял и насыщенность, и толщину¹⁰. Начался упадок мощного Белоозера: его Старый город в XIV в. прекратил существование, видимо, в силу кризиса промысловой экономики на Севере и разрыва сети торгово-промысловых поселений, опиравшихся на добычу и вывоз пушнины¹¹.

⁶ *Энговатова А.В.* Древний Ярославль. М.; Ярославль, 2009.

⁷ *Авдусина Т.Д., Панова Т.Д.* О находке клада на территории Московского Кремля // Советская археология. 1989. № 4. С. 272—274; *Авдусина Т.Д., Панова Т.Д.* О находке клада 1991 г. в Московском Кремле // Российская археология. 1993. № 2. С. 192—193; *Чернецов А.В., Стрикалов И.Ю.* Клад № 17 из Старой Рязани // Российская археология. 2014. № 2. С. 153—163; *Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю.* Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки в Старой Рязани) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 143—151; *Даркевич В.П., Борисевич Г.В.* Древняя столица Рязанской земли. М., 1995. С. 64—77; Старая Рязань. Клад 2005 года. СПб.; М., 2014.

⁸ *Макаров Н.А.* Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке... С. 5—11.

⁹ *Лабутина И.К., Кулакова М.М.* Псков в XIII веке (археологические наблюдения по динамике расселения и строительства) // Русь в XIII веке... С. 66—82.

¹⁰ *Леонтьев А.Е.* От столицы княжества к уездному городу (материалы к исторической топографии Ростова X—XIV вв.) // Русь в XIII веке... С. 46.

¹¹ *Захаров С.Д.* Белоозеро и Белоозерск // *Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.Н.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2000.

Однако археология рисует и обратное движение. Ряд пограничных городов Владимиро-Суздальской земли (Тверь, Москва) быстро оправались, о чём говорит особая активность в накоплении культурного слоя XIII—XIV вв. Во второй половине XIII в. расширился посад Москвы, сформировав зоны застройки в Занеглименье и будущем Китай-городе (Зарядье, улицы Варварка и Ильинка, районы Богоявленского монастыря и церкви Троицы в Полях). Коломна, пережив после нашествия упадок, была восстановлена уже к концу XIII в.¹² То же можно сказать о Твери¹³. Связанные с Москвой города-крепости (Коломна, Серпухов, Звенигород) оформились в княжеские столицы. Серенск, опираясь на снабжение округи металлическими украшениями, восстановил часть ремесленного потенциала. В Рязанском княжестве уцелели от разгрома и продолжили развитие Переяславль и Ростиславль. Судя по нижним слоям городов, именно в XIII в. появились Вологда, Великий Устюг, Нижний Новгород, Радонеж и другие.

Важнейшая черта переходной эпохи XIII—XIV вв. — новый обжитой ландшафт, определённый продвижением аграрных поселений на водоразделы и активной расчисткой для них лесов. В центре и на севере Руси освоили зоны, ранее в сельскохозяйственный оборот не включённые. При этом прежние поселения не исчезали, иногда сменив место. Основная форма таких сельских поселений — малодворная деревня, двинувшаяся к водоразделам ещё в домонгольское время¹⁴. Локация старых крупных сёл в освоенном ранее пространстве осталась неизменной (хотя их площадки часто не имеют культурного слоя второй половины XIII — XIV в.). В Суздальском Ополе сохранялась прежняя система крупных сёл, покрывающих регион. Но для сельских территорий второй половины XIII в. характерны преобразование локальных групп поселений, изменение местоположения деревень, освоение урочищ и ландшафтных районов иных типов, переход к дисперсному расселению.

Археология показывает, что в XIII—XIV вв., хотя доля аграрной составляющей в древнерусской экономике росла, из сельского быта исчезла значительная часть привозных предметов, металлических украшений костюма, вообще знаков социального престижа. Ассортимент изделий из дорогих материалов (прежде всего цветного металла) сократился, самих предметов стало существенно меньше, а сырьё на них расходовали экономнее. Трудно установить связь столь фундаментальных перемен в хозяйстве с синхронными им политическими, даже крупного масштаба, событиями. С.З. Чернов, сравнив на микрорегиональном

---

¹² Мазуров А.Б. Эволюция Коломны в XIII—XIV веках: от малого города Древней Руси к домену великого князя московского // Русь в XIII веке... С. 83—91.

¹³ Баталов А.Л., Беляев Л.А. Зодчество Москвы и Твери второй половины XIII — первой половины XIV века // История русского искусства. Т. 4. Искусство второй половины XIII — середины XIV века. М., 2019. С. 159—207; Беляев Л.А., Сафарова И.А., Хохлов А.Н. Спасо-Преображенский собор в Тверском кремле: итоги раскопок 2012—2014 гг. // Российская археология. 2018. № 2. С. 148—160.

¹⁴ Появление слова «деревня» (впервые — в духовной грамоте Ивана Калиты (*Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII — начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 105; ср. толкование как волостного топонима, Деревня: Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в. Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 72—73)) связывают с распространением малодворного земледельческого хозяйства на лесных расчистках (*Шполянский С.В.* Изучение малодворных сельских поселений на примере раскопок селища XIII века у села Ознобишино в Подмоскowie // Русь в XIII веке... С. 253—264).

уровне три варианта судьбы поселений в XIII в. на реках Воре и Пехорке (окончательно заброшенных; переживших это столетие; образованных заново), отнёс их запустение на счёт нашествия 1238 г.¹⁵ Н.А. Кренке видит за изменениями XIII в. в сельской зоне Москвы новую стратегию расселения: колонизацию водоразделов при опоре на новые формы водоснабжения¹⁶. Монгольский удар и, позднее, набеги привели к разрыву в заселении южных районов (Верхний Дон, Куликово поле, р. Быстрая Сосна)¹⁷. Но принципиальный характер перемен в жизни сельских территорий, а также аналогичные процессы там, где монголов не было, на севере (Псковская земля, юго-запад Новгородской земли — Жабенская волость; Помостье; р. Шексна, озера Белое и Кубенское) указывают на действие внутренних механизмов, вызвавших в XIII в. коренное изменение сельского ландшафта, всего облика лесной полосы Восточной Европы. Сельскохозяйственные угодья выросли, сельские поселения (и, видимо, сельское население) умножились. Изменились стереотипы в выборе земель, устройстве поселения и организации хозяйства, являющиеся самыми консервативными элементами хозяйственной практики и культурной традиции.

Изменить стратегию расселения и землепользования можно было лишь под давлением серьёзных обстоятельств, а распространение инноваций в этих сферах несло в себе риск. Возможно, сказался недостаток пахотных земель в местах традиционного освоения, рост потребности в пищевых ресурсах при росте населения, неэффективность традиционных систем землепользования. Возможно, перемены в расселении вызвало существенное похолодание и увлажнение, нараставшие с первых десятилетий XIII в. и достигшие аномальных значений в 1220—1230-х и 1270—1280-х гг.¹⁸, в силу чего со второй половины XIII в. мог начаться дефицит пищевых ресурсов (в Пскове во второй половине XIII — XIV в. значительно расширили обловные площади и начали брать мелкую низкосортную рыбу)¹⁹.

Запустение поселений на прибрежных террасах пытались связать с изменением уровня воды в реках и озерах, подтоплением приречных поселений и их сельскохозяйственных угодий в ходе катастрофической трансгрессии XIII в.²⁰ На севере (Шексна, Малая Северная Двина, Сухона, Поонежье) новые поселения XIII в. возникали и на низких террасах, но на Кубенском озере избыточная увлажнённость первых надпойменных террас и опасность вымерзания здесь посевов могли заставить подняться на расположенные выше, удалённые от воды участки. Наконец, могла сказаться длительная интенсивная эксплуатация

---

¹⁵ Чернов С.З. Сельское расселение в Московском княжестве второй половины XIII в.: «традиционные» и «новационные» модели выхода из кризиса (по материалам археологических исследований 1976—1993 гг. волостей Воря и Пехорка) // Русь в XIII веке... С. 219—220.

¹⁶ Кренке Н.А. Ближайшая сельская округа Москвы в XII—XIII веках // Русь в XIII веке... С. 166; Кренке Н.А. Древности бассейна Москвы-реки...

¹⁷ Колчин Б.А., Черных Н.Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.

¹⁸ Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Экстремальные природные явления в русских летописях XI—XVII веков. Л., 1983; Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. М., 1996. С. 83—89.

¹⁹ Салмина Е.В. Рыболовство средневекового Пскова и Псковской земли (VIII—XVI вв.) по данным археологии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Псков, 1997.

²⁰ Олейников О.М. Климат в районе Верхней Волги в Средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород. Вып. 6. Новгород, 1992. С. 69—82; Дворников А.С. Бежецкий Верх: взаимодействие экосистемы «человек-окружающая среда» в эпоху Средневековья // Труды VI международного конгресса... Т. 4. М., 1998. С. 78—84.

старых полей, истощение почв, недостаток строительной древесины, снижение популяций лесной фауны.

Всё же в целом сельское хозяйство (инвентарь, система пахоты, сорта культур) существенно не изменилось, показав устойчивость и продолжив традицию. Это верно и в отношении ремесла в городе и деревне. При этом ремесло XIII—XIV вв. предстаёт, особенно в сравнении с европейской моделью, как бы «подмороженным». Например, искусно воспроизводятся ранее усвоенные технологические модели в такой базовой области, как производство металла (железо, сталь) и металлообработка. Металлографический анализ продукции XIII—XIV вв. не показал никаких маркеров падения кузнечного дела ни в крупнейших городах (Москва, Тверь, Торжок, Новгород, Псков), их «пригородах» (Коломна, Звенигород Московский, Серенск, Изборск, Ростиславль Рязанский) или на селищах (два подмосковных Мякининских, Настасьино, поселения в районе Куликова поля)²¹. В Древней Руси поиск рациональной технологической схемы сварки привёл к переходу от трёхслойного пакета и вварки к разным видам наварки (торцовой, косой, V-образной), к XIII в. в производстве качественных изделий победила наварная технология. Ею владели городские мастера высокой квалификации, хорошо знавшие свойства разных сортов металла, умевшие визуально выбирать оптимальные температурные режимы для качественной сварки и соблюдать требования к таким операциям, как применение флюсов и длительностиковки.

Эти технологии сохранялись по всей Руси в ордынскую эпоху независимо от того, были конкретные производственные центры затронуты при вторжении или нет. Если часть ремесленников увезли в кочевые ставки-города (свидетельства чему есть в археологических материалах Каракорума и Хирхира)²², то другие остались на местах, продолжив традицию. Но прогресс в технологиях чёрной металлургии и металлообработки на Руси замер. В то время как на Западе начался переход к доменному производству, передельному процессу, широкому внедрению механизмов с водяным приводом, в России вплоть до XVII в. железо получали старым сыродутным способом, широко используя технику наварки железа сталью (особенно при производстве ножей).

В области бытового и престижного потребления XIII—XIV вв. переход домонгольской традиции в новую реальность совершался без резких скачков. Но изменения, пусть медленные, здесь заметнее, чем в производстве. Во многом это связано с межкультурными контактами. Это хорошо демонстрирует, например, кожевенное дело и сапожное ремесло. С середины XII до конца XIII в. в Москве (в городе и на посаде) сапожные мастерские, используя тонкую кожу крупного и мелкого рогатого скота (молодых особей), шили в основном низкую обувь, а также мягкие (без внутренней подкладки) туфли, поршни и сапоги (в Новгороде сапоги явно преобладали)²³. Постепенно близость мастерских и рынков Золотой Орды привнесла восточные технологии в обработку сырья,

---

²¹ *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Русское кузнечное ремесло в золотоордынский период и эпоху Московского государства. М., 2007; *Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М., 2012; *Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Кузнечное ремесло Великого княжества Рязанского. М., 2013.

²² *Терехова Н.Н.* Железообработка в древнемонгольских городах // Советская археология. 1985. № 3. С. 72—79.

²³ *Изюмова С.А.* К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 65. М., 1959. С. 214.

методы раскроя и сборки обуви. Сменились и формы: распространились сапоги «жесткой конструкции», которые с начала XIV в. доминировали как обувь взрослых и детей; в языке появилось много восточных терминов, связанных с сортами кожи, формами обуви, её отделкой²⁴.

Похожим образом развивались другие производства: объяснимое падение платёжеспособного спроса в середине XIII в. вело к оживлению домашнего, неспециализированного ремесла, но в XIV в. ситуация выровнялась, в том числе за счёт контактов с восточными мастерами и распространения ориентальной моды. В гончарном ремесле сначала снижалось качество, но в XIV в., особенно с его середины, оно получило новый стимул в связях с индустрией Волжской Булгарии и, возможно, в появлении на Руси мастеров из Крыма и Нижнего Поволжья (вторая половина — конец XIV в.). Одновременно можно наблюдать перемены в импорте: полностью исчезла такая керамическая тара, как византийские амфоры (по-видимому, их заменили бочки), но с середины XIV в. стала распространяться парадная восточная поливная посуда²⁵. Получили массовое распространение некоторые виды строительной керамики, известные в домонгольской Руси, но не столь заметные на фоне её цветущей культуры. Это касается в первую очередь плиток для мощения полов, которые использовались как в каменных, так и в деревянных храмах²⁶.

Близкие процессы наблюдаются в ювелирном деле и производстве менее дорогих украшений из сплавов меди и серебра. В XIII—XIV вв. постепенно ушли в прошлое технологически сложные и дорогие эмали византийских типов²⁷, редкими стали трудоёмкие скань и зернь. Но в конце XIV в. на смену им приходят новые виды, выработанные в центральных землях и на Северо-Западе. Они существенно мельче по размеру, их иконография и декор примитивнее, чем раньше, но именно они обеспечивают потребности населения быстро поднимающегося Московского княжества²⁸.

Важным дополнением к исторической картине Руси ордынского периода стала археология монастырей. О том, что они сумели пережить нашествие, наглядно свидетельствуют их кладбища, развивавшиеся без перерыва в XIII—XIV вв.²⁹ Появление новых монастырей фиксируется с известным трудом. В Москве их можно предполагать, поскольку открываются места церковных кладбищ и остатки бытовых построек вблизи них (кладбища у церкви Кузьмы

²⁴ *Осинов Д.О.* Обувь Московской земли XII—XVII вв. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7. М., 2007.

²⁵ *Коваль В.Ю.* Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X—XIII вв.) // Русь в XIII веке... С. 340—360; *Коваль В.Ю.* Керамика Востока на Руси в XIII веке // Русь в XIII веке... С. 361—371.

²⁶ *Сафарова И.А., Беляев Л.А., Хохлов А.Н.* Керамические плитки покрытия полов из раскопок на Соборной площади в Твери (по материалам исследований 2013—2014 гг.) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Вып. 11. Тверь, 2018. С. 77—113.

²⁷ *Макарова Т.И.* Облачение митрополита Алексея и ювелиры Москвы XIV в. // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 34—52; *Макарова Т.И.* Древнерусское наследие в ювелирном деле ранней Москвы. XIV век: облачение митрополита Алексея. М., 1998.

²⁸ *Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г.* Цветной металл вятичей в XII—XIII веках (сравнительно-исторический анализ городских и сельских материалов) // Русь в XIII веке... С. 299; *Лесман Ю.М.* Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 29—98.

²⁹ *Беляев Л.А., Глазов В.П., Зыков П.Л., Иоаннисян О.М.* Погребальные сооружения XII—XV веков на месте собора Рождества Богородицы во Владимире (по материалам работ 1997—2000 годов) // Земли родной минувшая судьба... К юбилею А.Е. Леонтьева. М., 2018. С. 62—72.

и Дамиана и вокруг Успенского собора в Московском Кремле, на месте здания Манежа, в Богоявленском за Торгом монастыре), но монастырские некрополи трудно отличить от приходских и соборных. Наследуются от домонгольской Руси и элементы монастырского обряда: кирпичи-подголовники, каменные прямоугольные саркофаги³⁰, типы деревянных гробов (две последние особенности характерны и для приходских кладбищ). С конца XIV в. появились приметы нового: сосуды для ея, надгробные плиты с усложнённым орнаментом, антропоморфные саркофаги³¹.

Археологическое изучение монастырей Москвы дало ряд аргументов для верификации их ранней истории³². Так, на месте Данилова монастыря и его слободы с X—XI вв. существовали селища (культурный слой с фрагментами лепной керамики и печными выбросами). Одни из самых ранних в районе будущего города, они бытовали и в XII—XIII вв., о чём говорят шиферные пряслица, женские украшения, «городищенская» керамика с характерным орнаментом, сделанная на ручном круге³³. О появлении на рубеже XIII—XIV вв. монастыря и сохранении на его месте кладбища свидетельствуют могилы с сосудами для ея (XV—XVI вв.) в зоне, где в XVI в. был построен каменный собор возобновлённого монастыря³⁴.

Ещё более убедительна археологически восстановленная история Богоявленского «за Торгом» монастыря на ближнем посаде Москвы. Здесь фиксируются следы деревянной церкви и кладбища с чрезвычайно архаичными надгробиями; в его погребениях встречены браслеты, стеклянный и трёхпрутный бронзовый. До кладбища здесь существовала жилая застройка (слой с обильной бытовой керамикой, возможно, домонгольской). Деревянный храм сменил каменный, но его археологическая дата (конец XIV — первая четверть XV в.) иная, чем традиционная монастырская (около 1340 г.).

Археологически доказана возможность существования с XIV в. в Остожье Алексеевского монастыря, древнейшего девичьего в Москве (на месте нынешнего Зачатьевского, с 1584 г.). Монастырское селище имело деревянную церковь, а кладбище с первой половины XVI в. быстро расширялось (древнейшее надгробие — конца XIV в.). Открыта и часть деревянной застройки вокруг собора: первая по времени линия келий может восходить к XIV—XV вв.; вто-

³⁰ *Беляев Л.А.* Камень под головой и лестница в небо: археология, иконография, источник // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. V. Вопросы истории и теории христианского искусства. 2011. Вып. 2(5). С. 72—84; *Беляев Л.А.* Рождение традиции: погребальные памятники Северо-Восточной Руси XII—XV веков в контексте архитектуры // Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X международной научной конференции 9—13 сентября 2019 года. М., 2019. С. 27—29.

³¹ *Беляев Л.А.* К истории и методике изучения погребальных сосудов Позднего Средневековья // De mare ad mare. Археология и история. Сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке. Смоленск, 2017. С. 119—136; *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII—XVII вв. М., 1996; *Беляев Л.А.* К хронологии антропоморфных саркофагов Руси XV—XVII вв. // КСИА. Вып. 252. М., 2018. С. 219—232; *Беляев Л.А.* Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию академика Н.А. Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 365—374.

³² *Беляев Л.А.* Монастыри Московской Руси: этапы археологического изучения и современное состояние // КСИА. Т. 256. М., 2019. С. 7—22.

³³ *Беляев Л.А., Кренке Н.А., Шуляев С.Г.* Докремлёвская Москва: новые данные по топографии и керамике Даниловских селищ IX/X — XIV вв. // Российская археология. 2010. № 1. С. 94—103.

³⁴ *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы (конец XIII—XV в.) по данным археологии. М., 1994.

рая существовала до 1570-х гг. Концентрация половой плитки и обзоров деревянных стен, а также бытовой керамики и следов погребений XIV—XV вв. указала зону, где стоял деревянный собор³⁵. Раскопки в Высоко-Петровском монастыре, который историографическая традиция возводит к XIV в., позволили говорить о его существовании не позднее второй половины XV в. На месте каменного собора 1510-х гг. открыто более раннее кладбище: часть могил предшествует строительству (одно надгробие XV в. на своём месте и ряд фрагментов того же времени), о стоявшем здесь деревянном храме говорят плитка пола раннего типа и глиняные обзавки. Но ранние слои очень бедны, бытовые материалы даже XV в. единичны, и место монастыря на карте Москвы XIV в. нельзя считать твёрдо установленным³⁶. В зоне Чудова монастыря в Кремле, где слой существенно разрушен, только тщательные раскопки позволили изучить часть кладбища, восходящего ко второй половине XIV в.³⁷ Показательны материалы некрополя Вознесенского монастыря, публикуемые в последние годы на основе полученных при его разрушении в 1930-х гг. материалов³⁸. Статусный некрополь XIV в.(?), возникший до появления Спасского собора Андроникова монастыря, открыт на месте его алтаря³⁹. Возможно, к тому же времени восходит часть кладбища, отмеченная на Крутицком подворье.

Интересно, что в ряде случаев, когда историография полагает место и время сложения монастыря установленным (Георгиевский на Дмитровке), даже широкие раскопки не дают оснований для идентификации, создавая проблемы для реконструкции топографии ранней Москвы⁴⁰. Сомнения остаются и по поводу изначального размещения Сретенского и Рождественского монастырей, а незначительные раскопки на периферии их дворов не показали слоёв ранее конца XV — XVI в. Златоустовский⁴¹ и Ивановский⁴² монастыри письменные источники не возводят к XIV в., важно проверить время заселения их участков, но слой здесь существенно нарушен, а серьёзных раскопок пока не проводилось. Нет пока археологических материалов эпохи основания в XIV в. и в Троицком Сергиеве монастыре⁴³. И напротив, в сельской местности выявлены

³⁵ *Беляев Л.А.* Алексеевский и Зачатьевский: два монастыря Москвы в зеркале археологии и истории XIV—XVI веков // Исторические записки. Т. 18(136). М., 2019. С. 5—58.

³⁶ *Беляев Л.А., Григорян С.Б., Савельев Н.И.* Высоко-Петровский монастырь // Города. Поселения. Некрополи. Раскопки 2016 года (Материалы спасательных археологических исследований. Т. 19). М., 2017. С. 20—26.

³⁷ Археология Московского Кремля. Раскопки 2016—2017 гг. М., 2018.

³⁸ Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы и исследования. В 4 т. М., 2009—2019.

³⁹ К сожалению, за некавалифицированными работами последовала субъективная интерпретация (об этом см.: *Беляев Л.А.* Заметки о фальсификатах в археологии // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. М., 2011. С. 51—66).

⁴⁰ *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Сакральное пространство средневековой Москвы. М., 2010.

⁴¹ *Беляев Л.А.* Видимое и невидимое. Златоустовский монастырь как объект культурного наследия // Московское наследие. 2018. № 3(57). С. 88—103.

⁴² *Беляев Л.А., Батанина М.С., Глазунова О.Н., Решетова И.К., Савельев Н.И.* Работы в Ивановском монастыре в 2017 году // Города. Селища. Могильники. Раскопки 2017 года. М., 2018. С. 40—45.

⁴³ *Чернов С.З.* Исторический ландшафт окрестностей Троице-Сергиева монастыря и его семантика // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1999 г. М., 2000. С. 655—707; *Чернов С.З., Лебедева Е.Ю.* Покровский в Хотькове монастырь по данным археологических исследований 1978—2008 гг. // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 8. М., 2012. С. 175—203.

малые монастыри — Хотьковский Богородичный, Стромьинский⁴⁴. Некоторые ранние монастыри (Савватиева пустынь под Тверью) определяются на основе находки одного-двух погребений.

В последние десятилетия археология смогла заполнить ряд лакун, давно зиявших в истории каменного церковного строительства XIII—XIV вв. Как известно, оно возобновилось на Северо-Востоке не ранее чем через полвека после нашествия, причём ни одного памятника этой эпохи долгое время не было обнаружено. Важнейшим звеном, соединяющим архитектуру Древней Руси с послемонгольской, стал собор Спаса Преображения в Твери. Его заложили в 1285 г. над гробом князя Ярослава Ярославича на месте деревянной церкви Козьмы и Демьяна епископ Симеон, князь Михаил Ярославич и его мать Ксения, освятив его малым, а затем и большим освящением 8 ноября 1290 г., в день тезоименитства Михаила Ярославича⁴⁵. Его остатки раскрыли в 2014—2016 гг., подтвердив, что храм был блококаменным, а фасады украшала резьба, очень близкая Рождественскому собору в Суздале. Он входил в круг храмов с четырьмя столпами и тремя притворами, был среднего размера, что близко церквям в Переславле-Залесском, в Кидекше и во Владимире (собор Св. Дмитрия), но крупнее храмов в Боголюбове и Юрьеве-Польском. Твёрдо установленное участие художников, мастерски владевших приёмами владими́ро-суздальской резьбы по камню, заставляет задуматься о способах передачи этого искусства через более чем полувековой интервал, т.е. о поиске неизвестных нам по летописи сооружений, на которых могла быть обеспечена подготовка учеников. Такой вопрос, конечно, не встаёт при знакомстве с остатками маленького храма Святых Бориса и Глеба на княжеском дворе в Ростове (1287)⁴⁶. Его строительная техника бедна: стены с забутовкой из мелкого булыжника на растворе извести, своды из плит туфообразного известняка.

Археология позволила пересмотреть сведения о первых каменных храмах, построенных князем Иваном Калитой, т.е. переписать первую страницу истории раннего зодчества Москвы в целом⁴⁷. В XIX — первой половине XX в. город XIII—XIV вв. густо «застроили» каменными зданиями: подвалы XVII—XIX вв. «старого» собора Данилова монастыря относили к эпохе князя Даниила; церковь Спасского монастыря в Кремле считали каменной уже в 1319 г.; были уверены в достройке собора Богоявленского за Торгом монастыря тысяцким Протасием в 1339—1340 гг.; допускали каменные храмы XIV в. в Высоко-Петровском монастыре и на Крутицах; открытые в 1970-х гг. под Успенским собором кладки относили к мифической Дмитриевской церкви XIII в. Позже к этим версиям добавились сообщения об открытии в Кремле «огромных» сооружений Калиты.

Начиная с 1980-х гг. эти гипотезы постепенно снимались или сильно корректировались. В 2010-х гг. большинство ассоциировавшихся с древнейшим

---

⁴⁴ Чернов С.З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь в свете археологических данных // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 123—182.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926 (репринт: М., 2001). Стб. 482—483; Т. VII. СПб., 1856 (репринт: М., 2001). С. 179; Т. X. СПб., 1885 (репринт: М., 1965). С. 166; Т. XV. СПб., 1863 (репринт: М., 1965). Стб. 406; Т. XVIII. СПб., 1913 (репринт: М., 2007). С. 81; *Присёлков М.Д.* Троицкая летопись. СПб., 2002. С. 331; *Мальгин П.Д.* Ярослав Ярославич и Тверь в летописных известиях // Великое прошлое. Тверь, 1995. С. 46.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. X. С. 167.

⁴⁷ *Баталов А.Л., Беляев Л.А.* Зодчество Москвы и Твери... С. 159—207.

периодом архитектуры Москвы резных камней удалось датировать более поздним временем или отнести к малым формам. Был снят вопрос о каменном Дмитриевском храме, якобы построенном в Кремле в домонгольскую эпоху, а основания столбов, открытые в Успенском соборе, интерпретировали как фундаменты каменного храма, заложенного 4 августа 1326 г. и освящённого 14 августа 1327 г.⁴⁸ Его план был, видимо, близок Георгиевскому собору в Юрьеве-Польском и Спасскому собору в Твери. Изменились представления о небольшой церкви Иоанна Лествичника (1329). На основе материалов старых раскопок П.П. Покрышкина (1913) её план был включён в восточно-христианскую традицию⁴⁹, а затем уточнён по детальному сходству с планом дворцовой капеллы на Мангупе в Крыму (её датируют второй половиной — концом XIV в.)⁵⁰. Анализ скудных данных по археологии первого Архангельского собора (1333) доказал, что и он, как все постройки Ивана Калиты, не был крупным⁵¹.

Об остальных постройках в Москве до конца XIV в. археологических сведений пока нет. В то же время постепенно проясняется картина развития малых архитектурных форм. Фиксируется быстрый отход от сооружения аркосолиев, служивших главными элементами оформления погребений внутри храмов. Столь же быстро развивается новая форма памятника — надгробная плита-надгробница, возникающая сперва как орнаментированная крышка прямоугольного саркофага. В ближайшем будущем она, наряду с развивающимся с конца XIV в. антропоморфным саркофагом, стала основой формирования поминальных комплексов внутри храмов и на открытых кладбищах Московского княжества.

В целом можно утверждать, что материальную культуру в период от монгольского нашествия до Куликовской битвы отличало сохранение части домонгольских технологических традиций и «моды» при постепенном отказе от них и формировании новой, собственно московской культурной модели.

---

⁴⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. Пг., 1922 (репринт: М., 1965). Стб. 44; Т. XVIII. С. 89.

⁴⁹ *Кавельмахер В.В., Панова Т.Д.* Остатки белокаменного храма XIV в. на Соборной площади Московского Кремля // *Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв.*

⁵⁰ *Герцен А.Г., Науменко В.Е., Шведчикова Т.Ю.* Население Дороса-Феодоро по результатам комплексного археолого-антропологического анализа некрополей Мангупского городища (IV—XVII вв.). М.; СПб., 2017. С. 43 (ил. 1 и 8).

⁵¹ *Мосунов Ю.П.* Храм Архангела Михаила 1333 года в Московском Кремле // *Московский Кремль XIV столетия. Древние святыни и исторические памятники.* М., 2009. С. 115—117.

К 200-летию археологического исследования Старой Рязани

Алексей Чернецов, Игорь Стрикалов

200th Anniversary of Archaeological Investigations in Staraya Ryazan

Aleksey Chernetsov, Igor Strikalov

(both — Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010770-8

6 июня 1822 г. на городище Старая Рязань, где когда-то находилась столица Рязанской земли, был случайно обнаружен богатый клад дорогих ювелирных украшений, состоявший из многочисленных золотых вещей, в декоре которых использованы драгоценные камни и сложные ювелирные техники — перегородчатая эмаль, зернь и скань. Подобные клады в Средние века зарывали знатные и богатые люди, как правило, в момент опасности. В данном случае причины сокрытия клада нетрудно установить. В декабре 1237 г. Рязань осадила монголо-татарское войско Батыея. На шестой день осады город взяли штурмом и сожгли. После этого городская жизнь была здесь на какое-то время возобновлена, но примерно через столетие окончательно заглохла, и резиденция рязанских князей и епископов переместилась в Переяславль Рязанский (современная Рязань).

Время и место находки клада, на первый взгляд, выглядят случайными. Между тем это событие хорошо вписалось в контекст интеллектуальных поисков своего времени, оказалось знаковым для становления крупного научного направления. Начнём с места находки. Его никак не назовёшь случайным. Дело не только в том, что Старая Рязань являлась столицей крупной земли-княжения. В ряду подобных городских центров она не была отмечена длительной славной историей. Такие города, как Киев, Чернигов, Новгород, Смоленск, Ростов, возникли и приобрели большое военно-политическое, экономическое и культурное значение намного раньше. Более молодые столицы — Владимир и Галич — превосходят Старую Рязань и как центры могущественных политических структур, и по размерам, и по обилию монументальных построек. В момент разорения Рязань была лишь на пути к расцвету. Здесь только начинали складываться самобытные традиции в архитектуре, живописи, книжности, летописании. Становление самостоятельной Рязанской епархии датируется ещё более поздним временем, чем утверждение власти местной княжеской династии.

Но если Старая Рязань не может считаться первостепенным памятником в ряду крупнейших столичных центров средневековой Руси, то как археологический объект она, несомненно, представляет собой уникальный эталонный комплекс¹. В отличие от большинства столиц крупнейших княжеств Старая

© 2020 г. А.В. Чернецов, И.Ю. Стрикалов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-40041.

¹ Монгайт А.Л. Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии СССР. № 49. М., 1955; Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995; Чернецов А.В. Старая Рязань — эталонный памятник средневековой русской археологии // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. М., 2012. С. 170—179.

Рязань не смогла полноценно возродиться на прежнем месте после разорения и поэтому не занята современной городской застройкой, затрудняющей работы археологов. Древняя столица Рязанской земли стала классическим «мёртвым городом», большая часть её территории в прямом смысле слова превратилась в чистое поле, находившееся в активном сельскохозяйственном пользовании до 1970-х гг. Эти обстоятельства открывают перед археологами исключительные возможности изучения памятника.

Большая часть укрепленной территории средневекового города (так называемое Южное городище), освоенная лишь на завершающем этапе его существования, может рассматриваться как однослойный памятник с напластованиями, отложившимися в пределах очень короткого времени (менее столетия до монголо-татарского разорения). Такой хронологический срез предоставляет исследователям своеобразный моментальный снимок жизни крупного городского центра на начальном этапе его становления. Это — ещё одно важное обстоятельство, обусловившее исключительное источниковедческое значение городища. Значение и специфика Старорязанского городища как археологического памятника не могли быть в полной мере оценены в 1820-х гг. Но исключительное значение Старой Рязани и её исторических судеб как символа национальной трагедии было очевидно и тогда.

Нападение Батые на Рязанскую землю, осада и жестокий разгром её столицы остались в народной памяти как события, положившие начало монголо-татарскому нашествию на Русь и установившемуся вслед за ним ордынскому игу. Вероятно, об этом знает каждый россиянин, но далеко не все отдают себе отчёт в том, что это была не нынешняя Рязань, а исчезнувший город в полусотне километров от неё. Историческая оценка этих событий может в известных пределах варьироваться, но невозможно отрицать их масштабность и негативные последствия. Монголо-татарское и ордынское иго на Руси продлилось около 240 лет. За это время успели умереть внуки и правнуки людей, помнивших времена независимости. Летописец нашёл точные слова для описания нравственной атмосферы, воцарившейся на Руси непосредственно после нашествия: «Дело стыдно и велми страшно, и хлеб во уста не идяше от страха»².

Рязанская земля и её столица попали под удар монгольского воинства первыми и до некоторой степени случайно. Они не являлись стратегической целью захватчиков — монголы располагали разведывательной информацией о Руси и знали, что наиболее серьёзными противниками были владими́ро-суздальские князья, а путь из степей на Владимир шёл через Рязанское княжество.

Подступившие к границам Рязанского княжества завоеватели потребовали десятую долю во всём, включая людей и даже князей. Ответ рязанских князей прозвучал достойно: «Коли нас не будет всех, все то ваше будет»³. Они отправили послов к Юрию Всеволодовичу во Владимир с просьбой о помощи, но тот отказал («хоте сам особь брань сотворити»). Попытка рязанских князей сопротивляться и упорство защитников стольного города побудили Батые и его военачальников расправиться с ними с демонстративной жестокостью.

Из числа драматических событий, связанных с монгольским нашествием, сколько-нибудь выразительное отражение в древнерусской книжности нашли только связанные с Рязанской землей. В содержащемся в популярной в средневековой Руси «Повести о Николе Зарайском» рассказе о нашествии Батые

² ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб. 481.

³ Там же. Стб. 514.

на Рязанскую землю можно прочесть о том, как мученически погиб в ставке Батя рязанский князь Фёдор Юрьевич, а его жена Евпраксия, узнав об этом, покончила с собой, бросившись с малолетним сыном Иваном с высокого терема⁴. Значительная часть рязанского воинства была перебита при первой встрече с монголами на южных границах княжества; пятидневная осада столицы княжества окончилась её полным разорением.

И краткие летописные повествования о драматических событиях в Рязанской земле, и дополненные легендарными эпизодами и эмоциональной риторикой рассказы «Повести о Николе Зарайском» занимали видное место в древнерусской книжной традиции, многократно переписывались. Их можно найти и в грандиозном богато иллюстрированном Лицевом летописном своде, где им посвящены 19 красочных многофигурных композиций, с которых начинается большая серия сюжетов, посвящённых нашествию и открывающихся киноарным заголовком «Батыева рать»⁵.

В древнерусском рукописном Служебнике XIV в. рядом с календарными таблицами для вычисления даты празднования Пасхи (своего рода «вечным календарём») помещена запись. Она гласит: «От Адама до крещенья руския земли лет 6496, от крещенья до взятъя Рязани от татар лет 249»⁶. Здесь ещё раз отмечен драматический эпизод, с которого начинается ордынское иго: приход захватчиков и взятие Рязани оказываются событием одного масштаба с Сотворением мира и крещением Руси.

Ещё одна поэтическая легенда легла в основу народной исторической песни. Она рассказывает о простой женщине, Авдотье Рязаночке, вернувшейся в опустевший город и отправившейся в дальний путь просить захватчиков вернуть пленников⁷. Наличие сюжета, включающего нашествие завоевателей на Рязанскую землю и разорение её столицы, в фольклоре показательно, поскольку исследователям хорошо известна избирательность исторической памяти, отражавшейся в народном творчестве. Упоминания столицы княжества, Старой Рязани, сохранились в двух древнейших рукописях, содержащих записи русского фольклора, — «Песнях, записанных для Ричарда Джеймса» в 1619 г.⁸ и знаменитом сборнике Кирши Данилова, составленном во второй половине XVIII в.⁹ Обе рукописи созданы в регионах, расположенных далеко от Рязанщины.

6 июня 1822 г. на месте, связанном с драматическими историческими событиями, были найдены замечательные находки, связанные с этим эпизодом военно-политической истории. Случайное открытие старорязанского клада произвело на современников чрезвычайно сильное впечатление, стало отправной точкой развития важного научного направления, сыграло заметную роль в формировании общественного сознания. Об обнаружении значительного клада драгоценных украшений вскоре стало известно высшему губернскому начальству. По указанию генерал-губернатора место находки обследовал И.Х. Гамель

⁴ Лихачёв Д. С. Повести о Николе Зарайском. Тексты // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом). Т. 7. М.; Л., 1949. С. 257—496.

⁵ Чернецов А. В. Нашествие Батя на Рязанскую землю на миниатюрах XVI в. // Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 251. М., 2018. С. 303—313.

⁶ Симонов Р. А. Древнерусская книжность (в свете новейших источников календарно-арифметического характера). М., 1993. С. 142, 143.

⁷ Народные исторические песни. М.; Л., 1962. С. 57—60.

⁸ Там же. С. 99, 100.

⁹ Сборник Кирши Данилова. СПб., 1901. С. 284.

(1788—1862), доктор медицины и член-корреспондент Санкт-Петербургской Академии наук. Его трудно назвать профильным специалистом: специальность «археолог» ещё не существовала в России. Гамель не только осмотрел место находки, но и произвёл небольшие земляные работы. Они преследовали не научные, а практические цели — проверить, не осталась ли часть сокровищ в земле. Вскоре, когда вести о находке достигли Петербурга, по поручению руководителя архива Министерства иностранных дел, председателя Общества истории и древностей российских при Московском университете А.Ф. Малиновского в Старую Рязань отправился специалист по русской старине К.Ф. Калайдович (1792—1832), входивший в число участников так называемого румянцевского кружка, члены которого участвовали в подготовке монументального издания источников по российской истории — многотомного «Собрания государственных грамот и договоров»¹⁰. Калайдович приехал в Рязанскую губ., но не смог на месте ознакомиться с находками — их уже отправили в Петербург к Александру I. Ему удалось получить список находок и заказать их рисунки для издания. В Старой Рязани Калайдович заложил три шурфа рядом с местом находки клада. Обнаружив на городище холмы, представлявшие собой руины монументальных построек, он провёл земляные работы и на них, но не обнаружил ничего, кроме фрагментов строительных материалов. Среди попавших в его руки находок он отметил «винтообразно загнутое стекло в толщину гусиного пера». Современные археологи легко опознают в этом курьёзном описании массовую находку из городских культурных напластований домонгольской Руси — фрагмент стеклянного браслета, характерного украшения небогатых горожанок. Работы, проведённые Калайдовичем, нельзя назвать полноценными археологическими раскопками, но это были первые полевые исследования средневекового русского города. Главная заслуга исследователя состоит в том, что сведения о замечательной находке были оперативно опубликованы в виде иллюстрированной книги уже в 1823 г.¹¹

Книга Калайдовича имеет эпистолярную форму, весьма популярную в издательской практике эпохи. Ключевыми словами в названии книги можно считать «археологические исследования». В первой половине XIX в. ясное представление о предмете археологии ещё не сложилось. В Энциклопедическом лексиконе, издававшемся в 1830-х гг., сообщается: «В теснейшем, и в настоящее время общепринятом значении, археология есть наука древнего искусства: она излагает его теорию и представляет систематическое обозрение всех его памятников, сохранившихся до наших времен... Её избранные народы — греки и римляне, и потом этруски и египтяне»¹². В отличие от подобных представлений, отражающих наследие эпохи Возрождения и классицизма, Калайдович считал предметом этой науки различные вещественные памятники, и, несомненно, не только античные.

Насколько подготовлено было русское общество к таким находкам, как старорязанский клад 1822 г.? Существовали ли к тому времени предпосылки для изучения вещественных памятников, городских древностей? Во второй половине XVIII в. в изданиях Н.И. Новикова и А.П. Сумарокова появились

¹⁰ Лященко А. К.Ф. Калайдович // Русский биографический словарь. Т. VIII. СПб., 1897. С. 391—394.

¹¹ Калайдович К.Ф. Письма к Алексею Фёдоровичу Малиновскому об археологических исследованиях в Рязанской губернии с рисунками найденных там в 1822 году древностей. М., 1823.

¹² Печерин В.С. Археология // Энциклопедический лексикон. Т. 3. СПб., 1835. С. 231, 234.

материалы о памятниках московской старины. В 1790-х гг. Н.С. Ильинский опубликовал несколько выпусков, посвящённых памятникам Пскова и его окрестностей¹³. Может создаться впечатление, что до становления «классической» археологической науки, ориентированной в первую очередь на изучение вещественных памятников, было ещё очень далеко. Это, однако, не вполне справедливо. Старорязанский клад произвёл сильнейшее впечатление на современников, о чём свидетельствует крупная сумма, выплаченная крестьянам, его обнаружившим, — 10 тыс. руб. Даже художественные ценности из античных городов Северного Причерноморья оценивались не столь высоко. Клад был сразу же доставлен в Петербург, где с ним ознакомился император и придворные; впоследствии его передали в собрание Оружейной палаты Московского Кремля.

Книга К.Ф. Калайдовича представляет собой научную публикацию, соответствующую уровню знаний своей эпохи. В то же время её предварительный характер не вполне удовлетворял читателей. Оставались не вполне ясными назначение драгоценных находок, их место в контексте прикладного искусства эпохи. Эти задачи попытался решить А.Н. Оленин. Его книга, увидевшая свет в 1831 г., может рассматриваться как фундаментальное исследование, написанное эрудированным автором. Вещи из клада названы в заголовке книги «великокняжескими или царскими убраниями». Ожерелью с медальонами автор присвоил название «бармы»¹⁴. Позднее словосочетание «рязанские бармы» использовалось довольно часто. Между тем несомненные бармы — это своеобразные округлые плоские воротники, украшенные шитьём или накладными медальонами. Назывались ли бармами ожерелья с медальонами, носившиеся на шнурке или цепочке, мы не знаем. Ещё один отзыв на книгу К.Ф. Калайдовича был опубликован в 1838 г.¹⁵ Как видим, предварительная публикация исследователя не осталась незамеченной.

На следующий год после публикации книги А.Н. Оленина в Старой Рязани была обнаружена ещё одна находка. Местные крестьяне постоянно занимались разборкой руин древних зданий ради обломков старинных кирпичей и белого камня, используемых ими при строительстве современных печей. В ходе этих работ они нашли три гроба-саркофага, вытесанные из камня. В таких гробах могли хоронить только представителей высшего духовенства или наиболее богатых и знатных людей. О находке сообщили властям, и на место был командирован специалист по русским древностям — художник, член Императорской Академии художеств академик живописи Ф.Г. Солнцев. Он создал более 20 акварельных зарисовок, среди них и план городища с примыкающим современным селом¹⁶. По указанию Николая I гробы решили оставить на поверхности для всеобщего обозрения. Однако древние саркофаги начали превращаться в свалки, и последовало новое распоряжение: гробы было приказано вновь зако-

¹³ *Ильинский Н.С.* Историческое описание города Пскова и его древнейших пригородов с самого их основания, заключающее в себя многие достойные любопытства происходимости, составленное из многих древних летописцев, надписей, записок и российской истории Николаем Ильинским. Ч. 1—6. СПб., 1790—1795.

¹⁴ *Оленин А.Н.* Рязанские русские древности, или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убраниях, найденных в 1822 г. близ Старой Рязани. СПб., 1831.

¹⁵ [*Ходаковский З.*] Историческая система Ходаковского // Русский исторический сборник. Кн. 3. М., 1838. С. 1—109.

¹⁶ *Богатская И.А., Панова Т.Д.* Новый источник по истории городища Старая Рязань // Российская археология. 1999. № 1. С. 175—182.

пать на территории близлежащего кладбища. Вероятно, именно находка саркофагов подтолкнула одного из местных любителей старины Д.П. Тихомирова хлопотать о возобновлении раскопок на Старой Рязани. В 1836 г. Тихомирову удалось организовать раскопки руин одного из монументальных зданий Старой Рязани — Борисоглебского собора. Было найдено довольно много погребений внутри храма, как в каменных гробах, так и без них. Тихомирова в первую очередь интересовали погребения высшего духовенства и знати. Иногда ему попадались и ценные находки, например остатки дорогих тканей, расшитых золотной нитью. Тихомиров подробно описал результаты раскопок и привёл план основного внутреннего объёма храма с указанием мест найденных погребений¹⁷.

Старая Рязань недолго оставалась единственным древнерусским памятником, ставшим объектом археологических исследований. Через два года после находки знаменитого клада, в 1824 г., были проведены археологические раскопки «матери градов русских» — Киева. Вскоре после работ Д.П. Тихомирова, в 1838 г., начались первые полевые исследования ещё одной крупной группы древнерусских археологических памятников — курганных могильников, погребений рядового сельского населения.

Становление археологии Древней Руси в качестве заметного научного направления приходится середине XIX в. Появление не только специальных, но и обобщающих научных работ, проведение первых значительных полевых археологических исследований памятников средневековой Руси послужили фундаментом для дальнейшего развития этой отрасли знания. В середине XIX в. возникли археологические общества, а также государственное учреждение, ведающее охраной и изучением отечественных древностей, — Императорская археологическая комиссия. Появились профессиональные археологи европейского уровня — А.А. Спицын, В.А. Городцов. Новый импульс отечественная археология получила в эпоху Великих реформ. В это время возникли многочисленные губернские учёные архивные комиссии, в ведение которых передавали памятники старины. С 1869 г. в стране регулярно проводились Всероссийские археологические съезды, нацеленные на изучение обширных регионов. Каждый съезд завершался публикацией нескольких томов материалов. Каковы были дальнейшие судьбы историко-археологического изучения Старой Рязани и связанных с нею материалов в эти годы? На памятнике по-прежнему попадались интересные находки. В 1868 г. в ходе земляных работ недалеко от Борисоглебского собора был найден второй клад ювелирных изделий, на этот раз серебряных. В 1880-х гг. нашли ещё два клада серебряных украшений. Шедевры художественного ремесла из старорязанских кладов продолжали привлекать внимание учёных. В 1896 г. вышла монументальная монография Н.П. Кондакова, где характеристика старорязанского клада 1822 г. занимает важное место¹⁸.

В 1926 г. видный российский археолог В.А. Городцов задумал крупные систематические исследования городища. Получив поддержку руководства Исторического музея, учёный провёл на памятнике грандиозные разведочные работы с целью выявить перспективные участки для будущих масштабных раскопок. Для этого он заложил ряд траншей и множество небольших шурфов. В на-

¹⁷ Тихомиров Д.П. Исторические сведения об археологических раскопках в Старой Рязани. М., 1844.

¹⁸ Кондаков Н.П. Русские клады. Т. I. СПб., 1896.

стоящее время использование такой методики на крупных важных памятниках считается недопустимым, поскольку это способствует разрушению культурного слоя. Его дальнейшие планы работ на городище не получили поддержки, они были осуществлены уже следующим поколением учёных¹⁹. Масштабные исследования Старой Рязани, давшие фундаментальную историко-археологическую характеристику средневекового города, начались только после Великой Отечественной войны. Они велись уже значительными площадями и сопровождались открытиями, освещающими широкий круг вопросов военно-политической, социально-экономической и культурной истории. Изучены укрепления, храмы, жилища и усадьбы, прослежены многие черты повседневного быта населения. Всё это результаты работ совместной экспедиции Института археологии РАН и Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника, начатых в 1945 г. А.Л. Монгайтом. Многолетние работы экспедиции отражены в многочисленных публикациях²⁰.

Многолетние раскопки вскрыли всего около 6—7% укрепленной площади. Она весьма значительна для своего времени — более 67 га. За чертой городских стен находился обширный неукрепленный посад. Постановлением Совета министров РСФСР от 30 августа 1960 г. Старая Рязань была поставлена на охрану как памятник истории и культуры федерального значения. Вскоре архитекторами А.Ф. Панкиным и О.И. Окуневым совместно с археологом Л.А. Беляевым был составлен проект музеефикации памятника²¹. Проект реализовать не удалось, между тем городище постепенно разрушается природными процессами²², в течение ряда лет на нём проводились незаконные раскопки (иногда довольно успешные)²³. С 2012 г. на Старой Рязани появился постоянно действующий пункт охраны.

---

¹⁹ Даркевич В.П. Раскопки В.А. Городцова в Старой Рязани // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 140—168.

²⁰ Монгайт А.Л. Старая Рязань; Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица...; Старая Рязань // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 36—240; Старая Рязань // Восточноевропейский средневековый город в контексте этнокультурных, политических и поселенческих структур. Сборник научных статей. Рязань, 2012. С. 16—89; Старая Рязань. Клад 2005 года. СПб., М., 2014; Чернецов А.В., Буланкина Е.В., Стрикалов И.Ю. Инструментарий древнерусского ювелира (новые находки в Старой Рязани) // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 143—151.

²¹ Панкин А.Ф. Проект музеефикации городища Старая Рязань // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., 1987.

²² Чернецов А.В. Раны Старой Рязани // Природа. 2009. № 12. С. 71—76; Усков В.А., Стрикалов И.Ю., Водорезов А.В., Милованов С.И., Чернецов А.В., Шишов С.И. Природный и антропогенный фактор формирования современного рельефа городища Старая Рязань // Российский научный журнал. 2013. № 1(32). С. 53—61.

²³ Чернецов А.В. К характеристике художественного ремесла Рязанской земли // Культурное наследие Российского государства. Вып. VII. СПб., 2018. С. 333—352.

«Весь Новгород»: к вопросу о происхождении и содержании понятия

Павел Лукин

«All Novgorod»: on the problem of the origin and content of the concept

Pavel Lukin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010771-9

В недавней работе я рассматривал историю обозначения «Великий Новгород», сделав вывод о том, что его смысл отнюдь не был однозначным. Постепенно это понятие приобрело три значения: название города; название всего политического образования (Новгородской республики); обозначение «политического народа», т.е. полноправных новгородцев¹. Ещё раньше в новгородских источниках появилось другое словосочетание — «весь Новгород», которое почти не становилось объектом специального изучения и, видимо, воспринималось учёными как нечто интуитивно вполне понятное.

Ранее мне приходилось отмечать, что такие выражения, как «весь Новгород» и «все новгородцы», могли применяться в источниках для обозначения «политического народа» Новгорода, т.е. коллективного политико-юридического субъекта, в который входили полноправные горожане, и высказывать предположение о том, что они сыграли значительную роль в формировании новгородской политической идентичности². Хотелось бы теперь рассмотреть историю понятия «весь Новгород» и предложить развёрнутую аргументацию моей концепции.

Не так давно на обозначение «весь Новгород» обратила внимание О.В. Севастьянова и, справедливо отметив, что в летописании оно впервые появилось в конце XII в., увидела в нём отражение покорности новгородцев владимирскому князю Всеволоду Большое Гнездо³. По мнению Севастьяновой, формула «весь Новгород» возникла «во время усиления владимирского князя Всеволо-

© 2020 г. П.В. Лукин

В статье использованы материалы докладов, прочитанных на конференции «Восточная Европа в древности и Средневековье» (апрель 2017 г., Москва, Институт всеобщей истории РАН) и на заседании Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН 16 января 2018 г. Благодарю за советы, рекомендации и замечания всех его участников, в особенности К.В. Вершинина, С.В. Городилина и Е.Л. Конявскую.

¹ Лукин П.В. «Великий Новгород» // *Slověne. International Journal of Slavic Studies*. Vol. 7. 2018. № 2. С. 383—413.

² Лукин П.В. Обозначение «весь Новгород» и формирование новгородского «воображаемого сообщества» // *Восточная Европа в древности и Средневековье. Античные и средневековые общности. XXIX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто*. Москва, 19—21 апреля 2017 г. Материалы конференции. М., 2017. С. 137—143.

³ Sevastyanova O. In Quest of the Key Democratic Institution of Medieval Rus': Was the *Veche* an Institution that Represented Novgorod as a City and a Republic // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N.F. Bd. 58. 2010. N. 1. S. 15—16; Севастьянова О.В. Древний Новгород. Новгородско-княжеские отношения в XII — первой половине XV в. М.; СПб., 2011. С. 87—89.

да» и представляла собой «ссылку на крестоцелование всех новгородцев, находящихся “под рукой” князя», обозначая «всех присягнувших ему новгородцев»⁴. Появление формулы в новгородской летописи «в контексте сообщений прокняжеской направленности» исследовательница связывает с поставлением новгородского владыки Мартирия, который, как она отмечает, был союзником князя Ярослава Владимировича. Лишь позднее, во второй половине XIII в., «весь Новгород» начинает символизировать единство новгородской общности⁵. Выводы Севастьяновой вызывают определённые возражения, и несмотря на ряд верных наблюдений, могут быть дополнены.

Самое раннее летописное упоминание «всего Новгорода», если иметь в виду только ранние летописи (в позднейших, даже при сохранении в них ранних текстов, могли быть очень поздние поновления и исправления), содержится в Новгородской первой летописи (НПЛ) под 1194 г.⁶ После неудачного похода на Югру «печяловахуся въ Новгородѣ князь и владыка и весь Новгородъ»⁷. Бросающаяся в глаза современному читателю тавтология — «весь Новгород» печалится в Новгороде — на самом деле только проясняет смысл выражения: «весь Новгород» — это люди, живущие в городе Новгороде (обозначение топонима) и возглавляемые князем и архиепископом. Следующее упоминание в НПЛ датируется 1199 г. и связано с избранием епископа Митрофана. Когда он был «введён» в епископию, «всь Новѣгородъ, шьдъше, съ честию посадиша и»⁸. Совершенно очевидно, что «весь Новгород» здесь — это люди («Новгород» кординируется с множественным числом, т.е. «Новгород» в данном случае — это «они»), причём люди, имеющие отношение к принятию важнейшего решения, связанного с возведением на кафедру вновь поставленного владыки. В той же летописной статье (но это событие уже 1200 г.) «весь Новгород» появляется ещё раз: «Приде же князь Святославъ въ Новѣгородъ, сынъ Всеволожь, вьнукъ Гюргевъ... и посадиша и на столъ въ святѣи Софии, и обрадовася весь Новѣгородъ»⁹. Впоследствии «весь Новгород» и «все новгородцы» в НПЛ упоминаются неоднократно¹⁰.

Пожалуй, наиболее интересно известие под 1270 г., где сами новгородцы называют себя «всем Новгородом». Угрожая князю Ярославу Ярославичу, они через посла заявляют ему: «Княже, поѣди проче, не хотимъ тебе; али идемъ всь Новѣгородъ прогонити тебе»¹¹. «Весь Новгород» — это люди, причём такие, которые принимают участие в вече (оно упомянуто в летописной статье выше) и обладают правом и возможностью изгнать князя, т.е. это полноправные новгородцы, новгородский политический коллектив в целом.

Имеется также единичное упоминание «всего Новгорода» в Лаврентьевской летописи (Лавр.), относящееся к самому концу XII столетия (1199/1200 г.): «придоша Новгородци лѣпшиѣ мужи, Мирошьчина чадъ, к великому князю

⁴ Севастьянова О.В. Древний Новгород... С. 88—89.

⁵ Sevastyanova O. In Quest of the Key... P. 15—16; Севастьянова О.В. Древний Новгород... С. 87—88.

⁶ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 241—242.

⁷ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 41.

⁸ Там же. С. 44.

⁹ Там же. С. 44—45.

¹⁰ Там же. С. 52, 61, 65, 70.

¹¹ Там же. С. 88.

Всеволоду с поклономъ и с молбою всего Новагорода»¹². Новгородцы просили, если верить летописи, себе на княжение сына владимирского князя Всеволода Большое Гнездо, прошение было удовлетворено, и в Новгород отправился упомянутый выше Святослав Всеволодич.

Отсутствие в более ранних сегментах летописей, в том числе в НПЛ, обозначения «весь Новгород» не получается объяснять чисто стилистическими вкусами их составителей, так как подобные обозначения там встречаются, но применяются не к Новгороду и новгородцам или в совершенно ином значении. Неоднократно встречается обозначение «вся Русская земля» в значении или чисто территориальном, или характеризующем воинов, собранных с этой территории¹³, также «вся Чудская земля»¹⁴. Упоминаются и «вся Новгородская земля», «вся область Новгородская»: «Святославъ Олговиць съвькупи всю землю Новгородскую», или «на осень ходи Святоплькъ съ всѣю областю Новѣгородскою»¹⁵. Здесь также имеется в виду территория Новгородской земли или её население, которое мобилизуется князем (ср. также в Ипатьевской летописи (Ип.) «со всимъ полкомъ Новгородьцким») ¹⁶.

Ближе всего в содержательном плане ко «всему Новгороду» обозначение «весь город» (о новгородцах): «высушася весь городъ къ Сильнищю»¹⁷ и самое близкое: «сбрася весь град людии, изволиша собе епископъ поставити мужа богомъ избрана Аркадия; и шьдъше весь народъ, пояша и из манастиря от святыхъ Богородица»¹⁸. Речь идёт об участии новгородцев в избрании епископа, но употребляются более абстрактные выражения («весь град», «весь народ»), а не «весь Новгород» или «все новгородцы». Нечто похожее на «всех новгородцев» (но не на «весь Новгород») есть только в Ип., где под 1179/80 г. говорится о согласии «всех мужей новгородских» идти с князем Мстиславом Ростиславичем в поход на чудь¹⁹. Любопытно также, что в сообщении той же летописи о смерти этого князя, где можно было бы ожидать появления «всего Новгорода» или «всех новгородцев», используются более абстрактные выражения («вся земля», «все множество»): «И плакашася по немь вся земля Новѣгородская, наипаче же плакахуся по немь лѣпшии мужи Новгородьстѣи... И тако плакавъшеся над нимъ все множество Новгородское: и силнии, и худии, и нишии, и убозѣи, и черноризьсѣи»²⁰. В качестве примера тут можно привести также фразу из известия НПЛ под 1151/52 г. о прибытии в Новгород епископа Нифонта: «ради

---

¹² Там же. Т. I. М., 1997. Стб. 415. В Радзивилловской и Академической летописях (далее соответственно: Радз. и Ак.) фраза с упоминанием «всего Новгорода» (как и упоминание Мирошкиной чади) отсутствует (Там же, варианты. Примеч. 18, 19; ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1989. С. 160), однако в Летописце Переяславля Суздальского (ЛПС) они читаются (ПСРЛ. Т. XLI. М., 1995. С. 123), так что речь идёт, очевидно, о позднейших сокращениях, тем более что Радз. и Ак. восходят к общему протографу, имеющему признаки позднего происхождения (*Клосс*) Б.М. Радзивилловская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения. Жития. Послания: Аннотированный каталог-справочник. СПб., 2003. С. 29). О соотношении Радз., Ак. и ЛПС см. также: *Лурье Я.С.* Летопись Радзивилловская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 248—251.

¹³ ПСРЛ. Т. III. С. 23, 27, 33.

¹⁴ Там же. С. 35, в том же значении.

¹⁵ Там же. С. 23, 27.

¹⁶ Там же. Т. II. М., 1998. Стб. 618.

¹⁷ Там же. Т. III. С. 25.

¹⁸ Там же. С. 29—30.

¹⁹ Там же. Т. II. Стб. 608.

²⁰ Там же. Стб. 609—610.

быша людье Новѣгородѣ»²¹. Выше мы видели, что в этой ситуации вполне могло быть использовано выражение «весь Новгород». Принципиальная разница между такими выражениями заключается в том, что первые акцентируют специфику Новгорода и равенство лиц, входящих в его «политический народ», вторые же применимы к любой древнерусской земле и/или могут быть трактованы как относящиеся только к определённой группе населения²².

Близкое по содержанию к «всему Новгороду» выражение «все новгородцы» встречается и ранее 1180—1190-х гг. (в НПЛ — уже в первой же частично сохранившейся статье, в рассказе об одаривании Ярославом Мудрым поддержавших его новгородцев)²³, но не для обозначения новгородского политического коллектива, принимающего решения. В этом — политическом — значении словосочетание «все новгородцы» впервые встречается в летописи под 1208/09 г.²⁴ в известии о вокняжении в Новгороде Мстислава Мстиславича, и вложено оно в уста князя. Придя в Торжок, Мстислав посылает в Новгород весть: «Кланяяся святѣи Софии и гробу отца моего и всѣмъ новгородьцемъ; пришльть есмь къ вамъ, слышавъ насилье от князь, и жаль ми своя отчины»²⁵. «Все новгородцы», означая явно то же самое, что «весь Новгород» в приведённых выше примерах (политический коллектив), фигурируют в другом контексте. Это словосочетание отнюдь не указывает на то, что новгородцы находятся «под контролем князя»²⁶, а, напротив, подчёркивает как «правильные» равноправные их отношения с князем и в известной степени противопоставляет их «неправильным» отношениям с князьями-предшественниками Мстислава, применявшими «насилие» ко «всем новгородцам». Если же прав А.А. Гиппиус, и данная статья НПЛ, как и рассмотренная выше (где речь идёт о событиях 1199—1200 гг.), принадлежит летописцу архиепископа Митрофана²⁷, становится ясным, что мы имеем дело не с эволюцией самого значения выражения «весь Новгород» («все новгородцы»), а с использованием его в разных контекстах. Когда летописцу нужно было подчеркнуть, что новгородский «политический народ» поддерживает князя, он писал, что это была воля «всех», если он хотел осудить князей, он акцентировал внимание опять-таки на том, что эти князья творили насилие в отношении «всех новгородцев». Здесь, разумеется, ощущается значительный элемент политической риторики: понятно, что ни ставленники Всеволода Большое Гнездо не могли бы сидеть в Новгороде, раздражая своим «насилием» «всех» новгородцев, ни Мстислав не мог бы овладеть городом, а потом утвердиться в нём, если бы и ранее у него там не было своей «группы поддержки». Но появление такой риторики представляет, как мы увидим ниже, определённый и весьма важный этап на пути развития новгородской коллективной политической идентичности. Кроме того, «весь Новгород» фигурирует не только в нарративных источниках.

²¹ Там же. Т. III. С. 28.

²² Лукин П.В. Вече. Социальный состав // Горский А.А., Кучкин В.А., Лукин П.В., Стефанович П.С. Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 73—77.

²³ ПСРЛ. Т. III. С. 15.

²⁴ О дате см.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 255—256.

²⁵ ПСРЛ. Т. III. С. 51.

²⁶ Sevastyanova O. In Quest of the Key... P. 16.

²⁷ Гунпиус А.А. Новгородская владычная летопись XII—XIV вв. и её авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2004—2005. М., 2006. С. 215.

В «Церковном уставе Всеволода» также упоминается «весь Новгород». Согласно Уставу, «мѣрила торговаа» и прочее даются «святѣи Софии, и епископу, и старостѣ иваньскому, и всему Новгороду»²⁸. Данный фрагмент Устава относится к той его части, которая, как показал Б.Н. Флоря, скорее всего, датируется началом правления в Новгороде князя Ярослава Владимировича, свояка Всеволода Большое Гнездо (предположительно 1182 г.)²⁹. Если это так, то именно это упоминание «всего Новгорода» в источниках оказывается самым ранним, а не летописные. И это позволяет говорить, что уже в указанное время рассматриваемое словосочетание было не просто красивой риторической фигурой, но имело достаточно определённое содержание, обозначая новгородский политический коллектив, обладающий конкретными полномочиями (в данном случае, правом на контроль над торговыми мерами и весами).

Среди грамот обозначение «весь Новгород» впервые упоминается в договоре и проектах договоров Новгорода с вышеупомянутым Ярославом Ярославичем 1264 и 1268 гг.³⁰ и быстро становится частью стандартного формуляра: «[Благосл]овлен[и]е от владыки, поклонъ от по[са]д[ни]ка [Ми]хаила и от [т]ысяцкаго Кондрата, и [от] вс[е]хъ соцьскихъ, и [от] всехъ старѣишихъ, и от всего Новагорода къ князю Ярославу»³¹. Но более ранние новгородские договорные грамоты не сохранились. Однако ещё раньше, в договоре Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1191—1192 гг., появляется выражение «все новгородцы» — на том же месте, которое впоследствии будет занимать также «весь Новгород»: «Се язъ князь Ярославъ Володимѣричъ, стадавъ с посадникомъ с Мирошкою, и с тысяцкимъ Яковомъ, и съ всѣми новгородъци, потвердихомъ мира старого»³². В то же время в более ранней новгородской жалованной грамоте 1134 г. (князя Изяслава Мстиславича Пантелеймонову монастырю) этих выражений нет; хотя «место» для них имеется, но оно занято просто «Новгородом»: «Се яз, князь великии Изеслав Мѣстиславич, по благословению епискупа Нифонта, испрошал есмъ у Новагорода святому Пантельмону землю»³³.

«Весь Новгород» в грамотах XIII в. вместе с посадником, тысяцким, «всеми старейшими» и «всеми меньшими» «кланяется» князю и явно может включать в себя этих лиц и эти категории населения, и «всему Новгороду» князь целует крест. Такое словоупотребление сохраняется и в XIV в. В проекте договора Новгорода с князем Михаилом Ярославичем 1305—1307 гг. читаем: «Благословение от владыки, поклонъ от посадника Георгия, и от тысячкого Андрѣяна, и от всѣхъ старѣишихъ, и от всѣхъ мнѣишихъ, и от всего Новагорода господину князю Михаилу Ярославичу». Ниже говорится о том, что князь должен целовать крест «къ всему Новгороду»³⁴. «Весь Новгород» вновь предстаёт коллективом, включающим в себя новгородских должностных лиц и всё полноправное население, состоящее из «старейших» и «меньших».

²⁸ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 155.

²⁹ Флоря Б.Н. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в Средние века и Новое время. Сборник статей к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова. М., 1999. С. 83—96.

³⁰ О датировке первого документа см.: Янин В.Л. Новгородские акты XII—XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 142—145.

³¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9, 10, 12, 13.

³² Там же. № 28. С. 55. О датировке см.: Янин В.Л. Новгородские акты... С. 81.

³³ Корецкий В.И. Новый список грамоты великого князя Изяслава Мстиславича новгородско-му Пантелеймонову монастырю // Исторический архив. 1955. № 5. С. 204.

³⁴ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. № 7. С. 16—17.

В иноязычных документах данные понятия появляются только со второй половины XIII в., но более ранних подобных текстов и нет. Так, в договоре Ярослава Ярославича с Любеком и Готландом 1269 г. фигурируют «все новгородцы»: «Я, князь Ярослав, сын князя Ярослава, обдумал с посадником Павшей, с тысяцким господином Ратибором, и со старостами, и со всеми новгородцами» (*mit al dhen Nogarderen*, в «Грамотах Великого Новгорода и Пскова» переведено ошибочно: «со всем Новгородом»)³⁵. В рамках стандартного формуляра выражения «все новгородцы» и «весь Новгород» используются альтернативно, ярким подтверждением чего является то обстоятельство, что в случае, если документ сохранился в двух вариантах, русском и средненижнемецком, в одном может стоять одно выражение, в другом — другое. Например, *intitulatio* в послании Новгорода Любеку 1371 г. в русском и средненижнемецком вариантах выглядит по-разному: «от великого князя намѣстника Ондръя, от посадника Ивана, от тысяцкого Олисъя и от всего Новагорода» и «Van des groten koninghes namestnicken Andree, vnde van dem borchgreuen Ywanen, vnde van dem hertoghen Olysee, vnde van den menen Nowerde[r]s (“от всех новгородцев”»)³⁶. Становится очевидным, что между этими обозначениями не было существенной разницы.

Данные обозначения проникают и в документацию немецких торговых городов. В 1292 г. новгородские послы во главе с тысяцким сообщают немцам, что должны будут доложить о результатах переговоров «господину князю и всем новгородцам» (*domino regi et communibus Nogardensibus*)³⁷. Известны два экземпляра «печати всего Новгорода», привешенные к договорной грамоте Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг.³⁸, свидетельствующие, что это обозначение приобрело официальный характер.

Выясняется, что не только «все новгородцы» (что очевидно), но и «весь Новгород» — это *люди*, выступающие в качестве коллективного политико-юридического субъекта, полноправные новгородские горожане. Эти выражения для обозначения новгородского политического коллектива стали использоваться в новгородских источниках в 1180—1190-х гг. Ранее выражение «весь Новгород», по-видимому, не применялось вовсе, а выражение «все новгородцы» не использовалось для обозначения «политического народа» и бытовало только в самом общем значении. Далее они становятся неотъемлемой частью новгородского «политического языка» и одним из важнейших средств конструирования коллективной политической идентичности новгородцев, в том числе и на официальном уровне. Этому, по-видимому, способствовало бытование в более раннее время понятия «Новгород» для обозначения явления, близкого к «политическому народу»³⁹, а также наличие в живом языке словосочетания «все новгородцы». Не исключено, что какую-то роль могли сыграть и литературные формулы, встречающиеся в начальном летописании, типа «весь Ерусалимь»⁴⁰. Есть в начальном летописании и похожее выражение применительно к Киеву. После гибели киевского князя Изяслава Ярославича в сражении на Нежатиной

³⁵ Там же. № 31. С. 58.

³⁶ Там же. № 44. С. 79; РГАДА, ф. 1490, оп. 1, д. 25, л. 1.

³⁷ Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2018. Приложение 1. С. 540.

³⁸ Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси. Т. II. Новгородские печати XIII—XV в. М., 1970. С. 125.

³⁹ Лукин П.В. «Великий Новгород». С. 403—405.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 102.

Ниве в 1078 г. навстречу процессии, которая привезла его тело, «изиде... весь городъ Киевъ»⁴¹. В Московском летописном своде конца XV в. в известии о вокняжении в Киеве Ростислава Мстиславича в 1159 г. сказано, что, когда он подъехал к городу, «изыде противу его... весь Киевъ»⁴². Этот фрагмент, как показал А.Н. Насонов, восходит к тексту южнорусского источника, родственному Ип., но сохранившему отличные от неё и притом ранние чтения⁴³. В Киевском своде в составе Ип. в статьях за XII в. нередко появляется обозначение «все кияне» в политическом смысле, в том числе применительно к вечевым собраниям⁴⁴ (словосочетание «весь Киев» хотя и упоминается, но не в этом значении)⁴⁵. В Лаврентьевской летописи под 1215/16 г. имеется упоминание «всех рязанцев» в политическом смысле (но опять же — не «всей Рязани») ⁴⁶.

Вероятно, новгородским влиянием следует объяснять появление в XIV в. обозначения «весь Псков» для характеристики псковского «политического народа». Как и в Новгороде, помимо «всего Пскова» с этой целью использовалось выражение «все псковичи» (а также «мужи-псковичи») ⁴⁷. Однако, каковы бы ни были источники, оказавшие воздействие на возникновение именно таких наименований, нет сомнений в том, что их распространение в Новгороде начиная с конца XII в. (а потом и во Пскове с XIV в.) отвечало глубоким внутренним потребностям формировавшегося республиканского строя. Об этом свидетельствует как их широкое использование, так и проникновение в официальную документацию.

Главной функцией новгородских обозначений было, как представляется, акцентирование, с одной стороны, некоей исключительности Новгорода («весь Новгород», в отличие от, например, «всего града», мог быть, естественно, только в Новгороде), с другой — в них в наиболее концентрированной форме проявилось представление о новгородском политическом коллективе как о сообществе, которое «независимо от фактического неравенства» должно было восприниматься как «глубокое, горизонтальное товарищество» ⁴⁸. Целью его было сплочение новгородцев как политического сообщества.

Почему это произошло именно в 1180—1190-е гг.? Следует обратить внимание на то, что тогда происходили очень существенные изменения новгородского социально-политического строя, выразившиеся, прежде всего, в возникновении республиканского тысяцкого ⁴⁹ (до этого в Новгороде действовали

⁴¹ Там же. Стб. 202.

⁴² Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 66.

⁴³ Насонов А.Н. История русского летописания XI—XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 279—293.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 321, 322, 348, 418—419, 470, 534, 568, 681.

⁴⁵ Так, когда в 1174 (или начале 1175) г. князь Ярослав Изяславич захватил Киев, он учинил там расправу и «попрода весь Киевъ: игумены, и попы, и черныцѣ, и черницѣ, Латину и гостѣ, и затвори всѣ Кыяны» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 579; о дате см.: Березжков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 190). «Весь Киев» — здесь люди, но не политический коллектив, а просто наличное население города, объект политики князя, к тому же в его состав входят заведомо «чуждый» элемент — иноземные купцы. Таким же объектом политики князя являются тут и «все кияне».

⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 433.

⁴⁷ Подробный анализ этих обозначений см.: Вовин А.А. Городская коммуна средневекового Пскова: XIV — начало XVI в. СПб., 2019. С. 136—159.

⁴⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М., 2001. С. 32.

⁴⁹ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 158—160.

только княжеские тысяцкие⁵⁰, что было связано с консолидацией непривилегированных слоёв населения и идеологическим оформлением их принадлежности к сообществу полноправных новгородцев⁵¹. К 1193 г. относится первое упоминание об избрании новгородцами архиепископа с помощью жребия⁵². Возможно, именно в 1190-х гг. (или несколько позже) возникает должность архимандрита новгородского, являвшегося одновременно настоятелем Юрьева монастыря — главы организации чёрного духовенства⁵³. Ближе к этому времени — на рубеже XII—XIII вв. — в новгородских источниках распространяется патрональная формула «Бог и святая София», где «святая София» понимается как объединяющая новгородцев святыня-покровительница⁵⁴.

Высказанное относительно недавно интересное предположение о том, что инициатором политических реформ в это время был сам князь Ярослав Владимирович, которого предлагается рассматривать не как марионетку Всеволода Большое Гнездо, а как достаточно самостоятельного деятеля⁵⁵, представляется пока слишком смелым (тем более что эти перемены в конечном счёте были невыгодны княжеской власти). Вместе с тем кажется очень вероятным, что рубеж XII—XIII вв. следует считать одним из важнейших этапов на пути оформления новгородской политической идентичности и в истории становления республиканского строя, и, может быть, даже не менее важным, чем знаменитая «новгородская революция» 1136 г.

---

⁵⁰ Кучкин В.А. Тысяцкие в Новгороде в домонгольский период // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 10. Тверь, 2017. С. 8—11.

⁵¹ Гиппиус А.А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника. М., 2005. С. 18—19.

⁵² ПСРЛ. Т. III. С. 231—232. О достоверности этого известия см.: Гиппиус А.А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6(16). СПб., 1997. С. 26.

⁵³ Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. С. 164—168.

⁵⁴ Хорошев А.С. Новгородская Святая София и Псковская Святая Троица по летописным данным (из истории местных патрональных культов) // *Mediaevalia Ucrainica: Ментальність та історія ідей*. Т. V. Київ, 1998. С. 5—25; Гиппиус А.А. Архиепископ Антоний, новгородское летописание и культ святой Софии // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. М., 2009. С. 181—198.

⁵⁵ Гиппиус А.А. Князь Ярослав Владимирович...

К вопросу о датировке Болотовского договора

Наталья Петрова

Revisiting the date of the Treaty of Bolotovo

Natalia Petrova

(ITMO University, Saint Petersburg, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870010772-0

В историографии новгородско-псковских взаимоотношений XIV в. вопрос о «Болотовском договоре» занимает одно из ключевых мест. Начиная с Н.М. Карамзина, с этим актом, данным новгородцами псковичам в 1348 г. (согласно Новгородской IV летописи)¹, связывается официальное признание Новгородом независимости Пскова². По вопросу о степени этой независимости историками высказаны разнообразные мнения³. Если у дореволюционных и большинства советских исследователей споры вызывал вопрос о значении Болотовского пожалования, то в работах конца XX — начала XXI в. пересмотру подверглась датировка самого договора.

Впервые дату подписания Болотовского договора подвергла сомнению Г.В. Проскурякова. Она отметила, что из летописного сообщения «совершенно ясно, что Болотово, упоминающееся в речи новгородцев, — не лагерь под Орешком»; новгородцы не пошли бы на столь значительные уступки ради помощи небольшого псковского отряда; псковичи, «добившись такого успеха, не поставили бы его под угрозу своим отъездом». Эти доводы позволили Проскуряковой утверждать, что Болотовский договор был заключён ранее 1348 г. В поисках даты подписания «пожалования» исследовательница обратилась ко времени княжения в Пскове Александра Михайловича Тверского (1327—1329, 1331—1337). Именно в этот период, посчитала она, для усиления позиции Мос-

© 2020 г. Н.А. Петрова

¹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1. Пг., 1915. С. 278.

² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 4. СПб., 1833. С. 262; *Болховитинов Е.А.* История княжества Псковского с присовокуплением плана города Пскова. Ч. 1. Киев, 1831. С. 87; *Соловьёв С.М.* Псков и Ливония // Московский сборник. Т. 1. М., 1852. С. 298; *Соловьёв С.М.* Сочинения. Кн. 2. Т. 3—4. М., 1988. С. 246; *Толстой М.В.* Святыни и древности Пскова. М., 1861. С. 8; *Беляев И.Д.* Рассказы из Русской истории. Кн. 3. История города Пскова и Псковской земли. М., 1867. С. 258; *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования. Т. 7. СПб., 1868. С. 270—271; *Троицкий И.Д.* Псков, Ливония и Вятка // Бесплатное приложение к журналу «Народное образование» за январь 1904 г. С. 6.

³ *Никитский А.И.* Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873. С. 210—214; *Хорошев А.С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980. С. 64—65; *Пресняков А.Е.* Образование Великолукского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 288; *Лавров В., Максимов П.* Псков. Псков, 1950. С. 9; *Кафенеауз Б.Б.* Посадники и боярский совет в древнем Пскове // Исторические записки. Т. 33. М., 1950. С. 173; *Мартысевич И.Д.* Псковская Судная грамота. Историко-юридическое исследование. М., 1951. С. 41; *Мартысевич И.Д.* Общественно-политический строй и право Псковской феодальной республики XIV—XV вв. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1965. С. 16; Псковский край в истории СССР. Очерки истории. Л., 1970. С. 15; *Колотилова С.И.* К вопросу о положении Пскова в составе Новгородской феодальной республики // История СССР. 1975. № 2. С. 152; *Васильев М.Е.* Этапы развития обороны Псково-Литовского рубежа в XIII—XVI вв. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1978. С. 6, 33; *Кучкин В.А.* Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сборник статей. М., 1980. С. 52.

квы по отношению к Новгороду и Пскову Иван Калита согласился на отделение Пскова от «старшего брата». Аргументируя свой вывод, Проскуракова писала о том, что с этого времени новгородский владыка стал приезжать в Псков на свой «подъезд», а это, как она полагала, являлось одним из условий Болотовского договора⁴.

Т.В. Круглова обратилась к вопросу о Болотовском пожаловании в связи с исследованием церковной организации средневекового Пскова. Она выдвинула гипотезу о существовании в договоре статей, невыгодных псковичам: о праве присылать новгородского князя-кормленщика и об учреждении псковского владычного наместничества. В 1348 г., по её мнению, псковичи публично отказались от выполнения условий Болотовского договора, что и было зафиксировано на страницах летописи. А подписание этого акта произошло в 1342 г., во время псковско-ливонской войны⁵.

В.Л. Янин также отверг традиционную датировку Болотовского пожалования. Свою позицию исследователь аргументировал рядом соображений: шведская военная угроза была не столь серьёзной, чтобы новгородцы согласились пойти на уступку псковичам; подобные соглашения «не заключались в полевых условиях предводителями военных отрядов»; в районе Ореховца нет населённого пункта с названием Болотово; псковский отряд был не столь многочисленным, чтобы оказать серьёзную помощь новгородцам; между Болотовским пожалованием и событиями у Ореховца прошло определённое время, «коль скоро новгородцы упрекают псковичей в короткой памяти»; ни Новгородская I летопись, ни псковские летописи не упоминают о каком-либо докончании Новгорода и Пскова под 1348 г. Анализируя сообщения летописей, Янин обратился к событиям 1329 г., когда войска великого князя владимирского Ивана Даниловича Калиты пошли на Псков с целью выгнать оттуда князя Александра Михайловича. Историк выдвинул предположение о том, что Болотовский договор был заключён между псковичами и новгородцами в 1329 г. в лагере Ивана Калиты у города Опоки после отбытия из Пскова князя Александра Тверского. Уточнив, что в семи километрах к юго-востоку от Опок находилась деревня Волотово, исследователь идентифицировал её с летописным Болотово⁶. Мнение Янина впоследствии поддержали К.А. Аверьянов и А.Е. Мусин⁷.

С.В. Белецкий, проанализировав сообщение Новгородской I летописи о владычном приезде в Псков в 1337 г., где сообщается о том, что псковичи отказали своему архиепископу в «части своих полномочий, которая, согласно условиям Болотовского договора, переходила в компетенцию псковского владычного наместника», исследователь пришёл к выводу о том, что в 1337 г. Болотовский договор ещё не был заключён. По его мнению, это пожалование было дано «в период, максимально близкий к 1348 г.», а именно зимой 1342/43 г. Свой вывод историк подкрепил данными псковских и новгородских летописей. В сообщении Новгородской I летописи за март 1342 г. зафиксировано, что, обращаясь за помощью против немецких рыцарей, псковичи назвали

⁴ Псков. Очерки истории. Л., 1971. С. 36, 37.

⁵ Круглова Т.В. Церковь и духовенство в социальной структуре Псковской феодальной республики. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. С. 7—8.

⁶ Янин В.Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII—XIV веках // Отечественная история. 1992. № 6. С. 4, 5.

⁷ Аверьянов К.А. Псковские князья первой половины XIV в. // Псков в российской и европейской истории. Международная научная конференция. Т. I. М., 2003. С. 149; Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. СПб., 2010. С. 275.

новгородцев «господой». Это, по мнению Белецкого, свидетельствует о том, «что весной 1342 г. суверенитет Пскова ещё не имел правового, юридического оформления». В записях же Псковских I и III летописей за июнь 1343 г. при обращении псковичей к новгородцам употреблена формула: «Новгородцы, братья наша», а «эта форма обращения ни в коей мере не отвечает требованиям вассалитета, но зато соответствует формуле отношений, зафиксированных Болотовским договором». Следовательно, как полагал историк, Болотовское пожалование было подписано между мартом 1342 г. и июнем 1343 г. Опираясь на данные псковских и новгородских летописей, Белецкий сузил датировку до зимы 1342/43 г., когда во время псковско-ливонской войны псковичи помирились с новгородцами⁸.

Рассмотрев историографию вопроса о дате заключения Болотовского договора, А.В. Ерёмченко выразил сомнения в том, что пожалование было дано новгородцами псковичам в годы княжения в Пскове Александра Михайловича Тверского. Это, по мнению историка, противоречит сообщению псковских летописей⁹: в 1342 г. псковичи рассорились со своим князем Александром Всеволодовичем, покинувшим город и уехавшим в Новгород, оставив жителей Пскова в условиях военного конфликта с немцами. В этой ситуации псковичи обратились к новгородцам с просьбой прислать помощь и наместника¹⁰. Если бы Болотовский договор к 1342 г. был заключён, то, по мнению Ерёмченко, «псковичи, лишь недавно юридически оформившие политическое отделение от Новгорода, не стали бы создавать прецедент для вмешательства Новгорода в псковские дела и ограничились бы просьбой о присылке войска без наместника». Хронологический период возможного подписания соглашения исследователь разместил между 1342 и 1345—1346 гг., никак не пояснив верхней границы датировки. Для уточнения даты подписания пожалования Ерёмченко обратился к летописным известиям, повествующим о псковско-ливонской войне 1342—1343 гг. По мнению исследователя, именно в это время сложилась политическая ситуация, способствовавшая заключению Болотовского договора: псковичи рассчитывали на помощь литовцев против немцев, но не получили её и вынуждены были «смириться» с Новгородом, т.е. подписать Болотовский договор. Это произошло, согласно Ерёмченко, в 1342 — не позднее марта 1343 г. Для усиления аргументации исследователь обратил внимание на то, что летописец, сообщая о примирении псковичей с новгородцами, подробно перечислил святыни, на которые «уповали» псковичи. «Если бы речь шла о простом “примирении” псковичей с новгородцами, вряд ли бы новгородский летописец стал их перечислять; он тем самым хотел подчеркнуть значимость этого “смирения”, т.е. Болотовского договора»¹¹. Близкой датировки придерживается и А.В. Валеров, в качестве наиболее вероятной даты подписания Болотовского пожалования назвавший 1342 г.¹²

Мнения историков, рассматривавших вопрос о месте и обстоятельствах заключения Болотовского договора, таким образом, разделились. Наряду с тра-

⁸ Белецкий С.В. Сфрагистика средневекового Пскова. Вып. 2: Вечевые печати Пскова. СПб., 1994. С. 64—67.

⁹ Ерёмченко А.В. Болотовский договор и его значение // *Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: редактор и текст.* Вып. 3. СПб., 2000. С. 31, 33.

¹⁰ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 18; Вып. 2. М.; Л., 1955. С. 24, 93.

¹¹ Ерёмченко А.В. Указ. соч. С. 33, 34.

¹² Валеров А.В. Новгород и Псков: очерки политической истории Северо-Западной Руси XI—XIV веков. СПб., 2004. С. 261—263, 265—266.

диционной датировкой пожалования исследователями выдвинуто положение о заключении акта до 1348 г.: одни историки считают датой подписания договора 1329 г., другие — 1342/43 г. При этом аргументация исследователей, утверждавших, что Болотовский договор был заключён ранее 1348 г., не совсем убедительна. Опираясь только на летописные данные, нельзя понять, где именно находилось местечко Болотово: было ли это селение, расположенное недалеко от Ореховца, или его следует искать в других местах. Вслед за В.Л. Яниным полагаю продуктивным привлечь материалы писцовых книг для возможного решения этого вопроса. Спорным является и утверждение о том, что немногочисленный псковский отряд не рассматривался новгородцами в качестве военной силы, способной оказать помощь в борьбе со шведами. Напомню, что в 1348 г. великий князь владимирский не пришёл на помощь жителям Новгорода, которые вынуждены были самостоятельно вести борьбу со шведскими войсками, осадившими Ореховец¹³. Сложно судить, насколько серьёзной для Новгородской земли была военная угроза, но то, что осада Ореховца длилась более шести месяцев¹⁴, свидетельствует о том, что новгородцам пришлось надолго аккумулировать значительные военные силы под стенами крепости, и помощь даже небольшого псковского отряда могла оказаться существенной.

Оценивая обстоятельства, при которых новгородцы дали «жалобу» псковичам, следует принять во внимание то, что в традиционном обществе «нововведением», как правило, является письменно зафиксированная традиция. Вероятно, Болотовский договор юридически закрепил уже сложившиеся отношения. А это вполне могло произойти в полевых условиях, учитывая, что псковский отряд возглавляли лучшие представители общины, выражавшие и защищавшие интересы своей земли. Полагаю, что под Болотово был заключён лишь предварительный договор. Можно спорить и с утверждением об угрозе болотовским договорённостям вследствие отъезда псковичей из лагеря. Текст договора не сохранился, известны лишь условия соглашения, упомянутые летописцем, и остаётся только предполагать, при каких обстоятельствах действие документа могло быть прекращено. Ни один выдвинутый исследователями довод не опровергает традиционной датировки Болотовского договора.

Отмечу, что в 1329 и 1342/43 гг. псковичи действительно заключили договорные грамоты. Однако в первом случае это было dokonчание Пскова с Иваном Калитой, регламентировавшее отношения Пскова с великим князем, а нормы Болотовского соглашения посвящены псковско-новгородским взаимоотношениям¹⁵. В 1342/43 г. псковичи, согласно летописному сообщению, «смиришася с Новымъ городом»¹⁶. Условия мира неизвестны, однако его тоже нельзя соотнести с Болотовским договором: его заключили во время псковско-ливонской войны 1341—1343 гг. и начавшейся в Пскове эпидемии, когда надежды псковичей на литовскую военную поддержку не оправдались. Новгородская IV летопись сообщает, что в 1342/43 г. псковские послы «добиша челомъ Новугороду и смиришася»¹⁷. Древнерусское выражение «бить челом»

¹³ ПСРЛ. Т. III. М.; Л., 1950. С. 359—360.

¹⁴ Там же. С. 359—361; Т. IV. Ч. 1. С. 279.

¹⁵ Валеров А.В. Указ. соч. С. 265.

¹⁶ Псковские летописи. Вып. 2. С. 96—97.

¹⁷ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 274.

означает «просить» и подчёркивает неравенство сторон¹⁸, в то время как Болотовское пожалование регламентировало взаимоотношения пусть и не полностью равноправных общин, но «братьев».

Обратимся к рассмотрению сообщения Новгородской IV летописи за 1348 г. в контексте событий, происходивших в конце 1340-х гг. в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. В конце 1347 — начале 1348 г. шведский король решил организовать крестовый поход против новгородцев. Он предложил новгородцам организовать богословский спор о том, «чья вера лучши». На это жители Новгорода ответили: «А с тобою не спираемся про веру; а коя будет обида межи нами, а о томъ шлем к тебе на съездъ». Но Магнуса Эриксона такой ответ не удовлетворил: «Обиди ми с вами ниту ни коеи, поидите в мою веру; а не поидете, иду на васъ со всею моею силою»¹⁹. Безусловно, спор о вере был только предлогом для организации похода на прибалтийские владения Великого Новгорода, либо так желал объяснить агрессию шведского короля новгородский летописец²⁰. В 1348 г. войска короля Магнуса вторглись в Новгородскую землю и осадили крепость Ореховец (Орешек). Новгородцы послали на помощь жителям крепости «малую дружину». Но война затянулась: Магнус взял Ореховец на Спасов день, 1 августа 1348 г. Новгородские войска отправились в Ладогу, где встали лагерем в безрезультатном ожидании помощи от великого князя владимирского Симеона Ивановича Гордого. Последний был занят разрешением политической ситуации, сложившейся в 1340-х гг. в отношениях Литвы, Орды и Тевтонского ордена. В начале 1348 г. рыцари во главе с магистром Тевтонского ордена выступили в поход. 2 февраля 1348 г. состоялось сражение на р. Страве, где литовские войска потерпели поражение²¹. Князь Ольгерд искал союзников, и вскоре «посла въ Орду къ царю Чанибеку брата своего Корьяда, и просиль рати оу царя себе въ помочь»²². Возникла возможность образования литовско-ордынского союза²³, и для предотвращения этой угрозы Симеон Гордый отправил к хану Джанибеку посольство. Хан принял сторону великого князя Владимирского: Кориада арестовали и отправили в Москву с ордынским послом.

Эти события происходили в то время, когда отряды шведского короля вторглись в Новгородскую землю, а жители Новгорода позвали великого князя владимирского на помощь. Поначалу Симеон Иванович отправился с войсками к Новгороду, но в пути «постигоша его гонци киличей изо Орды, онъ же възвратися на Москву»²⁴. В Новгород прибыло московское войско, возглавленное братом Симеона Гордого князем Иваном Ивановичем, вернувшимся в Москву после получения известия о взятии шведами Ореховца²⁵. Новгородцам

¹⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. С. 1486—1487; Сквайрс Е.Р., Фердинанд С.Н. Ганза и Новгород: языковые аспекты исторических контактов. М., 2002. С. 184—188.

¹⁹ ПСРЛ. Т. III. С. 359.

²⁰ Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987. С. 142.

²¹ Чешихин Е.В. История Ливонии с древнейших времён. Т. 2. Рига, 1885. С. 252—253; Гудавичюс Э. История Литвы. С древнейших времён до 1569 года. М., 2005. С. 127—128.

²² ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. Стб. 58.

²³ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. Очерки экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 540—541; Горский А.А. Москва и Орда. М., 2000. С. 74—75.

²⁴ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 58.

²⁵ Там же. Т. III. С. 360.

пришлось продолжать войну своими силами, и они «поидоша из Ладоги и ста-ша у Вореховца»²⁶. Произошло это на Успение Богородицы — 15 августа 1348 г. Осада длилась до 25 февраля 1349 г. и завершилась освобождением города²⁷.

Согласно летописным данным, в составе новгородского войска под Ореховцем были псковичи²⁸, а Псков и Псковская земля остались без защитников. Воспользовавшись этим, немцы совершили два похода на Псковщину, придя с севера, со стороны р. Наровы, и с запада, со стороны Дерптского епископства. Вторая военная акция, судя по данным псковских летописей, была масштабной: ливонцы разорили территорию вокруг Острова, затем подошли вдоль р. Великой к Запсковью, оттуда двинулись к Изборску и уже от этой крепости — в Дерптское епископство. Об этих нападениях красноречиво сообщает Псковская III летопись: «Немци прислаша во Псков, развергоша мирь со псковичи, переехавше Немци Норовоу, повоеваша села псковская. По томъ, того же лета, воеваше села около Острова, и поидоша ко Псковоу подле Великоую рекоу, воюючи села, и подъехавше, пожгоша хоромы на Завеличье, и поидоша ко Изборскоу, воюючи села псковская и изборская; а псковичи тогда бяше оу Ворешка»²⁹. В этой ситуации псковичи, принимавшие участие в осаде Ореховца, должны были вернуться в свою землю. Именно в связи с этими событиями Новгородская IV летопись упоминает «Болотовский договор». Не желая оставлять свою землю без защиты, псковичи сказали новгородцам: «“Не хотим стояти долго, но идемъ прочь”. Реша же новгородци: “братье Плесковици! *Топерво* (здесь и далее курсив мой. — *Н.П.*) мы вамъ дали жалобу на Болотови: посадникомъ нашимъ оу васъ въ Плескове не быти ни судити, а о владыце судити вашему Плесковитиноу, а из Новагорода васъ не позывати дворяны, ни подвойскими, ни Софьяны, ни изветники, ни беречи; но борзо есте забыли наше жалование, а ныне хочете поехать”»³⁰. Несколько иной текст содержится в Софийской I летописи: «*Того же лета, коли идучи Новгородци къ Ореховцю* даша жалование городу Пскову: посадникомъ Новгородскимъ въ Пьскове ни седеи, ни судити, а отъ владыки судити ихъ брату Псковитину, а изъ Новагорода ихъ не позывати ни дворяны, ни подвойскими, ни Софияны, ни изветники, ни биричи; но назваша братомъ младшимъ Новугороду Псковъ»³¹.

Близость содержания этих известий связана с тем, что обе летописи восходят к общему протографу, текст которого передан в Софийской I летописи лучше, без заметных добавлений. Несмотря на то что источник этих летописей исследователями восстанавливается по-разному, важно, что памятники отразили новгородское летописание конца XIV — первой половины XV в.³² Выражение, употреблённое составителем Новгородской IV летописи для обозначения времени Болотовского пожалования — «топерво», означало в древнерусском языке «теперь, теперь в первый раз, только что»³³. Из содержания этой летописной

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Т. IV. Ч. 1. С. 278—279; Т. III. С. 361.

²⁸ Там же. Т. III. С. 360.

²⁹ Псковские летописи. Вып. 2. С. 26, 97.

³⁰ ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. С. 278, 287.

³¹ Там же. Т. VI. Вып. 1. М., 2000. Стб. 422.

³² Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. С. 182—188, 208—221; Присёлков М.Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 142—164; Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 67—121.

³³ Срезневский И.И. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1902. Стб. 1768; Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 442.

статьи узнаём, что жалование было дано в 1348 г. — «только что». Об этом же свидетельствует и статья Софийской I летописи: Болотовское пожалование было дано новгородцами по дороге к крепости Ореховец, в 1348 г. — «коли идучи новгородци къ Ореховцю». Летописные статьи, следовательно, не дают основания относить заключение договора к более раннему времени.

Принимая во внимание фразу летописца о том, что пожалование было дано псковичам, «коли идучи Новгородци къ Ореховцю», можно предположить, что это случилось по дороге из Новгорода в Ладогу или из Ладоги в Ореховец. Согласно данным писцовой книги по Вотской пятине 1500 г., в Никольском (Ярвосольском) погосте Ореховецкого уезда существовала деревня Болотово. Весь уезд располагался вдоль р. Мея, впадающей в р. Неву, и р. Назия, впадающей в Ладожское озеро³⁴. Данные летописей и писцовой книги позволяют предположить, что после занятия Ореховца шведами новгородцы, не дождавшиеся помощи от великого князя, отправились из Ладоги к захваченной неприятелем крепости. По дороге, у деревни Болотово, они дали «жалование» псковичам. Если это предположение верно, то Болотовский договор был заключён в промежутке времени между 1 и 15 августа 1348 г. в деревне Болотово, расположенной по дороге между Ладогой и Ореховцем.

---

³⁴ Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины. 7008 года (Вторая половина) // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. Кн. 11. М., 1851. С. 439.

Земцы: эволюция социального статуса и отношений собственности в XV—XVI вв.

Владимир Аракчеев

«*Zemtsy*»: evolution of social status and property relations
in 15th—16th centuries

Vladimir Arakcheev

(Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010773-1

История земцев (своеземцев) — непривилегированных свободных земле-владельцев в России XV—XVI вв. — до настоящего времени содержит множество лакун и противоречий. Исследователи довольно рано оценили новгородские писцовые книги как выдающийся по полноте источник сведений о земцах, и ещё в начале XX в. в статье Е.З. Вулих этот феномен был подвергнут предметному анализу¹. В дальнейшем изучении землевладения мелких вотчинников особую роль сыграла концепция С.Б. Веселовского, подкреплённая его непререкаемым авторитетом. Два ключевых пункта теории Веселовского, вопреки свойственной этому исследователю фундированности, не покоились на однозначных показаниях источников. Учёный опирался на акты Калязинского и Кирилло-Белозерского монастырей, показывавшие как процесс измельчания и деградации местных мелких вотчинников, так и единичные факты превращения в них холопов-землевладельцев².

Веселовский предположил, что вотчины своеземцев были невелики, их хозяева не могли нести военную службу и не пользовались податным и судебным иммунитетом, свойственным вотчинам бояр и вольных слуг князя. Мелкие вотчинники, по Веселовскому, происходили из числа обречённых на обезземеление и деградацию отдельных ветвей боярских родов, представляя собой, по сути, «отбросы класса служилых вотчинников». Исследователь считал, что «в виде исключения» мелкие вотчинники могли появляться и из числа великокняжеских крестьян³.

В исследовании генезиса мелкой вотчины российские историки 1960—1980-х гг. исходили из «марковой теории». В соответствии с нею крестьяне-общинники владели участками земли, «являвшимися собственностью владельца, который может им распоряжаться по усмотрению», и в то же время они частично принадлежали волостной общине. Ю.Г. Алексеев, как и его коллеги, считал уместным применение к этим владениям термина «аллод». Такое мелкое крестьянское владение, по мнению исследователя, «вырастает на почве разлагающейся волости и проявляет тенденцию перерасти в феодальную собственность»⁴. Это «перерастание», как считал Алексеев, происходило путём

© 2020 г. В.А. Аракчеев

¹ Вулих Е.З. К вопросу о своеземцах в составе новгородского общества // Журнал Министерства народного просвещения. 1914. Июль. С. 101—167.

² Веселовский С.Б. Село и деревня в северо-восточной Руси XIV—XVI вв. М.; Л., 1936. С. 59—68.

³ Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 203—208.

⁴ Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история северо-восточной Руси XV—XVI вв. Л., 1966. С. 23, 50.

«разложения волости в силу причин социально-экономического характера» и её «окняжения» в результате появления «условного владения мелкого княжого слуги». По мнению исследователя, такой слуга пока не является «настоящим феодалом», но «превращается» в него, получив «юридический статус феодала»⁵. Сходная концепция была представлена А.Л. Хорошкевич на материалах полоцких грамот. Исследовательница определила полоцких «земян» как крестьян-аллодистов, чья собственность трансформировалась в «феодалное владение», подобно английскому фолькленду, этимология названия которого тождественна этимологии слова «земьяне»⁶.

А.И. Копанев и А.Л. Шапиро выявили множество владений своеземцев на Двине, описанных в платёжной книге 1560 г. Их статус определяется частными актами первой половины XVI в., где они (Амосовы, Леонтьевы, Ленковы, Шуйгины) фигурируют как крестьяне Двинского уезда⁷. Копанев предположил, что своеземцы Поморья были потомками двинских бояр — местной землевладельческой элиты, которая не получала землю в качестве пожалования от Новгородского государства, а «сколачивала земельные богатства своей инициативой и коштом». На примере поземельных сделок своеземцев Емецких 1530—1590-х гг. исследователь показал крестьянский характер владений этого рода в XVI в., выразившийся в том, что их земли отчуждались волостным крестьянам и подвергались волостному разубу и тяглу наравне с крестьянскими⁸. Материалы опубликованной Копаневым платёжной книги позволяют говорить о социальном тождестве терминов «земец» и «своеземец» в поморских землях: в книге описаны как «дворы своеземцевы» на посадах в Уне и Луде, так и «деревни земцев» Алексея Амосова и Ивана Леонтьева⁹.

Землевладение новгородских своеземцев в конце XV — начале XVI в. подверг статистическому исследованию Т.И. Осьминский, выделивший их группы в зависимости от размеров владения и показавший состав населения их волосток¹⁰. Путь эволюции мелкой вотчины в форму служилого землевладения изучен Алексеевым на материалах Водской пятины XVI в. Исследователь фиксировал изменение статуса земцев с середины XVI в.: лишь в писцовой книге 1569 г. появились, по его мнению, зримые факты их «превращения» в служилых людей, не отличающихся от помещиков. В то же время он констатировал факт сохранения «старой земецкой вотчины» на территории Корельского уезда¹¹.

В работах В.Л. Янина сформулирована концепция происхождения своеземческих вотчин от землевладения «житых людей». Поскольку в ходе реконструкций генеалогии своеземцев Янин работал главным образом с двинскими актами, из его монографии естественным образом вытекал вывод о своеобразной изолированности двинских своеземцев от своеземцев новгородских пятин. На основе анализа генеалогий своеземцев Мартемьяновых исследователь пришёл к категорическому выводу, что эта семья «не владела во времена новгородской независимости землями за пределами двинской волости, не име-

⁵ Там же. С. 50—51.

⁶ Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Т. 2. М., 2015. С. 398.

⁷ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. Л., 1971. С. 72.

⁸ Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 36, 79—82, 103—105.

⁹ Копанев А.И. Платёжная книга Двинского уезда 1560 г. // Аграрная история Европейского Севера. Вологда, 1970. С. 519—536.

¹⁰ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. С. 337—341.

¹¹ Аграрная история Северо-Запада России. Новгородские пятины. Л., 1974. С. 156.

ла никаких дворов в Новгороде»¹². Однако Ю.С. Васильев, А.И. Копанев и В.Ф. Андреев убедительно доказали факт владения Фёдоровыми волостками в Покровском Озерецком и Покровском Дятелинском погостах Копорского уезда Водской пятины¹³. Следовательно, своеземцы рубежа XV—XVI вв., в изобилии фиксировавшиеся новгородскими писцовыми книгами на территории пятин, имели одинаковое социальное прошлое, а зачастую и общих предков с двинскими своеземцами.

С.З. Чернову в ходе исследования землевладения Волока Ламского удалось выявить лишь три рода мелких землевладельцев — Мечёвых, Ракитиных и Сукиных. Земли Мечёвых во второй половине XV—XVI в. подвергались как минимум двукратным разделам; по аналогии можно предполагать такую же предысторию вотчин Ракитиных и Сукиных. Удельный вес документированных земель в 1462—1480 гг. в трёх станах уезда составляет от 65 до 82%, что даёт основание предположить размещение на оставшейся недокументированной территории значительного количества мелких вотчинников, тем более что по подсчётам исследователя общее количество конных воинов, несших службу с Волока Ламского в 1490-х гг., составляло 650 человек¹⁴.

А.А. Селин на материалах Шелонской пятины показал, что своеземцы успешно инкорпорировались в систему поместного землевладения, и хотя значительная часть их родов пресекалась, некоторые (например, Дворецкие) сохранили свои поместья вплоть до второй половины XVII в. Селин, вопреки мнению Алексея, допускавшего «перерастание мелкого крестьянского владения» в «феодалную вотчину», считает земцев потомками новгородских житейных людей, чьи младшие братья лишались городских дворов и превращались в крестьян¹⁵.

Таким образом, подавляющая часть представлений о земцах основана на анализе новгородских по происхождению источников, что не может не исказить исследовательскую оптику. В данной статье мобилизован и заново проанализирован материал не только по новгородским землям, но и по землям, прилежавшим к Новгороду с запада и юга и в эпоху раннего Средневековья составлявшим один регион: от Полоцка до Обонежья¹⁶. В качестве контрольного привлекается материал по Северо-Восточной Руси и Двинско-Вятскому региону.

В новгородских частных актах XV в. земцы упоминаются как продавцы небольших земельных участков на Двине. Земец Нестор Павлов продал пожни за 190 белок; коллектив сябров из шести земцев продал две трети своих рыболовецких угодий на Лопшенге «одерень» за 240 белок; земец Ларион Мишутин

¹² Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 194.

¹³ Васильев Ю.С. К вопросу о двинских боярах XIV—XVI вв. // Материалы XV сессии симпозиума по проблемам аграрной истории СССР. Вып. 1. Вологда, 1976. С. 14; Копанев А.И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 76; Андреев В.Ф. Новгородский частный акт XIV—XV вв. Л., 1986. С. 49—51.

¹⁴ Чернов С.З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 188, 315, 326, 330, 335.

¹⁵ Селин А.А. Исследования по истории средневековой Руси: к 80-летию Ю.Г. Алексея. М.; СПб., 2006. С. 320—331.

¹⁶ Общность судеб населения этого региона исчерпывающе отражена в новгородской берестяной грамоте последней трети XI в. № 590: «Литва встала на Корелу» (Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 228).

продал «лоскут земли» игумену Николаевского Чухченемского монастыря¹⁷. В актах, относящихся к территории Обонежья, термин «земец» не употребляется, однако феномен мелкой непривилегированной вотчины, принадлежавшей местным по происхождению родам, и здесь был широко распространён. В то же время в двинских земельных актах не употребляется термин «боярин» применительно к землевладельцам (грамота 1375 г. о размежевании земель с общиной шунских смердов, в которой используется термин «челмужский боярин», признана фальсифицированной)¹⁸. Около 1440-х гг. некий Селифонт Твердиславль купил «собе и своим детем одерень и в веки» землю у не названного по социальному статусу Ивана Фомина. Купленная «земля и вода в Уносках» включала селища, пожни, «полеший» лес и водные ловища. В середине XV в. посадник Афанасий Осипович купил два участка на островах и побережье при впадении реки Выг в Белое море у Ивана Фёдорова, его брата Василия и некоего Окинфа, чей социальный статус также не определён¹⁹. Фазу раздела мелкой вотчины, состоявшей из шести «сел земли», показывает раздельная братьев Василия и Маковея на «живот и отчину» их отца Прокофия. Вотчину разделили на равные доли — по три «села земли», каждое из которых представляло собой «седень» того или иного крестьянина. Раздел запротоколировали как вечный и не подлежащий переделу: «а тои дел им водерень»²⁰.

После инкорпорации Новгорода в состав единого Русского государства термины «земец» и «своеземец» применительно к мелким новгородским вотчинникам употреблялись в качестве синонимов. Будучи податной стратой, своеземцы обладали ярко выраженным качеством, отличавшим их от соседских крестьян, иногда, как в Ильинском Иломанском погосте Корельского уезда Водской пятины в начале XVI в., называемых «чернокунцами». Своеземцы были отделены от волостных общин в тягловом отношении и вносили налоги в казну либо индивидуально, либо вместе с социальными группами некрестьянского типа, например «с городчаны с кореляны»²¹. Показательно описание в писцовой книге Водской пятины 1500 г. деревень своеземцев Городенского погоста Ореховского уезда, расположенных у истока Невы. Большая часть вотчин своеземцев находилась в совместном владении. Фамилии некоторых своеземческих родов генетически восходили к местным топонимам и гидронимам: шестеро Лепесурских владели деревней Лепесурья на речке Лепесурье, а семеро Охтинских — деревнями с корневым названием «Охта»: «Охта Минино», «деревня на Охте ж», «деревня на Охте ж на усть Лубны»²². В одной из своеземческих вотчин, принадлежавшей шести совладельцам, зафиксированы семь дворов поземщиков — зависимых людей, аналогичных псковским котечникам. Как и котечники, поземщики «живут промыслом ловлею», причём в фискальном отношении они отделены от волости: «тянут потугом с городчаны»²³. Своеземцы Кирьяжского погоста также тянули «с городчаны во все потуги в городок

¹⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949 (далее — ГВНП). С. 258, 224—225, 209.

¹⁸ Там же. № 284. С. 285; *Валк С.Н.* Начальная история древнерусского акта // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 314.

¹⁹ ГВНП. № 288. С. 289—290; № 286. С. 288—289.

²⁰ Там же. № 324. С. 310.

²¹ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. С. 71—72.

²² Новгородские писцовые книги. Т. III. СПб., 1868. Стб. 827—828.

²³ Там же. Стб. 830—831.

Корелу»²⁴. Но более распространённой практикой являлось владение земцами деревнями с половниками: в Городенском погосте в волостке Фёдора Михайлова сына Зуева помимо «большого» двора, где жил «сам Федко с детьми», находился двор, где жили «половники их Пахомко Тимошкин да Фомка Ивашков»²⁵. По данным Осьминского, в новгородских пятинах на рубеже XV—XVI вв. насчитывалось 953 своеземческих владения с 3 275 обжами²⁶.

В составе страты земцев выделялись владельцы городских дворов — жители Яма, Ладоги, Корелы, Орешка и Русы. На посаде Корелы зафиксированы дворы «своеземцев корельских», чьи основные владения были сельскими, и с «городчанами» тянули в оброк лишь жившие на этих дворах дворники; на посаде Орешка — «лучших своеземцев». Городские своеземцы, как правило, тянули «в оброк з городчаны»²⁷. Фрагмент описания Русы в писцовой книге Шелонской пятины 1497/98 г. включает данные о городских дворах 12 своеземцев, чьи владения облагались оброком, а арендаторы своеземческих дворовых мест платили владельцу «позем»²⁸. Ещё Е.З. Вулих отметила, что налоги с дворов своеземцев Русы были меньше, чем с обычных чёрных дворов, предположив, что разница компенсировалась обязанностью службы своеземцев. Если принять это предположение, то включение русских своеземцев в службу следует отнести к более раннему времени, чем 1520-е гг.

Новый порядок вещей отразился во введённых в научный оборот К.В. Барановым фрагментах писцовых книг своеземческих земель («старые писцовые земетцкие книги») Бежецкой пятины 1525/26 г. и Шелонской пятины 1526/27 г. Эти выписки из дел Поместного стола Новгородской приказной избы содержат описания восьми волосток земцев в разных погостах, которые свидетельствуют, что, во-первых, земцы продолжали владеть своими волостками на вотчинном праве (имели место случаи неразделённого владения земцев-«братаничей» по половинам либо третям деревень); во-вторых, обороты «за земцом» обозначают их статусное уравнивание с помещиками, подразумевавшее несение службы по неизвестной нам разрядке²⁹.

На данный момент неизвестно время, когда своеземцев включили в состав поместных корпораций; возможно, в Бежецкой пятине, территориально близкой к княжествам Северо-Восточной Руси, это произошло раньше. Насколько это заметно по сохранившимся источникам, своеземческое землевладение в Новгородской земле проделало эволюцию от мелкой вотчины к поместью на протяжении второй четверти XVI в. Ещё в 1525/26 г. в Бежецкой пятине земцы были мелкими вотчинниками, владевшими как родовыми, так и приобретёнными землями. Земец Максим Алексеев с детьми и племянниками совместно владел пятью деревнями, а индивидуально — обжой пашни и пожней, которые заложил ему, а затем «ступился» Офоня Трофимов «в рубле ноугородцком»³⁰.

Феномен земцев был широко распространён и в соседнем Пскове, социальный строй которого обнаруживает множество общих черт со «старейшим

---

²⁴ Временник Императорского московского общества истории и древностей российских. Кн. 11. М., 1851. С. 139.

²⁵ Там же. С. 137.

²⁶ Аграрная история Северо-Запада России: вторая половина XV — начало XVI в. С. 338.

²⁷ Временник Императорского московского общества... С. 4—5.

²⁸ Новгородские писцовые книги. Т. V. СПб., 1905. С. 202—203.

²⁹ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 3. М., 2001. С. 1—4.

³⁰ Там же. С. 1.

братом» Новгородом³¹. В то же время при изучении общественных отношений в Псковской земле исследователи сталкиваются с их глубоким своеобразием. Так, в конце XV в. в летописях упоминаются смерды, исчезнувшие в других русских землях ещё в XIV в., а само землевладение является мелким и раздробленным. А.Д. Горский пронищательно заметил, что из псковских по происхождению источников «создаётся впечатление о значительной архаичности общественного строя в Псковской земле по сравнению с остальной Русью, в том числе с соседним Новгородом, о какой-то запоздалости Пскова в развитии феодальных отношений и социально-экономической жизни псковичей»³². Действительно ли Псков эпохи независимости был «феодализирующимся захолустьем», или, быть может, дело в особенностях источников, язык которых исследователи слишком часто стремятся истолковать буквально? Такое явление, как совладение земель, находившее выражение в «вопчих» поместьях и землевладении совладельцев-«сябров», не обязательно является признаком архаичности социального строя: в Бургундии, развитом западноевропейском регионе, также были распространены совладельцы — «consortes»³³.

Тем более не являлся признаком отсталости Пскова по сравнению с Новгородом порядок, при котором земли продавались и наследовались «в одерень». Ю.Г. Алексеев полагает, что к XV в. в крестьянской среде сохранялись лишь остатки старого неписаного права всей родни на имущество родича³⁴. Этот вывод представляется излишне категоричным, ведь даже в XVI в. в боярско-княжеской среде действовало право родового выкупа. В Псковской земле, как и в Новгороде, в XIV—XV вв. право выкупа реально действовало и распространялось на выкуп имущества как у дочерей (сестёр), так и их новой родни по мужьям, т.е. было направлено на предотвращение перехода имущества в другой род или в монастырь. «В одерень» — это не просто полная и безусловная собственность, как считала Л.М. Марасинова³⁵, а выражение воли завещателя, не желавшего возврата собственности в его род. По всей видимости, все земли, переданные «в одерень», в дальнейшем оказались в руках монастырей. Такая форма владения предусматривала возможность полного и безусловного распоряжения землёй вне зависимости от воли родственников и блокировала действие права родового выкупа.

Передача земли «в одерень» зафиксирована в 21 псковском поземельном акте XIV—XV вв. Марасинова констатировала факт участия представителей правящей элиты (княгини и сестры посадника Акилины, посадника Максима, посадничьего сына Карпа, княжеского зятя Якима) в земельных сделках³⁶. Однако среди участников сделок преобладали непривилегированные землевладельцы, называвшие свою землю «отчиной», «селом земли» или чьим-либо «седеньем». Размеры земельных владений, порядок их отчуждения («в одерень»), наличие изорничьих или крестьянских «седений» в их волостках, факты одновременного владения ими городскими участками убеждают, что перед

³¹ Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969. С. 344—363.

³² Горский А.Д. Рец. на кн. Ю.Г. Алексеева «Псковская судная грамота и её время» // История СССР. 1982. № 1. С. 167.

³³ Грацианский Н.П. Бургундская деревня в X—XII столетиях. М.; Л., 1935. С. 143—144.

³⁴ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и её время. Л., 1980. С. 98.

³⁵ Марасинова Л.М. Новые псковские грамоты XIV—XV вв. М., 1966. С. 125—126.

³⁶ Там же. С. 55, 62, 64, 72—73.

нами представители непривилегированной землевладельческой страты, именовавшейся в других источниках «земцами».

Псковские земцы упоминаются в летописи с 1431 г. как вотчинники, владевшие землями под Гдовом³⁷. Однако, судя по фрагменту писцовой книги Шелонской пятины 1497/98 г., их волостки были распространены повсеместно. В описание Прибужского погоста включены данные о семи земцах «в Псковской земле за рубежом», где на территории двух губ им принадлежали волостки, тянувшие «судом и всеми пошлинами ко Пскову по старине»³⁸. Инкорпорация Пскова в состав единого национального государства привела к массовому «выводу» местной землевладельческой элиты и непривилегированных землевладельцев, среди которых наверняка были земцы. Об этом свидетельствует летописная запись, посвящённая осаде Смоленска. В состав участвовавшего в зимней кампании декабря 1512 — февраля 1513 г. псковского отряда входили и «земцы псковския, не сведены с своих отчин». Это доказывает, что значительная часть земцев с вотчин была «сведена»³⁹.

В расспросных речах псковских перебежчиков от 12 сентября 1534 г. земцы упомянуты дважды. Описывая размещение русских войск в приграничных крепостях, информаторы отметили: «А на Вельи (в должности наместника. — В.А.) Тимофей Буторлин, а при нем 30 земцов таковых, которые тех не могут на службу ехать». Когда после бегства князей С. Бельского и И. Ляцкого в Литву в Русском государстве началось вторичное приведение к присяге населения, в Псков прибыл М.П. Головин, который приводил к присяге наместников, «и детей боярских пскович, и земцов»⁴⁰. Упоминание земцев в допросах псковских перебежчиков 1534 г. свидетельствует, что полоцкие администраторы прекрасно понимали суть этого феномена, отождествляя его, видимо, с полоцкими «земьями». Псковские земцы в качестве сопровождающих Петра Фрязина упоминаются в деле о его бегстве⁴¹. В царской грамоте на Себеж от 12 мая 1544 г. предписывается присутствовать на посольском съезде «псковским помесчиком и земцом» в количестве 60—70 человек⁴². Упоминание земцев как служилых людей наряду с помещиками убеждает в том, что по крайней мере к 1530-м гг. они были включены в систему военной службы и, возможно, поверстаны своими же вотчинами.

В наиболее ранних сохранившихся писцовых книгах Псковской земли 1580-х гг. следы земецкого землевладения отсутствуют. По всей видимости, «выводы», осуществлявшиеся в 1560—1570-х гг., уничтожили этот вид земельной собственности, а участь самих земцев, как показывают фрагментарные данные, могла быть различной. В сотной грамоте на вотчину Псково-Печерского монастыря 1566 г. имеется описание трёх деревень, с большой долей вероятности принадлежавших земцам: «Дер. Обросово, сведенаго Сеньки Тростенского, во дв. Микита Лукин; дер. Федково, во дв. Дениско Васильев Татаринов; дер. Бабино Каменище, во дв. Сава Семенов Тростенской»⁴³. Из фрагмента следует,

³⁷ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 39.

³⁸ Новгородские писцовые книги. Т. V. С. 15.

³⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 97.

⁴⁰ Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. 6. Радзивилловские акты. М., 2002. № 46. С. 115—116.

⁴¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841. С. 202—204.

⁴² Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 59. СПб., 1887. С. 241.

⁴³ ОР РГБ, ф. 256 (Рум), д. 55, л. 20 об.

что сын «сведенного» Семёна Тростенского Савва к 1566 г. стал крестьянином, хотя его отец вполне мог иметь статус земца. Деградация земца до крестьянина являет собой красноречивый пример социальной мобильности, обусловленной высоким статусом военной службы и невозможностью соответствовать возраставшим требованиям к ней.

В соседнем с Псковской землей Пусторжевском уезде наличие земецкого землевладения доказывается единичным упоминанием земца в указной грамоте от 13 сентября 1555 г. Однако, судя по так называемой Записи о Ржевской дани 1479 г., корпорация земцев в Ржеве Пустой сложилась из потомков «ржевитинов» — непривилегированных землевладельцев, обладавших «челядью невольной» и дворами, в которых сидели зависимые от них «закладни» и «третники»⁴⁴. К середине XVI в. земцы Пусторжевского уезда осмыслялись как часть поместной корпорации: в начале 1550-х гг. писцы Истома Корчев «с товарищи» отказали земли в черносошных деревнях и пустошах, находившихся на льготе, наряду с пусторжевскими помещиками «земцу Данилку Кирилову, а от черных деи деревень тех лготных деревень, селищ и починков сошным писмом не росписали»⁴⁵. В писцовых книгах 1580-х гг. земцы уже не упоминаются, что также стало следствием «выводов» местных землевладельцев в 1570-х гг.

Крайне интересный случай сохранения непривилегированного землевладения отразился в Торопецкой писцовой книге 1540 г. Р. Смит и В.Б. Кобрин отметили, что оставшиеся в уезде после его инкорпорации в состав России бояре «именовались “семцами” (аналогично, вероятно, новгородским своеземцам)»⁴⁶. Однако два случая употребления этого слова в писцовой книге убеждает в том, что единственной семьёй землевладельцев, которые могут быть отождествлены с бывшими земцами, являются «семцы» Роздеришины — шестеро братьев, совместно владевших деревнями, починками и рыбными ловлями в Збучской переваре. Формально их земли уже не отличались от поместных, числясь «за» землевладельцами, а социальный статус одного из прежних землевладельцев эволюционировал в имя собственное: «Дер. Смолкова ж Семец Зятева: во дворе»⁴⁷.

О характере непривилегированного землевладения в Вятской земле можно высказывать лишь предположения, но социальная группа, близкая по статусу к земцам, в Вятке имела. Её судьба была решена, по-видимому, гораздо раньше, чем в других землях. В результате похода на Вятку в 1489 г. своих родовых земель лишились «большие вятчане» («земские люди»), которых летописец называет так по причине невозможности подобрать точный термин. «А вятчан болших и з женами, и з детьми изведоша, да арских князей, и таки возвратишася; и князь великий вятчан земских людей в Боровске да в Кременце посади»⁴⁸. В Устюжской летописи существенно конкретизируется мероприятие по «осаживанию» вятчан в Боровске и Кременце: «Вятку всю развели, и отпустили их к Москве мимо Устюг и з женами, и з детми... [великий князь]... иных вятчан пожалова, надавал поместья в Боровску, и в Олексине, и в Кременце. И писалися вятчане в слуги великому князю»⁴⁹. Депортации землелва-

⁴⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. XXVII. СПб., 1910. Стб. 464—477.

⁴⁵ Архив СПб ФИРИ, кол. 2, кн. 23, л. 94 об.—96.

⁴⁶ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 128; Smith R.E.F. Peasant Farming in Muscovy. Cambridge, 1977. P. 169.

⁴⁷ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 4. М., 2004. С. 502, 540, 559—561.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 154.

⁴⁹ Там же. Т. 37. Л., 1982. С. 96—97.

дельцев с территорий присоединяемых земель зависели не от размеров их земельных владений и статуса, а от прогнозируемой опасности их как носителей местного сепаратизма. В грамоте 1588 г. вятскому Успенскому Трифонову монастырю изложена владельческая история пожалованных обители в 1585/86 г. земель: «А прежд деи того даваны были те три деревеньки в доход намеснику, а до намесников бывали те три деревеньки вятцких сведенцов, а после сведенцов владели деи теми деревеньками волосные люди Дениско да Елизарко Балезины да Мартинко Костин»⁵⁰.

Феномен непривилегированного землевладения имел место и в западно-русских землях, и там у этого явления не было будущего, невзирая на отсутствие практики «выводов» в Великом княжестве Литовском. В Полоцкой земле мелкие землевладельцы, типологически близкие земцам, носили наименование «земян», «одноземцев» или «земцев». А.Л. Хорошкевич усматривала типологическое сходство полоцких земцев с польскими «владыками» и новгородскими своеземцами, отмечая и существенные различия: почти половина новгородских своеземцев Водской пятины использовали труд крестьян и холопов, а около трети не жили в своих землях, проживая в городах. Исследовательница полагала, что использовавшийся в полоцких документах XV—XVI вв. термин «земцы» обозначал издавна живущего в определённой местности человека, подобно великорусскому термину «старожилец». Однако продажный лист 1510 г., зафиксировавший продажу группой земцев их «отчизны», вопреки мнению исследовательницы, не даёт оснований для однозначной трактовки: дважды употреблённый в тексте грамоты термин «земцы» носит отчётливо выраженный социальный оттенок.

Понятие «одноземец», трижды употреблённое в продажной грамоте на село Хотьевичи 1511 г., также обозначает людей определённой социальной категории. Хорошкевич предположила, что Хотьевичи «назвали себя» одноземцами, потому что были коллективными собственниками одного участка земли, а на самом деле, как сказано в подтверждательном королевском листе 1551 г., являлись «слугами путными». Запись в подтверждательном листе не носит однозначно определённого характера; наряду с определением «слуги путные» к Хотьевичам применено более общее определение «разные особы», что не позволяет доверять этим характеристикам⁵¹. Хорошкевич показала, что земляне упоминаются всего в шести полоцких документах; в трёх из них зафиксированы сделки продажи землянами своих земель, на основании чего исследовательница сделала вывод о «быстром сокращении этой прослойки». Её аргументация может быть усилена ещё и тем, что грамота 1505 г. фиксирует сделку продажи земли не землянами, а путными слугами земцами, а грамоты 1482 и 1487 гг. — покупку и продажу земли обычными крестьянами⁵².

Как свидетельствуют данные уставной грамоты 1549 г., социальные группы с особым статусом существовали и в Рыльске. В грамоте наряду с «рыленами детьми боярскими» упоминаются «севрюки» и «дети боярские залешане, которые в Рыльску службу служат»⁵³. Это группы могли быть как территориаль-

⁵⁰ РГАДА, ф. 281 (Хлынов), д. 3(14166), 1588 г.

⁵¹ Полоцкие грамоты... Т. 1. М., 2015. № 461. С. 630; № 473. С. 644—645; Т. 2. С. 292—293.

⁵² Там же. Т. 2. С. 179—180, 190—191, 398; Т. 1. № 249. С. 391—392; № 266. С. 414—415; № 391. С. 525.

⁵³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII в. Т. IV. М., 2008. С. 397—400.

ными, так и социальными по своему характеру, чей генезис мог быть связан с непривилегированными землевладельцами Северщины.

Земцкое землевладение к середине XVI в. составляло существенную часть земельного фонда страны и как таковое упоминалось в числе 12 видов собственности в царских вопросах к Стоглавому собору 1551 г. В 12-м вопросе предписывалось послать писцов «писать и сметить... земцкие земли всякие»⁵⁴. Однако в действительности земцкое землевладение таяло на глазах: во второй половине XVI в. земцы исчезли в Торопце, Пусторжевском уезде, Псковской земле, сливались с черносошными крестьянами на Двине, ещё раньше, видимо, исчезли на Вятке.

Иначе сложилась судьба земцкого землевладения в новгородских пятинах. В Шелонской пятине в 1550/51 г. земцы по-прежнему жили компактными сообществами на территории отдельных погостов, но совместно владели деревнями уже на поместном праве. Так, четверо двоюродных братьев Безгачево владели тремя усадищами, находившимися в составе трёх деревень; на одной обже сидел не поименованный зависимый человек, 4,5 обжи земцы пахали «на себя» и 4 запустевших обжи — наездом⁵⁵. «Братские» семьи своеземцев в Обонежской пятине фиксируются в писцовой книге 1563 г., но характер их землевладения существенно изменился. Все земцы Обонежской пятины к 1563 г. владели не своими старыми деревнями, а бывшими «купетцкими» землями и боярщинами. В Воскресенском Важенском погосте в руках земцев оказались деревни из «ларионовской боярщины Понкротова да офремовской Ондреева сына Мишнева». Эти деревни первоначально находились в качестве оброчных также за земцами Гридей и Антоном Васильевыми детьми Тяполкова и Андреем Демидовым сыном Власьева. Впоследствии земец Семён Иванов Аврамов получил их «по царевой и великого князя грамоте к старому... поместью», что предполагает распространённую практику закрепления за земцами их прежних вотчин на поместном праве, расширения их владений из состава земцких⁵⁶.

Совладельцами своеземческих земель были порой несколько братьев, как обстояло дело с шестью деревнями в Важенском погосте, находившимися в руках Худяка, Пятого, Томилка, Васюка и Сурья Лениных детей Пантелеева⁵⁷. В зависимости от земельной обеспеченности земцы либо несли «службу большую», как земец Шелонской пятины Ф.Ф. Должицкий в 1571 г., получая «подмогу» от сотоварищей, либо сами выплачивали «подмогу» служилым земцам⁵⁸. Итак, в середине XVI в. всё ещё значительную часть новгородских помещиков составляли земцы — потомки прежних непривилегированных землевладельцев, в том числе житых людей республиканской эпохи. Почему новгородские земцы в отличие от своих соседей оказались включены в состав поместных служилых городов, сохранив при этом особый социальный статус, и когда это произошло?

Ответ удалось обнаружить в трёх документах: в двинском акте о земле, принадлежавшей некоему Тируну, указной грамоте в Великий Новгород от 28 сентября 1555 г. и столбцах Поместного приказа по Новгороду за 1600 г. Среди двинских актов ещё в XIX в. вызвал дискуссию документ XV в. — купчая

⁵⁴ Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 579.

⁵⁵ Писцовые книги Новгородской земли. Т. 6. М., 2009. С. 59—60.

⁵⁶ РГАДА, ф. 137 (Олонец), кн. 1, л. 154 об., 157 об.

⁵⁷ Там же, л. 161 об.

⁵⁸ Новгородские писцовые книги. Т. V. С. 539—542.

Тируна на пожню на Нальеострове, которую он приобрёл у Нестора Павлова сына. Обычная купчая, согласно которой Тирун купил землю «одернь себе и своим детям», содержала уникальную, не встречающуюся в других купчих клаузулу: «А буде Тируну не до земли, ино мимо земца не продати»⁵⁹. Очевидно, что в купчей содержалось обязательство покупателя, запрещавшее продажу земли «мимо земца», представлявшее собой «земский обычай». В этой практике разные исследователи усматривали либо сословный, либо бытовой феномен. В то время как П.А. Соколовский сделал вывод о существовании особого замкнутого сословия земцев, которые удерживают в своих руках землю, А.Я. Ефименко предположила, что под анонимным «земцем» следует понимать продавца земли из местных жителей⁶⁰. Вряд ли применительно к земцам можно говорить о сословии, но позднейшие новгородские документы скорее опровергают предположения Ефименко.

В указной грамоте новгородским дьякам от 28 сентября 1555 г. излагается челобитная новгородского помещика С.Н. Чуркина, который совместно с тремя братьями во время поместного верстанья 1538/39 г. получил в придачу к своему поместью 10 обеж земли. Во исполнение этого решения до 1540/41 г. новгородские дьяки Вязга Суков и Ишук Бухарин⁶¹ «отделили было им в тое придачу из земецких поместей девять обеж, и те деи у них земецкие поместья взяты и отданы назад земцом, по нашей же грамоте»⁶². Из указной грамоты следует, что отделённые помещикам до 1540/41 г. земецкие земли позднее были возвращены прежним землевладельцам в соответствии с царской и, видимо, указной грамотами. Можно было бы предположить уникальность этого случая, но исследуемый далее документ убеждает в существовании определённого порядка наследования земецких земель.

В одном из столбцов Поместного приказа рубежа XVI—XVII вв. содержится дело «о земецких землях», возникшее по челобитной новгородского земца Игнатия Соткуева, который в 1600 г. претендовал на деревню Солевнево и заявил, что «Лопата Редров ту деревню Солевнево за собою написал у приправочного писца у Матфея у Блаженкова, умышляя воровством, а дачи и ввозные грамоты у него на ту деревню не бывало, да и потому что в верстальных книгах боярина князя Дмитрея Ивановича Курлятева с товарищи написано: по государеву указу неземцу сыну боярскому без государевы грамоты земецких земель давати не велено, а которых земцов не станет бездетных, и те их земли давати земцом ж, которой в службу пригодитца, да и запись поручную по земце по Игнашке по Соткуеве в службе велели взяти, да те обыски и отдельные книги велено прислати в Новгород»⁶³.

Д.И. Курлятев (Шкурлятев) — известнейший военный и государственный деятель 1530—1550-х гг. из рода князей Оболенских. Вопрос о времени составления им «верстальных книг» непосредственно связан с его служебной деятель-

⁵⁹ ГВНП. № 242. С. 258.

⁶⁰ *Лешков В.* Русский народ и государство. М., 1858; *Соколовский П.А.* Очерк истории сельской общины на севере России. СПб., 1877. С. 10—11, 32; *Ефименко А.Я.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере // *Ефименко А.Я.* Исследования народной жизни. Вып. 1. М., 1884. С. 196—197.

⁶¹ По данным М.М. Крома, Суков и Бухарин совместно занимали должности новгородских дьяков по меньшей мере с 1539/40 по 1540/41 г. (*Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30—40-х годов XVI века. М., 2010. С. 818, 847).

⁶² Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846. С. 90.

⁶³ РГАДА, ф. 1209 (Столбцы по Новгороду), д. 43289/1566 (1600 г.), л. 20.

ностью, значительную часть которой составляло участие в военных действиях. Курлятев занимал должность воеводы в кампаниях октября 1531 г., августа 1533, июля 1534, ноября 1534, апреля 1536, июля и сентября 1537, июня 1539, июля 1540, декабря 1541, мая 1548, марта 1549, 1550, марта 1553 г.⁶⁴ Не менее двух раз Курлятев привлекался к службе в качестве наместника: в апреле 1536 г. он вместе с кн. В.В. Ушатого находился на наместничестве в Старой Руссе, а в 1551/52 и 1552/53 гг. вместе с И.Г. Морозовым был наместником в Новгороде⁶⁵.

В январе 1555 г. Курлятев в числе семи бояр, окольного и постельничего принял Приговор о татебных делах, а 5 мая 1555 г. получил для исполнения «память» с формулировкой царского указа об установлении месячного срока в правеже долгов; в составе свиты царя Курлятев находился в июле 1555 и в июне 1556 г.⁶⁶ Существенным ориентиром в датировке верстальных книг кн. Д.И. Курлятева является запись писцов в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г. устного известия земцев Васюка Тяполкова «з братьею», которые сказали, что владеют починками с тех пор, «как их верстали на Москве царевы великого князя бояре князь Дмитрий Иванович Курлятев, да окольного Дмитрей Одреевич Чеботов, да дьяк Дементей Слугин лета 7065-го»⁶⁷.

Верстанье новгородских земцев различных пятин могло идти годами, и если земцы Обонежской пятины были поверстаны в 1556/57 г., то предпочтительной датой составления «верстальных книг» по другим пятинам тем же кн. Д.И. Курлятевым является максимально близкий к этой дате 1554/55 г. Видимо, именно в 1554/55 г. был издан царский указ об исключительной раздаче выморочных земецких владений годным к службе земцам, и были составлены первые «верстальные книги» новгородского наместника «боярина князя Дмитрия Ивановича Курлятева», упомянутые в указной грамоте от 28 сентября 1555 г. Принимая в расчёт законодательную практику в Русском государстве XVI в. — апелляции к прежним «добрым» и «поисшатавшимся» обычаям — царский указ 1554/55 г. опирался на бытовавшее в Великом Новгороде и его землях обычное право, которое отразилось и в купчей Тируна XV в., и в распоряжении новгородских дьяков Сукова и Бухарина, отданном после 1540/41 г. Очевиден также региональный характер царского указа 1554/55 г., относившегося к землям Великого Новгорода, но не распространявшегося на другие уезды, где земецкое землевладение исчезло бесследно. Вне зависимости от намерений верховной власти царский указ законсервировал земецкое землевладение в новгородских пятинах и привёл к образованию особого чина «земцев», существовавшего в составе новгородского поместного дворянства до второй половины XVII в.

⁶⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 80, 83, 85, 90, 91, 93, 96, 103, 118, 124, 139.

⁶⁵ Там же. С. 90; Описи царского архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 80—81.

⁶⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. Тексты. Л., 1986. С. 34—35.

⁶⁷ РГАДА, ф. 137 (Олонек), кн. 1, л. 159 об.

Местное судопроизводство и правоприменение в Новгороде Великом конца XVI — начала XVII в.

Адриан Селин, Илона Яблокова

**Local legal proceedings and law enforcement in Novgorod the Great
in late 16th — early 17th centuries**

Adrian Selin, Ilona Yablokova

*(both — National Research University Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870010774-2

История отправления правосудия в местных центрах Московского царства до 1649 г. обеспечена источниками достаточно слабо. В литературе утвердилось мнение о том, что правосудие отправлялось на основе существовавшего кодифицированного права (памятниками которого являются судебники XV—XVI вв.), а также в значительной степени обычного права. Высказано мнение, что в Московском царстве, как и в Европе, каноническое и общее право («*ius commune*») образовывали общее правовое основание, на котором своды законов и обычное право («*ius proprium*») формировали местную судебно-правовую практику¹. Такие высказывания, впрочем, требуют серьезного фактического обоснования. Тем важнее каждый памятник, сообщающий данные о правоприменении, в особенности в нестоличных городах Московского царства. В то же время центральные судебные учреждения времени сложения приказной системы исследованы достаточно подробно².

В Научном архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (СПбИИ РАН) хранится переписная книга дел новгородского Судного приказа за 1584—1605 гг. Памятник сохранился в подлиннике, рукопись в четвёрку, на 400 листах. Сохранность рукописи достаточно хорошая, за исключением первого листа, содержащего заголовок. Переписная книга хранится в составе коллекции 2 Русской секции «Актовые книги Новгородского Софийского дома»³, но к последнему учреждению не имеет никакого отношения. Источник представляет собой выполненную при новгородском дьяке Дмитрие Алябьеве (около 1602 г.) перепись дел и документов, хранившихся в новгородском Судном приказе с 1584 г.; позднее, при сменившем Алябьева дьяке Нелюбе Суколенове⁴ это описание дополнялось по мере накопления архива. Сами дела, перечисленные в переписной книге, не сохранились.

© 2020 г. А.А. Селин, И.В. Яблокова

Статья подготовлена в рамках проекта № 18-IP-03 Фонда поддержки научных исследований и академического развития юридического факультета НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

¹ *Bellomo M.* The Common Legal Past of Europe, 1000—1800. Washington, 1995.

² *Лисейцев Д.В.* Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. С. 198—203, 334—345.

³ Впервые описано Б.Д. Грековым в 1916 г.; печатная опись опубликована отдельным оттомом (*Греков Б.Д.* Актовые книги Новгородского Софийского дома. Пг., 1916. С. 5—6).

⁴ Дьяк в Новгороде Великом с 4 февраля 1603 г. по 3 июля 1604 г. (*Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 501).

Впервые памятник под таким названием был опубликован Н.В. Калачовым⁵. Калачов готовил издание с целью проиллюстрировать разные формы делопроизводства в Московском государстве; в комментарии к публикации указано, что документ извлечён из «рукописей, хранящихся в архиве Новгородской казённой палаты». По дате создания документа, опубликованного в сборнике Калачова (1593—1600 гг.), равно как и по заголовку рукописи, приведённому издателем (см. табл. 1), этот документ совпадает с тем, о котором идёт речь в настоящей статье; однако сравнительный анализ публикации Калачова и документа, хранящегося ныне в Научном архиве СПбИИ РАН, не даёт ни одного совпадения при описании дел. По всей вероятности, это какой-то синхронный, но пока не разысканный памятник.

В годовые статьи переписи кроме судебных актов включены другие дела, хранившиеся в архиве, прежде всего кабальные книги, ведшиеся погодно как в Новгороде Великом, так и в новгородских пятинах⁶. Кроме того, в каждом годовом разделе отдельно хранились царские грамоты, касавшиеся того или иного судебного случая (их численность за каждый год также описывалась особо). В архиве хранились и документы, относившиеся к другим уровням судебной власти⁷. В Судном приказе хранились, помимо того, воеводские указы, касавшиеся общих вопросов управления Новгорода Великого. К примеру, под 1597/98 г. записан «Приговор воеводы князя Данила Ондреевича Ногтева с товарищи, что велено всем площадным подьячим Софейские и Торговые стороны быти вместе и писать всякие дела на Софейской стороне вместе ж, а не порознь, вершено»⁸.

Описываемый памятник является самым ранним из сохранившихся, но не единственным в своём роде: близкие по формуляру описания и составу переписи, вероятно, время от времени проводились в новгородском Судном приказе на протяжении XVII в.⁹ Ближайший по времени сравнительный материал, отражающий деятельность другой судебной инстанции Новгорода Великого — комплекс книг записи судебной пошлыны 1611—1616 гг. Комплекс включает в себя четыре книги, хранящиеся в коллекции Ockupationsarkivet från Novgorod Государственного архива Швеции¹⁰. Книги относятся к делопроизводству новгородского Судного двора, содержат указания на осуществлявшего правосудие новгородского судью (назначался из детей боярских)¹¹. Каждый памятник имеет скрепу выборных представителей судебного присутствия — новгородских судных старост и целовальников¹². Значительное количество материалов мелких уголовных и гражданских дел, ведшихся в Новгороде в 1611—1617 гг., не сохранилось, а возможно, и не сохранялось. Однако характер и номенклатура этих дел достаточно полно отразились в этих источниках. Н.Б. Безус предприняла

⁵ Книга переписная Новгородского судного приказа. 1593—1600 // Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. 2. СПб., 1864. Стб. 176—187.

⁶ О принципах ведения кабальных книг см.: *Панеях В.М.* Холопство в XVI — начале XVII вв. Л., 1975.

⁷ «Наказы, что даны судьям на Судный двор. В столпе» (Архив СПбИИ, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 22).

⁸ Архив СПбИИ, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 50.

⁹ Там же, д. 2.

¹⁰ Svenska Riksarkiv, Ockupationsarkivet från Novgorod, serie I, d. 4, 5, 64, 122. Подробное их описание см.: *Accounts of the Occupied City. Vol. 1. Stockholm, 2003. S. 97—99, 178—179, 270.*

¹¹ *Носов Н.Е.* Очерки по истории местного самоуправления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957.

¹² Архив СПбИИ РАН, кол. 124, оп. 1, д. 498, 502, 504.

**Заголовки Переписной книги Новгородского Судного приказа
(СПБII, кол. 2, оп. 1, д. 12), рукописи, опубликованной Н.В. Калачовым,
и в описании Б.Д. Грекова**

Рукопись СПБII, кол. 2, оп. 1, д. 12	Публикация Н.В. Калачова	Каталог Б.Д. Грекова
<p>Л. 1 [Книги приходные с судных дел, каковы поданы] дьяком Смирным Васильевым [дьяку Дмитрею] Алябеву за приписью дьяка Семейки Емельянова, да Григорья Клобукова, да Смирнова Васильева. Л. 398а. Почерком XVIII в.: «Книга записная разных со 102-го по 114-й год».</p>	<p>Книги переписные судным, и разбойным, и татиным делом, и запискам, и книгам приходным пошлинным деньгам с судных и управных дел, и холопым книгам и столпом, и всяким делом, которые дела были в Судном приказе при воеводе при князе Даниле Ондреевиче Нохтеве с товарищи да при дьяке при Дмитрее Алябеве со 102 году по 108 год, за приписью дьяка Дмитрея Алябева, по приезд боярина князя Василья Ивановича Шуйского да диака Второго Поздеева. Конца книги в рукописи не достает.</p>	<p>Книги переписные судным, и разбойным, и татиным делом, и запискам, и книгам приходным пошлинным деньгам с судных и с управных дел, и холопым книгам и столпом и всяким делом, которые дела были в Судном приказе.</p>

попытку изучения этих памятников, привлекая аналогичные источники, в первую очередь опубликованные¹³. Судебная тяжба отражалась в книгах сбора судной пошлины следующим образом: фиксировалась дата слушания дела, имена истца и ответчика, предмет тяжбы и сумма взысканной пошлины (пошлины включали в себя: судную, пересуд и правый десяток). При описании дел отмечалось также, было ли дело завершено; в случае рассмотрения прошлогодних дел, это обстоятельство указывалось; если истца освобождали от уплаты пошлины «для бедности», это также отмечалось. Вероятно, возможность избежать самых обременительных судебных издержек — это явление, распространённое в Смуту, но не исчезнувшее с умиротворением Московского царства. Соборное уложение (ст. 127) строго запрещало освобождение кого-либо от судебных издержек.

Три из четырёх книг новгородского Судного двора стали предметом рассмотрения в обзорной работе А. Шёберга. Учёный успел опубликовать лишь общий обзор памятников, указав на их большую ценность для изучения древнерусского языка XVII в.: «Практически каждое слово в документах Оккупационного архива содержит слова, не встречающиеся в более ранних текстах»¹⁴.

¹³ Безус Н.Б. Суд и процесс в Новгороде в начале XVII в. // Государственная власть и местное самоуправление в России. Северо-Западный регион. Материалы научно-практического семинара 25—27 марта 2004 г. Великий Новгород, 2006. С. 93—98.

¹⁴ Sjöberg A. Three judgment Books in the Novgorod Occupation archives 1611—1617 // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Т. 31/32. 1985 (Slavic Linguistics, Poetics, Cultural history. In honor of Henrik Birnbaum on his 60th birthday 13 Dec. 1985). P. 399—404.

Книги представляют собой рукописи, состоящие из переплетённых тетрадей; переплёты не сохранились. Книги велись погодно в традиционном московском летоисчислении. Вероятно, вскоре после 1617 г. книги подверглись архивной обработке: на обложках есть записи на немецком языке, сделанные человеком, не разбиравшимся в московской документации.

Неизвестно, велись ли судебные книги после 1 сентября 1615 г. В июне 1615 г. состав людей, принимавших решения в Новгороде, коренным образом изменился. Дьяк Семен Лутохин (как и его товарищ Пятой Григорьев) был отстранён от власти; сократилась и численность горожан, оставшихся в Новгороде. Предполагаем, что и функционирование новгородской Судной избы к этому времени прекратилось.

В данной работе мы в целом руководствуемся оптикой, предложенной в монографии Н.Ш. Коллманн о вершении суда в Московском государстве. Она пишет, что жители Московского царства «создали суровую правовую культуру. Русские люди нашего времени, может быть, слишком пренебрежительно относятся к собственному правовому наследию. Они слишком впечатлены “дыбой и кнутом”, традицией доносительства, горечью от повсеместной чиновничьей коррупции. Между тем в повседневной практике структуры права и правосознания Московского государства строились с учётом тонких нюансов и с достаточной пластичностью и соответствовали тогдашним стратегиям государственного строительства и управления»¹⁵. Принимаем и тезис Коллманн о том, что компетенция различных судебных учреждений Московского царства не всегда была чётко определена: часто суд вершился по факту представления тяжущихся в тот или иной орган судебной власти.

Судебные органы допетровского периода не раз были предметом исследования. Однако нам впервые на основе компаративного анализа привлекаемых источников и сплошного исследования всего объёма описываемых в них судебных случаев удалось проанализировать функционирование разных уровней судебных учреждений в их взаимосвязи.

Дела в архиве новгородского Судного приказа были сгруппированы по годам. Внутри погодных групп также, вероятно, существовали блоки дел, но исходя из порядка их описания проследить правильную закономерность хранения этих дел удаётся не всегда. Каждое судебное дело представляло собой, по всей видимости, отдельную единицу хранения: его заглавие становилось для новгородских подьячих единицей описания¹⁶. В основном использовался единый формуляр, однако есть определённое разнообразие при описании годовых групп разными подьячими. Обычно описание дела включало в себя тип (дело судное, записка и др.), имя истца, имя ответчика, предмет судебного разбирательства и наличие судебного решения («вершено»/«не вершено»). В некоторых годовых статьях указывается также объём дела (число сставов), наличие скрепы того или иного новгородского дьяка. В ряде случаев указана стоимость предмета судебного разбирательства. Важным элементом формуляра были указания на связь решений Судного приказа с другими судебными органами: часть дел (до 7%) переданы с нижестоящих уровней (большинство с новгородского Судного

¹⁵ Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016. С. 536.

¹⁶ Существуют прямые указания на то, какие новгородские подьячие вели перепись дел новгородского Судного приказа: «Отпуск по (ч) подьячего Истома Деткова на Василья Слепцова в беглых крестьянех, и то дело писано в переписном списке у Ждана Молеванова (курсив наш. — А.С., И.Я.) во 106-м году» (Архив СПбИИ, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 70 об.).

двора, но также и из новгородских пятин от губных старост и из пригородов). В ряде случаев (до 3%) дела передавались в высшую инстанцию: есть указания на передачу дел в приказы (прежде всего в приказ Холопьяго суда) или «глухое» указание на отправку дел для решения «к государю к Москве».

Среди дел, рассмотренных в новгородском Судном приказе, следует выделить: 1. Дела судные (самый многочисленный тип, до 74%), в том числе: дела судные по государевой грамоте (возбуждённые по санкции от вышестоящего судебного органа); дела судные, взятые с Судного двора (ранее разбиравшиеся в суде низшей инстанции). 2. Записки (судебные решения, принимавшиеся по согласию сторон). 3. Отпуска по челобитным (судебные решения, принимавшиеся на основе поступившей в суд челобитной).

Оригинальный заголовок книги, данный в начале XVII в., указывает на объём компетенции новгородского Судного приказа. Кроме того, на неё указывают подзаголовки: «Книги, а в них записан приход государевым царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии деньгам с судных и с управных дел, и пенным деньгам, и с убитых голов веры по годом, со 102-го году по 106-й год, за приписью дьяка Дмитрея Алябьева»¹⁷.

Среди собственно судных дел можно выделить три большие группы: дела по кабалам; дела о холопстве¹⁸; дела о «бое и бесчестье» и «изроне» (убытках, как правило, оцениваемых в денежном эквиваленте). Заметная группа дел, хотя и не столь существенная, — иски о землевладении и землепользовании («земляной запашке»). Небольшая часть дел рассматривает случаи убийств. Именно эти категории дел относятся к сферам, в отношении которых законодательство наиболее хорошо разработано. В этом смысле сфера компетенции Судного приказа охватывает область кодифицированного и указного права.

Интересно сопоставление истцов и ответчиков в разбиравшихся приказом делах. Субъектами большинства судебных разбирательств были люди приблизительно равного статуса, чина или профессионального занятия. Присутствуют многочисленные тяжбы между детьми боярскими, уличанами (в том числе между представителями одной профессии, извозчиками или мясниками). Много лет судились друг с другом подьячие Собина Ярлыков и Будай Сартаков. Небольшая группа дел относится к возбуждению «сильными людьми» (представителями семьи Годуновых, воеводой кн. В.И. Ростовским) исков в отношении новгородцев разных чинов¹⁹.

Низшими инстанциями по отношению к новгородскому Судному приказу были новгородский Судный двор, где судил новгородский судья (назначенный из детей боярских) и новгородские судные старосты и целовальники (выборные посадские люди); суды губных старост в пятинах (сельские округа); суды в Заонежье (Оштинский стан, Дикая Лопь).

Высшей инстанцией по отношению к новгородскому Судному приказу были суды в московских приказах и Новгородской четверти. Из 1 737 судебных дел, рассмотренных в Великом Новгороде, 70 отправили в Москву. В отношении 49 дел есть общее указание на посылку их «к государю», 10 были посланы в Новгородскую четверть, 6 — в Холопий приказ, 2 — в Разбойный приказ и по одному делу к патриарху, в Судный приказ и в Разряд. В Москву отправляли дела о вывозе крестьян; о «лживленной» государевой грамоте; о посоль-

¹⁷ Архив СПбИИ РАН, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 23.

¹⁸ Там же, л. 62 об.

¹⁹ Там же, л. 67 об.

ских беглых людях; краденых монастырских деньгах; о крестьянах и крестьянском имуществе; об убийстве; о бое и грабеже; о разбое; о владении деревней; о служилых и заемных кабалах; третейское дело о земле; о воровстве; о беглых холопах; о бегстве стрельца; о нарушенном крестном целовании; по извету подьячего на подьячего; о таможенных росписях.

Касательно практики взаимоотношения новгородского Судного приказа с низшими инстанциями можно заключить следующее. Взаимоотношения с расправами губных старост в пятинах (равно как и с фиксацией ими кабальных сделок) примерно понятны — в приказ на утверждение шли лишь дела, связанные с татьбой и душегубством. Связь с судом в пригородах (Копорье, Старая Русса, Ладога) не вполне ясна, равно как неясен и объём судебных компетенций воевод и осадных голов пригородов: архивы пригородов не сохранились. В новгородский Судный приказ из земских судов Заонежья шли на утверждение преимущественно дела по заёмным кабалам (и, что примечательно, по взысканию бескабальных, т.е. не документированных долгов), а также о спорном имуществе; гораздо меньше было исков о «бое и бесчестье». Однако наиболее продуктивно сравнение номенклатуры дел приказа с делами, разбиравшимися на новгородском Судном дворе. Здесь крайне важен второй комплекс источников — книги записей судной пошлины 1610-х гг. (см. табл. 2).

Таблица 2

Книги записи судной пошлины 1611—1615 гг. и архивные надписи на них

Архивный номер	Дата	Архивный заголовок на немецком языке*	Архивный заголовок на русском языке
122	1611/12 г.	Anno 1611. [...] strafen [...]	Книги Судного двора 120-го году
64	1612/13 г.	Anno 1611. In diesen buche ist von Gericht sachen geschrieben	Книги Судного двора 121-го году
5	1613/14 г.	Anno 1611. In diesen buch stehet geschrieben was die fahrten vorn gerichte zur straffe und ander anfristung? gegeben haben	—
4	1614/15 г.	Vorzeichnung der richtlichen straff gelder wo viel dessen entfangen undt einkommen ist. Anno 1612	Книги пошлинные судные избы 123-го году

* Выражаем благодарность Д.И. Веберу за транскрипцию немецких заголовков.

Из общего количества рассмотренных в Великом Новгороде в 1584—1605 гг. судебных исков необходимо выделить один уголовный и сделать акцент на то, что только по одному из известных дел мы знаем о вынесении и приведении в исполнение смертного приговора²⁰. Это подтверждает, что в Московском цар-

²⁰ Там же, л. 260—260 об.

стве смертная казнь была исключительным и чрезвычайным видом наказания, к которому прибегали крайне редко. К подобному же выводу пришла и Коллманн, указывая, что «о казнях по уголовным делам в местных судах можно составить только общее впечатление по намёкам, рассеянным в различных источниках». «Отсутствие данных — слабое основание для выводов, но одно из объяснений гласит, что в Русском государстве XVI века казни проводились настолько просто, что не привлекали к себе внимания»²¹. Так или иначе, проведённое исследование показало, что в Великом Новгороде за период с 1584 по 1616 г. по 753 уголовным делам, рассмотренным местными новгородскими судебными органами, только единожды применялась смертная казнь.

Доступ к правосудию был открыт практически для всех групп населения. Среди участников споров выступали: бояре (19 раз), дети боярские (143), новокрещёны (50); монастырские служки (39); крестьяне (35); стрельцы (34); недельщики (31); игумены (31); ямские охотники (21); монахины (15); игуменьи (11); конюхи (11); «латыши» (7); пастухи (6); служилые татары (4). Много раз в делах фигурируют новгородские посадские люди, в том числе из верхов купечества. Из 1 737 дел новгородского Судного приказа только одно направлено во Псков, одно прислано из Ладоги и одно — из Ивангорода.

Споров по подведомственности и подсудности практически не было. Единственный иск — «дело судное по государеве грамоте подьячего Василья Сони́на с Михалком с Кривошоком в закладном платье в пятидесяти в дву рублех с полтиною и в убытках, не вершено... и то дело отдано в Розряд, из Розряда отдано в Судный приказ»²² — проделал путь через две вышестоящие инстанции.

Примечательно, что по двум делам дьяка из Великого Новгорода вызывали в Москву. Первое — «дело розбойное Вяжицкого монастыря крестьян Гриши Ондреева с товарищи да ноугородца Степанка Хамтолина на подсиверских казаков на Костю Иванова с товарищи по двум челобитным прошлого 101-го году при окольнічем и воеводе при князе Петре Семеновиче Лобанове-Ростовском да при дьяке при Семейке Емельянове, и то дело по приезде воеводы князя Данила Ондреевича Ногтева да дьяка Дмитрея Алябьева без дьячие приписи. А с тех мест, как приехали в Новгород князь Данило Ондреевич Ногтев да дьяк Дмитрей Алябьев, за приписью дьяка Дмитрея Алябьева вершено и пошлины с них вытей взяты, а в иных пошлинах оговорные люди стояли на правежи да спущены, взяти ни на ком. И по государеву указу то дело дьяк Семейка Емельянов подписал на Москве»²³. Второе — «дело судное Григорья Лопухина с Карпом з Дементьевым о деревенском владенье, а суд был при окольнічем и воеводою при князи Петре Семеновиче Лобанове-Ростовском да при дьяки при Семейке Емельянове без дьячие приписи, а приговор воеводы князя Данила Ондреевича Ногтева да дьяка Дмитрея Алябьева за приписью дьяка Дмитрея Алябьева, что послано на сыск. Вершено и подписано, а подписал дьяк Семейка Емельянов на Москве»²⁴. Впрочем, возможно это было связано со сменой администрации в Новгороде, после чего для формального завершения дела потребовалось разыскать С. Емельянова в Москве и получить его подпись.

Результат рассмотрения по 69 делам, направленным в Москву, неизвестен. В описании единственного дела содержится вердикт: «Дело судное по госуда-

²¹ Коллманн Н.Ш. Преступление и наказание... С. 371, 395.

²² Архив СПбИИ, кол. 2, оп. 1, д. 12, л. 346 об.

²³ Там же, л. 92—92 об.

²⁴ Там же, л. 95.

реве царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии грамоте Шаврука Муравьева с Мосейком с сестрами в холопстве, не вершено, отсрочено для посольской службы за приписью дьяка Дмитрея Алябьева». В этом случае известен результат рассмотрения: «И то дело послано ко государю к Москве и вершено на Москве, а з дела списан список и под списком государева грамота, велено Шавруку людей отдати»²⁵.

Непосредственно в Судном приказе было рассмотрено 1 667 дел разнообразной номенклатуры. К уголовным делам мы условно отнесли 753 рассмотренных иска, к имущественным спорам — 1 013 исков (см. табл. 3).

Таблица 3

**Номенклатура дел в Переписной книге
новгородского Судного приказа 1584—1605 гг.**

Номенклатура	Число дел
Спор о беглых	243
Спор по кабалам (заёмным и служилым)	203
«Бой»	186
Спор о холопстве	156
Грабёж	141
Бесчестье	98
Убийство	94
Земельный спор	65
Хлеб	61
Снос	59
Краденое, кража, поклажа	54
Имущество («живот»)	49
Убытки	47
Вывозные крестьяне	46
Владение деревней, пустошью, помещьем, землёй, двором	42
Заёмные деньги	32
Подговор людей/крестьян	22
Татьба	21
Насильство	21
Дворовый наезд	19

²⁵ Там же, л. 98.

Таблица 3 (окончание)

Порука	15
«Воровство»	13
Заклад	13
«Лая» (брань)	10
Недоплата	9
Рыбная ловля	7
Подмога	6
Оговор	6
Денежный счёт	5
Заёмный хлеб	5
Пахота земли, пустоши	4
Сенной покос	4
Поджог	3
Разбой	2
Увечье	2
Извет	2
Звериная ловля	1

Рассматриваемый период — время существования в Новгороде Великом нескольких судебных инстанций и развитого судебного администрирования. Сложная система управления Новгородской землей возглавлялась воеводой (иногда наместником), бывшим в прямых отношениях подчинения к центральным (московским) органам власти (приказам и Новгородской четверти). В то же время власть воеводы (наместника) распространялась на менее крупные субъекты — пятины, пригороды, отдельные районы Новгородской земли с особым управлением (для конца XVI в. — Заонежье). Кроме того, воевода ведал и новгородский посад, управлявшийся выборными пятиконецкими старостами, с помощью которых создавался сложный судебный орган — новгородская Судная изба с судьёй (назначался воеводой) и выборными «заседателями» — старостой и целовальниками.

В книгах записи судных пошлин 1611—1615 гг. отразилась общественная жизнь Новгорода в годы существования новгородско-шведского политического альянса. Предметы тяжб, характер конфликтов между новгородцами, состав тяжущихся представляют достаточно «плотную» картину жизни Новгорода 1611—1615 гг. Книги сохранили имена тяжущихся новгородцев, предметы их тяжб, а также имена новгородских судей. В них хранятся достаточно яркие биографические подробности. Так, в итоговой записи книги сбора судной пошлины за 1613/14 г. обозначено, что среди других вещей в Судной избе осталась «по-

личная» шапка «Григория Милославского, что имался у Федора у Лихарева». По поводу оставшихся «поличных» вещей было запрошено правительство; в ответ пришла память за приписью дьяка Семена Лутохина: «а велено которые поличные залежались прошлых лет и нынешнего 122 году, а истцов тем нет, и то поличное велено, оцени, продавати»²⁶.

Сопоставление книг записи судебных пошлин новгородской Судной избы с книгами записи судной пошлины 1611—1615 гг. показывает следующую динамику изменений иерархии судебных органов в этом регионе. Низшими судебными инстанциями до начала Смуты были Судная изба (в Новгороде), суды губных старост (в пятинах), новгородских пригородов и Заонежских погостов. Все эти судебные органы были так или иначе связаны с выборным началом (при всей специфике понятия «выбор» в московской политической культуре). Так, в новгородскую Судную избу назначался судья (из новгородских детей боярских), но его «товарищами» служили судный староста и судный целовальник, избиравшийся из новгородских посадских людей. Губными старостами становились выборные представители служилых людей той или иной пятины, земскими судьями в Заонежье — выборные от дворцовых и монастырских крестьян. Менее ясно, как осуществлялся суд в новгородских пригородах.

С наступлением Смуты органы управления не претерпели существенных изменений. После взятия Новгорода войсками Якоба Делагарди и особенно после заключения договора между Делагарди и Новгородом 25 июля 1611 г. сформировался особый тип управления, который многократно описан в литературе. Подчеркнём лишь автономию власти в Новгороде Великом в принятии существенных решений, а следовательно, и принятие новгородскими властями функций ряда центральных учреждений. Новгородские судебные органы лишились высшей инстанции, а значительное число дел, разбиравшихся в «нормальное» время в Москве, в частности дел о поместьях, а также дел политических, с этого времени решалось воеводской властью Новгорода. Контроль над многими территориями в пределах Новгородской земли не был стабилен. Военная обстановка требовала возникновения военно-судебной власти в сельской местности, где строились крепости — острожки.

Иерархическая структура судов в Новгороде также претерпела изменения. В самом Новгороде суд осуществлялся, как и прежде, назначенным судьёй из детей боярских, выборными старостой и целовальником. Этот суд, по всей вероятности, сохранил все признаки, которыми обладал в более раннее время, — в нём разбирались конфликты горожан, равно как и прочих новгородцев. Следующей (и высшей) инстанцией стал суд «новгородских бояр и воевод». Сюда передавались лишь политические дела, а также многочисленные иски, связанные с конфликтами из-за поместий. Вероятно, судом «бояр и воевод» рассматривались и дела об убийствах и разбое.

Ключевыми фигурами в судопроизводстве были новгородские дьяки, скреплявшие подписью не приговоры, но книги судной пошлины. Это было связано с финансовой отчётностью суда низшей инстанции: все судные пошлины, собранные за календарный год, сдавались в Большой приход (часть новгородского Разряда). Именно Разряд, возглавлявшийся дьяками (сперва Андреем Лыцовым, затем Семеном Лутохиным), служил центром принятия решений, в том числе по судебным делам. В то же время нет сомнений в том, что самые важные политические судебные дела, а также дела, связанные с большими

²⁶ Книги сбора судной пошлины 1613/14 (RA, NOA, Serie 1:5, с. 116—117).

суммами денег, действительно рассматривались совместной администрацией (в разное время: кн. Иван Никитич Одоевский, генерал Якоб Делагарди, Эверт Горн, Монс Пальм). Примечательно, что единственное прямое обращение к «старине», обычному, неписаному праву (дело о краже лошадей из новгородского городского стада) также имело политический оттенок, так как лошади были не просто украдены, но угнаны за пределы распространения власти новгородского правительства.

«И выступил с речью довольно искренней и горестной»: индивидуальное измерение Люблинского сейма 1569 года

Владимир Подолинский

«And Made Quite an Honest and Sorrowful Speech»: the Individual Dimension of the Lublin Diet of 1569

Uladzimir Padalinski
(Belarusian State University, Minsk)

DOI: 10.31857/S086956870010775-3

Люблинский сейм 1569 г. стал знаковым событием в социально-политической истории Короны Польской и Великого княжества Литовского (ВКЛ). В результате бурных споров, конфликтов и компромиссов возникла Речь Посполитая Обоих Народов. Историки разных стран ведут не менее жаркие дискуссии о причинах, условиях и результатах унии, заключённой 1 июля 1569 г. Даже краткий обзор научной литературы, посвящённой проблематике Люблинской унии, превратился бы в объёмное историографическое исследование. Немало внимания исследователи уделили и работе сейма в Люблине¹. Правда, в первую очередь ход сеймовых заседаний рассматривался в контексте масштабных политических процессов в Короне, ВКЛ или во всём регионе Центрально-Восточной Европы. Вместе с тем на сейме 1569 г. шляхта занималась решением не только проблем общегосударственной важности, но и собственных, персональных дел. Такие личные дела были очень важными для обычной, повседневной жизни шляхты и являлись неотъемлемой частью социально-политических явлений, происходивших в ВКЛ в третьей четверти XVI в. В предыдущих работах мне уже приходилось рассматривать локальные и личные вопросы, которые представители (сенаторы и земские послы) ВКЛ поднимали на сеймовых заседаниях в Люблине². В этой статье на примере работы Люблинского сейма 1569 г. я попробую более детально показать, как решение индивидуальных дел и просьб влияло на формирование представлений шляхты ВКЛ о роли и значении института вального сейма в общественной жизни, а также о дальнейшем сосуществовании политических народов ВКЛ и Короны Польской в составе Речи Посполитой.

Основными источниками исследования являются два дневника Люблинского сейма 1569 г., а также различные королевские грамоты и решения, выданные непосредственно во время его работы. Сеймовые дневники были изданы ещё в 1850—1860-х гг.³ Чрезвычайная важность этих источников обуслов-

© 2020 г. В.А. Подолинский

¹ Обзор важнейшей литературы о Люблинском сейме 1569 г. см.: *Падалінскі У. Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай*. Мінск, 2017; *Jučas M. Unia polsko-litewska*. Toruń, 2004; *Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569—1588)*. Warszawa, 2002.

² *Падалінскі У. Прадстаўніцтва...* С. 101—124.

³ Дневник Люблинского сейма 1569 года: Соединение Великого Княжества Литовского с Королевством Польским. СПб., 1869; *Źródłopiśma do dziejów unii Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Cz. III. Dziariusz sejmu lubelskiego, rok 1569. Poznań, 1856.

лена тем, что дневники велись во время сейма его непосредственными наблюдателями и содержат подробное описание дискуссий по различным вопросам, возникавшим во время заседаний. В свою очередь, различные нормативные акты, изданные на сейме королём польским и великим князем литовским Сигизмундом Августом, сохранившиеся в составе книг Метрики ВКЛ⁴, позволяют проследить процесс принятия решений и механизм их реализации на практике. Замечу, что петиции по личным делам того или иного шляхтича с большой долей вероятности должны были включаться в текст инструкций земским послам ВКЛ, составленных на поветовых (уездных) сеймиках накануне сейма в Люблине⁵. Известно, что на сеймиках в поветах и воеводствах Великого княжества такие посольские инструкции составлялись⁶, но до наших дней ни одна из них, скорее всего, не сохранилась.

Участие короля и великого князя в работе сейма давало шляхте возможность непосредственно обращаться к нему со своими персональными делами и заботами. Открывался более лёгкий доступ к королевскому двору и, что самое главное, к королевскому суду. На вальном сейме личные вопросы могли подниматься индивидуально сенаторами, земскими послами или солидарно всей делегацией ВКЛ. Соответственно, шляхтич мог рассчитывать на поддержку со стороны великокняжеских сенаторов или земских послов. В свою очередь, на общем сейме можно было надеяться и на поддержку коронных представителей. Подчеркну, что индивидуальные петиции, озвученные делегатами ВКЛ на Люблинском сейме, касались, как правило, имущественных дел тех или иных шляхтичей. Вместе с тем в этих делах отразились важнейшие социально-политические события, происходившие в ВКЛ в 1550—1560-х гг.: проведение аграрной реформы, заключение унии с Короной Польской, боевые действия во время Ливонской войны.

На сейме в Люблине рассматривались дела, связанные с отчуждением у шляхты недвижимого имущества во время проведения в Великом княжестве Литовском волочной померы. Аграрная реформа середины XVI в. предусматривала ревизию прав собственности на земельные владения, а также присоединение к государственным поместьям, при соответствующей компенсации, некоторых прилегающих частновладельческих земель. Довольно часто в результате таких мероприятий шляхта лишалась своих владений и далеко не всегда

---

⁴ В работе использованы книги Метрики ВКЛ: Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску (далее — НГАБ), КМФ-18, воп. 1 (Метрыка ВКЛ), спр. 50. Кніга запісаў (1566—1572 гг.); спр. 267. Кніга судных спраў (1566—1571 гг.); спр. 268. Кніга судных спраў (1566—1572 гг.); спр. 269. Кніга судных спраў (1566—1572 гг.); Метрыка Вялікага княства Літоўскага. Кн. 44: Кніга запісаў (1559—1566). Мінск, 2001; Русская историческая библиотека (далее — РИБ). Т. 30: Литовская Метрика. Отдел первый—второй. Ч. 3: Книги публичных дел. Юрьев, 1914; Lietuvos Metrika = Lithuanian Metrica = Литовская Метрика (далее — Lietuvos Metrika). Кн. 532: 1569—1571. Vilnius, 2001; Кн. 52: 1569—1570. Vilnius, 2004; Кн. 49: 1566—1572. Vilnius, 2014.

⁵ Персональные петиции часто содержались в посольских инструкциях послам Польши и ВКЛ на сеймы Речи Посполитой в конце XVI — начале XVII в. (*Seredyka J. Instrukcje powiatu wileńskiego na sejmny panowania Zygmunta III Wazy // Studia historyczno-prawne. Prace ofiarowane K. Orzechowskiemu w 70-r. urodzin. Śląski Kwartalnik Historyczny Sobótka. 1993. № 2—3. S. 189—197*). Индивидуальные просьбы подавались шляхтой и на сеймах ВКЛ перед заключением Люблинской унии 1569 г. (РИБ. Т. 30. Стб. 516—518).

⁶ Например, послы Вилькомирского повета на сеймике в мае 1569 г. получили от местной шляхты «иньструкцьёю под ихъ печатъми»: НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 269, арк. 66.

могла получить справедливую «замену»⁷. Даже для наиболее крупных и влиятельных землевладельцев ВКЛ, по меткому определению трокского каштеляна подканцлера Остафия Воловича, аграрные преобразования того времени были «потрясением»⁸. Правда, представителям великокняжеской властной элиты, приближённым к монарху, было проще добиться надлежащей компенсации. Тот же Волович в 1569 г. получил в замену за свои земли, присоединённые к господарским владениям, 143 оседлые волоки в Гродненском и Упитском староствах⁹. Простой шляхте в решении личных проблем приходилось полагаться на поддержку вального сейма.

Так, в июле 1569 г. братья Богдан и Дмитрий Фёдоровичи Сапеги жаловались Сигизмунду Августу, что в пользу господарского двора в Мерече (Трокский повет) ещё у их матери были изъяты некоторые земли. Братья просили короля и великого князя наконец компенсировать их потери соответствующими земельными наделами. В результате 16 июля 1569 г. Сигизмунд Август поручил меречскому державце ловчему ВКЛ Григорию Воловичу и господарскому маршалку ошмянскому подкоморию Яну Палускому самим на месте рассмотреть дело и принять по нему решение «не отъкладаючи того до насъ», т.е. монарха. Королевские комиссары должны были выделить Сапегам за отобранные у них земли «отъмену слышную кгрунты нашыми», причём такую, «яко бы имъ на властности ихъ жадное уближение не деяло и яко бы они большей того в томъ себе не шкодовали и нам о томъ повторе не жаловали»¹⁰. Тогда же три брата Гричины — брестский земский подсудок Яков и господарские дворяне Иван и Фалько заявляли, что во время проведения волочной померы у них изъяли часть земель в селе Кошевичи (Пинский повет) без соответствующей земельной компенсации. Сигизмунд Август вынес своё решение 23 июля 1569 г. Он поручил смоленскому воеводе Василию Тышкевичу, являвшемуся тогда пинским старостой, вместе с господарским дворянином Богуфалом Туром лично прибыть на спорные земли и разобраться во всех обстоятельствах дела. Если ситуация действительно была такой, как её изложили Гричины, то Тышкевич и Тур должны были на месте выделить им «отъмену ровную а слышную». В противном случае урядники должны были обо всём сообщить господарю, который бы и принял окончательное решение. Поскольку дело тянулось ещё со времён королевы Боны, то Сигизмунд Август хотел скорее его закончить, чтобы братья «намъ, господарю, набеганя и докукъ жалобами своими не чынили». Гричины своих прав на спорную землю доказать не смогли, и земельной компенсации не получили¹¹.

Подчеркну, что на Люблинском сейме просьбы компенсировать шляхте земли, отнятые у неё во время волочной померы, подавались Сигизмунду Августу как от послов отдельных поветов, в частности Пинского, так и от имени

---

⁷ Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-русском государстве. М., 1958. С. 286; Уланов В. Волочная помера и устава и её значение в истории Литовско-русского государства. Минск, 2005. С. 69—79.

⁸ Kieniewicz L. Senat za Stefana Batorego. Warszawa, 2000. S. 27.

⁹ Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 79—81.

¹⁰ Ibid. P. 70—71. См. также жалобу боярина Жемайтского староства Юрия Матеейтиса на тверского тиуна Андрея Илговского: Ibid. P. 73—74.

¹¹ Пичета В.И. Указ. соч. С. 315; Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 74—75; Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1863. С. 213—216.

всей делегации Великого княжества¹². О том, что сеймовые представители ВКЛ непосредственно влияли на рассмотрение вопросов шляхетского землевладения, свидетельствует случай посла Смоленского воеводства Яна Скирмонта¹³. На сейме в Люблине смоленский посол просил монарха подтвердить его права собственности на земли около местечка Пешатка (Брестский повет), полученные им в замену во время проведения волочной померы. При этом за Скирмонта ходатайствовали земские послы и сенаторы ВКЛ, в частности Волович. Учитывая заступничество Сената и Посольской избы, а также заслуги Скирмонта в придворной службе, Сигизмунд Август 17 июля 1569 г. пожаловал ему эти земли «на вечность»¹⁴. На вальных сеймах верховная власть непосредственно сталкивалась со значительным недовольством, вызванным в среде средней и мелкой шляхты ВКЛ проведением аграрной реформы¹⁵. Эти негативные настроения транслировались через земских послов, хорошо знавших (часто на личном опыте) масштаб злоупотреблений и нарушений, связанных с переделом земли. Соответственно, королевская власть стремилась, по крайней мере формально, показывать уважительное отношение к шляхетским правам на земельную собственность.

На Люблинском сейме как отдельные шляхтичи, так и вся делегация ВКЛ обращались к монарху с просьбами подтвердить их права использовать государственные лесные ресурсы в своих нуждах, так называемые входы в господарские пуши. Шляхта, способная доказать своё право пользования господарскими лесными угодьями, как правило, получала от монарха соответствующее подтверждение. Например, 16 апреля 1569 г. Сигизмунд Август по просьбе Воловича подтвердил для всего рода Воловичей их старинные права на входы в Гродненские пуши¹⁶. 13 июля монарх утвердил права Богдана Углика на пользование бортным деревом и сенокосами в Перстуньской пуше, находившейся в Гродненском повете¹⁷; 5 августа был издан господарский лист (грамота) — комиссары должны были рассмотреть жалобу Ленарта Довгирда на нарушение его старинных прав на пользование входами в Берштанской пуше в том же Гродненском повете¹⁸. Отдельная просьба о гарантиях для шляхты свободно пользоваться ресурсами господарских пуш была подана Сигизмунду Августу и от имени всей делегации Великого княжества. Король и великий князь подтвердил, что он «никому на властности его жадного уближенья чи-

---

¹² *Падалінскі У. Прадстаўніцтва...* С. 109. Послами Пинского повета были пинские войский Станислав Ширма и земский подсудок Иван Доманович.

¹³ Вторым смоленским послом являлся Фёдор Копоть. Замечу, что Смоленщина с начала XVI в. находилась под контролем Московского государства. Утверждение акта Люблинской унии «смоленскими» послами давало возможность новообразованной Речи Посполитой претендовать на земли Смоленского воеводства. Именно эта внешнеполитическая задача обусловила появление Я. Скирмонта и Ф. Коптя в составе делегации ВКЛ в Люблине. По моему мнению, они никем не избирались, их назначил Сигизмунд Август (оба посла были тесно связаны с королевским двором). Нет никаких свидетельств, чтобы где-то в ВКЛ накануне Люблинского сейма 1569 г. состоялся сеймик, где собралась бы шляхта, так или иначе связанная со Смоленщиной (*Падалінскі У. Прадстаўніцтва...* С. 24—25, 164—165).

¹⁴ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 334 адв.—335 адв.

¹⁵ Об отношении шляхты ВКЛ к волочной помере см.: *Пичета В.И.* Указ. соч. С. 357.

¹⁶ *Lietuvos Metrika.* Кн. 52. Р. 26—29.

¹⁷ *Ibid.* Р. 54—55.

¹⁸ *Ibid.* Р. 59—60. Комиссарами были назначены виленский подконюший, господарский дворянин Ян Волк, а также Иван Карп.

нити не звыклъ»¹⁹. И именно вальный сейм был местом, где обычный шляхтич мог защитить свои права, в том числе важнейшие для повседневной жизни права земельной собственности²⁰. Добавлю, что шляхта на сейме часто стремилась подтвердить у монарха предыдущие земельные пожалования. Так, в июне 1569 г. в Люблине посол Речицкого повета земский писарь Андрей Халецкий получил от Сигизмунда Августа подтверждение на владение на ленном праве селом Телеси в Гомельской волости, пожалованное ему, жене и детям гомельским старостой Михайлом Мышкой-Варковским «до воли и ласки» господарской²¹. Посол Мстиславского воеводства Григорий Макаровский просил Сигизмунда Августа подтвердить пожалованный ему «до воли и ласки наше господарское» местным каштеляном и старостой князем Иваном Соломерецким Онуфриевский монастырь под Мстиславлем. Монарх 24 июля выдал соответствующий привилей, передававший монастырь с имуществом и доходами Макаровскому в пожизненное владение²².

Материалы некоторых персональных дел, рассмотренных на Люблинском сейме, дают интересные сведения о социальных отношениях в Великом княжестве Литовском. Например, в Люблине разбирался конфликт между послом Вилькомирского повета Николаем Кончей и виленским воеводой канцлером ВКЛ Николаем Радзивиллом Рыжим. Конча жаловался, что Радзивилл не давал ему возможности вступить во владение селом Вишунцы в Рудоминской волости Виленского повета. Вилькомирский посол доказывал, что «сельцо» было пожаловано ему ещё предыдущим виленским воеводой Николаем Радзивиллом Чёрным, а потом это пожалование подтвердил и сам Сигизмунд Август. Николай Радзивилл Рыжий, став виленским воеводой, «не ведати для чого» забрал Вишунцы под свою власть и не позволил Николаю Конче вступить во владение селом. На сейме на стороне Кончи выступили не только земские послы ВКЛ, но и некоторые радные паны. Судя по всему, данный земельный конфликт вынудил бывшего клиента Радзивилла Чёрного²³ искать нового патрона. По крайней мере уже в августе 1568 г. Конча при получении земельных пожалований от монарха пользовался протекцией подканцлера ВКЛ О. Воловича²⁴. Сигизмунд Август признал правоту посла Вилькомирского повета и 14 августа 1569 г. «на жаданье Пановъ Рад нашихъ и прозбу пословъ земьскихъ, и на чолъмъбитье того Конъчы» выдал специальный лист: Н. Радзивилл Рыжий дол-

---

¹⁹ Документы Московского архива Министерства юстиции. Т. 1. М., 1897. С. 499; РИБ. Т. 30. Стб. 524—525. Во время сейма монарх рассматривал и отдельные частные конфликты между шляхтичами ВКЛ (НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 268, арк. 248 адв.—249, 267—267 адв., 274—277; спр. 269, арк. 62 адв.—63; Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 64—67).

²⁰ И в следующие десятилетия шляхта ВКЛ рассматривала вальный сейм Речи Посполитой как высший форум для защиты своих частных прав и вольностей: *Падалінскі У.* Стаўленне шляхты Вялікага Княства Літоўскага да інстытута вальнага сойма ў канцы XVI ст. // Беларускі Гістарычны Часопіс. 2012. № 8. С. 16.

²¹ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 330 адв.—331.

²² При этом Г. Макаровский должен был «водле закону своего греческого» стать игуменом Онуфриевского монастыря и, соответственно, постричься в монахи (Lietuvos Metrika. Kn. 49. P. 53; *Падалінскі У.* Прадстаўніцтва... С. 120).

²³ *Брэгер Г.* Кліентэла віленскага ваяводы, канцлера ВКЛ Мікалая Радзівіла Чорнага паводле кніг Віленскага ўрада 1551—1565 гг. Спісы кліентаў. Выбраныя біяграмы // Мікалай Радзівіл Чорны (1515—1565 гг.): палітык, дыпламат, мецэнат: зборнік навук. прац. Нясвіж, 2016. С. 17, 35.

²⁴ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 245—246.

жен был без всяких задержек передать село Вишунцы во владение Н. Кончи²⁵. Так на вальном сейме при поддержке земских послов и некоторых сенаторов простой вилькомирский шляхтич сумел выиграть дело у одного из влиятельных магнатов ВКЛ.

Иногда в частных просьбах, связанных с вопросами шляхетского землевладения, отражались проблемы взаимных отношений двух субъектов Речи Посполитой. В марте—июне 1569 г. Сигизмунд Август включил в состав Короны Польской некоторые земли ВКЛ: Киевское, Волынское, Подляшское и Брацлавское воеводства²⁶. Урядники и шляхта этих земель должны были принести присягу на верность Короне. Однако далеко не все из них на тот момент признали факт инкорпорации и пытались под разными предлогами уклониться от присяги²⁷. Так, брестский староста подканцлер ВКЛ Волович отказался присягать Короне со своих подляшских имений Ломазы, Воишь и Кодень. Он доказывал, что эти имения принадлежали не Подляшскому воеводству, а Брестскому староству, а потому должны оставаться в составе ВКЛ. В марте 1569 г. король забрал у Воловича поместья и передал их в держание радомскому каштеляну Яну Тарло²⁸. После заключения Люблинской унии Волович попытался вернуть себе отобранные владения. Троцкий каштелян и подканцлер ВКЛ рассчитывал на поддержку со стороны уже объединённой Посольской избы. В конце июля 1569 г. он лично обратился к земским послам ВКЛ и Польши с просьбой ходатайствовать перед монархом о восстановлении его прав собственности на поместья Ломазы, Воишь и Кодень. Волович особо подчёркивал, что после принесения присяги на акт унии, а значит присяги королю и Короне Польской, он имел все права владеть имениями, пожалованными ему Сигизмундом Августом в пожизненное владение, тем более что эти поместья он лично выкупал у различных лиц за свой счёт. Конфискацию владений Волович называл нарушением права, которым пользуются все другие коронные обыватели²⁹. В частном письме к виленскому воеводе Н. Радзивиллу Рыжему от 27 июля 1569 г. Волович высказывался более откровенно и категорично. Он называл конфискацию поместий «грабежом» и жаловался, что даже высокая должность трокского каштеляна не помогает ему вернуть эти имения³⁰. Послы пообещали рассмотреть просьбу Воловича и на заседании 1 августа приступили к её обсуждению. Однако часть коронных послов во главе с представителем

²⁵ Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кн. 44. С. 120—122; Lietuvos Metrika. Кн. 532. Р. 77—78. Поместье состояло из десяти оседлых волок. Возможно, на успешное для Н. Кончи завершение тяжбы дополнительно повлияли его заслуги в Ливонской войне и службе при королевском дворе (НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 245—246; спр. 269, арк. 65 адв.—66).

²⁶ Akta unii Polski z Litwą 1385—1791. Kraków, 1932. S. 193—207, 300—319; Volumina Constitutionum. T. II (1550—1609). Vol. 1 (1550—1585). Warszawa, 2005. S. 216—232.

²⁷ Например, в мае 1569 г. за отказ присягнуть на верность Польше Сигизмунд Август лишил должностей подляшского воеводу Василия Тышкевича и подляшского каштеляна Григория Тризну (*Halecki O.* Dzieje unii jagiellońskiej. T. 2. Kraków, 1920. S. 305; Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego: Spisy. T. 4: Ziemia smoleńska i województwo smoleńskie XIV—XVIII wiek. Warszawa, 2003. S. 86, 214; Volumina Constitutionum. T. II. Vol. 1. S. 239—240).

²⁸ *Лицкевіч А.* Малавядомыя дакументы 1569—1577 гадоў па гісторыі Люблінскай уніі // Беларуская думка. 2009. № 7. С. 62—63; *Міхалюк Д.* Памежныя спрэчкі паміж Каронай і Вялікім Княствам Літоўскім у 16—17 стст. на прыкладзе Мельніцкай і Берасцейскай земляў // Гістарычны альманах. 2001. Т. 5. С. 38; *Lulewicz H.* Gniewów... S. 53.

²⁹ Дневник Люблинского сейма 1569 года... С. 589—590.

³⁰ Archiwum Główne Aktów Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Archiwum Radziwiłłów (далее — AR). Dz. V. Sygn. 17959/I. O. Woñowicz do M. Radziwiłła «Rudego». Lublin, 27 VII 1569. S. 105—106.

Краковского воеводства Станиславом Шафранцом категорически отказалась поддерживать притязания Воловича. Краковский посол заявлял, что возвращение спорных имений может стать опасным прецедентом, позволяющим правящим кругам Великого княжества поставить вопрос о возвращении уже всех отторгнутых земель Подляшья и Украины. Земские послы Великого княжества поддержали трокского каштеляна. По крайней мере один из представителей Виленского воеводства подчёркивал нарушение имущественных прав Воловича, поскольку тот потерял не только земли, но и денежные суммы, записанные на эти владения³¹. К согласию прийти не удалось, и Посольская изба на сейме в Люблине в деле возвращения отобранных имений перед королём не ходатайствовала. В данном случае даже мнимая угроза территориального спора между двумя субъектами Речи Посполитой не позволила земским послам занять консолидированную позицию в защите прав шляхетской собственности на землю. Партикулярные интересы оказались выше общих свобод и вольностей. Однако показательно, что Волович именно в поддержке со стороны Посольской избы видел один из главных шансов вернуть свои имения. И хотя на Люблинском сейме трокский каштелян и подканцлер этого не добился, в скором времени Сигизмунд Август всё же передал ему Воишь, Ломазы и Кодень. Правда, Воловичу в 1572 г. пришлось выкупить их у Тарло³².

Одним из важнейших событий, оказавших определяющее влияние на социально-политическую жизнь Великого княжества Литовского в 1560-х гг., была Ливонская война. В условиях финансового и экономического кризиса³³, охватившего ВКЛ накануне заключения унии с Польшей, шляхта вынуждена была тратить значительные собственные средства на обеспечение обороны государства. На сеймах ставился вопрос о возмещении этих расходов. Исполняющий обязанности дворного гетмана ВКЛ Роман Сангушко представил на сейме в Люблине отчёт («личьбу») о том, что он потратил на нужды обороны 888 коп 17 грошей 3 пенези литовские. После этого 14 июля 1569 г. великий гетман ВКЛ Григорий Ходкевич получил от Сигизмунда Августа поручение компенсировать Сангушко все его расходы из средств собранной в Великом княжестве серебрины³⁴. В Люблине также рассматривалось дело минского каштеляна Николая Тальвоша, выплатившего из собственных средств 1 900 коп грошей литовских на содержание на военной службе роты наёмных солдат. 25 июля монарх приказал выплатить Тальвошу соответствующую сумму из доходов

³¹ Дневник Люблинского сейма 1569 года... С. 595—598; *Źródłopiśma do dziejów unii...* S. 238, 239—240. Замечу, что С. Шафранец выступил против просьбы О. Воловича, несмотря на хорошие отношения между ними; планировался брак дочери Воловича Регины с приятелем Шафранца Северином Бонером. Тем не менее, как высказался краковский посол, он не мог потакать «ни брату, ни свату».

³² AGAD. AR. Dz. V. Sygn. 13980. M. Sawicki do M. Radziwiłła «Rudego». Z Liwa, 20 VIII 1569. S. 61—62; *Міхалюк Д.* Памежныя спрэчкі... С. 38; *Мянжынскі В., Дзярновіч А.* Шляхта, іншыя землеўласнікі і землеўладальнікі ды іхныя зямельныя ўладанні ў Берасцейскім, Камянецкім і Кобрынскім паведах у другой палове XV — першай палове XVI ст. (паводле Кнігаў № 12—33 Метрыкі ВКЛ) // METRICIANA: Даследаванні і матэрыялы Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага. Т. II. Мінск, 2004. С. 62; *Lulewicz H.* Gniewów... S. 53.

³³ Более подробно о кризисе хозяйства ВКЛ в 1560-е гг. см.: *Доўнар-Запольскі М.В.* Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009. С. 602—606; *Падалінскі У.* Прадстаўніцтва... С. 61, 63, 76; *Янушкевіч А.* Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558—1570 гг. Мінск, 2007. С. 118—194, 211—270; *Lulewicz H.* Gniewów... S. 33, 62; *Łowmiański H.* Studia nad dziejami Wielkiego Księstwa Litewskiego. Poznań, 1983. S. 448—452.

³⁴ Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 67—69.

Ретовского и Дырвянского циунств Жемайтского староства³⁵. На жизни значительного числа литовских и белорусских шляхтичей Ливонская война сказалась драматично. Индивидуальные судьбы этих людей показательны для выявления системы ценностей и мотивов социального поведения тогдашнего шляхетского сообщества Великого княжества Литовского. А их личные просьбы становились актуальными для всего политического народа Речи Посполитой.

В августе 1569 г. земские послы Короны и Великого княжества солидарно выступили с ходатайством о решении персональных дел двух шляхтичей. На одном из заседаний Посольской избы выступили «благородные люди» Лукаш Гарабурда и Мартин Островицкий, недавно вернувшиеся из московского плена. Полоцкий шляхтич, дьяк канцелярии ВКЛ Гарабурда был захвачен в Полоцке в феврале 1563 г., а озериченский державца ротмистр Островицкий — в Озериче в ноябре 1564 г.³⁶ Оба обратились к послам с «искренней и горестной» речью, описав тяготы пребывания в плену. Шляхтичи подчёркивали, что их неоднократно склоняли к переходу на сторону великого князя московского Ивана IV, но от измены их удержали добродетель и вера в то, что с Божьей помощью они вырвутся «из рук лютого неприятеля»³⁷. Вернув после долгих мучений свободу, они «никакой милости» от монарха не получили. Особенно возмущало бывших узников то, что в то же время московские изменники, перешедшие на сторону короля и великого князя, «здесь обогащаются». Скорее всего, имелись в виду Владимир Заболоцкий и князь Андрей Курбский, бежавшие в 1563—1564 гг. из Московского государства и получившие в ВКЛ значительные земельные владения, в частности Ляховичское и Кревское староства³⁸. Л. Гарабурда и М. Островицкий просили земских послов ходатайствовать перед Сигизмундом Августом о возмещении понесённых ими убытков, чтобы иметь возможность выкупить из плена жён и детей. Посольская изба обещала оказать помощь великокняжеским шляхтичам³⁹, могущим рассчитывать на поддержку собравшихся на сейме земских представителей, так как многие из них лично участвовали в боевых действиях и хорошо знали все тяготы войны. Для некоторых послов ВКЛ история вернувшихся из плена шляхтичей имела в определённом смысле и семейное измерение. Посол Ошмянского повета господарский маршалок Павел Островицкий, например, был родным братом Мартина Островицкого⁴⁰. Все земские послы Короны и Великого княжества, как «люди

³⁵ Ibid. P. 75—76.

³⁶ Радаман А. Арганізацыя і склад полацкага земскага суда ў другой палове XVI — першай трэці XVII ст. // Герольд-Litherland. 2011. № 18. С. 27—28; Янушкевіч А. Вялікае Княства Літоўскае... С. 94; Mienicki R. Egzulanци Połoccy (1563—1580) // Ateneum Wileńskie. Czasopismo naukowe, poświęcone badaniom przeszłości ziem Wielkiego Księstwa Litewskiego. 1933—1934, rok IX. S. 48—50.

³⁷ Во время Люблинского сейма с марта по август 1569 г. в королевском суде рассматривалось очень громкое дело по обвинению виленского воеводича Яна Яновича Глебовича в государственной измене. Этот сюжет подробно изучался в историографии (*Kempa T.* Niewola moskiewska, tajne zobowiązanie wobec Iwana IV. Oraz proces wojewodzica wileńskiego Jana Hlebowicza na sejmie lubelskim 1569 roku // *Teki Sejmowe*. Nr. 1. 2010. S. 139—151). Отмечу, что Я. Глебовича полностью оправдали, и именно вальный сейм был местом, где шляхтич смог защитить свою честь и достоинство.

³⁸ Между прочим, представители ВКЛ ещё в начале Люблинского сейма 1569 г. просили Сигизмунда Августа лишить обоих московских перебежчиков пожалованных им государственных имений, но получили отрицательный ответ: *Jaroszewicz J.* Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji, od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII. Cz. II. Wilno, 1844. S. 187—189; РИБ. Т. 30. Стб. 512—513.

³⁹ Дневник Люблинского сейма 1569 года... С. 626—627; *Źródłopiśma do dziejów unii...* S. 254; *Mienicki R.* Egzulanци Połoccy... S. 100—101.

⁴⁰ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 339—340.

рыцарские», проявили корпоративную солидарность и просили короля пожаловать Гарабурде и Островицкому материальное обеспечение взамен их имущества, захваченного или уничтоженного врагом. Сенаторы Речи Посполитой также поддержали просьбу шляхтичей и «у прычыне... жедали», чтобы их «хлебкормльеньемъ пожаловали». 3 августа 1569 г. Сигизмунд Август, учитывая материальные потери Гарабурды, его верность государю, а также просьбы сенаторов и земских послов, пожаловал ему с семьёй и потомством в держание 40 оседлых волок «кгрунъту доброго» со всеми доходами в Эйрагольской волости Жемайтского староства «до очищения именов его в земли Полоцкой з рукъ непряительскихъ»⁴¹. Островицкий 8 августа получил от монарха привилей на держание «до очищения» 33 оседлых волок в Оникштенской волости (Вилькомирский повет), державцей которой, кстати, был его брат и сеймовый посол⁴².

На сейме сенаторы и земские послы Речи Посполитой ходатайствовали об обеспечении полоцких шляхтичей Яцека Быстрейского и братьев Степана и Есифа Корсаков, также попавших в московский плен после захвата Полоцка и потерявших имущество на оккупированной Полотчине. Монарх удовлетворил просьбу послов: Быстрейский получил 20 оседлых и 5 неоседлых волок в Лидском старостве⁴³, а братья Корсаки — по 20 оседлых волок в Вешвянской волости Жемайтского староства⁴⁴. Все эти грамоты подписал лично трокский каштелян и подканцлер Волович, что может косвенно свидетельствовать о роли, сыгранной им в деле материального обеспечения знати Полоцкого воеводства, чьи земли оказались под властью Московского государства. Солидарная поддержка со стороны представительства Короны Польской и ВКЛ просьб шляхтичей, пострадавших от военных действий, показывает, насколько важное место в системе ценностей тогдашней шляхты Речи Посполитой занимали такие понятия, как благородство, честь и верность Отечеству.

Таким образом, на вальном сейме Речи Посполитой шляхта ВКЛ успешно решала свои индивидуальные дела и проблемы. Это укрепляло авторитет общего сейма в её глазах, формировало отношение к нему как к важнейшему форуму, защищающему частные шляхетские права и вольности. Во время обсуждения на сеймовых заседаниях персональных дел шляхта Короны и Великого княжества осознавала совпадение своих ценностей и интересов, что способствовало дальнейшей интеграции двух частей Речи Посполитой. Вместе с тем даже при рассмотрении личных просьб на сейме проявлялись партикулярные противоречия между коронным и великокняжеским политическими народами. Считаю, что подобный «индивидуальный подход» позволит открыть новые перспективы в исследовании истории уний между Коронай Польской и Великим княжеством Литовским.

---

⁴¹ Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 76–77.

⁴² НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 339–340.

⁴³ Lietuvos Metrika. Kn. 49. P. 57–58; Kn. 532. P. 77; *Mienicki R. Egzulanci Połoccy...* S. 48, 50, 60. Позднее Сигизмунд Август уточнил, что Я. Быстрейскому будет пожаловано восемь крестьянских «служб» в селе Кульбаки Лидского староства (НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 50, арк. 313–313 адв.).

⁴⁴ НГАБ, КМФ-18, воп. 1, спр. 267, арк. 269 адв.—271; Lietuvos Metrika. Kn. 532. P. 77.

Польско-литовская демократия глазами московской шляхты XVI — середины XVII в.

Константин Ерусалимский

Polish-Lithuanian Democracy in View of the Muscovite Gentry of the 16th and First Half of the 17th century

Konstantin Jerusalimsky
(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010776-4

Московское государство и Речь Посполитая формировались во взаимном притяжении и отталкивании, и в историографии принято изучать влияние московской угрозы, военные конфликты между двумя государствами и, в целом, российский фактор в политических тенденциях Короны Польской и Великого княжества Литовского. Противоречия оформлялись в устойчивые взаимные клише, носившие всё более выраженные этнические формы. В Речи Посполитой ко времени московской Смуты сложился образ воровского государства на Востоке, представляющего опасность одним фактом своего существования. Историческая память с конца XV в. пестовала образ особого *московского народа*, отличного от других русинов, а в хрониках второй половины XVI — начала XVII в. предпринимались попытки представить москвитов как шляхетный народ, равный по своим правам с польским и литовским и даже более древний.

Обособленность москвитов во всех версиях печатных хроник польско-литовских авторов представлена как этнический факт, тогда как триумфальная литература и визуальные репрезентации закрепили представление о победоносном сокрушении московских противников¹. Второй Литовский Статут 1566 г. на юридическом уровне закрепили образ *неприятеля нашего великого князя московского*, лишь отчасти сглаженный в Третьем Статуте 1588 г. Выезд за пределы Великого княжества во Втором Статуте разрешался во всех случаях, кроме оскорбления величества господаря («ображенья маестату») и не считая

© 2020 г. К.Ю. Ерусалимский

Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 19-48-04112. Благодарю за замечания, высказанные участниками дискуссии 11 июня 2019 г. на семинаре, организованном редакцией журнала «Российская история» в Институте российской истории РАН.

¹ Maliszewski K. *Obraz Rosji i Rosjan w kulturze polskiej doby późnego baroku* // Między Zachodem a Wschodem. Studia z dziejów Rzeczypospolitej w epoce nowożytnej. Toruń, 2002. S. 143—152; Niewiara A. *Moskwicin-Moskal-Rosjanin w dokumentach prywatnych. Portret*. Łódź, 2006; Krzywy R. *Wstęp* // Gluchowski J. *Wtargnięcie w Moskiewski kraj Mikołaja Radziwiłła w roku 1568*. Warszawa, 2017. S. 17—28. Репрезентации триумфа над Москвой и образ свергаемой московской тирании в XVI—XVII вв. изучались в книгах: Zawadzki K. *Prasa ulotna za Zygmunta III*. Warszawa, 1997; Pfeiffer B. *Caelum et regnum: Studia nad symboliką państwa i władcy w polskiej literaturze i sztuce XVI i XVII stulecia*. Zielona Góra, 2002; Kąkolewski I. *Melancholia władzy: Problem tyranii w europejskiej kulturze politycznej XVI stulecia*. Warszawa, 2007. О литературных и визуальных репрезентациях «присяги царей Шуйских» в польской культуре см. статьи Д. Хемперека, В. Тыгельского, Ю.-А. Хрошчицкого и А.-Я. Ямского в сборнике: *Hold carów Szujskich*. Warszawa, 2014. Колониальные дискурсы в отношении Москвы дискутируются в работах: *Franczak G. Moskwa — polskie Indie Zachodnie. O pewnym mirażu kolonialnym z początku XVII wieku* // *Nel mondo degli Slavi. Incontri e dialoghi tra culture. Studi in onore di Giovanna Brogi Bercoff*. Firenze, 2008. S. 163—171; *Grala H. Rzeczpospolita Szlachecka — twór kolonialny? // Perspektywy kolonializmu w Polsce, Polska w perspektywie kolonialnej*. Warszawa, 2016. S. 275—299.

Московского государства («выймуочы земли Московские»)². Образ «неприятеля московского» вновь возник в актах Люблинской унии 1—4 июля 1569 г. в ознаменование обязательств суверена Речи Посполитой вернуть их прежним владельцам «замки, имения, посесии и владения», захваченные неприятелем³. Влияние военной угрозы со стороны Москвы на короля в его поисках объединительной схемы для Короны Польской и Великого княжества Литовского отмечали и современники⁴. Во время выборов 1573 г. при помощи образа лукавого захватчика-великого князя московского, волка в овечьей шкуре, французская делегация готовила общественное мнение в пользу Генриха Валуа⁵. Полоцкие привилеи были захвачены москвитами — отвоёванный замок был восстановлен в правах в 1580 г., однако «все листы, привилея и твердости на права и волности всей земли Полоцкое належачые, на он час в том замьку Полоцком в церкви Светое Софии... суть побраны»⁶. В королевском привилее Витебску 1592 г. прозвучало, что воры («злодеи») украли старые привилеи из храма Пречистой Богородицы, «пришедши... з Великого Навагорода»⁷. Важно было подчеркнуть, что в потере привилегий виноваты преступники из Московского государства. В эти же годы началось формирование образа московского православия как потенциальной угрозы для православных подданных короля⁸, а также образ казака, разрушающего Речь Посполитую в сговоре с Москвой⁹.

Сказывались эти представления и на том, как в моменты обострения локальных конфликтов звучали инвективы в адрес местных москвитов, однако, в целом, на всём протяжении существования унии Короны и Литвы московская нация и её представители на службе короля и Речи Посполитой воспринимались как законный свободный народ в ряду других народов. Л. Дзялынський

² Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. Т. 3. Дадатак. А—Я. Мінск, 2010. С. 482 (арт. 7). В Статутах Первом 1529 г. и Третьем 1588 г. говорится более обобщённо о побеге в «землю неприятельскую» (Там же. С. 436 (арт. 2, 4), 555—556 (арт. 6, 7)). См. также: *Ланно И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586): Опыт исследования политического и общественного строя. Т. 1. СПб., 1901. С. 533—554. Третий Статут не имел юридического приоритета на землях, вошедших в состав Короны Польской по Люблинскому договору 1569 г., где до начала XVIII в. сохранял юридическое значение так называемый Волинский — Второй Литовский Статут 1566 г. См.: *Довбищенко М.* Українська адвокатура Волині литовсько-польської доби (XVI—XVIII ст.). Київ, 2019. С. 79—91.

³ Akta unii Polski z Litwą 1385—1791. Kraków, 1932. S. 346, 361, 370; Помнікі права Беларусі XIV—XVI ст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній: крыніцазнаўчы дапаможнік. Мінск, 2015. С. 278, 299, 314.

⁴ *Janiškevič A.* Unia Lubelska a wojna Inflancka: wzajemna współzależność na tle polityki wewnętrznej Litwy // Unia Lubelska z 1569 roku: Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej. Toruń, 2011. S. 45—54.

⁵ *Kąkolewski I.* Melancholia władzy... S. 252—285.

⁶ *Падзякоў В.С.* Помнікі права Беларусі XIV—XVI стст.: абласныя прывілеі. Крыніцазнаўчы дапаможнік. Мінск, 2018. С. 179—191.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ *Hodana T.* Między królem a carem. Moskwa w oczach prawosławnych Rusinów — obywateli Rzeczypospolitej (na podstawie piśmiennictwa końca XVI — połowy XVII stulecia). Kraków, 2008. S. 19—62.

⁹ *Tomkiewicz W.* O składzie społecznym i etnicznym Kozaczyzny Ukrainnej na przełomie XVI i XVII wieku // Przegląd Historyczny. 1948. T. 37. S. 256—257; *Rostankowski P. Luber S.* Die Herkunft der im Jahre 1581 registrierten Zaporoger Kosaken // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd. 28. H. 3. Wiesbaden, 1980. S. 368—369; *Брехуненко В.* Козаки на Степовому Кордоні Європи: Типологія козацьких спільнот XVI — першої половини XVII ст. Київ, 2011. С. 127—129, 325—327, 333—335; *Флоря Б.Н.* Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI — первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М., 2019. С. 73—75.

в своём дневнике передаёт речь московского стрелецкого головы Микулы, взятого в плен в Велиже во время Великолуцкого похода в августе 1580 г. Речь была произнесена в кругу шляхтичей и перед родными пленника, которым разрешили вернуться к царю. Она отражает военную доблесть и сожаление москвиты, что он не погиб за царя. Микула знал, к кому он обращается, но не выказал ненависти, а, наоборот, ссылаясь на общность ценностей воинов с обеих сторон, вызвав в шляхтичах сочувствие¹⁰. Сочувственный портрет москвиты в эмиграции В.С. Заболоцкого рисует в своих записках начала XVII в. новгородский шляхтич Ф. Евлашевский. Записки шляхтичей начала XVII в., побывавших в Москве и Московском государстве, изображают недоверие со стороны московских соратников в отношении «ляхов» и «литвинов», однако это отношение требовало внушений и дискуссий, которыми запестрели тексты. Объединительные проекты с Москвой обсуждались на высшем уровне. Последний из них в канун Смуты был выдвинут Л.И. Сапегой и допускал приход к власти над общей Польско-Литовско-Московской республикой представителя Москвы. При этом завоевательные планы в отношении Москвы и в период Смуты вызывали у магнатов и шляхты Короны и Литвы настороженное отношение вплоть до открытого сопротивления, несмотря на поддержку идеи интервенции теоретиками справедливой войны¹¹.

Москва была крупным и к середине XVI в. в целом открытым центром притяжения служилых людей, а в их числе и шляхты-русинов и «литвы», однако образ западных соседей складывался в памятниках местной исторической и военной культуры нелицеприятный. Бесы являлись святому Сергию в островерхах литовских шапках, и этот сюжет в XVI—XVII вв. был во множестве списков жития святого доступен московским читателям. Побег «в Литву» в родословных книгах, Дворовой тетради и в крестоцеловальных грамотах середины XVI в. отмечался как преступление, ставящее крест на карьере и равнозначное прекращению местной ветви рода бежавшего. Высшая власть позволяла себе насмешки над правами соседних монархов на свои владения и ставила под сомнение права Пястов и Ягеллонов на «русские» земли и связанные с ними территории, в конечном счёте — на Корону и Литву. В этом ряду унижительное обращение царя к королю и Г.А. Ходкевичу летом 1567 г. от имени кн. И.Д. Бельского как князя «Литовского и Бельского», полноправного наследника всего Великого княжества Литовского по происхождению. Польское происхождение и долгое нахождение на коронных землях являлось показателем чуждости. Московские служилые люди читали в разрядных книгах и о делях боярских по прозвищу «Лях», вызывавшему, по всей видимости, насмешку. Заточение «литовских» элит в Москве в 1534 г. после побега кн. С.Ф. Бельского и Ляцких, а также следственные дела против кн. И.Д. Бельского и Воротынских в 1562 г. и против кн. П.М. Щенятева, возможно, имели и более популярные формы, которые до нас дошли лишь глухими отзвуками. Скажем, упомянутое в «Истории» Курбского убийство «ляховицы» Марии, по прозвищу Магдалина, или события в Москве 17 мая 1606 г., имевшие выраженные религиозно-этнические очертания, как и перекрещивание «белорусцев» и пресле-

¹⁰ Дневники Второго похода Стефана Батория на Россию (1580 г.): (Яна Зборовского и Луки Дзялынского). М., 1897. С. 25.

¹¹ Wisner H. Wielkie Księstwo Litewskie a Moskwa. Okres Smuty // Napis. 2006. Seria 12. S. 99—108; Bukowski J. Magnateria Rzeczypospolitej wobec dymitriad i wojen interwencyjnych z Rosją // Scripta minora. T. 4. Poznań, 2006. S. 199—313.

дование книг «литовской печати» при патриархе Филарете. Тем не менее вряд ли может вызывать сомнение, что задолго до реформ царя Фёдора Алексеевича в московском обществе имелись знания о «ляхах» и «литве», облегчавшие московской беглой шляхте интеграцию в польско-литовское общество.

Невзирая на обилие мобилизационных и ненавистнических дискурсов во взаимных отношениях между двумя *de jure* воюющими сторонами, московские элиты и привилегированный класс не только видели у соседней близкой по типу общественный строй, но и пользовались его благами, заимствуя его идеалы, интегрируя себя в общество Короны и Литвы и рассуждая о возможном слиянии в одно государство. В отдельные исторические периоды такая перспектива казалась насущной и неизбежной, и это не могло не отразиться на самосознании и политической культуре московского общества. В настоящей работе принята попытка проследить влияние польско-литовских социально-политических представлений, шляхетского «сарматизма» и тенденций федеративного развития в Короне и Литве на московский служилый класс, который можно по аналогии с зарубежным образцом и вне зависимости от позднейших преобразований царя Фёдора Алексеевича условно обозначить как московскую шляхту.

Характер политической унии Короны Польской и Великого княжества Литовского и их слияния «в единое тело» требовал сложного обоснования на языке российской политической культуры и, конечно, не был в полной мере понятен в Москве¹². Идея государственного «тела» была малоизвестна в московском православии, хотя она и звучала в сочинениях Максима Грека и из уст митрополита Макария во время суда над Иваном Висковатым. Позднее Андрей Курбский выразил её уже в своих эмигрантских сочинениях, испытавших влияние европейского республиканства. Впрочем, в Российском царстве были известны основные политические термины польско-литовской унии. Понятие *dominium*, охватывающее государственные образования, объединённые Кревской унией и употребляемые как в единственном, так и во множественном числе, точно соответствует моск.-рус. *господарство* и его однокоренным понятиям. В нём, возможно, не так выражен принцип, позволяющий различать *corona regni* и *regnum*, как в унии Короны Польской и Великого княжества Литовского¹³. Однако в московской деловой риторике сохранялось различие между понятиями *наше господарство*, выражающим личную власть суверена во всех своих владениях, и *наши господарства*, указывающим на разноликие

¹² О принятии унии см.: *Halecki O. Przyłączenie Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny do Korony w roku 1569. Kraków, 1915; Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł «Rudy» (ok. 1515–1584): Działalność polityczna i wojskowa. Kraków, 2008. S. 287–397; Каміньскі Сяліма А. Історія Рэчы Паспалітай як історія багатаго народа, 1505–1795. Громадзяні, іхна держава, суспільства, культура. Київ, 2011. С. 55–80; Паддальскі У. Прадстаўніцтва Вялікага Княства Літоўскага на Люблінскім сойме 1569 года: Удзел у працы першага вальнага сойма Рэчы Паспалітай. Мінск, 2017; Праблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: Матэрылы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г.). Мінск, 2010; Unia Lubelska z 1569 roku: Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej. Toruń, 2011; Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas. Tarptautinės mokslinės konferencijos, vykusios 2009 m. lapkričio 19–20 d. Vilniuje, Taikomosios dailės muziejus, pranešimų pagrindu parengtas mokslinių straipsnių rinkinys. Vilnius, 2011.*

¹³ Здесь я ориентируюсь на интерпретацию уний 1386–1569 гг.: *Frost R. Ograniczenia władzy dynastycznej. Rzeczpospolita polsko-litewska, Szwecja a problem monarchii złożonej w epoce Wazów (1562–1668) // Проблемы інтэграцыі і інкарпарацыі ў развіцці Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу: Матэрылы міжнар. навук. канферэнцыі (Мінск, 15–17 кастрычніка 2009 г.). Мінск, 2010. S. 155–173; Frost R. Oksfordzka historia unii polsko-litewskiej: Powstanie i rozwój 1385–1569. T. 1. Poznań, 2018. S. 31–108.*

территориальные пределы московских правителей. Федеративное понимание территориального объединения Великого княжества Литовского, выраженное в кревской и радомско-виленской формуле *Littwania et caetera dominia*, было близко к формуле, в которой московские цари перечисляли свои *Московские государства*, присоединяя к ним обособленно Казань, Астрахань, Ливонию, Сибирь и Кавказ, как позднее Белую и Малую России — к Великой России. Форма объединения государств вокруг Москвы с середины XVI в. — а во многом уже с конца XV в. — мыслилась как имперская, однако это была в своём роде империя *ad hoc*, и её фактические границы могли разрастаться и съезжаться, не переставая быть единством царств под скипетром православного, или белого, царя¹⁴.

Русские земли в польско-литовской унии 1569 г. могли быть лишь частью уже существующего двуединого целого. Как показали Я. Пеленский и Н. Яковенко, «русский» вопрос вытеснялся в объединительной формуле Короны и Литвы благодаря понятию «*stany*» («общества» или «страты») в отношении региона, тогда как «старина» в русских землях поддерживалась вплоть до конца XVI в. структурами общей памяти, высоким статусом княжеской власти и локальными культурно-правовыми традициями¹⁵. Сходной точки зрения придерживается Н. Старченко, говоря об особых территориальных правовых традициях в Речи Посполитой, где не только *народы*, но и *воеводства* сохраняли правовую специфику¹⁶. На политико-терминологическом уровне данный феномен изучали К. Мазур и Т. Амброзьяк, говоря о «республике» как подвижной форме, в различных дискурсах и контекстах меняющей смысловое наполнение от региональной «отчизны» до идеи сословного представительства и парламентской республики в целом¹⁷. Исторические взгляды на *Русь*, отразившиеся в польских хрониках конца XV — середины XVI в., были заметно переработаны в пользу той версии истории, которая превращала право на присоединение «всей Руси» (ср. в Киевском акте Люблинского сейма от 5 июня 1569 г.: «*guska ziemia wszystka*») к Короне в право «общего дела»¹⁸.

Для литвинов и русинов концепция общего дела звучала в ряде случаев угрожающе, поскольку предполагала, что, например, походы польских королей на русские земли, а следовательно и эксклюзивное право Короны на Русь означают необходимость «возвращения» юго-восточных земель Великого княже-

¹⁴ *Чернявский М.* Хан или василевс: один из аспектов русской средневековой политической теории // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 442—456; *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. М., 2007; *Halperin Ch.J.* Russian and the Steppe in Medieval and Early Modern Russia. București, 2007. P. 293—313.

¹⁵ *Pelenski J.* Inkorporacja ziem dawnej Rusi do Korony w 1569 roku. Ideologia i korzyści: próba nowego spojrzenia // Przegląd Historyczny. 1974. № 65. Zesz. 2. S. 248—262; *Яковенко Н.М.* Українська шляхта з кінця XIV — до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 2008; *Брехуненко В.* Московська експансія і Переяславська рада 1654 року. Київ, 2005. С. 36—43.

¹⁶ *Старченко Н.* Люблінська унія як ресурс формування концепту політичного «народу руського» (1569—1648 рр.) // Український історичний журнал. 2019. № 2. С. 4—45.

¹⁷ *Mazur K.* W stronę integracji z Koroną. Sejmiki Wołynia i Ukrainy w latach 1569—1648. Warszawa, 2006. S. 226—255; *Амброзьяк Т.* Партикуляризм в парламентской жизни Великого княжества Литовского 1587—1648 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 130—163.

¹⁸ *Litwin H.* Kijowszczyzna, Wołyń i Braclawszczyzna w 1569 roku. Między unią a inkorporacją // Проблемы інтеграції... S. 200—203; *Chorążyczewski W., Degen R.* Przyłączenie czy przywrócenie? (Na marginesie aktów inkorporacyjnych Podlasia, Wołynia i Kijowszczyzny z 1569 roku) // Велике Княвство Літоўскае: палітыка. эканоміка, культура. Зб. навук. арт. У 2 ч. Ч. 1. Мінск, 2017. С. 201—208.

ства Литовского в состав Короны Польской вне зависимости от условий унии. Предыстория республики, рассказанная тогда же и позднее М. Стрыйковским и А. Гваньини, допускала больше возможностей для унии между русинами, поляками, литвинами, крестоносцами и даже москвитями, однако строилась на той же идее общего дела. Таким образом, лишь отчасти хроникальный канон, созданный Длугошем, являлся *common stock* польско-литовской истории. Непосредственным фактором нового объединения 1569 г. стало, наоборот, переосмысление этого канона и критика в адрес Яна Длугоша с позиций республиканского естественного права, неминуемо и из глубокой древности объединившего народы Короны и Литвы. По всей видимости, и в Москве, где около 1567 г. было прервано официальное летописное дело, вёлся поиск формы, аналогичный тому, который способствовал в Короне и Литве новой концепции политической унии. Вряд ли в окружении Ивана IV не понимали, что «общее дело» поляков и литвинов в формуле Люблинских соглашений предполагало, по меньшей мере, согласие объединившихся народов стоять вместе за «всю Русь»¹⁹.

В Российском царстве к началу и в год проведения Люблинского сейма в Короне Польской острота политического выбора достигла небывалого накала. Ещё никогда ранее у верховного суверена в русских землях, в том числе ранее в правление Ивана IV, не возникало желания полностью упразднить многообразие политических форм в своих владениях. Суверены, которые не подчиняются, но «смотрят» в сторону Москвы, «служат» великому князю московскому или потенциально могут наследовать верховную власть, испытали тяжелейшие потрясения. Система «служилого» княжения, сложившаяся в отношениях Москвы с северо-восточными княжествами, к началу правления Ивана Грозного выродилась в номинальное привилегированное подданство²⁰. Статус князя-«слуги», которым ещё в середине XVI в. были наделены князья «литовского» происхождения И.Д. Бельский и М.И. Воротынский, отражал это промежуточное положение, уже в опричнину уничтоженное²¹. Статус князя-слуги исчез одновременно с последним независимым удельным князем и его матерью, был восстановлен после отступления войска крымского хана Девлет-Гирея от Молодей и погиб вместе с его носителем кн. М.И. Воротынским в 1573 г. после таинственного «чародейского» дела, о котором, помимо «Истории» Андрея Курбского, сохранилось крайне мало информации. Для князя-эмигранта казнь видного политика и воеводы была личной трагедией, но он донёс и важный аспект отношений между царём и прославленным воином. Попыткам предшествовал оговор слуги, и за колдовством, как и в ряде подобных случаев в XVI—XVII вв., скрывалось подозрение в *crimen laesae maiestatis*, которое

¹⁹ Филошкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб., 2013. С. 129—136.

²⁰ Зимин А.А. Россия на пороге Нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. С. 402—404; Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 137—138, 157—158; Назаров В.Д. Рюриковичи Северо-Восточной Руси в XV в. (о типологии и динамике княжеских статусов) // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и Раннее Новое время). Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 426—427.

²¹ Шмидт С.О. Исследования по социально-политической истории России середины XVI века. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1964. С. 338; Беликов В.Ю., Колычева Е.И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII в. // Архив русской истории. 1992. Вып. 2. С. 93—121.

Воротынский, по словам Курбского, отказывался признавать. Этот факт находит неясную параллель с казнью в конце 1567 г. шляхтича И.П. Козлова, которого по злобной иронии (или намекая на какие-то сегодня неизвестные факты) Иван Грозный считал слугой Михаила Воротынского. Возможно, именно через Воротынского вело тайные переговоры литовское руководство, направив в Москву к лету 1567 г. письма от лица короля и магнатов.

Накануне и непосредственно на фоне разворачивающегося в Люблине сейма Иван IV присоединил к опричнине титульные земли князей, помнивших о своих родовых вотчинах и пользовавшихся на них церемониальным правом в московском посольском деле (часть Белозерского уезда, Ростов и Ярославль)²². Владимир Старицкий был убит по инициативе Ивана IV в конце 1569 г., вскоре после объединения Короны и Литвы. И одним из обвинений, предъявленных князю Владимиру Андреевичу, Новгороду Великому и Пскову, было отступничество в пользу Сигизмунда II Августа²³. Как мыслилось в Москве возможное объединение этих «отступников» с новой польско-литовской унией, невозможно сказать, и показательно, что никакие источники в самих Короне и Литве не донесли сведений на этот счёт. Архиепископу Пимену вменялось стремление отдать Новгород и Псков «литовскому королю», покушение на царя и приведение на московский престол Владимира Старицкого. На фоне унии между Короной и Литвой данный проект означал бы, по меньшей мере, сближение с унией западных соседей, а как максимум — готовность Москвы к заключению «вечного мира» с королём и вхождение в состав Речи Посполитой. Следы подобных тревог видны в речи Ивана IV, сказанной Ф. Зенковичу Воропаю уже после смерти Сигизмунда II Августа, когда обсуждались условия возможного вступления царя на троны Великого княжества Литовского и Короны Польской: «Что касается Ливонии, то если Господь Бог захочет, чтобы я был у Панов господарем, тогда пусть Ливония, Москва, Новгород и Псков будут заодно»²⁴. Возможно, этот же источник приоткрывает связь между «делом» Владимира Старицкого и проектом Ливонского королевства под управлением вассала Москвы короля Магнуса.

К моменту заключения унии между Короной и Литвой относится уникальный в своём роде «королевский» проект Ивана Грозного, служивший на протяжении нескольких лет прикрытием для российского правления царя в Ливонии. Эрцгерцог Магнус на рубеже 1569—1570 гг. получил корону из рук царя, но был окружён чиновниками из Москвы, регулярно доносившими царю о поведении вассала, «Божьей милостью короля Ливонии, государя эстов и леттов»²⁵. При всей призрачности королевского статуса Магнуса в Ливонии,

²² Курукин И.В., Булычев А.А. Повседневная жизнь опричников Ивана Грозного. М., 2010. С. 57.

²³ Скрынников Р.Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 348—393; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 2009. С. 255—270.

²⁴ *Historica Russiae Monumenta*. Т. I. Sankt-Peterburg, 1841. P. 229—232 (в польской версии: «Co się dotyczy o Inflantskiej ziemi, w tej mierze, kiedyby Pan Bóg chciał, żeby Panowie mnie sobie za hospodara mieli, tedyby Inflanty, Moskwa, Nowogród i Psków za jedno było»). См.: Lulewicz H. Gniewów o unię ciąg dalszy. Stosunki polsko-litewskie w latach 1569—1588. Warszawa, 2002. S. 109—110. Przym. 90. Как представляется, не вполне точно М. Ференц описывает эти слова царя как обещание объединить названные земли. Скорее речь должна идти о требовании Ивана IV, которое литовской стороне следовало соблюсти, чтобы получить московского правителя себе в господари. Ср.: *Ferenc M. Mikołaj Radziwiłł «Rudy»...* S. 418.

²⁵ *Angermann N. Studien zur Livlandpolitik Ivan Groznyjs*. Marburg; Lahn, 1972. S. 39—40, 52, 59, 65—68, 92 (немецкий титул «Magnus von Gottes Gnaden, König von Livland, der Estnischen und Lettischen Lande Herr», позднее также титул «избранного короля» «*Erwählter zum König in Livland*»).

его опыт показывал тенденцию Москвы к расширению политического лексикона. На заре государственной унии между Короной и Литвой это был важный знак, позволявший представить правление царя как открытое для полусвободных союзов. Физическое уничтожение удельного князя, взятие в опричнину ряда титульных княжеских городов, пресечение служилых князей и князей-слуг в московском политическом языке было, как представляется, реакцией именно на события в Короне и Литве, а не результатом каких-то долгосрочных тенденций в повестке московских великих князей и царей. Уделы существовали и позднее, полунезависимые княжества — тоже. Пограничное противостояние между Россией и Речью Посполитой за Трубчевск, отчину «служилых» князей Трубецких, закончилось в 1644—1657 гг. (после смерти кн. Петра Юрьевича и выезда в Москву его сына Юрия)²⁶. Однако для Москвы было важно продемонстрировать, что никаких федеративных поползновений в самой России не потерпят. Люблинская уния не вызвала паники в Москве, и официальный посольский церемониал отразил даже уверенность в обыденном течении дел, а также готовность к сотрудничеству, однако и в этом отношении в конце 1560-х и в начале 1570-х гг. произошли почти незаметные сегодня перемены в московской дипломатии.

Прежде всего, после ряда мирных инициатив со стороны Вильно царь в 1570 г. пошёл на перемирие, вряд ли выгодное с военной точки зрения Москве и не потребовавшее даже созыва Земского собора, что внешне вступало в противоречие с практикой, наметившейся четырьмя годами ранее. Литвины, судя по всему, по тайной договоренности короля с канцлером Великого княжества Литовского, с 1568 г. неоднократно выказывали готовность вести переговоры о признании царского титула Ивана Васильевича, что достигло своего пика в переписке царя с Я.Я. Глебовичем. Известны два письма последнего в Москву от 1574 г., где он обращался к «Его Царской Милости». Это было бы фактом государственной измены, если бы возникли сомнения в том, что Панове рада принимали участие в этой переписке²⁷. Полоцкий пленник Глебович и был отпущен царём в надежде на привлечение сторонников своей милостью в Великом княжестве Литовском, о чём говорят сохранившиеся фрагменты мемуаров Глебовича в «Гербовнике» Бартоша Папроцкого. Кроме того, царь проводил

Весть о переговорах царя с Магнусом и «прочими немцами» по ливонскому вопросу быстро дошла до Варшавы (Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie. Archiwum Radziwiłłów. Dz. V. Rkp 5019. S. 1—3).

²⁶ Grala H. «*Ex Moschouia ortum habent*». Uwagi o sfragistyce i heraldyce uchodźców moskiewskich // Rocznik Polskiego Towarzystwa Heraldycznego. Nowej Serii. T. 4(15). Warszawa, 1999. S. 115—120; Флоря Б.Н. О родовом землевладении князей Трубецких во второй половине XVI — начале XVII века // Архив русской истории. Вып. 7. М., 2002. С. 102—106; Кулаковський П. Чернігово-Сіверщина у складі Речі Посполитої 1618—1648. Київ, 2006; Сліж Н. Гісторыя роду Трубецкіх у Вялікім княстве Літоўскім // Архіварыус. Мінск, 2007. № 5. С. 137—159; Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. В 2 т. Т. 2. СПб., 2019. С. 25—33.

²⁷ РГАДА, ф. 79, оп. 1, реестр 2, д. 1, л. 7 об.—10, 19 об.—21 об.; ОР РГБ, Троицкое собр. П, д. 17, л. 193 об.—198, 209 об.—212 об.; ф. 235, папка 3, д. 21, л. 12—15 об., 22 об.—25. Вопрос о причастности Я.Я. Глебовича к московской разведке обсуждался на Люблинском сейме, однако исход этих споров говорит сам за себя. Обвинения в адрес Глебовича со стороны М.Ю. Радзивилла и его сторонников возобновились в канун конвокации в конце 1572 г., однако канцлер при помощи подобных слухов манипулировал репутацией Глебовича в момент борьбы кн. Ю.Ю. Слуцкого за «княжеское» место в Сенате Речи Посполитой. Вряд ли к 1574 г. на фоне подобных обвинений Глебович мог незаметно для литовской политической верхушки вести секретные переговоры с Москвой, совершая государственное предательство и в формуляре своих посланий, и в их содержании.

политический эксперимент в Москве, испытывая на подопытных полоцких шляхтичах литовскую форму управления прямо в Кремле: литвинам было разрешено создать подобие замкового суда и принимать законные решения, сообщая их через посольных в Литву, как если бы полоцкие уряды были просто перенесены в Москву²⁸.

Уничтожая пленников и политических противников в своём царстве, а также унижая шведских послов после заключения Люблинской унии, Иван Васильевич демонстрировал одновременно готовность к союзу с Литвой и к подавлению любого сопротивления своей власти. Возможно, царь действительно верил, что показательными убийствами и пытками, получившими наглядное воплощение для европейцев благодаря рассказам посольства Я. Кротоского, М. Талвоша и А.И. Харитоновича²⁹ и «Запискам» А. Шлихтинга³⁰, он предстаёт во всём величии перед лицом своих союзников и будущих подданных. Такой взгляд на законную государственную власть Иван IV неоднократно выражал в канун Люблинского сейма в переговорах с Елизаветой Тюдор, Юханом III и даже рассылая с английскими купцами послания от Антверпена до Южного Ирана. При этом мира с Литвой царь придерживался и дальше, вплоть до подтверждения сведений о победе Стефана Батория на выборах короля в 1575—1576 гг. Как раз на эти годы пришлись экстравагантные политические формы управления в Москве, до сих пор, пуще опричнины, ставящие в тупик историков, ищущих в них внутривполитический смысл.

Царь сохранял открытость дипломатии перед Литвой даже в ущерб отношениям с Коронным Сенатом, о чём свидетельствует следственное дело посланника от Сената Речи Посполитой (из Короны Польской) Л. Дубровы или включение в посольскую документацию секретного письма Григория Остика. Даже объявляя войну Стефану Баторию и готовя удар по литовским замкам в Ливонии, в конце 1576 — начале 1577 г. царь сохранял мирные отношения с Литовской радой. Он пошёл на уступки перед литовскими сенаторами и обязался удовлетворить претензии литовских купцов. Наконец, и это наиболее интересный аспект отношений с новой унией, царь согласился на обсуждение прав и свобод литовской шляхты, гарантий для соблюдения всех неотъемлемых прав, действующих на территории Великого княжества Литовского. Впрочем, говорить о веротерпимости в России не приходилось ни до постановлений Варшавской конфедерации в конце января 1573 г., ни после них. Не согласился царь и на прощение изменников в случае своего избрания на троны Речи Посполитой.

---

²⁸ *Straszewicz M.* Testament Anny z Korsaków Rahoziny z 1563 roku. Przyczynę do dziejów jeńców połockich // *Przegląd Historyczny.* 2005. Т. 96. Zesz. 3. S. 449—458. Данные факты не учтены при подготовке сборника: *Urządnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego. Spisy.* Т. V. Ziemia Połocka i województwo Połockie XIV—XVIII wiek. S. 146. № 438; S. 164. № 551; S. 167. № 563; S. 180. № 657; S. 193. № 724.

²⁹ Подробнее о составе посольства и задачах миссии см.: *Радаман А.А.* Клиенты і «прыяцелі» Астафея Багданавіча Валовіча ў Наваградскім павяце ВКЛ у 1565—1587 гг. // *Unus pro omnibus: Валовічы ў гісторыі Вялікага княства Літоўскага XV—XVIII стст.* Мінск, 2014. С. 293—294.

³⁰ *Grala H.* Wokół dzieła i osoby Alberta Schlichtinga (Przyczynę do dziejów propagandy antymoskiewskiej w drugiej połowie XVI w.) // *Studia Źródłoznawcze.* 2000. Т. 38. S. 35—52; *Горшков И.Д.* Опричнина Ивана Грозного в описаниях современников-иностранцев: на примере сочинений Альберта Шлихтинга. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2005; *Старостина И.П.* Иван Грозный в изображении Шлихтинга — Стрыйковского // *Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции.* М., 1998. С. 112—117; *Дубровский И.В.* Латинские рукописи сочинений Альберта Шлихтинга // *Русский сборник. Исследования по истории России.* Т. XVIII. М., 2015. С. 74—217.

В науке преувеличена замкнутость российских политических элит. Конечно, они до царя Петра Алексеевича по своей воле не ездили за границу на учёбу, и крайне редки были в Москве браки с европейскими партнёрами. Однако проекты отмены этого пережитка известны со времён Ивана Грозного, тогда как сами правители предпринимали попытки выехать из страны, причём неоднократно декларируя свои намерения подданным. В приписках к Лицевому своду прозвучало обращение царя к верным боярам, где он допускал побег своего сына из Московского царства: «Не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычаи, побежите с ним в чужую землю, где Бог наставит»³¹. По предположению С.Б. Веселовского и Б.Н. Флори, эти слова отражают настроения царя времён опричнины («в опричном угаре») ³². Впрочем, приписки в недоработанных томах Лицевого свода не могли возникнуть ранее 1576—1577 гг., когда завершались работы над огромной иллюстрированной летописью. Настроение этих приписок ближе к периоду, когда победы в Ливонской войне сменились непоправимыми поражениями и у царя усилился страх мятежа в пользу одного из наследников или Стефана Батория³³.

Стремление бежать из государства было в конце 1560-х — 1570-х гг. тем особым настроением, в котором концентрировались и страхи, и чаяния московских элит. А этот исторический момент был одним из самых успешных в реализации интегративной идеи по отношению к московским подданным, а особенно к московской шляхте, опиравшейся на Второй Литовский Статут 1566 г. и конституцию Варшавского сейма 1578 г., пользуясь равными правами с местным рыцарством³⁴. Московские переселенцы влились в политический народ Короны и Литвы и составили его неотъемлемую часть³⁵. Близкой им была и «российская» идентичность украинского казачества, местной шляхты и всего политического «русского народа» в составе

---

³¹ ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 531.

³² *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 283; *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. С. 78—79.

³³ Поздняя датировка Лицевого свода, уводящего окончание работ над ним в период правления царя Фёдора Ивановича, поддержана в работах А.А. Амосова и В.В. Морозова, а также отчасти в статье С.О. Шмидта 2011 г. (*Морозов В.В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005; *Ерусалимский К.Ю.* Лицевой летописный свод в дипломатии Ивана Грозного // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 24—33).

³⁴ Пример того, как московский «выросток» на службе волынского шляхтича ссылается на конституцию Варшавского сейма, см.: *Старченко Н.* Честь, кров і риторика: Конфлікт у шляхетському середовищі Волині: Друга половина XVI — початок XVII століття. Київ, 2014. С. 114—115.

³⁵ Понятие политического народа применительно к шляхте Великого княжества Литовского разработано Ю. Кяупене. Исследовательница отметила, что литовский политический народ придерживался своего видения политической причастности на заре Люблинской унии. Сплочение происходило благодаря общей военной опасности, клиентарным связям, сознанию своей обособленности от коронной шляхты и европейским тенденциям в общественной мысли (*Kiaupienė J.* «Mes, Lietuva». Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės bajorija XVI a.: (viešasis ir privatus gyvenimas). Vilnius, 2003; *Kiaupienė J.* Политический народ Великого княжества Литовского в системе политических структур Центрально-Восточной Европы в XV—XVI веках // Словия, институты и государственная власть в России... С. 586—591). В дискуссии вокруг тезиса о самобытности литовского политического народа затрагивался вопрос об отношении литовских магнатов к «шляхетской демократии» и проблема вырождения демократии в олигархию (*Niendorf M.* Wielkie Księstwo Litewskie. Studia nad kształtowaniem się narodu u progu epoki nowożytnej (1569—1795). Poznań, 2011. S. 49—70; *Вилимас Д.* К вопросу о характеристике государственного строя Великого княжества Литовского после Люблинской унии: демократия versus олигархия // Проблемы інтэграцыі... С. 149—154).

Речи Посполитой в конце XVI — первой половине XVII в.³⁶ Шляхта Короны и Литвы после смерти Сигизмунда II Августа считалась и с возможностью слияния с Московским государством и избрания на трон Речи Посполитой московской кандидатуры³⁷.

На королевской службе оказались представители едва ли не всех крупнейших фамилий, окружавших московский трон³⁸. Дальними родичами московских удельных князей были Ярославовичи. К боярскому роду Захарьиных принадлежали Иван Васильевич Ляцкий и его сын Иван. Сигизмунду I Старому служил брат высших московских политиков кн. С.Ф. Бельский. Суздальская знать в лице кн. И.Д. Губки-Шуйского и его потомков утвердилась в Брестском повете Великого княжества Литовского. Ярославские Рюриковичи были представлены Андреем Курбским и позднее его потомками. Тверские — кн. В.И. Телятевским, по своему поместному праву в Московском государстве претендовавшим даже на ярославский титул, посягая на прерогативу Курбского и его потомков в Речи Посполитой и князей Сицких в Москве. Смоленских воплотил Владимир Заболоцкий, вспомнивший в эмиграции о своём княжеском происхождении. Предполагаемые черниговские князья были представлены кн. М.А. Ноготковым-Оболенским. Впрочем, последние трое умерли, не оставив потомства «по мечу».

Это далеко не все, кто хотел бы перейти на службу Сигизмунда I Старого, Сигизмунда II Августа и их наследников. Вместе с братом великой княгини, матери Ивана Грозного, Михаилом Глинским собирался выехать кн. Иван Турнтай-Пронский — он был бы встречен своими дальними родичами из рода великих князей пронских, давно служащими литовским монархам. Не удалось бежать в июле 1554 г. кн. С.В. Звяге-Ростовскому. Пытался прорваться в Литву кн. Ю.И. Горенский, но был схвачен и казнён. В начале мая 1581 г. бежал ближний родич опричных выдвиненцев царя Д.И. Бельский, сумевший уйти от преследования во главе небольшого отряда. Вскоре после смерти Ивана Грозного бежал М.И. Головин, позднее убитый в Литве И.И. Бунаковым, мстившим за смерть своего отца.

Среди шляхтичей, близких к ведущим московским родам, были Кольчевы, Бутурлины, Тетерины, Сарыхозины, Кашкаровы, Голохвастовы, Бунаковы, Остафьевы, Зверевы, Измайловы... Не все названные роды испытали потрясения в России. Часто неясно даже, в какой именно хронологической связи находятся казни в России с побегом представителей их родов. Традиция интерпретации, идущая от С.Б. Веселовского, в целом позволила установить корреляцию между казнями и «выездами», однако во многих случаях выводы самого исследователя и последовавших за ним авторов не подтвердились.

³⁶ Мильников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII в. СПб., 1999. С. 74—105; Плохий С. Наливайкова віра: Козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ, 2005. С. 192—229; Яковенко Н. Дзеркала ідентичності: Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI — початку XVIII століття. Київ, 2012. С. 9—43; Брехуненко В. Козаки... С. 111—146; Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М., 2017. С. 93—105.

³⁷ Zakrzewski A.B. Wielkie Księstwo Litewskie między Wschodem a Zachodem. Aspekt polityczny i prawno-ustrojowy // Między Zachodem a Wschodem... S. 23—36.

³⁸ Здесь и далее использованы материалы наших исследований по истории российской эмиграции в Речи Посполитой (Ерусалимски К. Маскоўцы ў польска-літоўскі асяроддзі ў XVI — першай палове XVII стст. Транзітыўная ідэнтычнасць, гендэр і дыскрымінацыя // Arche. 2012. № 3. С. 68—95; Ерусалимский К.Ю. На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018).

Неясно, когда именно были уничтожены «всеродне» Тетерины и Сарыхозины. Нельзя исключать как то, что царь подозревал перебежчиков в заговоре против своей особы, в результате чего были убиты их родичи, так и то, что казни охватили род ещё до их побега или несколько позже (например, как месть за Изборскую кампанию). На стороне короля в небольшой исторический промежуток около конца 1563 — начала 1564 г. оказались одновременно не менее пяти мужских представителей Тетериных и Сарыхозиных. Трое из них на рубеже 1568—1569 гг. приняли участие в Изборской кампании князей Александра и Ивана Полубенских и привели пленных на Люблинский сейм. Одного из изборских пленников получил в подарок от кн. А.И. Полубенского Курбский. Возможно, от этих же людей князь Андрей Михайлович узнал что-то новое о казнях и других событиях первых лет опричнины, о чём рассказал в мартирологах своей «Истории». Это были заметные события в Короне и Литве. Они вызвали не только энтузиазм у хронистов и поэтические реплики³⁹, но и настоящие триумфы в Варшаве и Люблине. Пленным и эмигрировавшим москвитам выплачивали пожалования из казны в знак торжества над противником и милости короля⁴⁰. На объединительном сейме прозвучали даже упреки в адрес короля, что он заботится больше о приезжих москвитях, чем о собственных пленниках в Москве. Этот голос звучал из уст одного из полоцких пленников, выпущенных, чтобы призывать шляхту и короля к выкупу затворников. Впрочем, как можно полагать, царь видел в захваченной полоцкой элите своего рода заложников, позволявших, как ему казалось, манипулировать ими в переговорах с королём и панам радой. Конечно, впечатление эти действия царя производили прямо противоположное, но всё же Ивана Васильевича окружали подданные, видящие в литвинах скорее собратьев, чем врагов.

Что роднит всех шляхтичей московского происхождения на королевской службе и что позволяет говорить о перспективе унии Литвы и Короны с Москвой? Имена перебежчиков в источниках говорят о том, что они носили типичный для ренессансной книжности национальный идентификат — они были *москвитами*, *москалями*, *москвитинами*. К 1560-м гг. он перестал означать прямую связь с Москвой как городом или Московским княжеством, а в подавляющем большинстве случаев имел расширительное значение, охватывая все земли, находившиеся под властью московских великих князей. Эта нация просуществовала в лице своих представителей в Европе вплоть до начала XIX в., когда была преобразована в сознании европейцев в особый стереотипный образ, в чужака («Другого») для своей национальной культуры. Наличие своего идентификата не оставляет сомнений, что польско-литовское общество было готово видеть в эмигрантах особый народ, но не стремилось создавать никакой диаспоры или культурной основы для восприятия эмигрантов в качестве меньшинства в самой Короне, Литве, а затем в Речи Посполитой. Москвиты

³⁹ *Хорошкевич А.Л.* Захват Полоцка и бегство кн. А.М. Курбского в Литву // *Świat pogranicza*. Warszawa, 2003. С. 117—120; *Кантелер А.* Латинские поэмы о победах литовцев над московскими войсками в 1562 и 1564 гг. и о победе Курбского // *Ad fontem / У источника*. Сборник статей в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 318—325; *Некрашевич-Короткая Ж.В.* События и лица российской истории второй половины XVI — первой половины XVII в. в памятниках латиноязычной поэзии Великого княжества Литовского // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2012. № 2(12). С. 26.

⁴⁰ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 360—361; *Ерусалимский К.Ю.* Московско-литовская война 1562—1566 гг. и введение опричнины: проблемы демографии и земельной политики // *Российская история*. 2017. № 1. С. 3—31.

прямо ассоциировались с Московским государством, пока носили это прозвище, и должны были, потеряв его, потерять и свою причастность к московскому обществу. Во-вторых, правовые ситуации, в которых фигурируют в Речи Посполитой московские шляхтичи, позволяют судить о том, что сразу или вскоре по прибытии они пользовались всеми привилегиями военного сословия нового отечества. Реестры присяги Короне Польской винницкой и брацлавской шляхты 1569 г. показывают, что москвиты и их жены принесли присягу на верность королю и Короне Польской вместе с остальными своими братьями по оружию. Впрочем, феодальная лестница была открыта для москвитов, как правило, не вся. Их первые пожалования — *хлебокормленье* или *выживенье*, состояли чаще из средств на пропитание и натуральных выплат. Земельные пожалования *до воли и ласки* господаря не могли быть переданы по наследству, нельзя было также распоряжаться ими как-либо без согласия на то короля. Наиболее частой формой ленного держания было *доживоте* — т.е. право пожизненного владения имением, иногда расширяемого до двух и трёх поколений.

Участие в войне именно против *неприятеля московского* не было обязанностью шляхтичей-москвитов, однако считалось частью их военной повседневности. Иван Ляцкий и кн. Семён Бельский прямо декларировали перед началом Стародубской войны готовность отвоевать свои отчины в Московском государстве. Князь Семён с 1536 г. осуществлял проект создания буферного государства из Рязани и Белой, где сам готовился стать сувереном. Допускал он и установление дружественного по отношению к королю Сигизмунду Старому, Сулейману Великолепному и крымским Гиреям правительства в Москве. Пытались решительно повлиять на Ливонскую войну Курбский в 1564—1567 гг. и связанные с ним дружбой и общими целями его соотечественники из отряда кн. А.И. Полубенского в 1568—1569 гг.

О москвитях на королевской службе в их новом отечестве в королевских пожалованиях говорилось, что они бежали от московского тирана, бросив свои владения, взамен которых их и награждали. Временный статус феодальных держаний нигде не был представлен в связи с необходимостью отвоевать имущество перебежчиков в Московии. Такая задача больше не стояла. Как будто вычёркивая эту же перспективу, в Москве в ряде случаев уничтожались родовые гнезда «изменников», благодаря чему исчезал существовавший ещё в первой половине XVI в. статус разделённого рода, в котором находились многие крупные роды Московского государства и Великого княжества Литовского⁴¹.

Коллизии поджидали москвитов не только в землях покинутого отечества, но и во владениях короля. Так, в имении Г.А. Ходкевича Спасове после Ульской битвы 1564 г. на москвитов напали местные жители, видимо, приняв отходящую с поля боя роту за наступающего неприятеля. Развернулся бой, о чём Луцкий гродский суд рассматривал иск ротмистра. Вплоть до окончания Ливонской войны реестры Королевской казны из Варшавского архива древних актов позволяют проследить службу особой роты из 50 москвитов, которыми командовал какое-то время с 1563 г., видимо, Владимир Заболоцкий, а позднее также Умар Сарыхозин и Агиш Сарыхозин. Агиш при Сигизмунде III выдвинулся на лидирующие позиции среди москвитов-эмигрантов. Это положение

---

⁴¹ Неполный список разделившихся между Москвой и Литвой брянских и смоленских фамилий см.: *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой: Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 2010. С. 264—287.

после него не сохранилось, даже когда в Литву переезжали высокопоставленные в Москве Салтыковы, Трубецкие и В.А. Ордин-Нащокин⁴².

Московские шляхтичи, критиковавшие власть, редко обращались к опыту соседей, скорее применяли наличный риторический и культурный арсенал. Наиболее значительные перемены коснулись в эмиграции Андрея Курбского, чьи сочинения московского и польско-литовского периодов разительно отличаются в терминологии, кругозоре и идейных построениях. В «Истории о князя великого московского делех» и связанных с ней сочинениях эмигрантского периода (около 1570-х — начала 1580-х гг.) князь отстаивал образ единой христианской республики, которую впервые в русской книжности называл «Святорусской империей». Гибрид доктрины «общего дела» с идеей богоспаваемой имперской власти дополнялся осмысленной метафорой политического тела, которое представляла Русская земля, когда в её сердце правила «Избранная рада», возглавляла «тело» светлая и просвещённая голова — юный царь Иван Васильевич, а укрепляли прочие части тела («уды»): ангелоподобные и «добрые» советники и «всенародные» люди. Учение о *corpus rei publicae* восходило в европейской традиции к сочинениям Иоанна Солсберийского. Оно было унаследовано в Короне и Литве, составив риторическую основу унии двух государств, соединённых в «единое тело». Ещё одно возможное заимствование из европейской политической мысли — понятие «всенародных людей». Оно не характеризует демократизм Курбского и не требует предположения, что он допускал, например, участие сельских людей и рабов в управлении монархической республикой⁴³. Это понятие, судя по всему, также гапакс для московской письменной культуры того времени, находит прямой аналог у Павла Влодковица, заимствовавшего его у Марсилия Падуанского: *universitas civium*, т.е. собрание граждан, имеющих право от лица народа решать ключевые вопросы республики.

Идея тела-республики в «Истории» Курбского дополнена неоплатоническими аллюзиями, почерпнутыми из учения Максима Грека, и медицинскими открытиями в духе Мигеля Сервета. Последнему принадлежит и разделяемое Курбским учение о ненасилии в отношении еретиков и заблуждающихся в религиозных воззрениях, которых князь считал необходимым перевоспитывать и убеждать духовным оружием, а не градским мечом. При всей архаичности этих взглядов в эпоху Люблинской унии они были не только созвучны представлениям реформационных христиан, но и частью полемического пространства, в котором Курбский лично и вместе с православными Короны и Литвы выступил в защиту традиционного православия. При этом «История» содержит ряд параллелей с идеей универсального христианского народа. Царь Иван Васильевич после своего духовного падения и скатывания республики в опричный

---

⁴² Кошелева О.Е. Побег Воина // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С. 55—86; Граля Х. Возрождение из небытия: Смута и Потоп на перепутьях национальных мифологий // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы российско-польской научной конференции. Москва, 24—26 октября 2012 г. М., 2016. С. 10—48.

⁴³ С.О. Шмидт допускал, что речь в данном случае идёт именно о служилых людях, о «менее знатных феодалах». В таком случае выражение А.М. Курбского следовало бы рассматривать как развитие идеи шляхетского народа Московского государства (Шмидт С.О. У истоков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996. С. 211—213, 268—269).

(«крошечный») ад не уважает те естественные права, которые соблюдают даже скифы и сарматы. Пример античного прошлого обманчив — скифы и сарматы в сознании современников были актуальными народами, населяющими Степь и земли Двух Сарматий. Вместе с тем естественные права были предметом бурного обсуждения на Констанцском соборе, где П. Влодковиц в 1416 г. подобным тезисом опровергал смысл крестоносной идеи и отстаивал права жмуди самой выбирать себе веру. Это был шаг на пути к отказу от насильственной христианизации, фоном для которого послужил спор о причинах войны Тевтонского ордена с христианскими странами. Предки Курбского покоряли Югру, а сам он — Казань и поволжских язычников. Согласие с идеями Влодковица смягчает его взгляд на задачи крестоносной войны, развитый им, видимо, в тех фрагментах «Истории», которые создавались ещё в период его московской службы.

В российской историографии имперского периода перспективы, открытые объединительным сеймом 1569 г., часто представлялись в зеркале идеи колонизации. Однако эта идея имеет мало общего с реалиями середины — второй половины XVI в. Уния Литвы с Короной и инкорпорация в Корону русских земель четырёх воеводств Великого княжества Литовского открывали новый период в политическом устройстве союзных государств. Волынь и восточные воеводства получили автономию, приближаясь в своём статусе к самостоятельной и самобытной системе внутри федеративного государства. Великое княжество Литовское в ходе реформ ещё до Люблина приобрело права и свободы, не только приближающие местную шляхту к собратьям в Короне, но и освобождающие её от всевластия королевских наместников. Идея объединения «равных с равными» не была пустой декларацией, а соблюдалась как неотъемлемое право литвинов на всём протяжении существования федерации. Безразличие, выраженное царём, когда он узнал от польских и литовских представителей о заключении унии, скрывало несогласие. Москва не принимала сам язык прав и свобод, не видела в служилых людях единого влиятельного сословия, не допускала гарантий для «мужиков торговых» и противостояла известным примерам представительных собраний.

Историческая память, сформированная в России на фоне мобилизации в войне против Ливонии и Великого княжества Литовского, лишала легитимной предыстории существование обоих врагов, а история унии между Литвой и Короной рисовалась как историческая ошибка, следствие слабости власти в обоих этих государствах. Достаточно вспомнить, что незадолго до объединительного сейма Иван Грозный высказывал сомнение, что до Ягайло в Короне Польской вообще были короли, а право королевы Ядвиги на корону царь ошибочно или намеренно связывал с её происхождением от «пошлых королей». Эти высказывания звучали в официальной политике, и вряд ли элиты в Вильно и Кракове могли относиться к ним как к пустой болтовне и списывать их на эмоции. Ядвига была символом унии. Её образ возникал в памяти всякий раз, когда вспоминались первые унии между Ягайло и Витовтом, причём все общеземские привилегии Великого княжества Литовского отсчитывают существование унии именно от договоренностей Ягайло с Витовтом, а следовательно, Иван IV и его окружение в своей риторике наносили удар в самое сердце объединительной идеи.

Образцы «листов»-ультиматумов от лица шведского короля Юхана III за 1582—1584 гг. показывают, что в Москве знали и слово «тиран» применительно к московской власти, и обязательства поддержать права и свободы вместо

кровопролития и рабства⁴⁴. Это не была риторика *ex post*, а язык, звучавший в сознании московской шляхты на всём протяжении становления государственной машины Ивана IV и его наследников на московском престоле. Обещание «прав и вольностей» московским «чинам» (т.е. сословиям) не раз звучало в годы Смуты от лица Сигизмунда III Вазы, причём результаты переговоров московского посольства к королю под Смоленском в августе 1610 г. показывают, что в Москве настаивали на соблюдении своего «обычая», приближавшего политическую культуру москвитов к европейским порядкам⁴⁵. Наконец, «московский двор Владислава Ваза» отразил тот тип зеркального построения московских элит, наметившийся ещё в период Стародубской войны и неизменно сопутствовавший московско-польским отношениям вплоть до первых лет правления Романовых⁴⁶.

Княжеская власть в Речи Посполитой уступала идее правящей шляхты и шляхетского равноправия⁴⁷. Волынские титулованные феодалы приняли и горячо поддерживали унию с Коронай Польской (за исключением кн. М.А. Чарторыйского)⁴⁸. Последний оплот титулов в Короне и Литве составили русские земли Великого княжества Литовского, где привилегии княжеской власти исчезали вместе с ориентацией на православие уже во второй половине XVI в. Претензии княжеского рода Слуцких на место в Сенате в силу правящего происхождения пресеклись вместе с мужской ветвью рода (1592 г.)⁴⁹, а требования восстановить права князей звучали на сеймах ещё много лет спустя после Люблинской унии (1638, 1640 гг.)⁵⁰. Эмигранты из Московского государства сохраняли политический кругозор православного государства, где княжеская власть была в своём роде обязательной светской стороной устройства общества. В нашем распоряжении на фоне множества данных о взаимных конфликтах и службах титулованных и нетитулованных москвитов в новом отечестве нет ни одного примера, когда москвиты выразили бы несогласие с верховенством князей над нетитулованными шляхтичами. Наоборот, Владимир Заболоцкий в переговорах с имперским агентом аббатом Иоганном Циром отстаивал свой княжеский статус, давно утраченный его предками в Москве. Андрей Курбский и Василий Телятевский претендовали на новый ярославский титул, которого в

⁴⁴ Подборка посланий хранится под шифром: Riksarkivet, Stockholm. Militaria 1276. No 1. Частичная публикация: *Селин А.А.* Новые материалы об идеологической борьбе в годы Ливонской войны // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 12. СПб., 2006. С. 34–37.

⁴⁵ *Polak W.* O Kreml i Smoleńszczyznę. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612. Toruń, 1995. S. 211; *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 245–247, 253–266.

⁴⁶ *Jaworska M.* «Moskiewski dwór» królewicza Władysława w latach 1617–1618 // *Kronika Zamkowa*. 2015. Roczn. 2(68). S. 31–58.

⁴⁷ *Rachuba A.* Litwini wobec integracji we wspólnej Rzeczypospolitej // Проблемы интеграции... S. 204–219. Как отмечал А. Мончак, в XVII в. в борьбе за ограничение королевской власти шляхта, как правило, смешалась в орбиты влияния магнатских родов: *Mączak A.* Rzeczpospolita szlacheckich samorządów // *Przegląd Historyczny*. 2005. T. 96. Zesz. 2. S. 169–193.

⁴⁸ *Mazur K.* W stronę... S. 259–260; *Kempa T.* Możliwość i szlachta z Wołynia wobec unii lubelskiej (1569) // *Liublińska unia*... S. 170, 185. Во время Первого бескорольевья кн. М.А. Чарторыйский поддерживал литвинов и вёл доверительную корреспонденцию со своим родичем по жене Я.И. Ходкевичем (*Ерусалимский К.Ю.* На службе... С. 799–801).

⁴⁹ *Wisner H.* Rzeczpospolita Wazów. III. Sławne Państwo, Wielkie Księstwo Litewski. Warszawa, 2008. S. 12, 18; *Скен'ян А.А.* Князі Слуцкія. Мінск, 2013. С. 68–75, 104–105, 130.

⁵⁰ *Яковенко Н.М.* Українська шляхта... С. 78; *Zakrzewski A.B.* Paradoksy unifikacji i ustroju Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony XVI–XVIII w. // *Czasopismo prawnohistoryczne*. 1999. T. 51. Z. 1–2. S. 221.

Москве они бы не получили. Один из Оболенских требовал родового титула, завышав себе цену в момент обмена пленными и вызвав тем самым негодование у Ивана Грозного.

Эти наблюдения подкрепляются отчётливо княжеским самосознанием Андрея Курбского в его «Истории» и других сочинениях. Он изображает Русскую землю как общую вотчину «княжат русских», а возвышение Москвы считает общим делом всех князей, подспудно и в нарушение принятых в Москве родословных легенд возводя в княжеское достоинство даже ведущие боярские роды «имперских княжат» на русской и московской службе. Это был намёк на сходство боярских родов в Москве с правящим в Великом княжестве Литовским *de facto* родом имперских князей Радзивиллов. При этом Курбский видел в себе реформатора, отступая от княжеского идеала управления Святорусской республикой-империей. Его «общая вещь христианская» прямо объясняется в «Истории» и переводных сводах из книжной мастерской Курбского как «посполитая речь» или «рез публика». Опорой его тела-республики служит не «голова»-царь, а «сердце» — Избранная рада⁵¹. Её венчают нетитулованные политики-советники — незначительный по происхождению, но одарённый и полезный для «общей вещи» Алексей Адашев и благовещенский поп, близкий к новгородскому купечеству Сильвестр⁵². Мартирологи в «Истории» открываются описанием гибели рода Адашевых и уходом из Москвы Сильвестра, и только затем следует мартиролог князей, после которого — списки бояр, простых шляхтичей и репрессированного духовенства. Все урядники Курбского в новом отечестве — нетитулованные, и он не проявляет заметного по источникам интереса к новоприбывшим из Москвы на королевскую службу князьям.

И всё же в опыте московитов на королевской службе прослеживается общая логика. Все крупнейшие княжеские роды, перешедшие на королевскую службу, начиная со второго поколения, теряли княжеский титул (часто вместе с православным вероисповеданием). Правосознание московитов на королевской службе говорит об отсутствии границ в интеграции, несмотря на мобилизационные настроения в Короне и Литве против Москвы и неизбежно обострённую этничность в отношениях с местным населением. Московские шляхтичи отстаивали свои права и свободы теми же способами, что и местные «служилые» люди. Показателен пример Ивана Бурцева, появившегося в конце 1570-х гг. в источниках в роли «выростка» в семье луцкого шляхтича Ивана Хренницкого. Затем он уже слуга своего пана Иван Бурцевич, и наконец — коронный «возный генерал» Иван Бурцевский, служивший при судах ещё в начале XVII в. Московит втянулся в судебную структуру нового для себя государства. Ему пришлось участвовать и в расследовании смертей сыновей своей госпожи, и в многосложной борьбе за замок Буремль, чуть было не стоившей ему жизни, и в многочисленных процессах волыньских урядов. Возможно, с его неместным происхождением связаны как публичные выступления в доказательство своего шляхетского статуса, так и процедурные ошибки в исполнении обязанностей «возного», которые могли служить и судебными уловками. В начале 1602 г. его

---

⁵¹ Курбский А.М. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 24, 216, 835. Примеч. 132-2.

⁵² Грбовский А.Н. Иван Грозный и Сильвестр (история одного мифа). Лондон, 1987; Курукин И.В. Жизнь и труды Сильвестра, наставника царя Ивана Грозного. М., 2015. С. 108—134; Филюшкин А.И. История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». М., 1998. С. 309—329.

обвинили в нападении на спорное шляхетское имение крупного киевского и волынского рода Чапличей. И вот тут он упомянут со своим этническим прозвищем: «Иван Москвитин, возный»⁵³.

Григорий Сафонов (Сафонович) выступил в 1609 г. на Житомирском городском уряде, рассказав о своих многолетних службах при князьях Хованских и жалуясь на неуважительное обращение с ним самим и такими же иноземцами, московскими шляхтичами. Он требовал терпимости к себе и ко всему московскому обществу («всего кгмѣну посполства землѣ и мѣста столечного Москвы»). В его заявлении, во многом мемуарном, отражено и этническое, и социально-демографическое мышление московского воина. Сама запись в актовой книге является частью процедуры индигената, а свидетельство о службе у Хованских призвано подтвердить привилегированный, шляхетский статус Сафоновича. Его язык менее изощрѣн и не связан с латинской традицией, в отличие от сочинений Курбского. Вместе с тем язык простого престарелого сына боярского отражает конвергенцию культур, которую ему самому важно было подчеркнуть, сталкивая между собой политико-правовые реалии России и Речи Посполитой. Московское государство он считал частью Белой Руси, свои права видел в чём-то равными в новом отечестве с эмигрантской элитой, определяя её привычный для Москвы думный и княжеский статус («з думными», «з думных бояр, особливе з княжат московских»)⁵⁴. В рассказанной им истории службы у Хованских показана литовская ветвь рода, не отразившаяся в московских родословцах (в Литве и Короне было известно о выезде Данилы Хованского вместе с Остафием Дашковичем в Киевскую землю и о службе его внуков Острожским и Кишкам)⁵⁵.

Подобные примеры можно умножать. Они доказывают, что московские шляхтичи втягивались уже в первом поколении в польско-литовское общество, испытывая лишь те трудности, которые ни для местных судов, ни для них самих не казались непреодолимыми. В нашем распоряжении нет ни одного свидетельства, позволяющего судить о том, что на судах и в иных публичных местах в Короне и Литве москвиты испытывали культурные фрустрации, непреодолимые разногласия с местными жителями и т.п. Такие конфликты были, конечно, неизбежны и по косвенным данным реконструируются в отношениях землевладельцев с местными слугами и подданными. Прежде всего, непреодолимым в первом поколении, т.е. для самих эмигрантов и иногда их ближайшей родни, был статус *Москвитина*, оставлявший за ними на всю жизнь шлейф причастности к чужому и враждебному государству. Эта причастность акцен-

---

⁵³ *Старченко Н.* Борьба за спадок князя Андрия Курцевича-Буремського (1592—1596) // Кризь століття. Студії на пошану Миколи Крикуна з нагоди 80-річчя. Львів, 2012. С. 370—395; *Ерусалимский К.Ю.* Иван Москвитин: смерть и возрождение // Русская авантюра: идентичности, проекты, репрезентации. М., 2019. С. 19—51.

⁵⁴ *Жизнь Князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни.* Т. 2. Киев, 1849. С. 296—300.

⁵⁵ Все названные сведения почерпнуты Ю. Вольфом из того же сообщения Г. Сафоновича и частично удостоверены упоминаниями потомков князя, жившего во времена великого князя Василия III, в источниках начала XVII в. Московские источники и биографы российских представителей рода окружили всех литовских родичей молчанием (*Wolff J.* Kniaziowie litewskogoscycy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895. S. 17—18). Ср.: Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 25—26; *Шереметев П.С.* О князьях Хованских. М., 1908; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 28—67; *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди... Т. 2. С. 48—52.

тировалась только тогда, когда над шляхтичем нависала правовая или политическая угроза (попасть под подозрение в совершении преступления, лишиться правоспособности, реже — потерять спорное имение). Изредка, особенно в годы войны с Москвой, обострялись мобилизационные настроения, и московским шляхтичам приходилось несладко — бывало, им мстили за их соотечественников или даже совершали на них труднообъяснимые нападения. Вместе с тем известных ныне фактов достаточно, чтобы увидеть, как московская шляхта интегрировалась в разнообразные повседневные контексты Короны и Литвы и даже формировала собственные доктрины о равенстве московской шляхты с местными соратниками.

Характер Люблинской унии и польско-литовской Речи Посполитой в оценке Ивана Ивановича Лаппо

Томаш Амброзяк

The nature of the Union of Lublin and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the assessment of Ivan Ivanovich Lappo

Tomasz Ambroziak

(Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S086956870010777-5

Несмотря на то, что изучение Люблинской унии является постоянным предметом интереса для представителей многих национальных историографий, всё же открытым остаётся вопрос о характере созданного в 1569 г. польско-литовского государства и его дальнейшей эволюции¹. Неизбежно в этих дискуссиях немалое место принадлежит оценке наследия предыдущих поколений учёных², к числу которых принадлежит российский историк Иван Иванович Лаппо³. На мой взгляд, необходимо рассмотрение взглядов этого историка и

© 2020 г. Т. Амброзяк

¹ Из недавних работ стоит упомянуть: *Zakrzewski A.* Between the Union of Lublin and the Mutual Pledge of the Two Nations: From the Union of Two States to the Commonwealth of Three Provinces // *Zapiski Historyczne*. Т. LXXXIV. 2019. З. 4. С. 5—40; *Zakrzewski A.* Między Unią Lubelską a Zaręczeniem Wzajemnym Obojga Narodów — przemiany pozycji Wielkiego Księstwa Litewskiego w Rzeczypospolitej // Проблемы інтеграції і інкарпарації ў Цэнтральнай і Усходняй Еўропы ў перыяд ранняга Новага часу. Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 440-годдзю Люблінскай уніі (Мінск, 15—17 кастрычніка 2009 г.). Мінск, 2010. С. 232—245; *Zakrzewski A.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI—XVIII w.): prawo — ustrój — społeczeństwo. Warszawa, 2013. S. 262—286; *Амброзяк Т.* Положение Литвы в структуре государственной власти Речи Посполитой после Люблинской унии // Уральский исторический вестник. № 2(63). 2019. С. 64—70; *Frost R.* The Oxford History of Poland-Lithuania. Vol. 1: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385—1569. Oxford, 2015. P. 36—46; *Kiaupa Z.* Lietuvos istorija. T. VII. D. 1: Trumpasis XVIII amžius (1733—1795). Vilnius, 2012. P. 53—57; *Uruszczak W.* Unio regnorum sub una corona non causat eorum unitatem. Unia Polski i Litwy w Krewie w 1385 r. Studium historyczno-prawne. Kraków, 2017. S. 76—77 (URL: http://www.khpp.wpia.uj.edu.pl/documents/106750129/0/unia_polski_i_litwy_v3/a46ba21f-340d-411f-8c67-962e0e9c90a1 (дата обращения: 12.03.2020)).

² *Шэйфер В.* Дзяржаўныя уніі Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага ў ацэнцы расейскай гістарыяграфіі 19 — першых дзесяцігоддзяў 20 ст. // Гістарычны Альманах. Т. 5. 2000. С. 123—134; *Jučas M.* Unia polsko-litewska. Toruń, 2004. S. 9—80; *Błaszczak G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich. T. II: Od Krewa do Lublina. Cz. I. Poznań, 2007. S. 15—26; *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX — начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008; *Michaluk D.* Unia lubelska w polskiej historiografii XIX i XX wieku // Unia lubelska z 1569 roku. Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej. Toruń, 2011. S. 151—184; *Rusina J.* Unia lubelska w historiografii ukraińskiej // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19—20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki i Użytkowej. Vilnius, 2011. S. 389—394; *Zakrzewski A.B.* Wielkie Księstwo Litewskie... S. 9—31; *Czerniecka-Haberko A.* Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej. Toruń, 2013.

³ *Ragauskas A.* Istorikas I. Lappo ir Lietuva // Lietuvos istorijos metraštis. 1993. S. 81—91; *Мякишев В.П.* И.И. Лаппо — учёный с живым чувством исторической действительности // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 162—176 (URL: http://kfindelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_prep_Lappo_Miakishev.htm (дата обращения: 01.12.2019)); *Дубьева Л.* «Отдаюся науке совсем...». И.И. Лаппо — профессор

критическое переосмысление высказанных им оценок. В этой статье рассматривается понимание учёным характера Люблинской унии и созданной в итоге польско-литовской Речи Посполитой. Вне рассмотрения останутся причины и контекст заключения унии (это было предметом недавно опубликованной мною работы)⁴. Тем не менее я всё же буду обращаться к этим сюжетам в той мере, в какой это будет необходимо для объяснения концепции Лаппо. В круг рассматриваемых вопросов не войдёт также деятельность учёного в эмиграции, я сконцентрируюсь на работах, написанных в дореволюционный период.

Не вызывает сомнения крайне негативное отношение И.И. Лаппо к Люблинской унии, её обстоятельствам, способу заключения и итогам. Но ответ на вопрос, как учёный понимал суть случившегося в Люблине в 1569 г., не является простым. В труде, посвящённом изучению истории Литвы после 1569 г.⁵, историк стремился показать, чем Люблинская уния *не являлась*. С точки зрения Лаппо, вопреки положению 3-й статьи её акта⁶, ни о каком заключении «братского» союза двух государств не могло быть и речи. Попытки определения им того, чем уния *являлась*, встречаются заметно реже и оказываются, скорее всего, частью той же схемы размышлений. Подводя итоги событий второго бескорольевья после смерти Сигизмунда II Августа, учёный утверждал: «Фикция “братства” рассеялась окончательно, и на смену ей с полной наготовой обнаружился истинный характер связи Литвы и Короны; это была юридическая сделка, формальный договор, статьи которого хотела толковать и расширять в своих частных, политически-особных интересах каждая из этих двух частей соединенного государства, бывших просто контрагентами в заключённом договоре»⁷. Характерно, что упрёк Лаппо заключался в том, что уния не была «братским» соединением, а лишь «формальным договором». Однако учёный не конкретизировал, что именно подвергается с его стороны критике. Не до конца понятным остаётся вопрос, почему предметом этого осуждения является сам факт того, что уния между двумя государствами, по своей сути являющаяся правовым актом, была «договором» или, как пренебрежительно его определяет учёный, «юридической сделкой». Историк в данном вопросе остался на уровне довольно общих утверждений явно оценочного и негативного характера.

Суждения Лаппо встретились с негативной реакцией рецензентов его труда. М.К. Любавский отмечал, что Лаппо «страдает некоторыми преувеличениями и неправильной оценкой фактов. Источник этого надо искать в литовском патриотизме, одушевлявшем автора при написании этой главы. И.И. Лаппо всей душой на стороне литовцев против поляков, и это мешает ему по временам быть беспристрастным судьёй-историком и правильно оценивать факты... Не совсем объективен, на наш взгляд, И.И. Лаппо и в своих филиппиках по

русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905—1918 гг. // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IX. Вильнюс, 2005. С. 374—391; Ковалев М.В. «Моя жизнь слилась с моею научною работою...»: профессор Иван Иванович Лаппо (1869—1944) // Новая и новейшая история. Т. 63. 2019. № 6. С. 162—187.

⁴ *Ambroziak T.* Ivan Ivanovich Lappo's Views on the Circumstances of Establishing the Union of Lublin in the Context of Pre-Revolutionary Russian Historiography // *Zapiski Historyczne*. Т. LXXXIV. 2019. Z. 4. S. 97—122.

⁵ *Лаппо И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Опыт исследования политического и общественного строя. Т. 1. СПб., 1901.

⁶ Akta unji Polski z Litwą. 1385—1791. Kraków, 1932. S. 331—362.

⁷ *Лаппо И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 151.

адресу поляков и их поведения на Люблинском сейме 1569 года»⁸. «Страстным увлечением Литвой» назвал отношение автора к предмету его интереса также С.М. Середонин, утверждавший, что высказанная Лаппо «точка зрения ни русская, ни польская, она — литовская». Середонин отметил, что взгляды учёного, который «скорбит об Унии, негодует на эгоизм Польши, называет польских королей-Ягеллонов клятвopеступниками, некоторые привилеи их — “гнилыми и позорными” или “клятвopеступным хламом блестящих Ягеллонов”», довольно далеки от современного ему состояния исторической науки⁹.

Несмотря на то, что в рассматриваемой работе изучены вопросы государственного устройства Речи Посполитой, в ней в принципе отсутствуют не только какие-либо углублённые общие теоретические или методологические рассуждения о характере или моделях государства, но и анализ того, чем являлась созданное в Люблине образование. В частности, Лаппо не проводит анализ форм соединения государств, не ставя тем самым вопрос о том, чем на самом деле являлась польско-литовская Речь Посполитая — унитарным государством, федерацией или реальной унией. Между тем проблема форм соединения государств была в то время известна не только европейской, но и российской науке¹⁰. Лаппо касается данного вопроса лишь вскользь, отмечая, что «уния создала двух контрагентов и федерацию двух государств»¹¹. Однако эта мысль не вытекает из каких-либо рассуждений автора о формах государственности (учёный не даёт дефиницию понятия «федерация», не указывает, каким образом он её понимает, какие элементы государственного устройства Речи Посполитой позволяют её определить как федерацию), но является лишь элементом его выводов об «отдельности» Великого княжества в рамках польско-литовского государства.

Вторая сложность в реконструкции способа понимания учёным характера Люблинской унии заключается в эволюции использованного им понятийного аппарата. В труде, который изначально задумывался как второй том его монументального исследования, но превратился в самостоятельную работу¹², учёный заметно лучше оперирует терминологическим аппаратом и методологией историка права.

Интересующих нас сюжетов в большей степени Лаппо коснулся в работе, изданной в 1917 г. Изучение формы государственности Речи Посполитой после 1569 г. не являлось в этом труде главной целью автора. Эти рассуждения

---

⁸ *Любавский М.* [рец. на кн.:] И.И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Опыт исследования политического и общественного строя // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1902. № 4. С. 491—492.

⁹ *Середонин С.М.* [рец. на кн.:] И.И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Опыт исследования политического и общественного строя // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1905. Кн. 1. С. 5, 9—10.

¹⁰ *Zachariä H.A.* Zur Schleswig-Holsteinischen Frage. Göttingen, 1847; *Juraschek F. von.* Personal- und Realunion: Mit einem Anhang: Das rechtliche Verhältniss zwischen Oesterreich und Ungarn. Berlin, 1878; *Jellinek G.* Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien, 1882; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Пособие к лекциям. Т. 1. СПб., 1892. С. 73—83; *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Общая часть. Т. I. Введение и общая часть. СПб., 1899. С. 141—152; *Лазаревский Н.И.* Уния (гос. право) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIVa (1902). СПб., 1902. С. 833—834; *Пергамент М.Я.* Юридическая природа реальной унии. Одесса, 1893.

¹¹ *Лаппо И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 226.

¹² *Лаппо И.И.* Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: Литовско-Русский совет и его сеймик. Юрьев, 1911.

были лишь элементом обоснования тезиса о том, что III Литовский статут был утверждён только королём Сигизмундом III, а не совместным польско-литовским сеймом. Доказывая этот тезис, учёный заявлял, что польская сторона не имела права решать вопрос утверждения Статута и что это являлось исключительно литовским делом в силу особенности статуса Великого княжества в рамках совместной Речи Посполитой. Описывая этот статус, Лаппо утверждал, что «исполнение постановления Люблинского сейма о слиянии Княжества и Короны в единое “тело” и единое государство оказалось невыполнимым». На Люблинском сейме не удалось создать унитарное государство и провести инкорпорацию Литвы в состав Польши. Учреждённая в 1569 г. Речь Посполитая являлась государством федеративного типа, в котором «Великое Княжество Литовское удержало... значение равноправного с Польшей государства... зорко и стойко» охраняя «свои государственные права». Остатки федерации учёный усматривал даже в самой Польше, не поясняя, однако, что именно имел в виду¹³.

Подкрепляя своё мнение о федеративном устройстве Речи Посполитой, учёный отсылал к высказанному польским историком Станиславом Кутшебой в работе «Historia ustroju Polski» мнению о том, что Литва после унии сохранила государственную «отдельность». Однако ссылка Лаппо на данный аргумент оказалась весьма выборочной, поскольку в предыдущем предложении Кутшеба утверждал, что Речь Посполитая являлась реальной унией, а не федерацией, как полагал Лаппо¹⁴.

Если историк в своих работах лишь вскользь касался вопроса о характере возникшего в 1569 г. образования, то каким образом он его определял? Свою работу «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория» Лаппо начал с почти дословного пересказа акта унии. Единственным заметным отличием является употребление учёным термина «государство» («Королевство Польское и Великое княжество Литовское, согласно этому привилею, сливаются в единое и нераздельное тело и единое общее государство, которое образовалось через слияние и соединение в один народ и одно государство двух государств и народов»)¹⁵ вместо использованного в самом акте польского термина «речь посполитая» («jedno nierozdzielne i nierozżne ciało, a także nierozżna ale jedna a spolna Rzeczpospolita»)¹⁶. Подобный шаг вряд ли является следствием всесторонних и основательных рассуждений: для определения созданного в 1569 г. образования кроме понятия «государство» Лаппо использовал разные термины и выражения: «сполная Литовско-Польская Речь Посполитая», «соединение Польши и Литвы», «польско-литовское соединение»¹⁷. Последнее является повторением употребленного в 14-й статье акта Люблинской унии выражения «zjednoczenie» («te wszystkie statuta aby żadnej mocy nie miały jako prawu, sprawiedliwości i tyż spolnej braterskiej miłości i unji a

¹³ Ланно И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года. Пг., 1917. С. 28—29, 31, 34.

¹⁴ «Zresztą jednak Litwa zachowała odrębność państwową» (Ланно И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута... С. 29; Kutrzeba S. Historia ustroju Polski w zarysie. T. 2: Litwa. Lwów; Warszawa, 1914. S. 196).

¹⁵ Ланно И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 1—5, 7—8.

¹⁶ Akta unji Polski z Litwą... S. 343.

¹⁷ Ланно И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 2, 3.

zjednoczeniu spólnemu przeciwnie»)¹⁸. То, что в данном месте учёный опирался именно на текст источника, подтверждает использование этого выражения при передаче содержания того же положения акта («все статуты и уставы... не должны иметь силы, как противные праву, справедливости, общей братской любви и Польско-Литовскому соединению»). Все эти выражения, вероятнее всего, употреблялись историком как синонимы — лучшим тому примером является подведение им итогов всего этого фрагмента: «Таково полное содержание знаменитого Люблинского договора, соединявшего Великое княжество Литовское с Польским королевством в одно государство, сливавшего две различные «речи посполитые» в единую, «спольную», общую (курсив мой. — Т.А.)»¹⁹.

Подобное разнообразие терминов обнаруживается и в других работах учёного. В изданной в 1906 г. статье Лаппо писал о «соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой»²⁰. То же выражение он употреблял в монографии 1911 г., но наряду с другими, говоря, например, о «соединённом Польско-Литовском государстве»²¹. Иную картину видим в работе «К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года», где историк использовал термин «государство» для обозначения не только всей Речи Посполитой после 1569 г., но и Великого княжества Литовского как до, так и после Люблинской унии. Относительно последнего Лаппо утверждал, что в некоторых артикулах III Литовского статута (1588) «особенно отчётливо выражено самостоятельное значение особого государства Великого Княжества Литовского»²².

Наряду с понятием «государство», однако, появляется, вслед за источником, и другой термин — «панство». Этот несомненный полонизм (семантическое поле которого, кстати, являлось широким и разнообразным)²³ встречается в разных местах этой работы (обычно он взят в кавычки, что отчётливо даёт понять условность этого заимствованного из источников термина). Описывая положения III Статута, Лаппо утверждал, что он был «дополнен постановлениями, обеспечивающими интересы «панства» Княжества и его «народа»; «События эпохи первых десятилетий после Люблинской Унии ясно обнаруживают... постоянное стремление Великого Княжества Литовского отстоять значение своего «панства»»²⁴.

Термин «панство» появился уже в ранних работах И.И. Лаппо. В труде «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория» данное слово встречается преимущественно в цитатах из источников, но не как элемент терминологии. Но уже в работе «Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия» историк начал употреблять его в собственных размышлениях, отмечая, например, что III Литовский статут определил «строй Княжества на всё последующее время его истории

¹⁸ Akta unji Polski z Litwą... S. 345.

¹⁹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 3, 7.

²⁰ Лаппо И.И. Похищение государственной печати Великого княжества Литовского в 1581 году (отдельный оттиск из Сборника статей в честь В.И. Ламанского). СПб., 1906. С. 7.

²¹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия... С. 375, 416, 496.

²² «Польская Корона и Великое Княжество Литовское отныне должны составлять единое нераздельное тело и единое общее государство» (Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 18—20, 28).

²³ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska w języku czasów nowożytnych (1530—1795). Warszawa, 1998. S. 149—156; Słownik polszczyzny XVI wieku. T. XXIII. Warszawa, 1995. S. 213—228.

²⁴ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 24, 28.

как «панства»»²⁵. Взаимное отношение терминов «государство» и «панство» не до конца ясно. В отдельные моменты складывается впечатление, что понятие «панство» означает нечто меньшее, чем «государство». Лаппо писал, например, о правах «шляхты и Литовско-Русского «панства», которые должны быть сохранены после унии в соединённом Польско-Литовском государстве»²⁶. С другой стороны, об их синонимическом использовании может свидетельствовать фрагмент рассуждений автора об исправлениях, внесенных во II Статут в 1578 г. Лаппо утверждал, что они «не могли ставить и вопроса о том, “втелено” ли Литовско-Русское государство в Польскую Корону, или же представляет собою самостоятельное “панство”, находящееся с ней в договорных отношениях Унии»²⁷.

Своей главной задачей, видимо, Лаппо считал не теоретические и методологические рассуждения над характером Люблинской унии и созданной в её итоге Речи Посполитой. Для реконструкции исследовательских целей автора обратимся к основным моментам видения историком Люблинской унии. Заметную часть первой главы труда «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория» занимает описание событий Люблинского сейма и способа заключения унии. Здесь учёный обратился к нескольким сюжетам. Он выделил три основных пути совершения «дела унии». Первый из них заключался в отказе от положений и условий предыдущих актов польско-литовских уний и создании совершенно нового договора. Учёный сформулировал эту мысль с присущей ему выразительностью: по его мнению, этот путь заключался в том, чтобы «отбросить весь этот клятвопреступный хлам блестящих Ягеллонов и вновь приняться за дело начисто без всяких справок с гнилыми и позорными привилеями клятвопреступников-королей, сговориться заново об условиях Унии двух государств»²⁸. Именно по этому пути хотела пойти Литва. Её представители допускали заключение унии, но требовали соблюдения прав своего государства. Реализацией этого пути был литовский проект унии, хотя и делавший ряд уступок полякам и предусматривавший «вечное соединение с Польшей», но с сохранением «полной osobности местного управления и законодательства», а также «во всей неприкосновенности титула и чести государства Литовско-Русского и его врядов». Как утверждает учёный, Великое княжество в этом проекте «не требовало себе ровно ничего нового в смысле расширения или увеличения своих прав, а лишь стремилось сохранить тот политический строй, который оно имело до Люблинского сейма 1569 года». Мало того, оно ещё и делало ряд уступок польским объединительным стремлениям²⁹.

Совершенно иным оказался путь, по которому желала идти Польша (здесь Лаппо имеет в виду прежде всего Посольскую избу сейма). Поляки стремились к полной инкорпорации Великого княжества, настаивая на том, что таким образом они лишь осуществляют старые привилегии и акты. Польша не сомневалась в наличии подобных прав «и обращалась к королевской власти, призывая её к насильственному разрешению её велением дела, требуя королевского приказаня несговорчивым Литовцам». Иными словами, поляки считали, что

²⁵ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия... С. 415.

²⁶ Там же. С. 485.

²⁷ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 28.

²⁸ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 23.

²⁹ Там же. С. 13, 26.

заклучение унии не требует создания новой правовой ситуации, каких-либо качественных преобразований или «творчества в области политического строя создаваемого государства». По их мнению, соединение Польши и Литвы требовало только исполнения давно уже существующих норм и было «делом, требующим исключительно энергии и настойчивости». Норм, добавляет Лаппо, в той интерпретации, которая утвердилась «в шляхетных головах Коронных обывателей»³⁰. Таким образом, поляки добивались лишь включения Великого княжества в состав совместного государства, его полной и принудительной инкорпорации, совершенно не заботясь о том, чтобы заключаемая уния была действительно равноправной и «братской», не понимая возражений представителей Литвы. Поляки, по мнению автора, готовы были вносить изменения в условия унии, но главным образом там, где этого требовал их собственный интерес, делая вид, что это является уступкой Литве³¹.

Третьим путём хотел пойти польский сенат, который представил свой, компромиссный вариант унии, отвергнутый, однако, Посольской избой. В другом месте учёный указал, что сенаторы также руководствовались собственно польским интересом: опасаясь, что включение киевского воеводства в состав Короны повлечёт необходимость финансирования его обороны, они предлагали оставить его в рамках Великого княжества, чтобы Литва продолжала нести на себе это бремя³².

Заметную часть труда Лаппо занимает описание споров вокруг содержания акта Люблинской унии и его принятия, а также споров во время принесения присяги. Историк отметил, что сразу после заключения унии, 4 июля, в Посольской избе возникли очередные прения, касающиеся мест заседания представителей различных воеводств, хранения и расходования квартиры, а также компетенций литовских должностей. Всё это, по мнению учёного, убедительно свидетельствовало о различии интересов обеих частей Речи Посполитой³³.

И.И. Лаппо отметил те элементы, которые после Люблинской унии отличали Корону и Литву. Среди них он упомянул название Великого княжества, его права и обычаи, русский язык, монету, непроведение в Литве «экзекуции прав», а также наличие границы с Короной и существование отдельных литовских должностей. Именно эти элементы, по его мнению, «постоянно напоминали обывателям литовским, что они члены Литовского княжества, а не Польского королевства»³⁴. Он отметил кроме того, что сенат и сейм распались «весьма заметно» на две части: коронную и литовскую, «механически соединённые, а не органически слитые»³⁵. Последнее утверждение автора не до конца понятно. Он не объяснил, что имел в виду, определяя соединение этих частей как чисто механическое, каким образом они должны были бы быть соединены, чтобы это соединение оказалось органическим, как он понимает это определение, наличие каких элементов свидетельствует об «органическом» характере соединения и почему то, которое возникло в итоге Люблинской унии, этим требованиям не соответствует. С этим выводом не согласился в рецензии на труд Лаппо С.М. Середонин. Он полагал, что заключённый в Люблине союз

³⁰ Там же. С. 8, 9, 11.

³¹ Там же. С. 14, 51.

³² Там же. С. 15, 31—32.

³³ Там же. С. 48—64.

³⁴ Там же. С. 85.

³⁵ Там же. С. 222—223.

польской и литовской шляхты «сложился органически, как внутренняя потребность литовской шляхты, а вовсе не был результатом деятельности королей» и поэтому оказался «необыкновенно прочным», несмотря на неблагоприятные условия для его продолжения (прекращение династии Ягеллонов, бегство новоизбранного короля Генриха, споры между Великой и Малой Польшей)³⁶.

Особое внимание Лаппо уделил вопросу сохранения литовских должностей. Согласие на эту уступку со стороны поляков оказалось, по мнению учёного, совершенно непродуманным шагом. Они не понимали истинного смысла этого момента и всех вытекающих из него последствий, в том числе того, как в будущем будет устроен совместный сейм. Стремясь слить польский и литовский сейм воедино, они «не предвидели никаких затруднений при этом слиянии, необдуманно клянясь сохранить неприкосновенными значение и права Литовских урядов»³⁷. Лаппо признал, что стремление сохранить литовские должности отнюдь не вытекало только из идеалистического намерения защитить честь и значение государства, но также из чисто «материального желания» литовских урядников и сенаторов сохранить собственные «вряды»³⁸. Но именно это стремление, как подчёркнул учёный, спасло Великое княжество от полного слияния с Коронай. Особое значение имело, что эти должности (прежде всего должность великого литовского маршалка) играли определённую роль в работе сейма. «Пока существовало сеймовое значение высших врядов Литовских, до тех пор у Литовского народа всегда перед глазами стояли внешние, видимые и осязаемые для каждого знаки отдельности Литвы и Польши. Они были как бы маяками, которые освещали Литовскую отдельность»³⁹.

Другим элементом, на котором историк заострил внимание, был вопрос включения в состав Короны подляшского, волинского, киевского и брацлавского воеводств, а также наличия границы между Коронай и Великим княжеством. Отторжение от Литвы этих воеводств, как утверждал Лаппо, вскрыло «с оскорбительною наготой эгоистичное отношение Поляков к своей “братии” Литовцам» и усилило осознание Великим княжеством своей обособленности от Короны. Включение этих земель в состав Короны свидетельствовало, по мнению учёного, о том, что Польша и Литва не составляли единого государства — в противном случае не было бы необходимости проводить какие-либо территориальные изменения, и все воеводства и земли Речи Посполитой образовывали бы единое целое. Вызванное этим шагом недовольство Литвы унией и недоверие её представителей к коронной шляхте (за действиями которой необходимо было с этого времени постоянно и бдительно следить) усиливало её стремление к внутренней интеграции. Таким образом, Люблинский сейм, продемонстрировав эгоизм поляков, только усилил чувство обособленности со стороны Литвы⁴⁰. Вызванное этим шагом недоверие, как утверждал Лаппо, с 1569 г. касалось также совместного польско-литовского сейма, что являлось, по

---

³⁶ Середонин С.М. Указ. соч. С. 15.

³⁷ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 66.

³⁸ Подобное мнение, правда, в защиту поляков, высказал в рецензии на данный труд М.К. Любавский, по мнению которого, литовская аристократия «одушевлялась далеко не одними патриотическими чувствами, а и опасениями за свою власть и влияние»: Любавский М. Указ. соч. С. 493.

³⁹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 80.

⁴⁰ Там же. С. 81—82.

его мнению, важной причиной развития институтов сеймиковой инструкции и реляционных сеймиков⁴¹.

Стоит отметить две слабые стороны этих рассуждений автора. Во-первых, включение подляшского, волынского, киевского и брацлавского воеводств в состав Короны произошло в марте—июне 1569 г., ещё до заключения Люблинской унии и превращения этих государств в одно совместное образование. Следовательно, оно может свидетельствовать лишь о состоянии дел до, а не после заключения унии. Во-вторых, описание настроений и позиций представителей Литвы не основано автором на источниковом материале и является во многом лишь умопостроением учёного.

Ещё одним моментом, к которому обратился Лаппо, является описание работы Люблинского сейма после заключения унии. Он провёл анализ способа участия представителей Короны и Литвы в рассмотрении двух категорий вопросов: касающихся всей Речи Посполитой и тех, что затрагивали лишь одну из её частей. Изучая общегосударственные дела, историк привёл пример проблемы организации обороны от Москвы. Это, кстати, один из немногих моментов его труда, когда он отметил расхождения во взглядах между представителями Литвы, до того представляемыми в своей политической деятельности почти как некое гомогенное целое. Оказалось, что литовские послы требовали освобождения литовской шляхты от налогов на оборону, наподобие прав польской шляхты, которая не была обязана платить постоянные налоги благодаря наличию в Короне доходов из так называемой кварты, предназначенных на оплату армии. Литовские сенаторы, наоборот, желали не допустить введения кварты в Великом княжестве⁴². Основная линия конфликта всё же проходила между Короной и Литвой. По мнению Лаппо, даже в столь важном вопросе, как оборона границ совместного государства, оказалось, существовали заметные различия между его частями: разные системы налогообложения и их разные, эгоистичные интересы. Они были настолько существенными, что поставили под вопрос единство Речи Посполитой, которое оказалось мнимым. «Казалось бы, какое дело должно быть более общим для всего соединенного государства, если не дело защиты от общего врага, а между тем видим полное разделение вопроса о защите государства на два: защиту Польши и защиту Литвы». Подобный вывод сделан исследователем на основе анализа способа участия представителей Короны и Литвы в рассмотрении сеймом дел, касающихся лишь одной из частей Речи Посполитой. Оказалось, полагал учёный, что послов и сенаторов из Великого княжества интересовали либо общегосударственные, либо сугубо литовские вопросы, но они не участвовали в рассмотрении дел, касающихся исключительно Короны. Аналогично поляков не интересовали литовские проблемы — историк указал на ряд случаев, когда ими занимались одни послы и сенаторы Великого княжества. Отсюда следовал вывод об «особности» Литвы, которая сама обсуждала свои проблемы и готовила касающиеся её конституции, представляемые уже в готовом виде всей Посольской избе. Лишь в случае их конфликта с коронными конституциями возникала процедура согласования. По мнению учёного, на Люблинском сейме в очередной раз проявились эгоистичные стремления обеих частей Речи Посполитой и их желание заботиться

---

⁴¹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия... С. 456, 486.

⁴² Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 71.

только о собственном интересе. Даже чтение конституций превращалось в ссоры и манифестацию недоверия друг к другу⁴³.

С какой целью И.И. Лаппо столь подробно описывал события Люблинского сейма? Исследователь указывал, что это необходимо для выяснения «почвы, на которой развивались отношения Литвы и Польши в последующие десятилетия»⁴⁴. Однако в действительности можно полагать, что цель учёного была несколько иной. Указание ряда отличий между Коронай и Великим княжеством, споров и ссор между их представителями, а также эгоизма поляков, что так отчётливо проявились, по мнению историка, в период сейма и во время заключения унии, должны были стать доказательством существования сильного чувства обособленности обеих частей государства после 1569 г. Описание Люблинского сейма должно было доказать основной тезис автора, которым являлось сохранение отдельности обеих частей Речи Посполитой после Люблинской унии: «Основным выводом, который с полной очевидностью следует из всего изложенного выше, является *отдельность Княжества от Короны, ясно сознаваемая и Поляками, и Литовцами XVI столетия* (курсив И.И. Лаппо. — Т.А.)... так резко провозглашаемая реальной действительностью, несмотря на звучащее фальшивым звуком официальной лжи заявление акта Унии, что оба государства составляют “jedno ciało” — единое тело». Эта отдельность подчёркивалась сохранением роли литовских должностей на совместном сейме, «что делало и самый сейм не Коронным, как его обозначает договор Унии, а Польско-Литовским сеймом соединенных представителей *двух отдельных частей государства* (здесь и далее курсив мой. — Т.А.)». Неудивительно, по мнению историка, что такое значение придавалось вопросу включения в состав Короны подляшского, волынского, киевского и брацлавского воеводств, а также проведению разграничения между Польшей и Литвой: «Это были границы *двух государств*, имеющих лишь общее высшее правительство». «В самом деле Литовское великое княжество осталось и после 1569 года со своими порядками и особенностями»⁴⁵.

Приведённая цитата является в определённой степени заключительным выводом исследователя. Однако следует отметить, что из логики его размышлений вытекает лишь вторая часть приведённого в предыдущем абзаце вывода, так как с самого факта сохранения Великим княжеством Литовским «особенностей» и «своих порядков» не вытекает ещё, что оно являлось государством. Не вдаваясь в рассуждение о критериях признания того или иного образования государством, стоит отметить, что для признания наличия государственности необходимо опереться на некие критерии, тогда как для того, чтобы отметить некие «особенности», достаточно лишь выявить их наличие. В то же время Лаппо не произвёл анализа понятия «государство» и его различных форм, что позволило бы подойти к решению данной проблемы.

Второй вопрос, который возникает в отношении утверждения исследователя, заключается в непосредственном понимании сути возникшего в итоге Люблинской унии образования — Речи Посполитой. Подчёркнутые выше фрагменты цитат труда учёного показывают, что в одном месте историк писал об одном государстве, состоявшем из двух отдельных частей, тогда как в дру-

⁴³ Там же. С. 73, 74, 78—79.

⁴⁴ Там же. С. 79.

⁴⁵ Там же. С. 79—80, 85.

гом — о двух государствах, которые продолжали существовать после 1569 г.⁴⁶ Подобную неточность мы находим в статье «К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года», где учёный отметил, что на Люблинском сейме было решено, что Корона и Литва «отныне *должны* составлять единое нераздельное тело и единое общее государство», но планируемая инкорпорация «не осуществилась в действительности, и Великое Княжество Литовское удержало после Унии *значение равноправного с Польшей государства*». Соответственно, можно полагать, после 1569 г. мы имеем дело не с одним, но с двумя соединёнными государствами. Но в следующей части данного предложения, поясняя свою позицию, Лаппо пишет об одном федеративном государстве: «т.е. соединённая Речь Посполитая вылилась в форму *государства* не унитарного, а федеративного типа»⁴⁷. Обозначенная проблема вытекает во многом из указанного выше отсутствия у учёного общих теоретических рассуждений о формах соединения государств. Подобная непоследовательность обнаруживается в рассуждениях Лаппо о литовской шляхте. Учёный сначала говорит о наличии «народа Речи Посполитой Польско-Литовской»⁴⁸. Следовательно, как можно полагать, общему государству соответствовало наличие одного народа — шляхты. С другой стороны, историк выступал против «трактования шляхты польской и литовской вместе, не разделяя их», указывая на языковой и отчасти религиозный факторы как на главные различия между ними⁴⁹.

Стоит также задаться вопросом, при помощи каких понятий И.И. Лаппо обозначал правовое положение Литвы в составе Речи Посполитой после Люблинской унии. Как мы видели, главный тезис учёного заключался в сохранении Великим княжеством после 1569 г. некоего особого статуса. Чаще всего историк для обозначения характера правовой связи между Польской Коронай и Великим княжеством Литовским использовал термин «отдельность», как в приведённой выше цитате, которую сам Лаппо называл основным своим выводом⁵⁰. Встречается он и в других работах историка. В статье «К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года» он утверждал, что в приведённых им артикулах III Литовского статута прослеживается «сохранение полной отдельности от Польши Великого Княжества Литовского»⁵¹.

Однако кроме термина «отдельность» в рассуждениях Лаппо, посвящённых статусу Литвы в рамках Речи Посполитой, появляется также понятие «самостоятельность». Учёный отметил, что после 1569 г. «государственная печать Литовская получила новое значение — она явилась символом самостоятельного политического значения Княжества в соединённой Польско-Литовской Речи Посполитой»⁵². Историк утверждал, что в III Литовском статуте «с такою же ясностью и определённою, как в том самом Статуте 1566 года», про-

⁴⁶ Там же. С. 80, 85.

⁴⁷ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 18, 28.

⁴⁸ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 229.

⁴⁹ Стоит отметить, что в случае внутрелитовских отношений эти же факторы переставали, по мнению учёного, играть особую роль, и «шляхетные обыватели Великого княжества Литовского, несмотря на различие национальное, сливаются в плотную, весьма объединённую массу» (Там же. С. 229—230). Против подобного утверждения возразил С.М. Середонин, полагавший, что нельзя говорить о наличии одного литовского «народа», и различал русское и литовское население Великого княжества (Середонин С.М. Указ. соч. С. 11).

⁵⁰ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 79.

⁵¹ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 21.

⁵² Лаппо И.И. Похищение государственной печати... С. 6—7.

слеживалось значение Литвы «как самостоятельного отдельного “панства”», указывая артикулы Статута, в котором это «самостоятельное значение особого государства Великого Княжества Литовского» выражено «особенно отчетливо». Вопрос о том, «“втелено” ли Литовско-Русское государство в Польскую Корону, или же представляет собою самостоятельное “панство”, находящееся с нею в договорных отношениях Унии», историк считал ключевой проблемой в деле «поправки» II Литовского статута⁵³.

С мнением учёного во многом не согласился М.К. Любавский, утверждавший, что «уния 1569 года хотя и не слила Польшу и Литву в единый государственный организм, но всё-таки связала их крепкими государственными узами и установила надолго симбиоз их политических организмов». Выводы Лаппо, полагал Любавский, необходимо в значительной степени ослабить, поскольку тот, «увлекаясь проявлениями национально-политической самостоятельности литовцев», неправильно толковал ряд фактов и явлений, на основе которых он пришёл к мнению о самостоятельности Великого княжества⁵⁴.

К сожалению, оба понятия — «отдельность» и «самостоятельность» — являются довольно общими, что не позволяет реконструировать с уверенностью как их взаимное соотношение, так и способ понимания Лаппо сути правовой связи между Коронай и Великим княжеством после 1569 г. Решение данной задачи осложняется также проблемами с определением способа понимания учёным характера учреждённого в Люблине государственного образования — польско-литовской Речи Посполитой.

Можно констатировать, что, хотя изучение характера Люблинской унии и польско-литовской Речи Посполитой не являлось непосредственной целью И.И. Лаппо, он всё же уделил этой проблеме большое внимание. Но её рассмотрение являлось лишь элементом его общей концепции и было подведено под основной тезис историка, заключавшийся в сохранении Великим княжеством Литовским определённой степени самостоятельности и особенности от Польской Короны после 1569 г. Учёный указал на ряд элементов государственности, которые Литва сохранила после Люблинской унии, и именно поэтому труды Лаппо по-прежнему высоко оцениваются современной историографией. Однако нельзя не отметить, что в работах историка присутствуют неточности и непоследовательность. Несомненно, многое Лаппо удалось. Другие же задачи, в частности тщательный анализ юридического характера Речи Посполитой с использованием инструментария не только исторической, но и правовой и политической науки, остаются на повестке дня.

---

⁵³ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 19—20, 28.

⁵⁴ Любавский М. Указ. соч. С. 493, 496.

Проблемные вопросы современных исследований Люблинской унии и её последствий с точки зрения литовской историографии

Гинтаутас Слесорюнас

Problematic Issues of Modern Studies of the Union of Lublin and its Consequences from the Perspective of Lithuanian Historiography

Gintautas Sliesoriūnas
(Lithuanian Institute of History, Vilnius)

DOI: 10.31857/S086956870010778-6

Заключённая в 1569 г. в Люблине уния — союз между Польским королевством (Короною Польскою) и Великим княжеством Литовским (ВКЛ), являлась судьбоносным событием для народов, проживавших на территории этих двух государств, на стыке Центральной и Восточной Европы. Таковой уния стала и для собственно Литвы, что обуславливает большое внимание к этому событию и его последствиям как среди литовских учёных, так и в общественном сознании. Оценка последствий Люблинской унии менялась во многом под влиянием новых исторических событий и приобретённого обществом исторического опыта. Неизменно подчёркивалось, что Люблинская уния не означала конца государственности ВКЛ. Отмечалось, что к унии подталкивало стремление средней шляхты Литвы сравняться в сословных привилегиях с польской, но все же главной причиной считались продолжавшаяся тогда война и угроза, исходившая со стороны Русского государства¹.

Критическую оценку государственного союза ВКЛ и Польского королевства унаследовала и советская историография Литвы, которая *de facto* начала развиваться только с середины 1950-х гг. На неё влияли характерные для советской историографии отрицательные оценки государственного союза Литвы и Польши. В некотором смысле это было продолжением традиции русской историографии XIX — начала XX в. В очерках истории Литвы, изданных в тот период, можно найти весьма резкие суждения, например, что «Люблинская уния была гибельной для литовской нации»².

В 1970—1980-х гг. в литовской советской историографии уже можно найти хотя и завуалированные, но всё же более самостоятельные оценки Люблинской унии. В продолжение довоенной традиции значительное внимание уделялось судьбе государственности ВКЛ, и это вело к постепенному возвращению к суждениям о том, что ограничение литовской государственности в 1569 г. было платой за спасение от большей беды — потери самой независимости в ходе войны с Русским государством. Тем не менее в трудах по истории Литвы, опубликованных в то время, в первую очередь подчёркивались противоречия

© 2020 г. Г. Слесорюнас

¹ Lietuvos istorija. Kaunas, 1936. P. 219—223.

² Jurginis J. Lietuvos TSR istorija. Kaunas, 1957. P. 42. Более умеренные суждения были в академических изданиях истории Литвы. В них отмечалось, что уния «подкосила» государственную самостоятельность Литвы и привела к дальнейшему её увяданию (Lietuvos TSR istorija. T. I. Vilnius, 1957. P. 218—219).

между вельможами и средней шляхтой Литвы, а уже потом писалось о крайней необходимости для ВКЛ заручиться поддержкой со стороны Польши. Отмечалось также, что созданная в итоге унии «федерация» двух государств, несмотря на встречающиеся суждения тогдашней литовской элиты о постигшем страну несчастье, «не была столь уж трагичной», так как Литва сохраняла за собой большую самостоятельность³.

Исходная точка современной литовской историографии, вобравшей в себя наследие довоенной и эмигрантской, равно как и литовской советской исторической науки, свелась к оценке Люблинской унии как «меньшего несчастья»⁴, неизбежного выбора, сделанного ВКЛ в 1569 г. ради самосохранения (пусть и в ограниченном виде). В этой статье основной целью является обобщение оценок Люблинской унии и её последствий в современной литовской историографии и обозначение проблемных вопросов, по которым сохраняются существенные разногласия.

Пристальное внимание литовских исследователей продолжает привлекать изучение предпосылок унии⁵ и позиции литовской стороны на переговорах, предвосхищавших заключение Люблинской унии⁶. Изучение переговорной стратегии и литовских предложений (проектов) будущей унии теснейшим образом связано с изучением отношения литовского общества, прежде всего привилегированного сословия, к перспективе заключения более тесного государственного союза между Литвой и Польшей. Уния должна была гарантировать союз и после пресечения объединявшей эти страны династии Ягеллонов (последнее в то время уже воспринималось как неотвратимая данность). Изучение отношения привилегированного сословия литовского общества к проектам будущей унии подразумевает и более пристальное внимание к отдельным составляющим этого сословия — не только элиты (панов Рады), но и среднего и мелкого шляхетства, сословные права которых были значительно расширены накануне заключения унии в результате проведённых реформ административно-судебной системы ВКЛ (1563—1566). Перспективно изучение региональных отличий в отношении к унии и к Польше шляхты южных (украинных) воеводств и Подляшья — земель, которые во время Люблинского сейма были отторгнуты от Литвы и присоединены к Польше (что явилось сильнейшим и действенным средством давления на литовскую сторону с целью сломить её сопротивление).

Более глубокое изучение обозначенных вопросов было в какой-то мере вызвано полемикой литовской и польской историографии. Последнюю на протяжении длительного времени характеризовало оценивание предложений литовской стороны как проектов «непрочной унии» и определение самых по-

³ Lietuvos TSR istorija. T. I. Vilnius, 1985. P. 122—125.

⁴ Gudavičius E. Lietuvos europėjimo kelias: istorinės studijos. Vilnius, 2002. P. 275. Историк использовал определение «меньшее несчастье», описывая стоявший тогда перед Литвой выбор: либо уния с Польшей, либо завоевание Русским государством уже тогда, в XVI в. Представленный выбор не был новшеством в исторической науке. Так ставил вопрос ещё знаменитый русский историк М. Любавский (1860—1936), чьи труды оказали большое влияние на литовских историков, изучавших ВКЛ XVI в.

⁵ Petrauskas R. Tarp kivirčių ir susitarimų: socialinės ir politinės Liublino unijos prielaidos / Między konfrontacją a porozumieniem: społeczne i polityczne przesłanki unii lubelskiej // Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas / Unia Lubelska: idea i jej kontynuacja. Vilnius, 2011. P. 36—42, 43—49.

⁶ Kiaupienė J. Poszukiwanie kompromisu — konfrontacja litewskiej i polskiej tradycji politycznej w przededniu unii lubelskiej // Europa unii i federacji. Idea jedności narodów i państw od średniowiecza do czasów współczesnych. Kraków, 2004. S. 19—29.

следовательных сторонников литовской концепции как «противников унии». Подчёркивались различия в отношении к унии между вельможами и средней и мелкой шляхтой: сдержанная позиция первых объяснялась стремлением сохранить свои исключительные привилегии. Средней шляхте при этом приписывалось благосклонное отношение к унии, опиравшееся на стремление обрести шляхетские вольности, подобные тем, которыми пользовалась польская шляхта. В польской историографии (особенно со времен публикации основных исследований О. Галецкого⁷) подчёркивалось благосклонное отношение к унии подляшской, волынской и брацлавской шляхты. В свете последних исследований картина представляется более сложной и неоднозначной. На петицию волынской шляхты (29 марта 1569 г.), в которой она недоумевала по поводу решения короля присоединить Волынь к Польше и выразила сомнение в правомочности королевского декрета, обратили внимание Зигмантас Кяупа и Юрате Кяупене в написанных совместно с польским учёным Анджеем Рахубой очерках истории Литвы⁸. В то же время, несмотря на важность проблематики Люблинской унии для истории Литвы, работ, посвящённых исключительно Люблинской унии, написано немного⁹.

Процесс подготовки унии и определение официальной позиции ВКЛ по отношению к более тесному союзу с Польшей широко представлены в обобщающих трудах по истории Литвы и в специальных исследованиях¹⁰. «Литовский проект» был выработан в 1563 г. и составлен в форме инструкции сейма ВКЛ, заседавшего в Вильнюсе, для делегации Литвы, отправленной на общий сейм в Варшаву в 1564 г. Он содержал следующее условия:

1. Польша и Литва должны иметь общего монарха — короля польского и великого князя литовского, избираемого на общем сейме вблизи границы Литвы и Польши. На сейме Польшу и Литву должно представлять равное число послов-избирателей.

2. Избранный монарх должен быть интронизирован в каждом из государств отдельно.

3. Два раза — перед каждым из государств — новоизбранный монарх должен принести присягу.

4. Интронизация новоизбранного монарха в Литве должна состояться в течение трёх месяцев со дня коронации в Кракове. До момента интронизации в Вильнюсе он не может пользоваться властными полномочиями в Литве.

5. Польша и Литва сохраняют отдельные канцелярии и государственные печати.

6. Общие сеймы для Польши и Литвы созываются для обсуждения и принятия решений по вопросам избрания монарха, войны и мира, для отправки

---

⁷ *Kiaupienė J.* Oscar Halecki, badacz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego, a historiografia litewska // *Oscar Halecki i jego wizja Europy*. Т. 3. Warszawa — Łódź, 2014. S. 124—128.

⁸ *Rachuba A., Kiaupienė J., Kiaupa Z.* Historia Litwy. Dwugłos polsko-litewski. Warszawa, 2008. S. 291.

⁹ *Petrauskas R.* Lenkijos ir Lietuvos unija. Geopolitinis ir kultūrinis kontekstas // *Naujasis Židinys-Aidai*. 2009. № 6. P. 172—176; *Nakas N.* Damoklo kardas virš Gordijaus mazgo. Liublino unija 451-aisiais gyvavimo metais // *Naujasis Židinys-Aidai*. 2010. № 11. P. 395—402. См. также сборник статей, посвящённых Люблинской унии, изданный на литовском и польском языках: *Liublino unija: idėja ir tęstinumas / Unia Lubelska: idea i jej kontynuacja*.

¹⁰ *Gudavičius E.* Lietuvos istorija. Т. I. Vilnius, 1999. P. 615—624, 633—638; *Kiaupienė J., Lukšaitė I.* Veržli Naujujų laikų pradžia. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė 1529—1588 metais // *Lietuvos istorija*. Т. V. Vilnius, 2013. P. 206—227; *Jučas M.* Lietuvos ir Lenkijos unija (XIV a. vid. — XIX a. pr.). Vilnius, 2000. P. 241—265.

общих посольств, принятия решений о налогообложении на содержание войск Польши и ВКЛ во время войны. Решения общих сеймов должны подтверждаться двумя государственными печатями — Польши и Литвы.

7. Общие сеймы должны созываться монархом и проводиться вблизи польско-литовской границы, поочередно в каждой из стран.

8. Обороняться от внешних врагов Польша и Литва обязаны общими усилиями.

9. Каждое из государств сохраняет за собой все имеющиеся государственные должности и титулы.

10. Подданные Польши и Литвы вправе приобретать земельные владения и проживать в каждой из двух стран, но на государственные и духовные должности должны назначаться только жители данной державы.

11. Курс монет Литвы и Польши следует выравнивать, но на литовских монетах станет чеканиться титул великого князя литовского.

12. После заключения унии на Великое княжество Литовское не должна распространяться проводившаяся в то время в Польше политика «экзекуции прав», означавшая изъятие у вельмож земельных владений и передачу их в собственность государства («короля»), если вельможа не был в состоянии доказать права собственности документально¹¹.

В основном в литовской историографии продолжает сохраняться положительная оценка «литовского проекта» унии, предусматривавшего реальное равноправие сторон, обеспечивавшего необходимый военный и политический союз Польши и Литвы и в то же время лишённый изъянов, обнаружившихся после заключения Люблинской унии в 1569 г. (слабость общего парламента — сейма Речи Посполитой — при отсутствии реальной и законной альтернативной возможности принимать законодательные решения для нужд соответственно Литвы или Польши). Дальнейшее и более пристальное изучение переговорных позиций Литвы в канун заключения Люблинской унии, возможно, позволит пролить свет и на отношение шляхетского сословия к официальным предложениям ВКЛ.

Для изучения отношения широких слоёв среднего и мелкого шляхетства ВКЛ к перспективе заключения более тесной унии с Польшей принципиальное значение имеет исследование событий 1562 г., когда собранная под Витебском для обороны границ шляхта ВКЛ начала бунтовать и потребовала скорейшего заключения новой унии с Польшей в надежде на получение значительной военной помощи. В Литве недавно увидело свет научное издание исторических источников, относящихся к этим событиям¹². Основной вывод литовской историографии состоит в том, что требования шляхты сводились к желанию сохранить общего, избираемого совместно с Польшей монарха, а также установление действенного военного союза ВКЛ и Польши, что существенно облегчило бы оборону ВКЛ от войск Ивана Грозного. Вместе с тем предстоящий союз должен был быть равноправным, а государственный суверенитет ВКЛ сохранён¹³. Литовский проект унии, предложенный в 1563 г., а также проведённые в

¹¹ *Gudavičius E. Lietuvos istorija. T. I. P. 637—638; Kiaupienė J., Lukšaitė I. Veržli Naujųjų laikų pradžia... P. 209—210.*

¹² *XVI amžiaus Lietuvos ir Lenkijos politinės kultūros šaltiniai (1562 metų tekstai). Vilnius, 2008 (Historiae Lituaniae Fontes Minores. T. 5).*

¹³ *Gudavičius E. Lietuvos istorija. T. I. P. 618—619; Kiaupienė J., Lukšaitė I. Veržli Naujųjų laikų pradžia... P. 207.*

Литве в 1564—1566 гг. судебно-административные реформы в основном отвечали чаяниям шляхты ВКЛ. Важным выводом литовских исследователей стала констатация необходимости учитывать произошедшие изменения в настроениях литовской шляхты после 1562 г.: стабилизация военной обстановки и значительное расширение сословных прав средней и мелкой шляхты уменьшило их противоречия с вельможами¹⁴. Изучение всего спектра мнений и чаяний шляхты ВКЛ с учётом региональных особенностей остаётся на повестке дня.

В общих оценках заключённой в 1569 г. Люблинской унии в современной литовской историографии преобладают позитивные акценты. Это не означает, что итоговый вариант унии определяется исключительно положительно. Критическое отношение к факту давления на Литву и отторжению четырёх воеводств, к излишнему ограничению государственного суверенитета ВКЛ¹⁵ не исчезло. В обобщающем труде по истории Литвы Э. Гудавичюса соответствующий раздел назван «Трагедия Люблина»¹⁶. Несмотря на такое название, основной вывод историка скорее позитивный. По его мнению, литовской стороне в почти безвыходной ситуации удалось добиться самого главного — сохранить государственность Литвы, хотя и в ограниченном виде, в рамках образованного конфедеративного государства, соединившего Литву со значительно более сильным партнером — Польшей. Литва осталась субъектом политики, но на дальнейшее развитие литовского государства и литовского народа определяющее влияние стала оказывать Польша¹⁷. В большинстве публикаций литовских историков акцентируется факт сохранения государственности и подчёркивается компромиссный характер Люблинской унии — особенно то, что уния помогла ВКЛ выстоять в противостоянии с Москвой. Уже в июне 1570 г. было заключено трёхлетнее перемирие между Речью Посполитой и Русским государством, а Ливонская война завершилась выгодным для Литвы Ям-Запольским перемирием (1582).

В современной литовской историографии сохраняются разночтения в определении характера созданного в результате Люблинской унии союзного государства. В основном это терминологические расхождения, а не итог специальных исследований. Речь Посполитая (*Res Publica*) Королевства Польского и ВКЛ (в обиходе прижилась и стала более популярной форма названия новообразованного государства — Речь Посполитая Обоих Народов) в публикациях литовских историков временами характеризуется как «федерация»¹⁸. В значительной степени эта характеристика позаимствована у польской историографии. Всё чаще можно встретить термин «конфедерация»¹⁹, а также нео-

¹⁴ *Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. Lietuvos istorija iki 1795 metų. Vilnius, 1995. P. 263.*

¹⁵ *Kiaupienė J. Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės teritorinio vientisumo suardymo 1569 m. problema Liublino unijos istoriografijos kontekste: tradicijų ir naujų interpretacijų erdvė / Problem rozbięcia jednościi terytorialnej Wielkiego Księstwa Litewskiego w 1569 roku w kontekście historiografii poświęconej unii lubelskiej: tradycje i nowe interpretacje // Liublino unija: ideja ir jos tęstinumas. P. 102—113, 114—125; *Kuolys D. Liublinas: kovos dėl Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės Respublikos / Lublin: walki o Rzeczpospolitą Wielkiego Księstwa Litewskiego // Liublino unija: ideja ir jos tęstinumas. P. 280—290, 291—300.**

¹⁶ *Gudavičius E. Lietuvos istorija. T. I. P. 634—645.*

¹⁷ *Ibid. P. 645.*

¹⁸ *Jučas M. Lietuvos ir Lenkijos unija... P. 265.*

¹⁹ *Gudavičius E. Lietuvos istorija. T. I. P. 645.*

пределенные комбинации «федерация, но по существу — конфедерация»²⁰, или определения устройства Речи Посполитой как промежуточной формы между федерацией и конфедерацией. Присутствует и мнение, что нет большого смысла в том, чтобы пытаться применять к Речи Посполитой современные понятия. Для федераций свойственно иметь общие институты исполнительной власти, «федеральную» армию и общий бюджет. Всего этого в Речи Посполитой не было. Войско, казна и налоги, соответствующие «министерства», а также государственные канцелярии оставались отдельными — польскими и литовскими. По сути, таковыми были и судебные системы, замыкавшиеся на Верховные трибуналы Польши и Литвы. С другой стороны, государства, соединённые унией, отказались от собственных парламентов (сеймов), а таковые институты законодательной власти обычно присутствуют даже у членов федераций, не говоря уже о конфедерациях. Видимо, есть смысл отказаться от попыток «подтянуть» Речь Посполитую под современные определения. Можно говорить о союзном государстве (с учётом нюансов и специфики союза Польши, Литвы и территорий с особым статусом — Ливонии, Пильтенского повета в Курляндии и зависимых княжеств Курляндского и Прусского)²¹.

В литовской историографии, как ранее в польской, а в некоторой мере современной британской, отмечен факт изучения опыта польско-литовской унии при планировании государственной унии Англии и Шотландии в конце XVI — начале XVII в.²² К уже написанному можно добавить, что этот интерес не ограничился написанием «политологических» сочинений, где описывался опыт польско-литовской унии; пример Люблинской унии оговаривался и во время прений в английском парламенте в 1604 г. По определению английских юристов, уния Польши и Литвы среди иных, возникших в Европе на протяжении нескольких веков, была уникальна — все прочие создавались путём династических союзов либо войн, тогда как уния Польши и Литвы образовалась за счёт «изменения права»²³.

Во многих публикациях, посвящённых истории ВКЛ, так или иначе затрагивается многолетний и постепенный процесс взаимодействия Польши и Литвы в рамках союзного государства, постепенное сближение и интеграция обоих государств и их обществ, преодоление оставшихся после 1569 г. обид. Общепринятым в литовской историографии стало утверждение, что со временем литовская шляхта свыклась с условиями Люблинской унии, особенно

---

²⁰ «Условия унии объявляемую федерацию фактически превращали в конфедерацию» (*Gudavičius E. Lietuvos europėjimo kelias. P. 279*). Похожие формулировки можно найти в работах А. Бумблаускаса (*Bumblauskas A. Lietuvos istorija 1009—1795. Vilnius, 2005. P. 265; Bumblauskas A., Eidintas A., Kulakauskas A., Tamošaitis M. Lietuvos istorija kiekvienam. Vilnius, 2018. P. 124*).

²¹ *Sliesoriūnas G. Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVI a. pab. — XVIII a. pr. (1588—1733 metais) // Lietuvos istorija. T. VI. Vilnius, 2015. P. 15—17*.

²² *Ibid. P. 16; Mierzwa E. Na marginesie wydania angielskiej relacji o Polsce z 1598 r. // Przegląd Historyczny. T. 58. 1967. Z. 4. S. 664—667; Mierzwa E. Polska a Anglia w XVII wieku. Warszawa, 2003. S. 7; Mirecka M. «Monarchy as it should be»? British Perceptions of Poland-Lithuania in the long Seventeenth Century. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of St Andrews. 2014. P. 160—175.*

²³ «April 26? [1604]: 65. Discourse on the Union of Kingdoms as fourfold; by marriage, by election, by gift or purchase, by conquest. Precedents of unions by marriage during 600 years, and of their conditions, which confine the union to the princes only, without changing the laws. Conditions of the union by conquest of Portugal with Spain and of other unions, none of which were attended with any change of laws, excepting that of Lithuania with Poland; 67. Occasions and means of uniting the great Dukedom of Lithuania to the kingdom of Poland; with the conditions» (*Calendar of State Papers Domestic: James I, 1603—1610. L., 1857. P. 100—101*).

после разных коррекций в её практическом применении в течение нескольких десятилетий. Особенно значимым событием в этом плане было утверждение свода права ВКЛ — Третьего Литовского Статута, утверждённого в 1588 г. в обход сейма Речи Посполитой. Изучаются и не увенчавшиеся успехом попытки литовской шляхты возродить некоторые утраченные атрибуты государственной суверенности вроде отдельной интронизации общего с Польшей монарха на престол великого князя литовского в Вильнюсе²⁴, что свидетельствует о сохранившейся приверженности к традициям литовской государственности. Во второй половине XVIII в., когда в Польше вновь усилилось стремление придать польско-литовской унии более тесный вид (чему благоволил и последний монарх Речи Посполитой Станислав Август Понятовский), Люблинская уния, условия которой юридически корректным образом изменить было сложно, стала тем основополагающим юридическим актом, при помощи которого литовская шляхта могла успешно отстаивать свои права и государственность ВКЛ. На этот аспект истории Люблинской унии обратили внимание многие литовские историки, изучающие преобразования в Речи Посполитой последней трети XVIII в.²⁵ Такая приверженность шляхты ВКЛ к собственной государственной традиции, сохранять которую тогда помогал акт Люблинской унии, способствовала тому, что государственность ВКЛ пережила радикальные реформы в Речи Посполитой в 1788—1792 гг., вплоть до уничтожения последней в 1795 г.

Такое продолжительное сосуществование Польши и Литвы в составе общей Речи Посполитой сильно влияло на общество ВКЛ и собственно Литвы, особенно на самосознание шляхетского сословия ВКЛ. Ряд литовских исследователей затронули эту тему. Изучается процесс культурных перемен, которые происходили в новых обстоятельствах, созданных в результате Люблинской унии. Помимо распространения среди шляхты польского языка и усиления влияния католицизма происходили эволюционные перемены и в государственном самосознании шляхты ВКЛ. Процессы, происходившие в сфере культуры и самосознания шляхетского общества, привлекают внимание историков, интересующихся политической культурой ВКЛ²⁶, исследователей истории культуры²⁷, литературы²⁸. Общепринятая точка зрения в литовской историографии гласит, что культурное, языковое и религиозное сближение шляхты ВКЛ и Польши не привело к утрате литовским обществом государственного самосознания,

²⁴ *Zujienė G.* Pastangos išsaugoti Lietuvos didžiojo kunigaikščio titulą ir pakėlimo ceremoniją / Starania o zachowanie tytułu wielkiego księcia litewskiego i ceremoniału podniesienia na tron wielkoksiążęcy litewski // *Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas*. P. 64—71, 72—80.

²⁵ *Kiaupa Z.* Trumpasis XVIII amžius (1733—1795 m.) // *Lietuvos istorija*. T. VI. D. 1. Vilnius, 2012. P. 58. Об использовании лозунга сохранения унии в деятельности генеральных конфедераций ВКЛ см.: *Šmigelskytė-Stukienė R.* Liublino unija: idėjos tęstinumas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės konfederacijose Stanislovo Augusto valdymo laikotarpiu / Unia lubelska: kontynuacja idei podczas konfederacji Wielkiego Księstwa Litewskiego za panowania Stanisława Augusta Poniatowskiego // *Liublino unija: idėja ir jos tęstinumas*. P. 352—364, 365—378.

²⁶ *Kiaupienė J.* Litewskie cechy kultury politycznej szlachty Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku // *Kultura Litwy i Polski w dziejach. Tożsamość i współistnienie*. Kraków, 2000. S. 67—78; *Kiaupienė J.* Tarp Romos ir Bizantijos: Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės politinės kultūros aukso amžius, XV a. antroji pusė — XVII a. pirmoji pusė. Vilnius, 2016.

²⁷ *Lukšaitė I.* Liublino unija ir identitetų kaitos Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje XVI a. antroje pusėje / Unia lubelska a zmiany tożsamości w Wielkim Księstwie Litewskim w drugiej połowie XVI wieku // *Unia Lubelska: idea i jej kontynuacja*. P. 216—232, 233—252.

²⁸ *Kuolys D.* Res Lituana. Kunigaikštystės bendrija. Vilnius, 2009.

эмоциональной приверженности к своему государству. Сохранялась сильная эмоциональная связь с его историей. Всё это стало основанием для упрочения характерной для литовской историографии тезы: после заключения Люблинской унии существовала и продолжала развитие общность шляхты ВКЛ — его политический народ²⁹. Для представителей этой общности государственность Литвы, права её шляхетских граждан представляли большую ценность и были предметом гордости. В то же время договорная связь Литвы и Польши очень скоро стала одной из составляющих самосознания литовской шляхты, очевидной и оберегаемой ценностью. Исследования самосознания, в том числе государственной идентичности, шляхты и особенностей исторической памяти, характерных для политического народа ВКЛ, степени интеграции со шляхетским народом Королевства Польского неизбежно будут привлекать внимание литовских, польских и белорусских исследователей. Специфика данной проблемы создаёт большой простор для самых разных исследований, в том числе международных. Тем более что общепринятой точки зрения на данную проблематику среди литовских, польских и белорусских учёных нет.

Завершая обзор литовской историографии, посвящённой проблематике Люблинской унии, можно констатировать сохранение интереса к ней со стороны литовских исследователей. Преобладают в основном положительные оценки унии, но не игнорируются и трудные для Литвы обстоятельства, сопутствовавшие подписанию унии. В современных исследованиях литовских историков подчёркивается сохранение и развитие государственности Литвы в форме ВКЛ в составе Речи Посполитой. Всё больше внимания уделяется проблематике влияния унии на процессы становления шляхетской общности ВКЛ и развития его гражданского и исторического самосознания, свидетельствующего о прочной приверженности к традиции государственности Литвы.

---

²⁹ *Kiaupienė J.* The Grand Duchy and the Grand Dukes of Lithuania in the Sixteenth Century: Reflections on the Lithuanian Political Nation and the Union of Lublin // *The Polish-Lithuanian Monarchy in European Context*, c. 1500—1795. Basingstoke, 2001. P. 82—92; *Kiaupienė J.* Naród polityczny Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku: pojęcie ojczyzny // *Łacina jako język elit*. Warszawa, 2004. S. 295—318; *Kiaupienė J.* Some Considerations on the Sources of Unity of the Lithuanian Political Nation in the Sixteenth Century // *Podział władzy i parlamentaryzm w przeszłości i współcześnie* prawo, doktryna, praktyka. 500-rocznica konstytucji Nihil novi z 1505 r. 56. Konferencja Międzynarodowej Komisji Historii Instytucji Reprezentatywnych i Parlamentarnych w Krakowie i Radomiu (5—8 września 2005). Prace przedstawione międzynarodowej komisji historii instytucji reprezentatywnych i parlamentarnych. T. 84. Warszawa, 2007. S. 326—333; *Kiaupienė J.* «MY, Litwa» — formuła patriotyzmu narodu politycznego Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI wieku // *Formuły patriotyzmu w Europie Wschodniej i Środkowej od nowożytności do współczesności*. Kraków, 2009. S. 17—26; *Kiaupienė J.* Палітычная нацыя Вялікага Княства Літоўскага. Літоўская перспектыва // *Літва і Беларусь тысяча год разам*. 2009. № 9. С. 72—85; *Kiaupienė J.* LDK politinė tauta. Lietuviškoji perspektyva // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės tradicija ir tautiniai naratyvai*. Vilnius, 2009. P. 39—53; *Kiaupienė J.* Политический народ Великого княжества Литовского в системе политических структур Центрально-Восточной Европы в XV—XVI веках // *Сословия, институты и государственная власть в России. Средние века и Раннее Новое время*. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 586—591.

Почему Земский собор — не парламент?

Дмитрий Лисейцев

Why is the *Zemsky Sobor* not a parliament?

Dmitriy Liseitsev

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
National Research University Higher School of Economics, Moscow)*

DOI: 10.31857/S086956870010779-7

Заглавие предлагаемой вниманию читателя статьи, безусловно, можно расценить как своего рода «провокацию». Отчасти так оно и есть — настоящий текст вырос из доклада, с которым я выступил в июне прошлого года на международном научном форуме, подразумевавшем заметный оттенок компаративизма¹. Формат конференции оправдывал подобное название выступления: мне казалось важным, с одной стороны, оформить его как приглашение к дискуссии, а с другой — чётко обозначить свою позицию в отношении нередких в отечественной историографии попыток проведения «исторических параллелей» между Земскими соборами Московского государства и разнообразными органами сословного представительства в странах Европы. В процессе подготовки этой статьи мне неоднократно приходилось задумываться о том, чтобы дать тексту иное, более академичное заглавие. В конечном итоге, однако, я решил сохранить прежнее название, поскольку мой взгляд на проблему не претерпел существенных изменений, а дискуссия по вопросам истории Земских соборов XVI—XVII вв. по-прежнему представляется мне полезной. Формулировка названия статьи подразумевает две её трактовки в зависимости от того, делаем ли мы смысловое ударение на словах «не парламент» или же на вопросе «почему». Не желая разочаровать никого из читателей, коснусь проблемы в обоих аспектах, тем более что они тесно связаны между собой.

Начну с изложения соображений, не позволяющих, на мой взгляд, ставить русские Земские соборы XVI—XVII вв. в один типологический ряд со структурами, за которыми в отечественной историографии прочно закрепилось общее наименование «органы сословно-представительной власти», — английским парламентом, французскими Генеральными штатами и т.д. Традиция причислять к подобным политическим институтам Земские соборы Московского государства в значительной степени выросла на благодатной почве иностранных источников, особенно когда переводчик или комментатор, опираясь на соответствующие научные познания, впадает в соблазн проведения исторических параллелей и произвольной трактовки того или иного термина. Очень заманчиво

© 2020 г. Д.В. Лисейцев

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в 2020 г.

¹ Международный научный семинар «Люблинская уния и пути развития в Восточной Европе XVI—XVII вв.», проведённый 11 июня 2019 г. журналом «Российская история» при участии Института российской истории РАН, Польского культурного центра в Москве и посольства Литовской республики в Российской Федерации.

становится последовать за очевидцем-современником, описывающим Земские соборы через понятия «штаты» или «парламент». Проиллюстрирую подобную ситуацию на примере сочинения, написанного в начале XVII в. служившим в России французским наёмником Жаком Маржеретом. Повествуя о вступлении в 1598 г. на престол Годунова, француз сообщает читателю о намерении правителя Бориса Фёдоровича собрать для избрания царя «les États du pays». Н.Г. Устрялов, в 1830 г. впервые издавший «Записки Маржерета» на русском языке, передал этот оборот как «государственные чины», никак не комментируя данный фрагмент текста².

Здесь мы сталкиваемся в первую очередь с «трудностями перевода»: французское слово «les États» может быть переведено как «сословия», «штаты», «звания» или «режим». Неудивительно, что в 1830 г., когда тема Земских соборов не превратились ещё в «ристалище», где стали ломать копья и перья западники и славянофилы, французский оборот «les États du pays» был переведён как «государственные чины». Переводчики и комментаторы Маржерета, работавшие над текстом в XX — начале XXI в., оказались уже в принципиально иной историографической ситуации. Основные споры о Земских соборах к тому времени уже успели отшуметь, оставив после себя «в сухом остатке» твёрдую убежденность в том, что соборы Московского государства занимают место в одном ряду с английским парламентом, французскими и нидерландскими генеральными штатами, немецкими рейхстагами и ландтагами, шведскими риксдагами, польскими и чешскими сеймами, пиренейскими кортесами; этот тезис нашёл отражение в чеканных формулировках классиков отечественной исторической мысли³. Сложившаяся в историографии традиция, разумеется, оказывала влияние на переводчика иностранного текста. Ю.А. Лимонов, готовивший научное издание сочинения Маржерета в 1970-х гг. (опубликовано в 1982 г.), из возможных вариантов перевода французского «les États» выбрал именно значение «сословия», как наиболее прозрачно отсылающее образованного читателя к устоявшемуся в историографии конструкту «сословно-представительные учреждения», а в комментариях пояснил, что под французским оборотом «les États du pays» следует понимать именно Земский собор⁴. Спустя четверть века, в 2007 г., учёные получили в своё распоряжение новейшее научное издание сочинения Ж. Маржерета, где упомянутый оборот переведён на русский язык как «штаты страны». В соответствующем комментарии, написанном В.Д. Назаровым и П.Ю. Уваровым, подробно разъяснено, почему для описания Земского собора 1598 г. француз употребил термин «штаты», проводя аналогию между Земскими соборами и французскими Генеральными штатами (les États

² Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1859. С. 257.

³ «Задача советских учёных — обратить внимание на историю Земских соборов как сословно-представительных учреждений... Стоит обратить внимание хотя бы на то обстоятельство, что иноземные авторы обозначали Земские соборы такими терминами, как “парламент”» (Тихомиров М.Н. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века // Тихомиров М.Н. Российское государство XV—XVII веков. М., 1973. С. 69); «Сравнительно-историческое изучение земских соборов и сословно-представительных учреждений европейских средневековых государств уже давно навело учёных на мысль, что это явления одного порядка, подчиняющиеся общим закономерностям исторического развития, хотя в каждой стране были свои специфические особенности» (Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. Т. 2. М., 2015. С. 397).

⁴ Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 60—61, 152, 227—228.

Génégaux)⁵. Что, в свою очередь, делает для читателя несомненным пребывание российских Земских соборов в одном типологическом ряду с сословно-представительными учреждениями Западной Европы.

Другой пример — повествование Дж. Флетчера о российском органе власти, обозначенном в его сочинении словом «parliament» (англичанин транслитерировал русский термин как «Zabore»). Ему англичанин посвятил отдельную главу — «The manner of holding their parliaments». Уже в первом русскоязычном издании труда Флетчера (1867) этот «парламент» перевели как «Земский собор». В 1891 г. С.М. Середонин указал, что в соответствующем фрагменте английского текста повествуется вовсе не о Земском соборе, а о расширенном заседании Боярской думы, к участию в котором приглашены представители духовенства. Замечу, что Флетчер особо подчёркивает: туда не допускают «горожан или других представителей народных»⁶. Иначе говоря, описываемое Флетчером политическое действо, для обозначения которого англичанин употребил термин «parliament», по его собственному мнению, на парламент совсем не похоже. Лишённый желания во что бы то ни стало обнаружить в документах подтверждение активному функционированию Земских соборов, исследователь, в свою очередь, отмечает, что, используя понятие «parliament», англичанин описывает вовсе не собор. Однако аналогия «парламент — собор» выглядит настолько заманчиво, что сущностное несоответствие двух политических институтов с лёгкостью приносится в жертву красивой схеме, тем более что черты внешнего сходства при желании обнаружить нетрудно. Последнее, однако, не означает типовой идентичности. Дельфин живёт в море, формой тела напоминает рыбу, но рыбой не является.

Помимо того что исследователь нередко оказывается в плену у кажущихся ему естественными и незыблемыми исторических представлений собственной эпохи, необходимо учитывать и иное обстоятельство. Иностранец автор-очевидец писал свой труд не для учёных будущих поколений, а для собственных современников-компатриотов. Одна из основных его задач — доходчиво и понятно объяснить соотечественнику реалии чужого для них государства. Будучи сам сформирован в иной культуре, он смотрит на иноземное явление замутнённым взглядом, уже очень рискуя впасть в заблуждение. Описывая соотечественникам явления чужой культуры понятным им языком, он неизбежно вводит в заблуждение и их. Вслед за современниками автора в ту же ловушку охотно попадает историк, стремящийся найти подтверждения тезису о типологической идентичности российских политических институтов европейским. Действительно, если сами англичане XVI в. называют соборы парламентами, вправе ли мы им не доверять (особенно, если верить хочется)? При этом несущественными становятся мелкие детали, не вписывающиеся в стройную историографическую схему. Так ли уж важно, что француз Маржерет, приехавший в Россию в 1600 г., не видел избравшего на престол Бориса Годунова Земского собора 1598 г.? Важно, что при изложении дошедших до него смутных толков о событиях, случившихся несколькими годами ранее, он счёл возможным использовать термин, позволяющий провести параллель между Земскими соборами и Генеральными штатами. Нет беды в том, что нам неизвестен ни

⁵ Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи). М., 2007. С. 54, 126, 215.

⁶ Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 27; Середонин С.М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russe common wealth» как исторический источник. СПб., 1891. С. 230—232.

один Земский собор, который был бы проведён в Москве во время пребывания Флетчера в России и потому, теоретически, мог им наблюдаться. Достаточно и того, что англичанин обозначил некий «Zabog» словом «parliament», а француз поведал о том, что главный претендент на российский престол хотел, но так и не собрал за неимением времени нечто, скрытое под формулировкой «les États du pays».

Выходя за пределы предлагаемых иностранными источниками заманчивых аналогий, опирающихся на произвольное толкование терминов, мы обнаружим массу существенных различий между Земскими соборами и европейскими органами сословно-представительной власти. Первая из них, пожалуй, наиболее очевидная. Земские соборы возникли не синхронно своим европейским псевдоаналогиям, а с большим хронологическим отставанием. Традиционное объяснение «отставания России от Европы» вследствие пагубного воздействия монголо-татарского ига в данном случае вряд ли удовлетворительно, и не только потому, что создание национального государства в России произошло синхронно аналогичным процессам во Франции и на Пиренеях. В Европе соответствующие органы сословно-представительной власти возникли в процессе борьбы с раздробленностью и были одним из инструментов политики централизации⁷, тогда как в России Земские соборы появились лишь через несколько десятилетий после завершения «собираания русских земель».

Следует помнить и о том, что органы сословно-представительной власти в государствах Европы возникли не вдруг. Появлению парламента в Англии предшествовало подписание «Великой хартии вольностей», а до этого — многовековая традиция функционирования уитенагемотов — совещательных органов при королях, включавших в себя представителей высшей знати и духовенства. Генеральные штаты, собранные во Франции впервые в 1302 г., имели в качестве предшественников расширенные заседания королевских советов с участием представителей городов, а также провинциальные ассамблеи сословий. Кортесы в пиренейских христианских королевствах и вовсе были органами региональными. Ничего похожего на это мы не обнаруживаем в Московском государстве, где Земские соборы возникли в середине XVI в. по инициативе центральной власти без опоры на местные сословно-территориальные структуры. Неоднократно указывалось и на то, что Земские соборы созывались крайне редко и нерегулярно, обладали лишь совещательными функциями, а решения их не были обязательными для верховной власти, нередко действовавшей вопреки соборным приговорам или манипулировавшей в своих интересах участниками соборов.

Наконец, статус Земского собора юридически не зафиксирован ни в одном законодательном акте. Исключением, да и то с некоторой долей условности, могут быть признаны два так и не вступивших в силу соглашения, составленные в самый разгар Смуты. Первое из них — договор от 4 февраля 1610 г., заключённый между тушинцами и королём Сигизмундом III под Смоленском. Строго говоря, собор здесь не упоминается, но присутствуют упоминания

---

⁷ Впрочем, правомочность употребления термина «сословное представительство» применительно не только к российским, но и к европейским историческим реалиям XVI—XVII вв. была недавно поставлена под сомнение (*Бойцов М.А.* «Сословно-представительная монархия»: ошибка в переводе? // Сословное представительство в России в контексте европейской истории. Вторая половина XVI — середина XVII в. Международная научная конференция. 7—10 октября 2013 г. Тезисы докладов. М., 2013. С. 29—32).

«всей земли», а это выражение исследователи истории Земских соборов охотно трактуют как свидетельство реального функционирования данного политического института. В восьмой статье соглашения между «тушинцами» и королём Речи Посполитой об избрании на российский престол королевича Владислава оговаривалась необходимость обсуждения возможных изменений в судебной системе с боярами и «всей землёй»: «ино тое вольно будет бояром и всей земли». Второе употребление оборота «вся земля» обнаруживается в конце договора, где идёт речь о решении вопросов, не предусмотренных в документе: «О тых артыкулах его господарская милость мовити и становити вконец учинити рачить будет з Московского господарства звычайю, с патрыархом и со всем освещенным собором, и с бояры, и со всею землею»⁸. Спустя полгода, в августе 1610 г., под Москвой заключили предварительный договор между боярским правительством и гетманом Жолкевским. Это соглашение во многом повторяет условия договора от 4 февраля, в том числе и статью о нововведениях в судебной системе: «А будет похотят в чем пополнити для укрепления судов, и государю на то поволити с думою бояр и всей земли»⁹.

Учитывая, что оба процитированных документа представляют собой продукт переговоров между подданными Московского государства и Речи Посполитой, можно было бы высказать предположение о том, что в данном случае мы имеем дело с влиянием польско-литовской правовой культуры¹⁰, однако апелляции к авторитету «всей земли» в договорах 1610 г., надо полагать, имеют всё-таки российское происхождение. Во-первых, потому что обращения к этой формуле около того времени обнаруживаются и в русских документах, возникших явно без польско-литовского влияния. В частности, в составленной в июле 1610 г. крестоцеловальной записи москвичей «семибоярщине», где упоминалось намерение «выбрать государя на Московское государство им, боярам, и всяким людям всею землею... и государя на Московское государство выбрать с нами, со всякими людьми, всею землею, и сославшись з городами»¹¹. Постоянные упоминания о «всей земле», вплоть до заявления о её праве смещать и назначать правительство («и нам всею землею вольно бояр и воевод переменить, и в то место vybrати иных, поговоря со всею землею»), обнаруживаются в приговоре Первого ополчения от 30 июня 1611 г.¹²

Вторая причина, заставляющая усомниться в польско-литовском происхождении статей договоров 1610 г. с упоминанием «всей земли», состоит в крайней расплывчатости и юридической неопределённости понятия. Ни в одном из документов мы не обнаруживаем даже самых общих разъяснений того, что следует понимать под «всей землёй», как именно будет определяться мнение и воля «всей земли». Нет оснований утверждать, что за этой формулировкой скрывается некий политический институт или орган власти; не исключено, что в данном случае мы имеем дело лишь со словесной конструкцией. Стандартная формула «волей Божией» не означает того, что высшая сила каким-то внятным

⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею Императорской Академии наук. Т. IV. СПб., 1851. № 180. С. 314—317.

⁹ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел (далее — СГГД). Ч. II. М., 1819. С. 403.

¹⁰ *Флоря Б.Н.* Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 121—128.

¹¹ СГГД. Ч. II. С. 390.

¹² Приговор Ляпуновского ополчения 30 июня 1611 г. // *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. «Прямые» и «кривые» в Смутное время. СПб., 2005. С. 225—226.

образом выразила своё отношение к происходящим событиям, что, однако, не мешало человеку XVII столетия «угадывать» эту волю. Равным образом, «советом всей земли» или «всей земли приговором» вполне можно было считать, например, отсутствие активного несогласия населения страны с распоряжениями верховной власти. Более того, апелляция к мнению «всей земли» оказывалась удобным и мягким способом отказать иностранному партнёру по переговорам в его просьбах. Так, уже во время переговоров под Москвой в августе 1610 г. в ответ на пожелание польско-литовской стороны об установлении совместного управления в пограничных городах заявили: «Московского государства всех чинов люди про ту статью великому государю челом бьют, чтоб того не было»¹³.

Русско-польские соглашения 1610 г. можно оценивать по-разному. В.О. Ключевский полагал, что в них «самая идея личных прав... впервые выступает с несколько определёнными очертаниями»¹⁴; С.Ф. Платонов, напротив, считал эти соглашения консервативными, уверяя, что от них «веет духом опричнины и гоудуновского режима»¹⁵. Можно вслед за американским учёным Р. Крамми видеть в февральском договоре 1610 г. первый конституционный проект в истории России¹⁶, однако места для Земских соборов в этой «конституции» не предусматривалось. Даже в Соборном уложении 1649 г., утверждённом именно на Земском соборе, о соборах в принципе речи не ведётся¹⁷.

Столь существенные отличия Земского собора от «парламента» часто становятся поводом для сетований относительно «убожества» Земских соборов в сравнении с европейскими органами сословного представительства¹⁸ с неизбежными обобщениями более высокого уровня¹⁹. Между тем сравнивать соборы с парламентами — занятие в принципе неблагодарное, подобное сопоставлению велосипеда с ветряной мельницей — первый, определённо, плохо мелет муку, а вторая заметно уступает первому как средство передвижения (при том, что вращающаяся часть присутствует в обоих механизмах). Земские соборы не были органами сословного представительства, и упрекать их в том, что они не сыграли той же политической роли, что и английские парламены или французские Генеральные штаты, несправедливо: не их вина, что исследователям времени расцвета парламентаризма они показались в чём-то схожими с европейскими органами сословно-представительной власти. Не менее странными выглядят

---

¹³ СГГид. Ч. II. С. 402; на аналогичную апелляцию к необходимости совета «со всею землею» в 1585 г. указал немецкий исследователь Торке (*Торке Х.-Й.* Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 6).

¹⁴ *Ключевский В.О.* Русская история. Кн. 2. М., 1995. С. 159—161.

¹⁵ *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII веков (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937. С. 323.

¹⁶ *Крамми Р.* «Конституционная реформа» в Смутное время // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Самара, 2001. С. 240—258.

¹⁷ За исключением преамбулы и раздела о Монастырском приказе, где перечислены участвовавшие в утверждении документа «чины», а также части о запрете приобретения вотчин духовенством, который «собором уложили» (Соборное Уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 18, 69, 90).

¹⁸ «Земские соборы никогда не могли сделаться существенным элементом государственной жизни»; «Земские соборы исчезли... вследствие внутреннего ничтожества» (*Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1899. С. 536, 560).

¹⁹ «В подобных явлениях нельзя не видеть совершенного недостатка понятий о правильной общественной организации»; «Царь совещался с подданными, как помещик со своими крепостными, но государственного учреждения из этого не могло образоваться» (*Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С. 547, 562).

попытки любой ценой «повысить» значимость Земских соборов, в частности, с помощью изыскания свидетельств о соборах, на самом деле никогда не заседавших²⁰. Между тем Земские соборы, пусть и эпизодически, «мерцали» в российской истории около столетия, и в кризисные моменты о них неизменно вспоминали, пытаясь если не реально их созвать, то, по крайней мере, имитировать созыв. Это наводит на мысль о том, что Земские соборы являлись всё же чем-то бóльшим, нежели «информационными и декларативными совещаниями» (определение Х.-Й. Торке)²¹. Безусловно, они часто выполняли именно эти задачи, но и функции представительства на них также возлагались. Только это было не сословное, а *территориальное* представительство.

Почему же Земские соборы не стали парламентом? Нельзя сказать, чтобы «сословность», выборное начало и ответственность выбранных перед избирателями были совершенно чужды общественной жизни допетровской Руси. Они заметны практически во всех слоях населения страны. Представители провинциального дворянства выбирали из своей среды губных старост, занимавшихся борьбой с преступностью; во время верстаний поместными и денежными окладами дети боярские выдвигали из своей среды окладчиков, в соответствии с показаниями которых, в частности, их распределяли на службу и обеспечивали жалованьем. Очень развитым было выборное начало в среде посадского населения городов — оно выбирало из своей среды земских и посадских старост, а также кабацких и таможенных голов и целовальников. В Москве свои выборные старосты имелись в привилегированных купеческих корпорациях — в Гостиной и Суконной сотнях, в слободах и даже в торговых рядах. Не являлись исключением чернососшные и дворцовые крестьяне. Следовательно, сама идея выборной власти, представляющей в том числе интересы той или иной социальной группы в общении с центральной властью, на уровне региона (уезда, города, сотни, волости) была привычна населению Московского государства.

При этом мы не встречаем сколь-нибудь активного стремления вывести идею представительства на общегосударственный уровень. Инициатива созыва собора всегда (за исключением, может быть, моментов острых политических кризисов) исходит не от регионов, а от правительства. Даже на переломе Смуты, в 1613 г., призыв соборно решать вопрос о верховной власти прозвучал не с мест, а из освобождённой Москвы. Характерно, что распоряжения о присылке в Москву представителей для участия в соборах на местах не вызывали, судя по всему, энтузиазма, и делегации от городов и уездов формировались крайне медленно. Показательна и история с созывом Земского собора 1651 г., когда из Москвы по городам отправили распоряжение прислать в столицу к определённом сроку своих представителей. В ответ в Москву поступили отписки из 44 городов, и лишь в семи случаях мы имеем основания заподозрить, что жители действительно выбирали своих представителей. В остальных случаях воевода добросовестно отчитывался, что в соответствии с распоряжением столичных властей он выбрал людей, которые примут участие в Земском соборе²².

---

²⁰ Н.И. Павленко, не сомневавшийся в том, что Земские соборы были элементом сословно-представительной монархии, с иронией писал о том, что «усилиями академика М.Н. Тихомирова, А.И. Копанева, С.О. Шмидта, В.И. Корецкого открыто девять новых соборов, якобы созданных на протяжении последних 53 лет XVI века», и «открытие новых соборов стали как бы самоцелью» (Павленко Н.И. К истории Земских соборов XVI в. // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 82, 85).

²¹ Торке Х.-Й. Указ. соч. С. 9.

²² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 320—322.

Чем можно объяснить такую пассивность населения провинции? Даже когда речь шла о решении проблемы несомненной важности, как, например, избрание царя в 1613 г., обеспечить присутствие на Земском соборе представителей большинства уездов страны так и не удалось — к моменту провозглашения царём Михаила Романова опоздала даже делегация из Калуги, расположенной от столицы всего в двух сотнях вёрст²³. Почему население городов и уездов, деятельно участвуя в местном самоуправлении, не пыталось перенести имеющуюся практику на общегосударственный уровень, не стремилось защищать свои сословные интересы в Москве? Думается, причина прежде всего в том, что сословия как таковые в период деятельности Земских соборов ещё не сформировались, и посадский человек из Пскова не ощущал сословного единства с посадским из Твери или Ярославля; равным образом, дети боярские из Смоленска совсем не обязательно чувствовали сословную солидарность с казанскими детьми боярскими. Не случайно Смута начала XVII в. расколола общество отнюдь не горизонтально; первая в истории России гражданская война не была, строго говоря, не противостоянием между сословиями, а на протяжении значительной своей части являлась конфликтом окраин и центра²⁴. И хотя *de facto* и *de jure* российское общество делилось на социальные группы (именовать ли их «сословиями», «стратами» или «чинами» — вопрос теоретический), осознание сословного единства, не нарушаемого границами уездов, ещё не утвердилось в сознании подданных русского царя. Симптоматично, что, обращаясь к государю с прошениями, челобитчики в первую очередь обозначали свою территориальную и лишь затем чиновную принадлежность: «арзамасцы дворяня и дети боярския», «псковской помещик», «Михайлова города всяких вольных людей есаулишка», «астарыханской стрелец», «дедиловского служивого иноземца сынишко», «новгородец Бежецкие пятины новокрещен», «москвитин Стретенской сотни тяглец», «Заонежских погостов крестьяне» и т.д. Неся общую службу, а порой даже и проживая в одном городе, люди XVII столетия не забывали о своей территориальной локализации: дети боярские путивльцы и проживавшие и служившие вместе с ними в Путивле черниговцы на исходе Смуты подали в Москве две разные коллективные челобитные, хотя повод к тому имели общий — разорение²⁵. И наоборот, общая нужда заставляла челобитчиков обращаться к государю совместно, «всем городом», отодвигая на второй план чиновную принадлежность: «стародубцы дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и пушкари, и затинщики всем городом, и всякие жилетские и уездные люди»; «Воронежа города дворяня и дети боярские, и поместные отаманы и казаки, и слободские отаманы, и стрельцы, и полковые казаки всем городом»²⁶.

Сословно-чиновные различия играли видную роль на микроуровне, но на уровне общегосударственном прочнее и важнее оказывались территориальные связи. Централизаторская политика московских государей, добившись немалых успехов в административной сфере, не успела ещё одержать победы над сознанием подданных, продолжавших в первую очередь осознавать себя «брянчанами», «свисяженами», «резанцами» и лишь после этого — детьми боярскими,

²³ Лисейцев Д.В. Демократия Смутного времени: как проходил Земский собор 1613 года // Родина. 2013. № 2. С. 14—15.

²⁴ Флоря Б.Н. Бунт окраин против центра // Родина. 2005. № 11. С. 52.

²⁵ РГАДА, ф. 210, Севский стол, д. 2, л. 268.

²⁶ Там же, Столбцы Приказного стола, д. 12, л. 517; оп. 9, д. 109, л. 41.

посадскими людьми или крестьянами. В подобных обстоятельствах *сословное* представительство возникнуть не могло. Что вполне осознавалось и в Кремле: организовывая Земские соборы, столичные власти стремились обеспечить не столько представительство на них «чинов», сколько «земель». К этому выводу приводит анализ употребления в документации 1613 г. понятия «выборные люди». Столичные власти не вкладывали в это понятие никакого конкретного социального значения, добиваясь лишь того, чтобы в Земском соборе приняли участие представители как можно более широкого круга городов и уездов. Чиновная (сословная) принадлежность представителей провинции с точки зрения московских властей не имела принципиального значения. Население городов и уездов, напротив, старалось обеспечить присутствие на соборе представителей разных «чинов» — духовенства, детей боярских, посадских людей²⁷. На уровне уезда, таким образом, подданные русских государей осознавали свою принадлежность к разным социальным слоям. Но не менее отчётливо осознавали они свои общие региональные интересы, далеко не всегда совпадающие с интересами общегосударственными; чаяния же населения соседнего уезда и вовсе могли быть им индифферентны. Региональные интересы оказывалось проще отстаивать на местах, формируя выборное местное самоуправление и выстраивая (нередко на коррупционной основе) систему взаимоотношений с назначаемой из столицы администрацией. К решению общегосударственных вопросов провинцию приходилось принуждать. Участие в соборах не было правом, отвоёванным у центральной власти, а напротив, навязанной сверху хлопотной повинностью, порой оборачивавшейся усилением налогового гнёта. Поэтому не пользовавшиеся популярностью в провинциях Земские соборы так легко и безболезненно отмерли, едва лишь центральная власть перестала нуждаться в них при принятии не самых популярных политических и экономических решений. Полвека спустя, в петровскую эпоху, верховная власть подвела черту и под существованием уездных и городских выборных органов самоуправления: будучи распространёнными по всей России, они так и не осознали себя общероссийским политическим институтом и потому не оказали сопротивления крепнувшей самодержавной власти, предпочитавшей в управлении на местах делать ставку на назначаемых чиновников, а не на выбираемых населением старост. Отсутствие у социальных групп российского общества XVII в. осознания собственного единства в масштабах государства обусловило, в конечном итоге, невозможность превращения Земского собора в парламент.

---

²⁷ Об этом подробнее: *Лисейцев Д.В.* Легитимность верховной власти в России в эпоху Смуты: к вопросу о статусе «выборных людей» // *Российская история.* 2014. № 4. С. 146—154.

Государев двор Михаила Фёдоровича Романова: политическая элита Московского государства в отражении просопографии

Политическая и социальная история России XVII столетия остаётся благодатным полем для историка в плане выявления новых, ранее не введённых в научный оборот источников, реконструкции событийной канвы исторического процесса, а также разработки и апробации новых методов научно-исследовательской работы. В частности, в последние годы на материалах XVII в. стали выстраиваться просопографические исследования, позволяющие восстанавливать картину исторического прошлого с помощью составления своего рода «коллективного портрета» той или иной социальной группы. Удачным примером такой просопографической работы стала недавно опубликованная двухтомная монография петербургского учёного Андрея Павловича Павлова, посвящённая изучению состава Боярской думы и придворного окружения первого царя из династии Романовых — Михаила Фёдоровича¹. А.П. Павлов принадлежит к числу известных и авторитетных специалистов по истории России XVI—XVII вв. Коллегам хорошо знакомы его монография по истории Государева двора конца XVI — начала XVII в., написанные им главы коллективной монографии по истории российской политической элиты, многочисленные статьи и подготовленные им публикации исторических источников.

Книга А.П. Павлова сразу вызвала живой отклик и интерес специалистов в области российской истории XVII в. В обсуждении монографии приняли участие доктор исторических наук М.О. Акишин (Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина), В.А. Аракчеев (Российский государственный архив древних актов), А.В. Беляков (Институт российской истории РАН), Д.В. Лисейцев (Институт российской истории РАН), П.В. Седов (Санкт-Петербургский институт истории РАН), кандидат исторических наук А.В. Виноградов (Институт российской истории РАН).

Материал подготовлен Д.В. Лисейцевым

Владимир Аракчеев: Образцовое просопографическое исследование истории сотен родов, воссоздавших Российское государство

Vladimir Arakcheev (Russian State Archive of Ancient Acts): The Exemplary prosopographic study of the history of hundreds of genera that recreated the Russian State

DOI: 10.31857/S086956870010780-9

Двухтомная монография А.П. Павлова является логичным продолжением его предшествующих трудов: книги о Государевом дворе при Борисе Годунове (а точнее, во второй половине XVI в.) и осуществлённой в соавторстве фун-

---

¹ Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. В 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. 1. 784 с.; Т. 2. 624 с.

даментальной публикации осадного списка 1618 г.² Ключевым по своей значимости вкладом Павлова в науку в новой монографии стала концепция реставрации самодержавия, опиравшегося на «новую придворную аристократию» (Т. 1. С. 42—259, 776). Ещё Е.Д. Сташевский показал, что утвердившееся в историографии представление о победе среднего дворянства в «первые времена после Смуты» покоилось на четырёх предположениях: 1) соотношение сил во Втором ополчении; 2) принятие Уложения 1649 г., выразившего интересы средних классов; 3) значительная роль Земских соборов в 1610-х и 1630—1640-х гг.; 4) сосредоточение земель в руках дворянства и трансформация их поместий в вотчины. Исследователь отверг изложенные объяснения и пришёл к выводу о сохранении властных позиций за родовитым боярством и дьячеством³. Как показал А.П. Павлов, и в правление Филарета, и после его кончины в административном управлении страной возростала роль аристократии и Думы, восстановившей влияние на законодательный процесс, а также на внешнюю политику и ведение войны (Т. 1. С. 470). Этот вывод является логичным продолжением сформулированной ещё в монографии 1992 г. концепции, согласно которой служилый характер русской аристократии предопределял и статус царской Думы, остававшейся высшим органом законодательной власти при царе. Её роль в регулировании служебных отношений, выражавшаяся в приговорах о местничестве, в управлении бояр и окольных отдельных приказами и городами, в замещении высших командных постов в армии, продолжала оставаться первостепенной⁴.

Павлов детально и с опорой на недвусмысленные показания источников обосновал вывод о падении в 1613 г. влияния руководителей временного земского правительства кн. Д.Т. Трубецкого и кн. Д.М. Пожарского в борьбе с сформировавшимся окружением царя. В то же время автор показал, что заслуги Пожарского в дальнейшем были оценены: вопреки закону от 30 ноября 1613 г. за ним и его сыновьями сохранили дворцовую Пурехскую волость, а сам он в 1616—1618 гг. состоял судьёй приказа Сбора пятинных и запросных денег. Длившаяся до 1640 г. активная служба Пожарского, несомненно, являлась следствием его высокой репутации и выдающихся административных способностей (Т. 1. С. 149—156, 496—497).

Чрезвычайно важны отдельные наблюдения, складывающиеся в стройную концепцию. Тот факт, что непосредственно по взятии Москвы оказалось не так много желающих из числа служивших Сигизмунду московских бояр перейти в земское правительство, свидетельствует о крайней осторожности думской аристократии (Т. 1. С. 48—49). Новым словом в науке является вывод о репрезентативности состава подписей на «Утвержденной грамоте» 1613 г. и цепочка умозаключений о составе избирательного собора. Показанные Павловым особенности политической ситуации февраля 1613 г. позволили ему говорить об избрании Михаила Романова «снизу», без широкой поддержки правящей элиты и дворянства (Т. 1. С. 107).

---

² Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992; Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. VIII. М.; Варшава, 2009.

³ Сташевский Е.Д. Очерки по истории царствования Михаила Фёдоровича. Киев, 1913. С. 59—60.

⁴ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба... С. 228—232.

На основе детального анализа источников автор отверг представления Е.Д. Сташевского и П.П. Смирнова об «абсолютизме» Филарета в период его патриаршества (1619—1633). Тот факт, что в управлении приказами за годы его правления приняло участие большинство (78%) бояр и окольничих, позволяет утверждать, что влияние Боярской думы не стало меньшим, а роль его ближайших «друзей» не была всеобъемлющей. Показательно и то, что кн. Б.М. Лыков, которого ранее относили к «друзьям» патриарха, до 1634 г. не привлекался к участию в «ответных» комиссиях на дипломатических переговорах (Т. 1. С. 456, 483). Исключительный интерес представляет анализ новых пожалований в бояре и окольничие при Филарете. С одной стороны, автору удалось показать роль родственных и свойственных связей при новых назначениях; с другой стороны, статус пожалованных формировался с учётом и их генеалогии, и служебных заслуг. В пожаловании кн. С.В. Прозоровского в окольничие в 1630 г. роль успешной службы как полководца, очевидно, была не меньшей, нежели его близость к Шуйским и Романовым (Т. 1. С. 367—370). Из цепи пожалований в Думу вырисовывается некая система, которую можно охарактеризовать как политику «примирения». Зримым примером такой системы является пожалование в бояре в 1634 г. И.П. Шереметева, в 1612 г., в бытность костромским воеводой противившегося продвижению нижегородского Ополчения к Ярославлю (Т. 1. С. 522—523).

Первая половина XVII в. даёт возможность полнее представить не только служебные, но и интеллектуальные достижения думцев, многие из которых счастливо сочетали административные и литературные таланты, как, например, кн. Ф.Ф. Волконский, защитник крепости Белой, член комиссии по составлению Уложения 1649 г. и автор оригинального автобиографического летописца (Т. 1. С. 529). В этом контексте иную окраску принимают доказанные автором факты заметного сокращения в Думе представительства первостепенной княжеской знати (Т. 1. С. 673). Очевидно, что факты фаворитизма (в случае воспитания при дворе и последующего возвышения князя-сироты Б.А. Репнина) не должны затмевать предположения об острой конкуренции между служилыми людьми Государева двора, что не могло не приводить к выдвиганию на первенствующие позиции инициативных и деловитых администраторов и воевод.

Важным научным выводом является доказательно обоснованное заключение о времени возврата родовых вотчин потомкам княжат XVI в. Часть этих фактов была известна ранее, но А.П. Павлов впервые в науке смог обосновать вывод о массовом возвращении в 1610—1620-х гг. потомкам суздальских, стародубских, ярославских, оболенских князей принадлежавших их непрямым предкам вотчин, частично выморочных, а частично конфискованных в период опричнины и позднее (Т. 1. С. 451; Т. 2. С. 53, 71, 74, 83, 93, 119, 125, 152, 156, 176). Чуть ли не единственным примером сохранения в полном объёме родовых вотчин являлись служившие в опричнине князья Сицкие-Ярославские. Таким образом, Павлов опроверг весьма influentialную в историографии 1980—1990-х гг. концепцию В.Б. Кобринна о незначительном воздействии опричной земельной политики на состояние княжеско-боярского землевладения⁵. Крайне важными представляются наблюдения о незавидном состоянии землевладения потомков видных деятелей XVI в.: весьма скромными были вотчины внука известного опричника Андрея Ивановича Очина-Плещеева и многих других потомков слуг Ивана Грозного (Т. 1. С. 308—309).

⁵ Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой Руси. М., 1985. С. 150—158.

Генеалогические штудии Павлова по истории правящего сословия России в конце XVI — первой трети XVII в. сопоставимы с вкладом С.Б. Веселовского в изучение «класса служилых землевладельцев» средневековой Руси. К крайне важным выводам подталкивают сведённые воедино данные о массовом пресечении в это время 23 княжеско-боярских родов (Т. 1. С. 724—726). По сути дела, с политической сцены сошла целая генерация служилой аристократии, создавшей вместе с потомками Калиты единое национальное государство. Совпавшая с кризисом Смутного времени, смена правящей элиты не могла не оказать влияния на ход и проявления этого кризиса.

Ряд верных выводов автора может быть подкреплён дополнительными аргументами. Исследованное им падение клана Салтыковых, чья отставка состоялась в октябре 1623 г. (Т. 1. С. 278), несомненно, происходило постепенно. Это хорошо видно по росписи откупов, подготовленной в 1623/24 г., из которой следует, что уже к сентябрю 1623 г. Салтыковы и их агенты-откупщики утратили не менее четырёх доходных мест. Это было явным признаком падения их влияния: окружение Филарета в первую очередь старалось лишить противоборствующую группу доступа к монетизированному доходу. Если в 1618/19 г. боярин Б.М. Салтыков и окольничий М.М. Салтыков руками своих крестьян собирали откупа с с. Ростуново Боровского уезда (6 руб.), с посадов Соли Великой (27 руб. 20 алт.) и Соли Малой (13 руб. 21 алт.), с посада Зубцова (7 руб. 11 алт.), то в 1623/24 г. за ними осталась лишь волость Судиславль (179 руб. 6 алт.). Разница в доходах в данном случае видимая: в 1623/24 г. сумма откупа с Соли Великой, уплаченного посадским человеком, превысила 102 руб. вместо 27 руб. пятью годами ранее, что свидетельствует о преднамеренном занижении суммы откупа при получении прав на него в 1618 г.⁶

А.П. Павлов полагает, что «к моменту возвращения Филарета страна находилась в состоянии серъёзного политического кризиса», признаки которого он усматривает в злоупотреблениях властью, касавшихся главным образом вмешательств в местнические споры и интриги по расстройству свадьбы царя с Марией Хлоповой (Т. 1. С. 247—255). Представляется, однако, что кризис был системным и выражался в том числе в некомпетентности приказных дьяков и пренебрежении государственными делами со стороны представителей правящей элиты. Важнейшие четвертные приказы, в руках которых сосредоточился сбор налогов с большей части тяглого населения страны и суд по гражданским делам, находились под руководством двух администраторов: Устюжской четвертью и приказом Казанского дворца управлял глава внешнеполитического ведомства думный дьяк П.А. Третьяков, а Владимирской, Галицкой, Костромской и Новгородской четями с 1616 по 1618 г. ведал боярин кн. Г.П. Ромодановский⁷. В этих условиях все нити управления приказами находились в руках дьяков. В частности, дьяки Новгородской четверти А. Витовтов, П. Матюшкин, В. Семёнов «ложно» оформляли не существовавшие боярские приговоры. В 1617/18 г. в процессе расследования о неправомерно «сложенных» доходах с Каргополя выяснилось, что кн. Г.П. Ромодановский, по сути, устранился от процесса повседневного управления приказами: «И боярин князь Григорей Петрович сказал, что он о складках и о зачетех не приговаривал, и что имать по новому дозору з живущего, а с пуста не имать, и государевых денег никаких

⁶ РГАДА, ф. 371, оп. 2, ч. 1, д. 11, л. 50—58.

⁷ Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI—XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. С. 228, 230, 232, 234.

не складывал и не зачитывал, и по новым дозором никаких доходов з живущего имати, а с пуста складывати не веливал, и приговоров таких писати на челобитной о зачетех не веливал; а только бы ему государевы доходы складывати или зачитати, и он бы де то, выписав в доклад, ходил ко государю и к бояром, и государя бы докладывал, и з бояры говорил вверху, а по празникам у церквей говорил, а без государева он указу и без боярского приговору ни одново алтына не складывал, те де приговоры и на челобитье дьяки писали ложно»⁸. Изложенное свидетельствует, что злоупотребления проистекали из-за отсутствия надлежащего контроля за деятельностью дьяков со стороны Боярской думы и царя и затрагивали не только местнические споры или патримониальные дела дворца, но и ключевую сферу государственного управления — финансы.

Крайне сложным методологическим вопросом является анализ политической истории времени правления Михаила Фёдоровича. Естественно, что в просопографическом исследовании, посвящённом верхним слоям Государева двора, всё внимание уделено составу Думы, служебным назначениям и чиновным пожалованиям, матримониальным делам царской семьи. Представляется, однако, что далеко не все подобного рода события и факты следует интерпретировать как «политические». Исследование автора начинается с детального анализа деятельности Земского собора 1613 г., однако в дальнейшем соборы со страниц монографии «исчезают». Методологически верным представляется следование автора концепции Р.О. Крамми, пришедшего к выводу о том, что главную роль при формировании придворных групп играли не экономические или социальные интересы, а семейные отношения, брачные союзы и системы патронажа (Т. 1. С. 20). Однако совокупность этих отношений влияла на формирование придворных групп, но не на правительственную политику, и полагать, что последняя ограничивалась совокупностью этих отношений, было бы не вполне верным.

Так, 1637—1642 гг. стали временем не только усиления придворной борьбы, но и ведения реальной политической борьбы между верхами служилого сословия и провинциальными детьми боярскими. Зримые следы этой борьбы воплощены в коллективных челобитных служилых и посадских людей, выступлениях московских дворян Н. Беклемишева и Т. Желябужского на Земском соборе 1642 г. Предметами обсуждения в челобитных и на заседаниях соборов были вопросы, составлявшие нерв политики того времени: засилье иностранного купечества на национальном рынке, право сыска и возврата беглых крестьян без урочных лет, реформа местного и центрального суда, возможность и необходимость войны за Азов. Очевидно, что верхушка правящей элиты (кн. И.Б. Черкасский, Ф.И. Шереметев, кн. Б.А. Репнин) включалась в осмысление этих вопросов и работу над изменением законодательства не в меньшей степени, чем в интриги при дворе, что, собственно, и составляло политику того времени.

Это отнюдь не умаляет гигантского вклада, внесённого Павловым в осмысление событий царствования Михаила Фёдоровича, и, самое главное, в изучение персонального состава правящей элиты в системе её патримониальных и служебных связей. Фундаментальная монография автора представляет собой образцовое просопографическое исследование истории сотен родов, чьи представители в первой половине XVII в. воссоздавали основательно порушенное государство. Благодаря исследованию А.П. Павлова последующая трёхсот-

⁸ РГАДА, ф. 396, оп. 1, д. 39594, л. 17.

летняя история национального государства, переросшего в империю, основывается на непоколебимом фундаменте объединённых в систему достоверных фактов.

Андрей Беляков: «Восточный след» в Государеве дворе первой половины XVII в.

Andrey Belyakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Eastern trace» in the Sovereign's court of the first half of the 17th century

DOI: 10.31857/S086956870010781-0

Новое исследование А.П. Павлова продолжает его более раннюю работу о Государевом дворе конца XVI в., при этом разительно от неё отличаясь. Значительно больший объём сохранившихся архивных источников, увеличенный хронологический охват, рост числа лиц, подпадающих под определение членов Государева двора, — всё это заставило автора сузить рамки исследования высшей стратой правящей элиты — думными и комнатными людьми. И даже при таком ограничении перед читателем предстало исследование объёмом в 1 400 страниц. Павлов построил свой труд как просопографическое исследование, что поставило его перед необходимостью рассматривать не отдельные исторические личности, а дворянские роды в целом, ведь именно род был главным аргументом в местнических случаях и делах, связанных с вотчинным землевладением. Перед читателем предстаёт сложная картина борьбы за влияние у трона отдельных семей и группировок; эти события разворачиваются на фоне избрания на царство Михаила Романова, восстановления и постепенной эволюции системы управления Московского государства, борьбы с последствиями Смуты во всех её проявлениях.

Особую ценность, по моему мнению, представляют разделы, посвящённые генеалогии отдельных родов, где рассматриваются не только нисходящие мужские линии, но также многочисленные связи через свойство, возникавшие благодаря бракам. В результате становится более понятной логика заключения тех или иных брачных союзов, а также формирование отдельных придворных группировок, борющихся за власть. Отличительная черта исследования Павлова — внимание к представителям придворной элиты восточного происхождения, демонстрация способов её инкорпорации в ряды старомосковской знати. Затронуты судьбы представителей семей князей Черкасских, Юсуповых, Кутумовых, Шейдяковых, Урусовых, Тюменских, Смайлевых, Сулешевых. Поражает объём проделанной Павловым работы: все последующие исследователи должны учитывать обработанный в монографии материал и сделанные на его основании выводы. Разумеется, полученная картина по ряду причин не может быть всеобъемлющей — остаются отдельные «боковые» сюжеты, неизвестные автору. Укажу на некоторые из них, оговорив, однако, что многие дополнения стали возможны только после прочтения монографии.

Исследователь уделяет большое внимание процессу избрания на царство Михаила Романова и сбору подписей под «Утвержденной грамотой». Он, в частности, детально анализирует процесс подписания итогового документа (Т. 1. С. 51—136). При этом факты наличия/отсутствия среди подписантов представителей тюркской служилой знати не нашли объяснения. А ведь это очень важный вопрос для понимания того, как выстраивалась этническая политика Русского государства. На «Утвержденной грамоте» имеются четыре подписи на татарском языке, принадлежавшие мещерским служилым мирзам

из Кадомского, Темниковского и Арзамасского уездов⁹, но отсутствуют рукоприкладства романовских и ярославских татар, служилых татарских царей и царевичей (как принявших православие, так и оставшихся в исламе), недавних знатных выходцев с Востока. А ведь незадолго до того на грамоте, посланной из Ярославля от имени Второго ополчения в Новгород к Я. Делагарди, подпись сибирского царевича, впоследствии касимовского царя Арслана бин Али бин Кучума, стояла первой¹⁰. Объяснение этому может быть следующим. Полноценным подданным, могущим участвовать в выборе государя, считался только православный человек. Поэтому мы видим на документах подписи принявших православие князей Черкасских, Сулешевых и даже некоего Ивана Селунского (Селонского). В 1613 г. исключение сделали только для служилых татар Восточной Мещеры, на тот момент подчинявшихся Москве уже более полутора веков. Даже касимовские татары признавались слишком недавними выходцами. А вот Чингисиды, похоже, даже в случае крещения воспринимались как некий автономный элемент в составе элит Русского государства. Это по статусу ставило их выше любого боярина, но и приводило к умалению некоторых прав, в том числе права участвовать в приёме важнейших общегосударственных решений.

Дополню приведённые в монографии сведения о браках отдельных лиц. Павлов упоминает имя супруги кн. Ивана Никитича Меньшого-Одоевского Ксении Борисовны и справедливо указывает, что её мужем в первом браке был знатный ногайский выходец кн. Пётр Тутавич Шейдяков (Т. 1. С. 328—329; Т. 2. С. 20). Отмечу, что Ксения Борисовна — вторая супруга Петра Тутавича (первую звали Ириной, происхождение её неизвестно)¹¹. В 1612 г. в Троице-Сергиевом монастыре похоронили княгиню-инокиню Ольгу Шейдякову¹². Могила находилась рядом с захоронениями князей Одоевских. Уместно предположить, что Ольга Шейдякова была дочерью Петра Шейдякова и падчерицей Ивана Никитича Меньшого-Одоевского (впрочем, непонятно, почему тогда она названа княгиней, а не княжной). Павлов приводит свидетельство, позволяющее предположить, что кн. И.Н. Одоевский через брак своей дочери имел связь с ещё одним крещёным ногайским князем — Петром Кан-мирзиным Урусовым. Поместье кн. Одоевского в Горетове стане Московского уезда отошло кн. Петру. Возможно, это было приданное его супруги, княгини Марии¹³. У этого предположения есть дополнительное косвенное обоснование. В первой половине XVII в. отчётливо прослеживается желание московских властей подбирать жён для новокрещёных ногайских князей из семей с «восточными» корнями по мужской или женской линии. В работе Павлова приводится множество подобных примеров.

Другой тенденцией в брачной политике московских властей по отношению к нововыезжей крещёной татарской знати являлся подбор жён из родственниц и свойственников московского государя. Павлов сообщает, что Степан Яковлевич Милюков приходился двоюродным племянником(?) старице Марфе Ивановне (Т. 1. С. 213). Это даёт дополнительную зацепку для поисков родственников

⁹ Акчурина М.М. Татарские подписи в утвержденной грамоте 1613 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3(69). С. 5—6.

¹⁰ Подвиг нижегородского ополчения. Т. I. Н. Новгород, 2011. С. 284.

¹¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. II. Ч. 2. М., 1982. С. 329.

¹² Список погребённых в Троицкой Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года. Н. Новгород, 2012. С. 34.

¹³ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 7 (1641 г.), л. 7.

супруги московского дворянина кн. Дмитрия Сатыевича Шейдякова, известного при дворе в 1653/54—1664/65 гг.¹⁴ На службу он выехал в 1648/49 г. и тогда же сговорился жениться на дочери вдовы Марии Ивановой жены Милюкова¹⁵. Похоже, свойство с Романовыми повышало престиж девиц из данного рода. В монографии указано также, что кн. Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский женился на дочери Ивана Васильевича Милокова и Авдотьи Тимофеевны (урождённой Безобразовой). Сестра кн. В.П. Черкасского Татьяна (в иночестве Таисия) была замужем за кн. Борисом Канаевичем Урусовым, а дочь Анна — за кн. Левонтием Салтанашевичем Шейдяковым (Т. 1. С. 547). Но чтобы утверждать, что ещё одна дочь Ивана Васильевича стала княгиней Шейдяковой, нужны дополнительные данные.

Шейдяковы ещё раз породнились с Ахамашуковыми-Черкасскими. Кн. Фёдор Артемьевич Шейдяков (сын Артемия (Кул-Мухаммед, Клеш) Теникеева) состоял в браке с дочерью кн. Ивана и кнг. Марии Петровны Бабичевых. Их дети приходились родными племянниками кн. Василию Петровичу Ахамашукову-Черкасскому¹⁶. В таком случае Мария была дочерью кн. Петра Ивановича Ахамашукова-Черкасского. Следует указать на ещё один интересный факт. После крещения отца кн. Фёдора, Артемия Шейдякова, ему пришлось выбирать между двумя своими прежними жёнами. Он сохранил брак с матерью своих детей, Алёною (Алтын-беке)¹⁷. Вторая его супруга Феодора (Азикея) Шабанаева после развода вышла замуж за Петра [Васильевича?] Волынского¹⁸.

Приведённые примеры показывают, что в заключении браков со знатными ногайскими выходцами имелась определённая система или даже специализация. При этом известные нам источники не могут ответить на важный вопрос: устраивались ли подобные браки в Кремле, или это была личная инициатива отдельных семейств? На первое указывает тот факт, что вчерашние ногайские мирзы не могли похвастаться прочным материальным положением в России. Как правило, они получали содержание в виде подённого корма, поместьями и вотчинами обзаводились далеко не все, и зачастую это было приданое их жён. К тому же подобные союзы возникали практически сразу после выезда и крещения ногайских мирз. Мы вправе задать вопрос: а всегда ли могли молодожёны изъясняться между собой без чьего-либо посредничества? Можно предположить, что для таких браков специально выбирались семьи, в которых знали тюркские языки. Похоже, что подобные браки для русской (православной) знати являлись желанными. Попадавшие в Россию ногайские мирзы приходились внуками и правнуками правителям Ногайской Орды, были наследниками природных государей. В этом плане в России особо выделялись потомки бия Сейдяка (Сеид-Ахмеда) бин Мусы. Шестеро сыновей Мусы бин Ваккаса в разное время были биями. В России потомки Сеид-Ахмеда пользовались особым уважением. В XVII в. те из них, что сохранили верность исламу, имели почти «монопольное» право на браки с дочерьми и вдовами служилых татарских царевичей.

---

¹⁴ Боярская книга 1658 г. М., 2004. С. 149, 191; Белоусов М.Р. Боярские списки 1645—1667 гг. как исторический источник. Т. 1. Казань, 2008. С. 312.

¹⁵ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 4 (1649 г.).

¹⁶ Горбатов Е.Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626—1629 годов // Очерки феодальной России. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 256, 266, 289, 332, 373.

¹⁷ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 22 (1628 г.), л. 4.

¹⁸ Там же, д. 7 (1624 г.).

Важно наблюдение автора о том, что кн. Юрий Яншеевич Сулешев называл кн. Ивана (Бий) Корел мирзина сына Юсупова (Исупова) своим внуком (Т. 2. С. 231). Романовский служилый мирза Эль (Иль) бин Исуп имел несколько жён. Одна из них — родная сестра шибанского царевича, впоследствии сибирского хана, Кучума¹⁹. Когда Эль в 1560-х гг. вынужденно выехал из ногайских степей в Московское царство, эта его супруга с сыном Чином оказалась в Сибири. В 1595 г. Чин добровольно выехал в Тару и вскоре был отправлен в Москву, причём документы упоминают жену и детей мирзы²⁰. Дальнейших сведений о них нет. Видимо, в России племянника Кучума женили на сестре знатных крымских выходцев Юрия и Василия (Маметша, Мухаммед-Ишан) Яншеевичей Сулешевых. В этом браке, похоже, родился сын Корел. В таком случае Иван Корелович действительно приходился кн. Ю.Я. Сулешеву внучатым племянником.

А.П. Павлов отметил опалу, постигшую князя Петра Кановича Урусова в 1628 г. (Т. 2. С. 229). Установлено, что причиной этих невзгод стал его племянник — кн. Василий Урмаметев. Зорбек бин Арслан бин Ураз-Мухаммед прибыл из Астрахани 4 января 1623 г.²¹ В том же году он крестился и стал стольником кн. Василием. Его женили на Авдотье, родной сестре московского дворянина Дмитрия Осипова сына Симанского. Её родная сестра была замужем за московским дворянином Афанасием Нехорошевым сыном Аничковым. Семейная жизнь князя не сложилась. Шурин жаловался: «А жильё де домашнее у него нестройное: сам ворует, пьёт и у людей своих жон и детей, девок, емлет на постелю, и животы все проворовал и пропил». Это подтверждает и опись имущества князя. Он позволял себе постоянные отъезды из Москвы без официального разрешения, вёл затяжную тяжбу с думным дьяком Ф.Ф. Лихачёвым. Дядя князя, Пётр Кан мирзин Урусов, ручался по племяннику в этом деле в 120 руб. и дважды (?) выплатил эту сумму дьяку²². Следственное дело рисует следующую картину. Кн. Василий жаловался, что ему нет жизни, недруги разорили его поместья, и он хочет бежать, но куда — не знает²³. Такие разговоры продолжались около двух лет. Его дядя по матери князь Пётр Кан мирзин сын Урусов безуспешно пытался его урезонить, донести же на племянника не хотел, боясь ослабиться среди служилых иноземцев как «доводчик». В конечном итоге Василий под страхом смерти выбил согласие некоторых своих людей бежать с ним на Дон, и дворовые люди донесли на него. Определённую роль сыграли и постоянные домогательства Василия Урмаметева к жёнам своих людей. Разбирательство поручили главам Стрелецкого и Посольского приказов боярину кн. И.Б. Черкасскому и думному дьяку Е.Г. Телепнёву. В дело помимо людей кн. Василия оказались замешаны его родственники Пётр Кан мирзин и Андрей Сатый мирзин Урусовы, а также люди жены мирзы Урака Тинмаметева — княгини Авдотьи. Вначале князь запирался, однако на очной ставке стал говорить. 22 июля князей Василия и Петра, а также их людей

¹⁹ Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Брачная политика правителей Тюменского и Сибирского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 106; Тюменское и Сибирское ханства. Казань, 2018. С. 400.

²⁰ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 1 (1596 г.); Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М., 2005. С. 291, 361.

²¹ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 6 (1625 г.), л. 12.

²² Там же, ф. 127, оп. 1, д. 3 (1628 г.), л. 23, 32, 76—79.

²³ Там же, л. 56.

и людей Авдотьи Тинмаметовой приказали пытать, поместья и движимое имущество князей конфисковали, а самих изменников отправили в ссылку.

Имеются в работе и отдельные неточности. Так, по мнению А.П. Павлова, кн. Семён Андреевич Урусов крестился незадолго до пожалования в стольники (25 декабря 1633 г.) (Т. 1. С. 585). Однако кн. Семён родился православным от брака своего отца, Андрея Сатаевича (Сатыевича) с княжной Марией Васильевной Тюменской. Исследователь пишет о близости семьи Ляпуновых к боярам Шереметевым (Т. 1. С. 540). Это не совсем так. Данная близость возникла только благодаря женитьбе астраханского царевича Михаила Тайбулина (Кутлуг-Гирей бин Арслан-Али бин Абдула) на Марии Григорьевне Ляпуновой. Дело в том, что дядя царевича, также Михаил Кайбулин (Муртаза-Али бин Абдула) женился на дочери Ивана Большого Васильевича Шереметева. Её сестра Марья была замужем за кн. Василием Агишевичем Тюменским; их двоюродная сестра Елена, дочь Ивана Меньшого Васильевича Шереметева, стала женой сына Ивана Грозного, царевича Ивана Ивановича²⁴.

В монографии без ссылки на источник информации указано, что ногайское имя кн. Ивана Араслановича Урусова было Янсох (Т. 2. С. 228). Это не соответствует ногайским родословным росписям, где он указан как Тук²⁵. Зная, что точность и скрупулёзность являются отличительными чертами Павлова как исследователя, в данном случае нельзя заподозрить техническую ошибку, поэтому важно установить источник, содержащий альтернативные сведения. Отмечу также, что некорректно делать выводы о поместных и денежных окладах выходцев с Востока на единичных примерах (Т. 1. С. 585—586). Они становятся репрезентативными, когда мы можем сравнивать оклады, существовавшие синхронно, или же имеем возможность сравнивать оклады представителей разных поколений (помня, что оклады детей всегда уступали окладам родителей, по крайней мере, в начале их служебной карьеры).

Подводя итоги, отмечу, что для А.П. Павлова выявление «восточных сюжетов» в биографиях высшей московской знати не являлось специальной задачей, но, несмотря на это, ему удалось выявить и показать их положение в структуре Государева двора.

Александр Виноградов: Думные и комнатные люди царя Михаила Романова в дипломатических «ссылках» Российского государства с Крымским ханством

Alexander Vinogradov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Duma and room people of Tsar Mikhail Romanov in diplomatic contacts of the Russian state with the Crimean khanate

DOI: 10.31857/S086956870010782-1

Проблема роли правящей элиты Российского государства в преодолении политического кризиса Смутного времени, обозначенная А.П. Павловым как главная задача его исследования, предполагает рассмотрение участия её представителей в осуществлении дипломатических контактов. Выход из тяжелейшей внешнеполитической ситуации, в которой оказалось правительство царя Михаила Фёдоровича, потребовал привлечения к дипломатической деятельности наиболее компетентных представителей формирующегося двора нового

²⁴ Беляков А.В. Чингисиды в России XV—XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 109—110.

²⁵ РГАДА, ф. 127, оп. 2, д. 32, л. 36.

государя. В рамках своего исследования Павлов только частично выявил роль отдельных лиц на различных направлениях внешнеполитической деятельности, так как это не являлось задачей его исследования. Поэтому при рассмотрении приведённого автором огромного фактического материала в отдельных случаях необходимо уточнить, как дипломатическая деятельность представителей политической элиты влияла на их положение в составе Государева двора, какую роль играли их родственные связи. Наиболее рельефно это прослеживается на примере лиц татарского происхождения, имевших родственные связи в сопредельных тюрко-татарских государственных образованиях — Крымском ханстве и Большой Ногайской Орде. Наиболее значительной фигурой из числа думных и комнатных людей царя Михаила Фёдоровича, задействованных в «ссылках» с Крымом, был кн. Г.К. Волконский.

Григорий Константинович стал окольным 1 сентября 1615 г., «первый из рода Волконских, попавших в Думу». Павлов правомерно связывает пожалование князю чина окольного с завершением его посольства в Крым (Т. 1. С. 196). Назначение кн. Волконского послом было совершенно правомерно и обусловлено его большим дипломатическим опытом «на крымском направлении». Впервые он отправился послом в Крым в начале лета 1601 г., но прибыл туда только через год, в июне 1602 г., после посольского съезда и размена под Царёвым-Борисовым. Посольство увенчалось заключением в июле 1602 г. русско-крымского договора, остававшегося в силе до начала Смутного времени. Успешная миссия Волконского не ознаменовалась упрочением его положения в составе двора царя Бориса Годунова, хотя ему и вернули отобранные при Иване Грозном земли в Алексинском уезде.

При царе Василии Шуйском дипломатические таланты кн. Волконского вновь оказались востребованы: в мае 1606 г. он отправился в Речь Посполитую, откуда вернулся в феврале 1607 г.²⁶ Второе посольство кн. Волконского в Крым в 1614—1615 гг. имело большое значение для упрочения внешнеполитических позиций Москвы в условиях продолжающегося военно-политического противостояния с Речью Посполитой²⁷. Григорий Константинович вместе со вторым послом дьяком Петром Овдокимовым отбыл в Крым в июле 1614 г. В начале августа после посольского съезда и размена под Ливнами он двинулся в Крым, куда приехал в сентябре 1614 г. Сразу после прибытия Волконскому и Овдокимову удалось заключить союзный договор с Крымом, но в дальнейшем крымская сторона попыталась изменить его условия, в связи с чем пребывание послов в Крыму затянулось до лета 1615 г. В июле 1615 г. после посольского размена под Валуйками посольство двинулось в Москву, куда и прибыло в августе. Таким образом, пожалование кн. Г.К. Волконскому чина окольного 1 сентября 1615 г. непосредственно связано с успешным осуществлением дипломатической задачи: посольство явилось одной из наиболее успешных миссий, отправленных в первые годы правления царя Михаила Фёдоровича, позволив установить практически союзные отношения между Москвой и Бахчисараем в условиях военного конфликта с Речью Посполитой²⁸.

²⁶ Сборник Русского исторического общества. Т. 137. М., 1912. С. 197—198, 295.

²⁷ *Виноградов А.В.* Посольство князя Григория Константиновича Волконского в Крым 1614—1615 гг. // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2019. Т. 24. № 2. С. 158—174.

²⁸ *Лисейцев Д.В.* Русско-крымские дипломатические контакты в начале XVII столетия // Тюркологический сборник. 2005. М., 2006. С. 272—273; *Новосельский А.А.* Борьба Московского госу-

Павлов отмечает, что с 1619 г. и вплоть до кончины в марте 1634 г. кн. Волконский почти непрерывно служил в Москве (Т. 1. С. 330). Однако и в эти годы Волконский привлекался к дипломатической деятельности на крымском направлении, что помимо переговоров с крымскими послами в Москве предполагало выезды из столицы для участия в посольских разменах. Весной 1620 г. кн. Григорий Константинович был первым «разменным» послом под Валуйками²⁹. Ту же миссию он выполнял в 1625 г.³⁰, а последним его назначением (1634) стало отправление «на розмену» под Валуйкой (он, однако, скончался, не доехав до Тулы)³¹. В ходе многочисленных дипломатических миссий Волконскому пришлось контактировать со многими представителями московской политической элиты. Наиболее успешным явилось его сотрудничество с сопровождавшим его летом 1614 г. в Ливны в качестве первого «разменного посла» окольничим кн. Г.П. Ромодановским.

Григорий Петрович Ромодановский, «видный человек при дворе царя Михаила в первые годы его царствования» (Т. 1. С. 198), лишился боярского чина, пожалованного ему Сигизмундом III, и вернул его только в декабре 1615 г. Павлов, рассматривающий государственную деятельность кн. Ромодановского после 1613 г., лишь мельком отметил, что он летом 1614 г. ездил в Ливны «для размены» с крымскими послами. Между тем назначение первым «разменным» послом являлось ответственной дипломатической миссией. С момента начала практики организации посольских съездов и разменов с Крымом «разменными» послами назначались видные представители Государева двора. Миссия Григория Петровича под Ливнами оказалась исключительно трудной: ему пришлось иметь дело с опытным крымским вельможей беком Ахмед-пашой Яшлавским, проводившим посольские съезды и размены в 1593 и 1602 гг. Однако при поддержке кн. Волконского Ромодановскому удалось справиться с поручением и заключить 5 августа 1614 г. предварительный союзный договор с Крымом³². Это был третий и последний посольский съезд и размен с Крымом, предусматривавший переговоры «разменных послов» и заключение предварительного договора. Дальнейшие «размены», проходившие с лета 1615 г. под Валуйкой, имели иной статус. Успешная дипломатическая миссия 1614 г., несомненно, повлияла на карьеру Григория Петровича, но осложнила, как будет показано ниже, его отношения с влиятельными думными людьми царя Михаила Фёдоровича.

Роль думной и придворной элиты в дипломатических связях с Крымом при царе Михаиле не исчерпывалась непосредственным участием в них. В составе Государева двора уже в 1613 г. оказались выходцы из крымской знати — князя Сулешевы, обоснованно отнесённые Павловым к числу «представителей выезжей иноземной знати, весьма высоко стоявших в служебно-местническом отношении»³³. Князь Юрий Яншеевич Сулешев, стольник при царе Василии Шуйском, боярин с февраля 1615 г., при царе Михаиле Фёдоровиче был заметной фигурой в правительственных кругах. Влияние на его карьеру родственных связей с крымской знатью отмечено в отечественной историографии. Павлов

дарства с татарами в XVII веке. М.: Л., 1948. С. 83—84.

²⁹ Дворцовые разряды, изданные Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии (далее — ДР). Т. I. СПб., 1850. Стб. 433; *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 102—103.

³⁰ *Петров К.В.* Делопроизводство Разрядного приказа XVI—XVII вв. в официальных и частных рукописях. Исследования и материалы. М., 2018. С. 288.

³¹ ДР. Т. I. Стб. 366—367.

³² *Новосельский А.А.* Указ. соч. С. 83.

³³ *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба... С. 16.

правомерно указал, что «приближение князя Ю.Я. Сулешева, выходца из знатного и видного крымского рода, ко двору обуславливалось во многом внешнеполитическими соображениями» (Т. 1. С. 192). Род беков Яшлавских, именовавшихся в русских источниках «князьями Сулешевыми», принадлежал к одной из младших ветвей клана Кипчак³⁴. Наиболее известным представителем этого рода, претендовавшим на наследственное «амиатство» (особые полномочия, полученные от хана) в дипломатических связях с Москвой, был «ближний человек» хана Девлет-Гирея I бек Сулеш³⁵. Ему и его старшему сыну беку Мураду удалось добиться назначения послами в Россию представителей исключительно своего рода. С 1591 до осени 1614 г. род Яшлавских возглавлял второй сын Сулеша — бек Ахмед-паша, родной дядя Юрия Яншеевича. Появление русских «князей Сулешевых» в источниках отмечено в конце правления Бориса Годунова³⁶.

При рассмотрении происхождения Сулешевых Павлов, основываясь на сведениях «выписки о приезжавших на Москву царевичах и черкасских и Ногайских мурзах с 1552 по 1618 гг.», отметил, что их отец Еньша Сулешев приехал «от крымского царя в послех» к царю Фёдору Ивановичу и остался служить в Москве (Т. 1. С. 220). Это не совсем так: Еньша-мурза прибыл от хана Мухаммед-Гирея II к Ивану Грозному летом 1582 г. после посольского размена под Путивлем. Так как отправленное тогда посольство кн. М.Ф. Бярятинского «погромили» на пути в Крым «черкасы», а брат Еньши-мурзы бек Мурад Сулешев, ответственный с крымской стороны за посольский размен, не принял должных мер к обеспечению безопасности русской миссии, Еньшумурзу задержали в Москве. В 1584 г. хан Мухаммед-Гирей II был смещён с престола Портой и погиб. Через несколько месяцев его сын Сеадет-Гирей вторгся в Крым и сверг поставленного османским султаном хана Ислам-Гирея II. Эти события, известные в русских источниках как «ссора великая в Крымском юрте», сыграли решающую роль в появлении русского боярского рода князей Сулешевых. После провала мятежа сыновья Мухаммед-Гирея II попросили помощи у Москвы. Борис Годунов приложил все меры к официальному признанию русской стороной Сеадет-Гирея II крымским ханом. Крымская знать раскололась на приверженцев Ислам-Гирея II и Сеадет-Гирея II. Раскол затронул и род Яшлавских. Брат Еньши-мурзы бек Мурад остался в составе дивана Ислам-Гирея II, но прежнего влияния уже не имел. Другие представители рода вошли в состав «двора» Сеадет-Гирея II и его брата Мурад-Гирея, с 1586 г. жившего в Астрахани³⁷. Вероятно, это побудило Еньшумурзу признать ханом Сеадет-Гирея, что вызвало резкую реакцию со стороны Ислам-Гирея II и навсегда лишило Еньшумурзу возможности вернуться в Крым. В России Еньша-мурза обладал исключительно высоким статусом; после него остались сыновья Юрий и Василий³⁸. Павлов справедливо отметил, что на карьеру

³⁴ *Беляков А.В.* Крымские выходцы в России: служба и правовой статус // Золотоордынское обозрение. 2016. № 1. С. 145—146.

³⁵ *Виноградов А.В.* Род Сулеша во внешней политике Крымского ханства второй половины XVI в. // Тюркологический сборник. 2005. С. 28—42; *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства в 1560-х — 1590-х гг. по материалам русской и польско-литовской документации // Восток (ORIENS). 2006. № 5. С. 28.

³⁶ *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI—XVII вв. М., 2004. С. 293, 379.

³⁷ *Виноградов А.В.* Состав политической элиты Крымского ханства... С. 36—37.

³⁸ *Беляков А.В.* Крымские выходцы в России... С. 145.

Сулешевых при дворе Михаила Фёдоровича во многом влияли их родственные связи, в первую очередь с князьями Черкасскими, но важную роль играло и родство с крымской знатью.

18 сентября 1613 г., в разгар подготовки к отправлению в Крым посольства А. Лодыженского и П. Данилова, произошёл любопытный местнический «случай». Со стольником кн. Ю.Е. Сулешевым пытался местничать при назначении рындами на церемонию приёма персидского посла стольник И.П. Шереметев, которому указали, что ему «с князем Юрием быть мочно по его иноземству»³⁹. Тем самым был признан высокий статус князей Сулешевых как представителей одной из наиболее знатных фамилий Крыма. При разборе дела царь с боярами подробно рассмотрели родственные связи Юрия Яншеевича: «Сколь велик в Крыму князь Юрьи Сулешев... И бояре говорили: в Крыму Ахмед-паша Сулешев у царя ближний и великий человек, а князь Юрьи ему племянник»⁴⁰. К сожалению, Павлов при рассмотрении этого дела не указал на роль Ахмед-паши в русско-крымских «ссылках», хорошо известную в Москве и не нуждающуюся в уточнении. Родственные связи Юрия Яншеевича в Посольском приказе рассчитывали использовать. Однако при переговорах с Ахмед-пашой Яшлавским кн. Ю.Е. Сулешева не упоминали, и в дальнейшем ни он, ни его брат Василий никогда не привлекались к «ссылкам» с Крымом.

Во время посольского съезда и размена под Ливнами Ахмед-паша жёстко конфликтовал с «разменным» послом кн. Г.П. Ромодановским. В дальнейшем этот конфликт вылился в неприязненные отношения Ромодановского с московскими родственниками Ахмед-паши, увенчавшийся в августе 1621 г. местническим спором Григория Петровича с Юрием Яншеевичем из-за мест за царским столом, в котором Ромодановский потерпел поражение⁴¹. Павлов обратил внимание на утрату князьями Юрием и Василием Сулешевыми их позиций при дворе к началу 1640-х гг. и предположил, что «отстранение от дел братьев Сулешевых могло быть обусловлено недоверием к этим знатым выходцам из Крыма в связи с обострением взаимоотношений между Россией и Крымским ханством во второй половине 30-х — начале 40-х гг. XVII века» (Т. 1. С. 494). Это предположение нуждается в уточнении. 1620—1630-е гг. ознаменовались конфликтами между практически всеми московскими дипломатическими представителями в Крыму и беками Яшлавскими, что происходило на фоне обострения русско-крымских отношений и политической нестабильности в Крыму⁴². Это, разумеется, не способствовало укреплению положения Сулешевых в составе Государева двора. Тем не менее постепенная потеря влияния князей Сулешевых была вызвана в первую очередь изменениями в расстановке сил при дворе царя Михаила (что подробно рассмотрено в исследовании Павлова). Следует признать, что на карьере братьев Сулешевых наибольшее влияние оказали их родственные связи с представителями московской знати романовского круга, особенно в первые годы правления Михаила Фёдоровича, но и значение крымских родственных связей не подлежит сомнению.

Можно констатировать, что исключительная роль Крымского ханства в осуществлении внешнеполитического курса правительства Михаила Фёдоровича существенно повлияла на судьбы представителей Государева двора, вов-

³⁹ ДР. Т. 1. Стб. 170.

⁴⁰ Разрядная книга 1598—1638 гг. Т. 2. М., 1975. С. 304.

⁴¹ ДР. Т. 1. Стб. 477, 478.

⁴² Новосельский А.А. Указ. соч. С. 124—127, 186—189.

лечённых так или иначе в осуществление контактов с Бахчисараем. Подробное исследование этой проблемы выходит за рамки задач, поставленных Павловым. Необходимо также учитывать, что на взаимоотношения внутри политической элиты времени Михаила Фёдоровича во внешнеполитическом аспекте прежде всего влияли проблемы противостояния с Речью Посполитой, что достаточно подробно отражено в обсуждаемом исследовании.

Михаил Акишин: Фундаментальное исследование, открывающее новые аспекты познания взаимоотношений самодержца с думными и комнатными людьми

Michael Akishin (Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia): A fundamental research revealing new aspects of understanding relationship of the tsar with Boyar Duma and Royal courtiers

DOI: 10.31857/S086956870010783-2

Обсуждаемый труд А.П. Павлова, видимо, войдёт в золотой фонд российской исторической науки. Он посвящён просопографическому исследованию думных и комнатных людей царя Михаила Романова; критерии для выделения этой социальной группы определены историком как «сочетание происхождения... с реально высоким служебно-местническим положением» (Т. 1. С. 36—37). Для реализации темы исследования автор использовал обширный массив уже введённых и впервые вводимых им в научный оборот исторических источников, на основе которых составлена база данных для динамической просопографии думных и комнатных людей 1613—1645 гг., нашедшая отражение в монографии. При этом он существенно дополнил генеалогические и биографические исследования своих предшественников данными о службах и землевладении представителей княжеско-боярской аристократии.

Как и всякое фундаментальное исследование, труд Павлова открывает новые аспекты познания изучаемой проблемы, в частности взаимоотношений российского самодержца с думными и комнатными людьми. При анализе изменений в составе думных и комнатных людей в 1613—1645 гг. автор исходит из положения о том, что в годы опричнины и Смуты происходило «падение значения родовой княжеско-боярской аристократии» (Т. 1. С. 443). На избирательном соборе 1613 г. проявились противоречия между земскими воеводами и Боярской думой, взаимно ослабившие их позиции, что позволило юному царю и его матери сформировать в Думе ядро из своих родственников и свойственников. Павлов доказывает: «Придворный клан во главе с матерью царя после 1613 г. оказался, по существу, единственной сплочённой политической силой, способной взять реальные бразды управления в стране» (Т. 1. С. 777).

После возвращения в 1619 г. из польского плена Филарета и принятия им патриаршества наступил уникальный в истории высшей власти период соправления двух «великих государей» — царя и его отца. В трудах В.О. Ключевского и Б.Ф. Поршнева была сформулирована концепция «двоевластия», подавления воли молодого царя его отцом, «временщиком» Филаретом⁴³. С корректировкой этой концепции выступил Е.Д. Сташевский, указавший на то, что патриарх уважал prerogatives самодержавной власти своего сына, и «программа» Филарета, усилив абсолютистские тенденции в развитии Русского государства,

⁴³ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 3. М., 1998. С. 124; Поршнев Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в неё Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 413 и др.

шла в русле государственной политики, осуществлявшейся в 1613—1619 гг.⁴⁴ Павлов, не присоединившись явным образом ни к одной из этих концепций, указывает, что Филарет способствовал укреплению самодержавной власти (Т. 1. С. 256). Автор доказывает, что приезд Филарета в Россию привёл к принципиальным изменениям в иерархии думного боярства — утрате Гедеминовичами первенствующего положения в Думе. С конца 1626 г. старшинство в Думе перешло к Ивану Никитичу Романову, а после его смерти в 1640 г. — к кн. И.Б. Черкасскому, родственнику Романовых. В 1619—1633 гг. происходило ослабление позиции влиятельных «княжат» при одновременной интеграции младших представителей княжеских родов в новую систему придворных отношений. Результатом стало стирание понятий «великие» и «ближние» бояре, «окончательное преобладание в составе Думы получила знать романовского круга», и Боярская дума «из собрания родовой аристократии» превратилась в «совет придворных при новой династии» (Т. 1. С. 443—453, 778).

В 1619—1633 гг. изменилась система управления приказами. Как установил Павлов, в это время фиксировалось «возрастание роли Думы в административном управлении страной. Всего... в деятельности всех приказов за годы правления Филарета приняло участие подавляющее большинство бояр и окольничих (35 человек из 45, или около 78%)». При этом многие думные дьяки попали в опалу. По мнению Павлова, «эти отставки не носили характера целенаправленных гонений против определённого социального слоя или политической группировки». Причины опал он объясняет «известной самостоятельностью старых приказных “бюрократов”» (Т. 1. С. 390). Это объяснение не представляется убедительным. В самостоятельности думных дьяков нет ничего необычного: иначе они не могли бы выполнять своих должностных обязанностей. Считаю, что опалы и отставки думных дьяков объясняются желанием высшей власти повысить исполнительскую дисциплину, а также усилением роли бояр и окольничих в приказном управлении⁴⁵. Установлено, что после Смуты происходило усиление роли боярства в руководстве приказами, но для этого требовалось восстановление приказного управления. Как доказала Н.Ф. Демидова, оно происходило с первых лет царствования Михаила Фёдоровича, но завершилось только в 1630—1640-х гг., когда «решался вопрос — пойдёт ли Россия по пути развития и совершенствования сословно-представительной или перерастания в абсолютную монархию»⁴⁶.

Одной из главных задач, стоявших перед правительством царя Михаила, было освобождение Смоленска. Однако русско-польская война 1632—1634 гг. закончилась поражением, и расплата легла на командование войска. Проанализировав материалы следственного дела, Павлов подверг критике концепцию о боярских интригах против М.Б. Шеина и пришёл к выводу о законности и обоснованности приговора: «Сдача “града” неприятелю традиционно считалась на Руси тягчайшим государственным преступлением, подлежащим наказанию смертной казнью» (Т. 1. С. 476). Смерть патриарха Филарета и поражение в Смоленской войне обусловили новый поворот во внутренней политике.

⁴⁴ Сташевский Е.Д. Указ. соч. С. 191, 194, 201—204.

⁴⁵ Сходную концепцию Павлов сформулировал в одной из своих работ (Павлов А.П. Дьяки в структуре Государева двора в конце XVI — первой половине XVII в. // Труды кафедры истории России с древнейших времён до XX в. Т. 1. СПб., 2006. С. 576—587).

⁴⁶ Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и её роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 25.

Однако, «несмотря на политические перемены, происходившие после смерти патриарха Филарета», во главе правительства продолжали оставаться «старые бояре романовского круга во главе с кн. И.Б. Черкасским, а после смерти последнего в 1642 г. главой правительства становится боярин Ф.И. Шереметев» (Т. 1. С. 479). Павлов доказывает: «Формирование лояльной придворной романовской Думы явилось одним из важных политических итогов периода царствования Михаила Фёдоровича. На протяжении изучаемого времени происходит процесс постепенной трансформации Думы из органа старой родовой знати в совет придворных при новой царствующей династии» (Т. 1. С. 780).

В последние годы жизни царя Михаила происходило «заметное обострение придворной борьбы за власть и влияние при дворе» (Т. 1. С. 616). Борьба обострилась во время сватовства датского принца Вальдемара к царевне Ирине Михайловне. Е.И. Филина приписала этой придворной борьбе значение политического противостояния сторонников наследственной и выборной монархии⁴⁷. Павлов подверг данную гипотезу аргументированной критике, отметив, что к концу царствования Михаила Фёдоровича в Думе не осталось «ни мощных княжеских группировок, ни каких-либо иных чуждых, оппозиционных боярских “партий”» (Т. 1. С. 776).

Исследование о составе думных и комнатных людей в 1613—1645 гг. Павлов дополнил фундаментальным анализом земельной политики и эволюции землевладения знати. Это исследование является научным прорывом в дискуссии о характере княжеско-боярского землевладения в XVII в. Автор исходит из положения о том, что уже в конце XVI в. «отчётливо проявилась тесная зависимость крупного земельного владения от положения человека при дворе». После Смуты «владение родовой вотчиной» стало «фактом царского пожалования». При этом «рост материального благосостояния и земельных богатств знати затрагивал... далеко не всех представителей княжеско-боярских родов. Сохраняли и наращивали крупные земельные владения преимущественно лишь наиболее видные бояре и придворные» (Т. 1. С. 684—684, 724, 769). Возникла «прямая зависимость состояния землевладения знати от службы, положения при дворе и придворной конъюнктуры». По мнению Павлова, это «наглядно свидетельствует о служилом характере российской аристократии, о вызревании внутри правящей элиты нового типа придворных отношений, при которых уже не столько происхождение само по себе, сколько родство с царской семьёй и близость к влиятельным придворным группировкам определяли служебное продвижение и рост материального благополучия» (Т. 1. С. 773, 775).

Результаты своего исследования Павлов экстраполирует на характеристику формы правления Русского государства и утверждает: «Зависимость землевладения от службы и придворной конъюнктуры, отсутствие гарантий неприкосновенности земельной собственности перед лицом верховной власти способствовали тому, что... русская боярская знать не представляла собой достаточно устойчивого слоя крупных земельных магнатов, способных ограничить власть монарха, подобно земельной аристократии Речи Посполитой и других европейских стран» (Т. 1. С. 775). Думается, это утверждение содержит ряд логических ошибок. Непонятно, почему именно Речь Посполитая избрана в качестве эталона сословно-представительной монархии. Отмечу также, что просопографическое исследование не исключает возможности историко-юридического

⁴⁷ Филина Е.И. «В поисках альтернативы...»: «придворные партии» в политической борьбе в России 30—50-х гг. XVII в. М., 2011. С. 177—181.

изучения формы правления Русского государства XVII в. Факт формирования «лояльной придворной романовской Думы» не означает, что Дума не сохранила значения высшего органа сословного представительства. Наконец, сословное представительство в Русском государстве не ограничивалось Боярской думой. Важное место в нём занимали Земские соборы и патриарх, значительную роль сословное представительство играло на уровне местного управления⁴⁸. Остановлюсь на значении соборов в осуществлении верховной власти.

Исследование А.П. Павлова открывается анализом истории избрания Михаила Фёдоровича на царство собором 1613 г. Источники по этой теме условно делятся на официальные (грамоты собора) и неофициальные, сообщавшие о слухах, вызванных избранием нового царя. Противоречия между ними породили долгую дискуссию в историографии. Историки первой половины XIX в. относились к официальным источникам с доверием и доказывали, что Михаил Фёдорович был всенародно избран на престол, являясь ближайшим родственником царя Фёдора, не будучи притом замешан в распрях Смутного времени⁴⁹. Историки второй половины XIX — начала XX в. основное внимание уделяли анализу социальных сил, обеспечивших избрание Михаила Фёдоровича. Господствующую в науке этого времени концепцию сформулировал С.Ф. Платонов, доказав, что избрание Михаила Фёдоровича стало результатом победы в Смуте «средних классов» — дворянства и посадских людей⁵⁰. Советские и современные историки на основе неофициальных источников писали, что избрание Михаила Фёдоровича произошло под давлением казаков⁵¹. Особняком стоит мнение Л.Е. Морозовой, полагающей, что «избрание нового царя было делом рук высшей знати, а не ополченцев и тем более казаков»⁵².

Павлов отмечает, что избрание Михаила Фёдоровича «состоялось... не без давления со стороны казаков» и «вопреки воле большинства членов тогдашней Боярской думы» (Т. 1. С. 63, 776). Характеризуя избирательную борьбу на соборе, он особое внимание уделяет доказательству положения о том, что сторонниками избрания шведского принца Карла-Филиппа были земские бояре и дворяне-участники собора, среди которых «доминирующие позиции занимали представители западных и юго-западных “служилых городов”» (Т. 1. С. 57, 91). Вывод автора вызывает сомнения — дворяне этого региона после освобождения Москвы рассчитывали продолжить службу в России, о чём свидетельствуют данные о прибавках к окладам дворян, результаты блестящего исследования которых отражены в книге. Из 253 человек, пожалованных прибавками к

⁴⁸ Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991; Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

⁴⁹ Устрялов Н.Г. Русская история до 1855 г. Петрозаводск, 1997. С. 307, 309; Соловьёв С.М. Об истории Древней России. М., 1992. С. 321; Бестужев-Рюмин К.Н. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Фёдоровича Романова // Журнал Министерства Народного просвещения. 1887. № 252. С. 270, 295.

⁵⁰ Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1901. С. 424, 532; Платонов С.Ф. Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории (1883—1912). СПб., 1912. С. 15.

⁵¹ Зяматин Г.А. К истории земского собора 1613 г. // Труды Воронежского университета. Т. III. Воронеж, 1926; Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978. С. 197, 198, 210; Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 80—92; Скрынников Р.Г. Михаил Романов. М., 2005. С. 147—172.

⁵² Морозова Л.Е. Россия на пути из Смуты: избрание на царство Михаила Фёдоровича. М., 2005. С. 141.

денежным окладам за участие в освобождении Москвы, подавляющее большинство (193 человека) — выходцы из западных и южных уездов (Т. 1. С. 82). Павлов признаёт, что не все земские воеводы были сторонниками избрания Карла-Филиппа; собственную предвыборную агитацию вёл кн. Д.Т. Трубецкой. По мнению исследователя, права на престол имел и боярин Иван Никитич Романов, противодействовавший избранию племянника (Т. 1. С. 59, 69—70). Впрочем, с точки зрения Л.Е. Морозовой, Иван Никитич никогда не рассматривался как кандидат, поскольку «от рождения... имел ряд физических дефектов: плохо владел одной рукой, прихрамывал и невнятно говорил, почему получил прозвище Каша»⁵³. Отмечу, что при патриархе Филарете, как установил Павлов, Иван Никитич пользовался «особым расположением и доверием», но не стал судьёй какого-либо приказа (Т. 1. С. 287, 294—298), что подтверждает версию о его телесных недугах.

Итак, свою концепцию избирательного собора 1613 г. исследователь строит, отдавая предпочтение неофициальным источникам. Присоединюсь к позиции учёных, которые относятся к ним скептически. Недоумение вызывают показания русских дворян, оказавшихся в плену у шведов в 1614 г.⁵⁴, о том, что бояре на соборе 1613 г. собирались выбрать царя путём жеребьёвки, чему воспротивились казаки. Видимо, пленные дворяне в данном случае пересказывали бытовавший среди казаков слух, нашедший отражение также в «Повести о земском соборе 1613 г.»⁵⁵. Концепция избрания Михаила Фёдоровича под давлением «казачьей демократии» (демократии толпы) противоречит господствовавшей в Русском государстве правовой культуре. В «Утвержденной грамоте» собора 1613 г. содержатся два основания восшествия на царство Михаила Фёдоровича: он был «прежним великим природным государем... в сродстве», и его избрание предрешено Божественным промыслом⁵⁶. Думается, в современной историографии недооценивается роль православной Церкви в политической истории России. «Сказание» Авраамия Палицына убедительно свидетельствует о том, что Церковь во время Смуты и после её окончания последовательно выступала за избрание православного великого государя, который бы находился в «сродстве» с угасшей династией Рюриковичей. «Единомысленное» избрание Михаила Фёдоровича состоялось благодаря православной Церкви и стало основой для восстановления государственности в России.

К сожалению, Павлов ушёл от рассмотрения вопроса о роли Земских соборов в управлении страной после 1613 г. Между тем доказанным фактом является положение о том, что возможности российского самодержца этого времени не позволяли ему реализовывать в полном объёме свои полномочия без опоры на соборное представительство⁵⁷. Думается, отказ учёного от анализа участия бояр в деятельности соборов 1614—1622, 1632, 1634, 1636, 1637, 1639 и 1642 гг. является ошибкой. Особая роль в работе соборов, видимо, принадлежала кн. Д.М. Пожарскому⁵⁸. Это позволяет скептически отнестись к утвержде-

⁵³ Там же. С. 141, 248.

⁵⁴ *Арсеньев В.* Арсеньевские шведские бумаги 1611—1615 гг. // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 29, 30.

⁵⁵ Повесть о земском соборе 1613 г. // Вопросы истории. 1985. № 5. С. 89—96.

⁵⁶ Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Фёдоровича Романова. М., 1906.

⁵⁷ *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 212—243.

⁵⁸ *Бушкович П.* Шведские источники о России 1624—1626 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 372.

нию о «падении влияния» кн. Пожарского в управлении Русским государством в 1613—1619 гг. (Т. 1. С. 155).

Высказанные замечания носят дискуссионный характер. Учителя А.П. Павлова — Н.Е. Носов и Р.Г. Скрынников — доказали, что развитие Русского государства в конце XV—XVI в. происходило в условиях противоборства двух тенденций — сильной (в сравнении с другими европейскими государствами) властью московских государей и процессом становления сословного общества, порождавшим претензии сословий на участие в политической жизни. Исследования Павлова развивают эти теории применительно к концу XVI — первой половине XVII в. и, думается, ему удалось установить особенности становления и развития сословно-представительной монархии в России.

Павел Седов: Научный труд, способный породить новые книги

Pavel Sedov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): Scientific research generating new books

DOI: 10.31857/S086956870010784-3

Эволюция правящей элиты Русского государства принадлежит к числу наиболее значимых и дискуссионных проблем отечественной истории. В историографии долгое время господствовал вывод В.О. Ключевского о том, что в XVII в. боярство растворилось в массе дворянства. В последние годы это мнение подвергнуто корректировке; высказана точка зрения, что XVII столетие, напротив, было «золотым веком» боярства⁵⁹. Монография А.П. Павлова вносит существенный вклад в решение данной научной проблемы. В ходе многолетних исследований правящих кругов первой половины XVII в. автор мобилизовал широкий круг источников, в значительной степени — новых архивных данных, позволивших с небывалой ранее полнотой воссоздать коллективный портрет правящей элиты указанного времени. По объёму привлечённого фактического материала данный труд реализован на пределе возможностей одного исследователя. Внимание к отдельным деталям, тщательность проработки материала (некоторые примечания носят характер микроисследований) придают монографии значение не только обобщающей работы, но и ценного справочника-исследования по истории России XVII в.

Исследователь пришёл к выводу о том, что в первой половине XVII в. в правящих кругах установились новые принципы взаимоотношений, «в основе которых лежали не только и не столько происхождение и политическое прошлое, сколько клановые придворные связи», которые «получат своё дальнейшее развитие на протяжении всего XVII в.» (Т. 1. С. 600). Исследованы не только состав, службы, родственные связи и придворные взаимоотношения думных и комнатных людей, но и выявлены неизвестные прежде детали придворного быта, имевшие существенное значение для повседневной жизни царского двора. Например, обычай состригания «волосков» у царя накануне Рождества позволил Павлову надёжно определить самого влиятельного боярина, которому даровалась милость присутствовать на этой церемонии. Важное достижение исследователя — выявление неформальных клиентских связей между членами

⁵⁹ *Crummey R.O.* Aristocrats and Servitors. The boyar elite in Russia, 1613—1689. Princeton, 1983; *Кошелева О.Е.* Боярство в начальный период зарождения абсолютизма в России (1645—1682 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987; *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. М., 2006.

Думы и представителями дворянских фамилий, жившими на дворах «высокородных» людей и благодаря их покровительству делавшими придворную карьеру. Эти незнатные «держальники» не противостояли знати и не способствовали её растворению в массе дворянства, напротив, способствовали упрочению положения знатных семей, тем самым расширявших влияние при дворе через верных людей.

Особую ценность представляют страницы, посвящённые комнатным стольникам. Автор убедительно показал, что этот придворный чин имел исключительно важное значение: полтора-два десятка комнатных стольников обслуживали царя в Комнате и были одним из основных источников пополнения Думы. В XVII в. думные люди и комнатные стольники составляли привилегированную группу внутри правящей элиты, имевшую непосредственное влияние на выработку важнейших политических решений. В последнее время придворный чин спальников (комнатных стольников) в составе Государева двора стал предметом внимания исследователей. Во второй половине XVII в. носители этого чина были частью многопланового процесса формирования придворного общества⁶⁰. А.В. Захаров проанализировал состав и службы комнатных стольников в конце XVII — начале XVIII в.⁶¹, что позволило представить эволюцию этого чина вплоть до его исчезновения в петровское время. Исследование этой темы Павловым даёт в руки исследователей данные, позволяющие оценить значение комнатных стольников при первом царе новой династии — в самом начале становления придворного общества.

Павлов впервые установил ряд новых обстоятельств службы спальников в царствование Михаила Фёдоровича. В первой половине XVII в. в спальниках служили как стряпчие, так и стольники, и только во второй половине столетия стряпчие перестали служить в комнате, и чины спальника и комнатного стольника стали тождественными (Т. 1. С. 223—224). Впервые в официальном документе они записаны особой группой в осадном списке 1618 г. Выделение их в такую группу было следствием их привилегированного положения: в отличие от прочих московских чинов им переводили поместья в вотчину за осадное сидение «не с окладов, а как им, государям, Бог известит». В этом отношении спальников поставили в то же положение, что и носителей думных чинов. В 1628 г. «комнатные ближние люди», в том числе и спальники, били челом о написании их имён «с вичем». Хотя эту челобитную не удовлетворили, она, по мнению Павлова, «свидетельствует о возросшем значении комнатных стольников при дворе, осознании ими своего высокого привилегированного положения». Исследователь установил, что восемь из четырнадцати спальников первых лет царствования Михаила Фёдоровича стали обладателями высших думных чинов, что является «показателем высокого статуса комнатных стольников при дворе» (Т. 1. С. 228).

По наблюдениям Павлова, «состав комнатных стольников пополнялся людьми различного возраста, происхождения и политического прошлого», здесь несли службу как совсем молодые люди, так и зрелые мужчины (Т. 1. С. 230).

---

⁶⁰ *Седов П.В.* Спальники конца царствования Алексея Михайловича // *Нестор.* 2005. № 7. С. 177—189; *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 65—78, 302, 336—338, 379, 390.

⁶¹ *Захаров А.В.* Комнатные стольники Петра I. Реконструкция состава и просопографическое исследование // *Вестник Пермского университета. История.* 2018. Вып. 2(41). С. 85—99.

Эти характеристики соответствуют реалиям второй половины XVII в.⁶² и могут считаться, таким образом, общими для этого чина на протяжении всего столетия. На состав спальников самого начала царствования Михаила Фёдоровича «безусловно оказывала влияние его мать» (Т. 1. С. 231—235). После возвращения из плена Филарета лишь половина из них сохранила чин, а всего за время его правления «состав комнатных стольников обновился почти на треть» (Т. 1. С. 396—401). О влиянии спальников на придворную жизнь говорит и отмеченный А.П. Павловым факт: царь Михаил Фёдорович выбрал себе в жёны родственницу комнатного стольника Василия Ивановича Стрешнева, указанного автором голландского донесения 1624 г. за год до свадьбы среди самых влиятельных людей государства, названного «главным комнатным» (Т. 1. С. 415—416). Дальнейший анализ изменения состава думных и комнатных чинов привёл А.П. Павлова к важному выводу о том, что в царствование Михаила Фёдоровича старая родовая боярско-княжеская аристократия, добиваясь для своих представителей пожалования в спальники и другие комнатные чины, трансформировалась «в новую придворную знать, связанную родством с новой династией Романовых и уже никак не противостоящую ей» (Т. 1. С. 453).

Среди основных выводов Павлова отмечу наблюдение о том, что в царствование Михаила Фёдоровича складываются «новые придворные отношения», одним из важных показателей которых стало развитие «чиновной группы комнатных стольников, обладавших особыми правами и привилегиями». При царе Михаиле эта чиновная группа пополнялась выходцами как из знатных княжеских родов (князья Воротынские, Черкасские, Голицыны, Троекуровы, Сицкие, а также Морозовы и Шереметевы), так и из новых «дворянских» фамилий (Стрешневы, Хитрово, Толочановы, Милюковы, Собакины), «и главным принципом её комплектования была степень близости к придворным сферам, а не происхождения рода» (Т. 1. С. 777).

Сопоставим наблюдения Павлова с историей комнатных стольников во второй половине XVII — начале XVIII в. К концу царствования Алексея Михайловича численность спальников возросла незначительно — до 17 человек в 1670 г., но увеличилась вдвое (34 человека) к 1675 г., после пожалования в этот чин родственников царицы Натальи Кирилловны и придворных, близких к Нарышкиным. При Алексее Михайловиче спальники ещё сохраняли значение привилегированной группы родственников царя и царицы. Здесь служили князья Долгоруковы, Стрешневы, Милославские, Нарышкины. При Фёдоре Алексеевиче численность спальников продолжала расти — до 43 человек на момент его кончины в 1682 г. (и тоже за счёт новой родни двух цариц — Агафьи Симеоновны и Марфы Матвеевны — Заборовских, Грушецких, Апраксиных, а также представителей прежней царской родни — Стрешневых, Милославских, Нарышкиных). Представители первостатейной знати — князья Воротынские, Голицыны, Черкасские, Куракины, Хованские, Трубецкие, Лобановы-Ростовские, Хилковы — также составляли заметную часть этого чина. После воцарения Петра 7 мая 1682 г. в этот чин пожаловали семерых Нарышкиных, близкого к государю Т.Н. Стрешнева, а также представителей первостатейной знати: кн. Ю.Ю. Трубецкого, троих князей Одоевских, двух князей Долгоруких, двух князей Троекуровых, князя И.И. Хованского.

---

⁶² *Седов П.В.* Закат Московского царства... С. 67—68; *Захаров А.В.* Комнатные стольники Петра I... С. 92.

Служба в спальниках сохраняла значение, выявленное Павловым для начала царствования Михаила Фёдоровича: здесь встречались как царские родственники и сверстники государя, состоявшие при нём с детства, так и представители знати, входившие в ближайшее окружение царской семьи. После установления режима регентства и до смерти царя Ивана в 1696 г. стольники служили в двух «комнатах» — Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича — и писались в боярских списках двумя статьями. В 1694/95 г. численность комнатных стольников двух царей достигла максимума за всю историю чина — 171 человек, и далее постепенно сократилась до 97 в 1713 г. Знаменательным историческим фактом стала посылка Петром Великим комнатных стольников учиться за границу. К этой службе из 168 человек назначили 65 спальников⁶³. Это самое значительное удаление спальников из Москвы за всю историю чина.

Таким образом, чин спальников превратился в своего рода «плавильный котёл», где из представителей самых первостатейных фамилий, наряду с новыми «дворянскими» фамилиями и царской роднёй, формировалась придворная элита. Если в XVI в. представители первостатейных фамилий наследовали местнический статус отца и ближайших родственников, то в XVII в., наряду с традиционным местническим старшинством, наблюдаем наследование привилегированной комнатной службы. Так, старшие сыновья комнатного стольника царя Михаила Фёдоровича кн. Н.И. Одоевского (боярина с 1640 г.) — Михаил и Фёдор — были пожалованы в стольники царевича Алексея Михайловича, а с воцарением последнего — в комнатные стольники. Внуки кн. Н.И. Одоевского — Степан и Василий Фёдоровичи — стали стольниками царевича Алексея Алексеевича. Со смертью царевича кн. В.Ф. Одоевский перешёл в стольники следующего по старшинству царевича — Фёдора Алексеевича. Ещё один внук — кн. Юрий Михайлович — стал спальником царей Алексея и Фёдора (с 1676 г. — боярин). С воцарением Петра трое сыновей кн. Ю.М. Одоевского стали спальниками и числились в этом чине ещё в 1706 г.⁶⁴ Наследственной была служба в спальниках для представителей семейств князей Воротыньских и Репниных, а также Бутурлиных, Собакиных, Толочановых. Факты наследственной службы в царской комнате на протяжении XVII в. можно значительно увеличить, и это явление станет темой отдельной работы, и, возможно, история нескольких десятков придворных семей (с учётом службы жён и дочерей на женской половине дворца) обнаружит неизвестные донныне пружины дворцовой жизни XVII в.

Павлов обратил внимание на новый принцип пополнения элиты в царствование Михаила Фёдоровича: через чин комнатных стольников, ставших «важным резервом пополнения состава Боярской думы». Главным принципом комплектования чина «была степень близости к придворным сферам, а не происхождение рода» (Т. 1. С. 600). В этой связи уместно поставить вопрос: является ли такой способ пополнения элиты чем-то особенным, характерным только для России XVII в.? Элитология знает два типа пополнения элиты: открытый и закрытый. При закрытом, характерном для Средневековья, замещении высших должностей строго связано с происхождением, достижением определённого возраста, обретением опыта и прочими условиями; пополнение элиты происходит не напрямую из более низких слоёв общества, а через ниж-

⁶³ Захаров А.В. Комнатные стольники Петра I... С. 87, 88.

⁶⁴ Sedov P.V. K istorii boiarskoj sem'i XVII v. Sem'ia kniazia Nikity Ivanovicha Odоеvskogo // Cahiers du Monde Russe. 2016. Vol. 57. № 2—3. P. 1—31.

ние слои самой элиты. С этой точки зрения выявленный Павловым механизм эволюции элиты в России XVII в. можно рассматривать как проявление общей для средневековых государств закономерности.

Новый труд А.П. Павлова вместе с его известной монографией о дворе Бориса Годунова⁶⁵ открывает перед читателем широкую картину эволюции правящей элиты нашей страны на протяжении почти целого столетия: от Ивана Грозного до Алексея Тишайшего. Книга является фундаментальным вкладом в историографию и вызовет живой интерес читателей: этот труд принадлежит к счастливому типу исследований, способных порождать новые книги.

Дмитрий Лисейцев: Долгожданный подарок специалистам по истории России XVII в.

Dmitry Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Expected gift to specialists in the history of Russia of the 17th century

DOI: 10.31857/S086956870010785-4

Научное исследование, выполненное А.П. Павловым, стало долгожданным подарком для специалистов по истории России XVII в., а особенно для друзей исследователя, давно и с нетерпением ожидавших выхода этой работы. Книга готовилась с присущей автору добросовестностью и скрупулёзностью, она выстроена на мощном фундаменте исторических источников и представляет собой прочную научную конструкцию. В распоряжении учёных появился труд, реконструирующий состав правящего слоя Московского государства времени царствования первого государя из династии Романовых. Исследователи, профессионально занимающиеся изучением истории допетровской Руси, согласятся, что эпоха царя Михаила Фёдоровича не избалована пристальным вниманием учёных — монографических исследований по этому периоду написано немного. Думаю, одна из причин такого игнорирования — привлекательность для изучения соседствующих эпох — Смутного времени и «Бунташного» века, богатых событиями и потрясениями. На этом фоне три относительно спокойных десятилетия царствования Михаила Романова смотрятся, на первый взгляд, малоинтересным затишьем между бурями. Между тем, как справедливо отметил Павлов, «начальный период царствования дома Романовых (1613—1645) явился важным этапом в истории России, когда решались судьбы русской государственности, определялись пути дальнейшего политического развития страны после Смуты» (Т. I. С. 11).

Мне представляется, что благодаря появлению этого труда царствование первого Романова начинает наконец-то терять сохранявшийся на протяжении длительного времени статус «*terra incognita*». Во всяком случае, в нашем распоряжении есть теперь колоссальный (во всех смыслах этого слова) и научно выверенный труд о составе Боярской думы и Государева двора первой половины XVII в., изменениях в расстановке сил внутри этих политических и социальных структур, причинах, приводивших их в движение и сталкивавших между собой существовавшие внутри них группировки. Что же касается второго тома монографии, то он просто обречён на то, чтобы стать фактически самостоятельным научным справочником по истории землевладения боярских родов первой половины XVII в.

---

⁶⁵ Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба...

Книга А.П. Павлова завладела моим вниманием с самых первых страниц, посвящённых истории Земского собора 1613 г., по двум причинам. Первая из них — личный научный интерес к данной тематике. Вторая причина — неизбежно возникающий вопрос: каким образом история Земского собора 1613 г. связана с обозначенной в заглавии монографии темой — просопографическим исследованием думных и комнатных людей царя Михаила? Логичный ответ на этот вопрос автор дал в самом конце первой части своего исследования: во время борьбы за престол в 1613 г. завязались «серьёзные противоречия... между руководством Думы и земскими воеводами. Выстраивать свои взаимоотношения с верхами служилого сословия новой династии приходилось, по существу, заново» (Т. 1. С. 146). Иначе говоря, избирательная кампания 1613 г., своего рода пролог царствования Михаила Романова, создала ту непростую ситуацию, в которой новому правительству пришлось выстраивать свой политический курс. Констатация этих сложностей, признание того факта, что окружению молодого монарха пришлось организовывать связь с верхушкой служилого люда практически «с чистого листа», расходятся с давно утвердившимся в историографии тезисом о том, что Земский собор 1613 г. явил собою образец и символ всенародного единения и согласия, поставив точку в событиях Смутного времени. Поэтому отдельно мне хотелось бы остановиться на произведённой Павловым реконструкции хода Земского собора 1613 г.

Исследователи истории событий конца 1612 — начала 1613 г. условно могут быть разделены на две группы. Первые, вслед за официальной риторикой «Утвержденной грамоты» и прочих документов, исходивших из московской канцелярии с конца февраля 1613 г., склонны считать избрание царём Михаила Романова всенародным и процессуально правильным. Аргументы исследователей, указывавших на явную несинхронность событиям зимы—весны 1613 г. подписей на «Утвержденной грамоте», сторонники этого взгляда не считают поводом для компрометации документа. Свидетельствам источников, идущим вразрез с версией о процедурно верном (а порой и безальтернативно-единогласном) избрании царя Михаила, сторонники этого подхода, напротив, доверять не склонны, обвиняя авторов таких документов в тенденциозности или малой осведомлённости. Другая группа исследователей со скепсисом относится к официальным документам, подозревая их составителей в искажении действительности в интересах нового царя и его окружения. Больше доверия у них вызывают свидетельства, возникшие в разное время и при различных обстоятельствах, но сходящиеся в одном важном моменте: решающую роль в провозглашении Михаила Романова царём сыграли не Земский собор, Совет всея земли или Боярская дума, а вооружённая казачья масса.

Анализируя ход событий начала 1613 г., Павлов в целом следует в русле второй из вышеперечисленных концепций. Вместе с тем в его видении ситуации присутствует важная особенность, отличающая реконструкцию автора от построенной большинством учёных. Классическая картина событий 1612—1613 гг. обобщённо выглядит так: после освобождения Москвы в конце октября 1612 г. верховной властью в стране стал Совет всея земли (в нём Л.В. Черепнин видел даже постоянно заседавший Земский собор), в январе 1613 г. передавший властные полномочия избирательному Земскому собору, уступившему, в свою очередь, управление Московским государством окружению избранного собором царя Михаила Фёдоровича⁶⁶. Павлов не склонен преувеличивать роль и

⁶⁶ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 179—189, 201—204.

значение Земского собора. Указав, что в январе 1613 г. тот уже определённо функционировал, учёный замечает: «источники явно свидетельствуют о том, что реальная власть в столице и руководящая роль на соборе в январе — начале февраля принадлежала руководителям земского освободительного движения — Д.Т. Трубецкому и Д.М. Пожарскому»; автор приводит конкретные примеры, когда жалованные грамоты служилым людям выдавались правительством Трубецкого и Пожарского, но оформлялись при этом как соборное решение (Т. 1. С. 54, 61, 62).

Мне представляется, что продуктивный спор между сторонниками двух охарактеризованных выше концепций можно продолжать лишь с опорой на документы официальные (любые другие будут отвергнуты или поставлены под сомнение последователями версии о «всенародном избрании»). Между тем и вполне официальные документы ставят под вопрос стройную картину, изложенную «Утвержденной грамотой». Павлов указывает на один из таких документов — опубликованную почти три десятилетия назад грамоту, которую отправили из Москвы в Белоозеро «Великороссийские державы Московского государства боярин и воевода Дмитрий Трубецкой да стольник и воевода Дмитрией Пожарской» (Т. 1. С. 66). Грамота содержала распоряжение об испомещении на чёрных и дворцовых землях служилых людей. Примечательно, что в ней нет даже намёка на Земский собор или Совет всея земли, отсутствует апелляция к авторитету «всяких чинов людей» и любая другая фразеология, охотно трактуемая современным исследователем как доказательство функционирования народного представительства в форме Земского собора. Но любопытнее всего дата составления грамоты — 21 февраля 1613 г. — день, когда произошло всенародное и единодушное избрание Михаила Романова на престол, о чём в отправленной в Белоозеро грамоте загадочным образом не упоминается даже намёком⁶⁷.

Эту странность теоретически можно объяснить, например, тем, что грамоту в Белоозеро написали и отправили с утра, а всенародное избрание приключилось, допустим, к вечеру. Но есть ещё один вполне официальный документ, написанный днём позже, 22 февраля 1613 г. (он, кстати, введён в научный оборот около 180 лет назад). Это грамота в Галич, написанная от имени князей Д.Т. Трубецкого и Д.М. Пожарского (подписанная, правда, лишь последним), содержавшая запрет взимать казачий корм с вотчин Симонова монастыря. И хотя в этом послании и содержится упоминание совета всей земли («и вы б, господа, нашего боярского приговору и всей земли совету слушали»), однако сообщить галичанам о вчерашнем всенародном избрании царя воеводы-дуумвиры почему-то не сочли нужным⁶⁸. Не обнаруживается упоминания о новоизбранном государе и в грамоте, отправленной 2 марта 1613 г. в Мангазею: в ней «бояря и воеводы», ссылаясь на «совет всей земли», указывали воеводе ехать в столицу «к нам» (а отнюдь не к государю); соответственно, и «мягкую рухлядь» везти предписывалось «к нам»⁶⁹. Складывается впечатление, что избрание царя Михаила 21 февраля в правительственных кругах, по крайней мере

⁶⁷ *Лантеева Т.А.* «И мы осадных сидельцов за службы велели испоместить»: Жалованная грамота «Совета всея земли». 1613 г. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 192—196.

⁶⁸ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. II. СПб., 1841. С. 407—408.

⁶⁹ *Эскин Ю.М.* Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 54.

в первые дни, не считали единоклассным и необратимым, а потому и оповещение страны о свершившемся обретении государя началось лишь после интригующей четырёхдневной паузы.

Отдельное спасибо Павлову специалисты по истории Смутного времени обязаны сказать за введение в научный оборот нового ценного источника по истории февральских событий 1613 г. — списка с грамоты Земского собора в Кольский острог об избрании на царство Михаила Фёдоровича (Т. 1. С. 63, 100—102, 109, 111, 124, 151, 167)⁷⁰. Павлов поставил обнаруженный им документ в один ряд с давно известными окружными посланиями с извещением об избрании на престол Михаила Фёдоровича, отправленными 25 февраля 1613 г. во Владимир, Пошехонье и на Двину. Найденный Павловым документ датирован 20 февраля 1613 г. (как отметил исследователь — датирован ошибочно, сам он отнёс его к 25 февраля, подобно прочим окружным посланиям). Разумеется, 20 февраля грамота в Кольский острог составлена быть не могла — в ней описывается процедура избрания на престол Михаила Фёдоровича, да и дата этого события — 21 февраля — указана в ней вполне конкретно. Я, однако, не торопился бы с выводом относительно небрежности переписчика кольской грамоты. Приведу иной пример хронологического парадокса в официальном документе, составленном по тому же поводу. Грамота к казанскому дьяку Никанору Шульгину с сообщением об избрании на престол Михаила Фёдоровича имеет в конце дату 22 февраля 1613 г., но в этом документе упоминаются события, имевшие место 23 и 24 февраля, и даже 9 марта⁷¹. Таким образом, и документы, отражающие официальную картину царского избрания, ставят перед исследователем немало вопросов, которые трудно разрешить, доверяя лишь грамотам, вышедшим из-под пера столичных подьячих.

Остаётся нерешённым, в частности, вопрос о том, кому же в конечном итоге оказался обязан своим избранием на престол Михаил Романов. Какой бы точки зрения на свершившийся факт мы ни придерживались (был ли Михаил Фёдорович всенародным избранником, креатурой бояр или ставленником казаков), приходится признать: кто-то блестяще провёл «избирательную кампанию» этого кандидата (убедил казаков, подготовил «общественное мнение», склонил к этому решению бояр). Соглашаясь с тезисом Павлова («избрание Михаила Романова произошло “снизу”, без широкой поддержки со стороны правящей элиты и дворянства» (Т. 1. С. 107)), тем не менее вынужден признать, что для меня остаётся загадкой ответ на вопрос: кто смог оказаться для этих социальных низов убедительнее и авторитетнее их вчерашних предводителей — князей Трубецкого и Пожарского?

Безусловно ценными и верными являются наблюдения Павлова относительно расстановки сил в правительстве царя Михаила Фёдоровича. Как отмечает исследователь, в течение первой половины 1620-х гг. при дворе шла активная борьба между двумя группировками. Лидерами первой из них были братья Борис и Михаил Салтыковы, опиравшиеся на поддержку со стороны

---

⁷⁰ См. также недавнюю публикацию источника: *Павлов А.П.* Грамота земского собора в Кольский острог от 25 февраля 1613 г. // Сборник статей и публикаций, посвящённый Андрею Алексеевичу Булычёву. На 60-летие со дня рождения и 35-летие начала научной деятельности. М., 2020. С. 172—192.

⁷¹ *Корецкий В.И., Лукичёв М.П., Станиславский А.Л.* Документы о национально-освободительной борьбе в России в 1612—1613 гг. // *Лукичёв М.П.* Боярские книги XVII века. Труды по истории и источниковедению. М., 2004. С. 214—221.

«царицы-инокини» Марфы. Вторую возглавил отец государя патриарх Филарет Никитич. О противостоянии двух придворных «партий» написано немало: анализировались предполагаемые расхождения их представителей относительно внешнеполитического курса (ориентированного на конфронтацию со Швецией у Салтыковых или на реванш в борьбе с Речью Посполитой у Филарета)⁷²; отдельно рассматривались драматичные эпизоды придворных интриг, связанных с первыми попытками царя Михаила Фёдоровича вступить в брак⁷³. Падение Салтыковых в октябре 1623 г. ознаменовало собой окончательную победу «партии» патриарха Филарета. По наблюдению Павлова, «во главе думской иерархии становятся бояре романовского круга, которые получают теперь не только фактическое, но и формальное доминирование в государстве... С конца 1626 г. перечни боярских имён в боярских списках возглавляет царский дядя И.Н. Романов» (Т. 1. С. 278, 778—779).

Отмечу, что изменения «центра тяжести» при дворе и в правительстве можно проследить не только по переменам последовательности имён в боярских списках, где формальное старшинство оказывалось важнее фактического положения. Лица, обладавшие наибольшим влиянием при дворе, не могли избежать соблазна извлечь из своего положения материальную выгоду. Наиболее прибыльным делом тогда были откупа таможен и особенно кабаков. В течение первых десяти лет царствования Михаила Фёдоровича, как можно проследить по документам, члены «салтыковской» группировки активно участвовали в этом доходном «бизнесе». Крестьян царицы-инокини Марфы в 1613/14—1622/23 гг. мы видим откупщиками кабаков в Парфеньеве, Дорогобуже, Курске, Судиславле. Людей братьев Салтыковых на откупах документы фиксируют в те же годы в селе Павлово Нижегородского уезда, в Чухломе, в нижегородских юркинском, великовражском и работкинском, афанасьевском и сосновском кабаках, Кокшайске, Клязьменском городке, Касимове, Судиславле. Крестьяне постельничего К.И. Михалкова откупали кабаки в Мценске, Орле, Тарусе, Парфеньеве, Чухломе, Ельце, Судиславле. Некоторые из откупаемых объектов достаточно дорогие — кабак в нижегородском селе Павлово в те годы поднялся в цене с 491 до 841 руб.⁷⁴ В годы господства Салтыковых люди, вошедшие позднее в «партию» патриарха Филарета, также были причастны к откупным операциям, но в гораздо более скромных масштабах. Крестьяне кн. Ивана Борисовича Черкасского эксплуатировали кабаки и таможни в Михайлове и Печерниках, люди боярина Ивана Никитича Романова — в Боровске и Ветлуге, причём самый дорогой из этих откупов стоил лишь 155 руб.⁷⁵ Необходимо учитывать, что для первого десятилетия царствования Михаила Фёдоровича сохранность документов оставляет желать лучшего, и, разумеется, приведённый

⁷² *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618—1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века. М., 1947. С. 90—91, 133—134; *Поршнев Б.Ф.* Указ. соч. С. 189—190.

⁷³ *Морохин А.В.* К истории первого брака царя Михаила Фёдоровича // Государство и общество в России XV — начала XX века. Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 247—258.

⁷⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 6-ж, кн. 77, л. 36, 37, 53—53 об., 83; кн. 276, л. 37—37 об.; ф. 233, оп. 1, кн. 4, л. 48, 489 об.—490, 546; кн. 5, л. 105—105 об.; кн. 6, л. 18—18 об.; ф. 396, оп. 1, д. 37574, л. 81—83; д. 37919, л. 24 об., 52, 146—151; д. 38764, л. 3; д. 38940, л. 1—2, 36, 37, 110—111; д. 38948, л. 62, 93, 148—151, 158—160; д. 40016, л. 134, 136.

⁷⁵ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 38936, л. 135, 138, 139; д. 38940, л. 34 об., 95, 183—186; д. 38948, л. 13, 15, 57; д. 40018, л. 11 об.

перечень откупов нельзя считать исчерпывающим. Однако и имеющиеся факты показывают, насколько прочными были экономические позиции наиболее видных членов партии Салтыковых до возвращения из польского плена Филарета Никитича и даже в первые годы после его водворения в столице. Впрочем, уже с 1619/20 г. люди из окружения патриарха начали теснить салтыковскую «партию» в откупном деле. На примере откупа кабаков в Нижегородском уезде в начале царствования Михаила Романова отлично видно, что свои позиции в этой области люди Салтыковых сдали не сразу и не без борьбы⁷⁶.

На смену господствовавшим в откупном деле Салтыковым и их сторонникам пришли люди патриарха Филарета Никитича и членов его правительственной «партии». С начала 1620-х гг. и до кончины царского родителя были очень активны патриаршие крестьяне. Среди городов, где они держали на откупе кабаки и таможни — Арзамас, Боровск, Брянск, Валуйка, Великие Луки, Великий Новгород, Владимир, Воронеж, Елатьма, Елец, Звенигород, Кадом, Калуга, Кеврола, Клин, Клязьменский городок, Кокшайск, Новосиль, Путивль, Ржева Владимирова, Романов, Руза, Саратов, Старая Руса, Старица, Тверь, Устюжна, Юрьев-Польской. Некоторые из этих откупов взяты на огромные суммы. Например, патриарший крестьянин из села Козье Болото Иван Мосяга в 1625/26 г. откупал кабаки Арзамаса, Владимира, Путивля, Ржевы Владимировы и Нижегородского уезда на общую сумму около 5 700 руб.; его «односельчанин» Лев Кострикин в 1631/32 г. за 3 517 руб. держал на откупе кабаки Великого Новгорода⁷⁷.

С начала 1620-х гг. активность стали демонстрировать крестьяне кн. И.Б. Черкасского и И.Н. Романова. Впрочем, до конца 1620-х гг. им приходилось довольствоваться относительно скромными откупами. Крестьяне кн. Черкасского, например, были откупщиками в дюжине городов, но крупные откупа имели только в Воронеже, Путивле и Рьльске; крестьяне И.Н. Романова замечены в 13 местах, но крупный откуп держали только в Арзамасе. В 1630-х гг. картина существенно изменилась. Крестьяне кн. Черкасского стали откупщиками в 23 новых для них городах, став держателями дорогих откупов в Брянске, Галиче, Ельце, Соли Вычегодской, Суздале, Туле и Шуе (правда, при этом им пришлось покинуть ряд городов, где они действовали в предыдущем десятилетии). Намного шире развернулись крестьяне И.Н. Романова. Не покинув практически ни одного из прежних мест, они освоили откупной рынок ещё 37 городов, среди них — Белгород, Владимир, Вологда, Воронеж, Галич, Елец, Калуга, Касимов, Коломна, Курск, Нижний Новгород, Псков и Тотьма (перечислены лишь те города, где откупа стоили более 1 тыс. руб.). За 1630-е гг. одни лишь крестьяне принадлежавшего И.Н. Романову с. Спасское Калужского уезда выступили в роли откупщиков около 70 раз, взяв на себя в общей сложности откупов приблизительно на 70 тыс. руб.⁷⁸ Думается, данная картина позволяет сделать вывод о том, что формальное старшинство царского дяди И.Н. Романова в Думе, зафиксированное боярскими списками с 1626 г., подкреплялось прочным экономическим положением в 1630-х гг.

⁷⁶ Лисейцев Д.В. «А им де от тех кабацких откупщиков обида и насильство великое...»: борьба за кабацкие откупа в Нижегородском уезде на исходе Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 1. С. 76—83.

⁷⁷ РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 6, л. 30 об., кн. 7, л. 27 об., 340 об.—341, 392 об.—393, 425 об.—426; кн. 9, л. 137; кн. 15, л. 251.

⁷⁸ Лисейцев Д.В. Экономическое состояние Калуги в первой половине XVII века (в печати).

Хочу также поделиться соображениями относительно термина, употребляемого Павловым для обозначения исследуемой им социально-политической группы (бояр и придворных людей) — «сильные люди». Автор неоднократно использует это словосочетание на страницах монографии и выносит его в заключение: «В годы царствования первого Романова при обозначении правящего и привилегированного круга думных людей и придворных утверждается понятие “сильные люди”» (Т. 1. С. 781—782). Термин этот, разумеется, не является изобретением Павлова — он нередко встречается в документах времени царствования Михаила Романова. Наполнить это выражение конкретным социальным содержанием попытался И.Л. Андреев, отметивший: «главный признак “сильного человека” — возможность чинить насилие, произвол, беззаконие. Понятно, что это мог позволить себе прежде всего человек могущественный, сила которого основывалась на богатстве, происхождении, социальном положении и обширных связях в верхах и приказном аппарате»⁷⁹. В этом смысле выражение «сильные люди», противопоставляя их рядовым провинциальным служилым людям, использовал и Павлов: «Наиболее видные бояре и придворные, так называемые “сильные люди”... получали во владение целые чёрные и дворцовые волости»; «наиболее активно покупали вотчины... виднейшие бояре, придворные и приказные деятели, так называемые “сильные люди”» (Т. 1. С. 706—707, 766).

Безусловно, в определённом контексте понятие «сильные люди» применимо к боярам и членам Государева двора. Но необходимо отметить, что так их именовали далеко не всегда и отнюдь не официально. Такое обозначение исходило от лиц, страдавших от произвола этих влиятельных людей. Из их челобитных данное выражение перекочевало в исходящие от верховной власти указы (характерная черта московского законодательства — охотное и часто дословное цитирование поступавших с мест жалоб). Однако мне представляется неверным превращать такую эмоциональную характеристику в обозначение целой социальной группы. С таким же успехом мы могли бы употреблять для обозначения приказных служащих, допустим, термин «мздоимцы». Насколько вписывается в число злоупотреблявших положением лиц, например, боярин кн. Д.М. Пожарский, названный среди «сильных людей» в одном ряду с известными временщиками — братьями Салтыковыми, И.Н. Романовым, кн. Б.А. Репниным, боярином Б.И. Морозовым? (Т. 1. С. 766) Добавлю также, что «сильными» в терминологии челобитчиков эпохи могли именоваться и люди, никак к числу правящей элиты Московского государства не относящиеся. В 1616 г. отправленный в Кострому «посланник» составил «Роспись оставленным костромичем детем боярским, вдовам и недорослям сильным». «Сила» этих людей, не входивших даже в состав уездной элиты, состояла в том, что они отказались предъявить столичному эмиссару документы, подтверждающие их права на владение поместьями и вотчинами. Таковых набралось не менее 69, из них 33 — жёны и вдовы костромских детей боярских⁸⁰. Демонстрировали «силу» и лица, занимавшие в социальной структуре Московского государства гораздо более скромные позиции. В 1617 г., например, отказались подчиняться воеводе унженские крестьяне: «С стрелецкими запасы... не пошли и правити на себе не дали, училилися сильны, и мне... отказали: нам де тебя ни в чем не

⁷⁹ Андреев И.Л. «Сильные люди» Московского государства и борьба дворян с ними в 20—40-е гг. XVII в. // История СССР. 1990. № 5. С. 77.

⁸⁰ РГАДА, ф. 210, оп. 11, д. 1, л. 101—104.

слушати... и отказали мне... за все волости: запасы де нам не давати, и меня... лаяли всяко неподобною лаєю, и с правежю сошли, и правити на себе не дали». В 1634 г. чердынские, кайгородские и важские крестьяне отказались платить экстраординарный налог — «пятинные деньги»: «Окладчиков... к окладу не дали, учинились сильны». Год спустя они зашли в своём самоуправстве ещё дальше: «воевод не слушают, чинятца силны, а чердынцы, государь, посадские люди и уездные крестьяня в Чердыни воеводу хотели убить и от твоего государева дела отставили, и во дворе его осадили». В 1646 г. «учинились сильны» монастырский крестьянин «с товарищи», промышлявшие незаконной торговлей вином в Андомском погосте: «К государеву наказу не поехали и пени государевы на себе править не дали, и винных судов отписывать на государя не дали»⁸¹. «Сильными» в терминологии российского XVII в., таким образом, оказывалось не только ближайшее окружение царя, имевшее возможность творить произвол в отношении нижестоящих лиц, но и представители социальных низов, отказывавшиеся выполнять распоряжения столичных и уездных властей.

Впрочем, не терминологией, удачно или не совсем бесспорно употребляемой исследователем, определяется ценность его труда. Научный арсенал специалистов по истории России XVII столетия пополнился блестящим в исполнении, глубоким по уровню научного анализа, опирающимся на мощнейший источниковый фундамент исследованием. От такого глубокого знатока российской истории XVI—XVII вв., каковым, без сомнения, является Андрей Павлович Павлов, никто и не ждал иного. Эта «предсказуемость», тем не менее, нисколько не снижает радости от результата — она сродни удовольствию, получаемому от долгожданной новой работы любимого писателя или музыканта, настоящего мастера своего дела.

---

⁸¹ Там же, ф. 396, оп. 1, д. 39414, л. 52—53; д. 41150, л. 1; д. 50394, л. 23; ф. 141, оп. 1, д. 49 (1634 г.), л. 3; оп. 2, д. 81 (1636 г.), л. 281; д. 26 (1647 г.), л. 185.

Рижские католики и протестанты в середине XVIII в.

Екатерина Самыловская

Catholics and Protestants of Riga in the middle of the 18th century

Ekaterina Samylovskaya

(Saint Petersburg Mining University; Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870010786-5

Триумфальная победа Петра I в Северной войне повлекла за собой не только присоединение к России Прибалтики с таким мощным экономическим центром, как Рига, но и появление среди подданных молодой империи проживавших там иноверцев, чей правовой статус ещё предстояло установить. В то же время папский престол получил возможность хотя бы частично восстановить влияние в регионе, контроль за которым был утрачен более двух столетий назад.

В середине 1720-х гг. подавляющее большинство жителей Риги исповедовало протестантизм. Согласно докладом католических священников, их паства в городе насчитывала лишь 500 человек, но с апреля по ноябрь она более чем удваивалась за счёт литовцев, приезжавших из Речи Посполитой торговать. В первой половине 1730-х гг. в Риге и её предместье постоянно проживало около 600 католиков (не считая офицеров местного гарнизона), а весной—осенью — до 1 300. При этом в начале 1735 г., по данным рижского магистрата, среди них росло 149 младенцев¹.

До присоединения к России публичные католические богослужения в Риге были запрещены. Разрешалось лишь проводить за городом службы для прибывших торговцев-католиков в нанятом на время помещении или в палатке недалеко от Западной Двины². 4 июля 1710 г. эту практику гарантировали «Аккордные пункты, заключённые в лагере под Ригею между шляхетством и земством княжества Лифляндского и генерал-фельдмаршалом графом Шереметевым». В первом же из них принималось условие: «Чтоб как в земле, так и во всех городах, поныне в Лифляндии отправляемую евангельскую веру, по правилам неперменного Аугсбургскаго исповедания, и от той церкви по принятым Евангельским книгам без всякого вмешения, под каким бы оною предлогом учинено не было, чисто и непременно сохранять, всех обывателей земских и городских при том сильно и непременно защищать, и как при внутренней,

---

© 2020 г. Е.А. Самыловская

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX—XX вв.» .

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th—20th Centuries».

¹ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 3, 12 об.

² Там же, 1732 г., д. 1.

так и внешней церковной администрации издревле обыкновенных консисторий патронства без перемены вечно сохранять»³. Схожая норма имелась и в Ништадтском трактате 1721 г., согласно которому «в таких уступленных землях не имеет никакого принуждение в совести ведено быть; но паче евангелическая вера, кирхи и школы, и что к тому принадлежит, на таком основании на каком при последнем свейском правительстве были оставлены и содержаны»⁴.

Между тем данные гарантии вступали в противоречие с уже действовавшими в России правовыми актами. Так, появившийся 16 апреля 1702 г. манифест позволял свободное частное и публичное богослужение не только протестантов, но и католиков: «Буде же случится, что в каком-либо месте нашего государства или при наших армиях и гарнизонах не будет настоящего духовного чину, проповедника или церкви: то каждому позволено будет не токмо в доме своем, самому и с домашними своими, службу Господу Богу совершать, но и принимать к себе тех, которые желают у него собираться, чтобы по предписанию всеобщаго постановления христианских церквей единогласно возхвалять Бога и таким образом отправлять богослужение»⁵. Регламент Государственной коммерц-коллегии, утверждённый 3 марта 1719 г., предписывал, «чтоб каждой иноземец, купец и корабельщик со своими людьми свободное отправление веры своей имел»⁶. К тому же высокопоставленные католики — рижский комендант А. Брилли, а с 1729 г. и губернатор (с 1740 г. — генерал-губернатор) П.П. Ласси — могли оказать содействие своим единоверцам. В результате, в Риге складывалась ситуация религиозного конфликта. В историографии, как отечественной, так и зарубежной, о нём в лучшем случае кратко упоминается⁷. Причём если материалы Ватиканского архива (документация Конгрегации пропаганды веры) использовались в работах Ю. Рейнхольда, то российские архивные фонды ещё только начинают исследоваться. Однако анализ противоречий, возникших в Риге после присоединения Остзейского края к Российской империи, важен для понимания особенностей конфессиональной политики самодержавия на окраинах в XVIII в.

В 1721 г. рижские католики получили возможность легализовать своё положение: учитывая потребности местного гарнизона, Пётр I разрешил устраивать богослужения в домах офицеров⁸. В марте по их прошению в Ригу из Петербурга был направлен францисканец о. Бонаventura Цижинский⁹. В 1723 г. священник занял за городом в Ластадии (Латгальское предместье) целый дом, приспособив его для совершения мессы¹⁰. Вскоре энергичный миссионер начал служить и в центре города, сняв две комнаты в доме Г.Я. Брокгаузена на Сандштрассе и расположив в них церковь и ризницу. Таким образом, он раз-

³ ПСЗ-I. Т. 4. № 2279. С. 520.

⁴ Там же. Т. 6. № 3819. С. 425.

⁵ Там же. Т. 4. № 1910. С. 194.

⁶ Там же. Т. 5. № 3318. С. 675.

⁷ *Андреев А.Н.* Западно-христианские вероисповедания и общество в России в XVIII в. Дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2011. Т. 1. С. 131—132, 144; *Андреев А.Н.* Католик на русской службе Пётр Петрович Ласси // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 3. С. 41; *Reinhold J.* Die St. Petersburg Missionpräfektur der Reformaten in 18 Jahrhundert (Fortsetzung) // Archivum Franciscanum Historicum. 1961. Vol. 54. S. 329—402; 1962. Vol. 55. S. 193—251.

⁸ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1732 г., д. 1, л. 5.

⁹ Там же. Прибалтийские католики находились в подчинении префекту францисканской миссии в Санкт-Петербурге.

¹⁰ Там же, 1732 г., д. 1, л. 5 об.; 1735 г., д. 1, л. 4.

вернул свою деятельность буквально на глазах у магистрата, что не могло пройти безнаказанно и вызвало расследование и судебное разбирательство. Вдове Брокгаузена под угрозой крупного штрафа было запрещено сдавать помещения для публичных римско-католических служб. Её вместе с сыном призвали в суд, где выяснилось, что комнаты были предоставлены и убраны по прошению голландского купца Саанена и адъютанта Фрасера, а богослужения в их доме посещал комендант — генерал-майор Брилли. Тогда магистрат запретил о. Бонавентуре проводить там богослужения, а когда священник отказался выполнять данное требование, комнаты опечатали, приставив к ним двух солдат. Брилли с бранью выгнал этот караул из дома Брокгаузенов, однако сорвать печать не решился и предпочёл обратиться за помощью к рижскому генерал-губернатору кн. А.И. Репнину. Тому пришлось трижды обращаться к магистрату, напоминая о том, что действия о. Бонавентуры санкционированы Коллегией иностранных дел, и прося временно разрешить офицерам-католикам молиться на прежнем месте. Вместе с тем князь заверял, что не намерен посягать на привилегии города. Комнаты удалось ненадолго распечатать. Одновременно магистрат объявил о запрете на совершение мессы в пределах города, даже в частных домах¹¹. Вскоре о. Бонавентуре пришлось вернуться в предместье, а в 1725 г. и вовсе покинуть Лифляндию¹².

Эти решения, противоречившие манифесту 1702 г., не устраивали ни местных католиков, в первую очередь офицеров, ни префекта петербургской миссии, в 1728 г. направившего в Ригу двух священников — о. Стефано Николо да Фондо и о. Бенвенуто Брайних. Первый из них жил в городе и служил, нарушая постановление рижского магистрата, в доме Брилли, где собирались в основном местные немцы-католики. Второй жил в пригороде и окормлял торговцев из Речи Посполитой (в 1730 г. их сменили о. Фаустин Шиманьский и о. Килиан Кумайзер¹³). При этом миссионеры могли носить лишь светскую одежду, надевая во время богослужения только епитрахиль; на похоронах не дозволялись песнопения и громкое чтение молитв¹⁴. Несмотря на эти ограничения, магистрат в очередной раз уведомил патеров о запрете публичных служб. А поскольку священники игнорировали данные предписания, напряжённость в отношениях между местными лютеранами и католиками нарастала.

Тем временем префект петербургской миссии о. Микеланджело да Вестинье развернул энергичную деятельность. В 1730 г. он запросил у Конгрегации пропаганды веры двух священников, владеющих немецким и польским языками. Впрочем, в августе 1732 г. в Ригу прибыл один о. Иоанн Провин¹⁵. С 1731 г. префект добивался от Конгрегации обращения к гр. А.И. Остерману с просьбой о защите интересов петербургской миссии, обеспечении свободы религиозной деятельности в Риге и разрешении возвести там костёл. Однако в Риме тянули и направили соответствующее письмо лишь в ноябре 1732 г. Сам о. Микеланджело подал Анне Иоанновне прошение о дозволении одному или двум католическим священникам иметь в окрестностях Риги постоянно действующий храм, в котором можно было бы спокойно служить без какого-либо

¹¹ Там же, 1735 г., д. 1, л. 8 об., 10 об.—11.

¹² *Reinhold J.* Op. cit. Vol. 54. S. 335.

¹³ *Ibid.* S. 127, 130—131, 137, 139, 357.

¹⁴ *Ibid.* S. 352, 354.

¹⁵ *Ibid.* S. 137.

вмешательства магистрата¹⁶. Вскоре, не дожидаясь решения императрицы, на средства, полученные от двух купцов-католиков, а также Ласси и Брилли, за городом построили костёл. Во время мессы и проповеди верующие заполняли прилегавший к нему двор. Там же открылась школа для детей-католиков¹⁷. Но префект пошёл ещё дальше и приобрёл в центре Риги большой дом, где по воскресным и праздничным дням регулярно проводились богослужения на польском и немецком языках. Правда, под давлением магистрата уже в конце 1732 г. Ласси пришлось этот храм закрыть, и о. Иоанн Провин вновь переехал за город¹⁸. Тогда префект задумал ввести должность «странствующего миссионера», который три раза в год (во время Великого поста, после сбора урожая и на Рождество) посещал бы Пернау, Дерпт, Вольмар и Ригу, устраивая в домах католиков службы, произнося проповеди и принимая исповеди. Кроме того, о. Микеланджело рекомендовал учредить должность титулярного епископа, в обязанности которого входил бы надзор над всеми миссионерами в России. Однако миссионерская коллегия не поддержала эту инициативу, опасаясь недовольства православных и протестантов и осложнения взаимоотношений между Российской империей и Римской курией¹⁹.

В середине 1734 г. о. Иоанн Провин вновь переехал из предместья в Ригу и, несмотря на строгие требования магистрата, оттягивал свой выезд из города, ссылаясь сначала на болезнь, а потом на то, что служил в частном доме поляка М. Касакефа²⁰. Между тем ещё в январе 1734 г. его уличили в том, что «в дальней бане», находившейся в окрестностях города, он тайно венчал католика и лютеранку, не получившую на то разрешения своей матери. Поскольку прозелитизм был запрещён не только в протестантской Риге, но и по всей империи²¹, о случившемся сообщили в Петербург²². А 22 февраля 1735 г. появился манифест Анны Иоанновны, ужесточивший ответственность за религиозную пропаганду²³. И уже 21 апреля по указу императрицы за подписью кабинет-министров гр. А.И. Остермана и кн. А.М. Черкасского о. Иоанна выслали из Риги, подтвердив недопустимость совершения католического богослужения в городе²⁴.

Новый префект петербургской католической миссии о. Карло да Лука попытался заручиться поддержкой австрийского и польского дворов. 7 января 1736 г. Август III даже отправил Анне Иоанновне письмо, прося отменить апрельский указ. Результатом ходатайств стало распоряжение о выделении для проведения католических обрядов участка в предместье Риги, что позволило возобновить деятельность францисканцев. Туда был отправлен о. Стефано Николо да Фондо, уже знакомый с особенностью данной миссии²⁵.

Позиции рижских католиков ослабляло то, что их покровители из числа офицеров во главе с Ласси с 1733 г. постоянно находились в Польше, в Рейнском походе, затем на театрах русско-турецкой войны 1735—1739 гг.

¹⁶ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1732 г., д. 1, л. 1.

¹⁷ Там же, л. 5; *Reinhold J. Op. cit. Vol. 54. S. 356.*

¹⁸ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 12. По-видимому, это был дом полковника Финка.

¹⁹ *Reinhold J. Op. cit. Vol. 54. S. 137, 356—358, 371—272.*

²⁰ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 12 об.

²¹ РГИА, ф. 796, оп. 4, д. 540, л. 25 об.; ПСЗ-1. Т. 8. № 5333. С. 100.

²² АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 14—14 об.

²³ ПСЗ-1. Т. 9. № 6693. С. 482.

²⁴ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 19.

²⁵ *Reinhold J. Op. cit. Vol. 54. S. 384—385.*

В их отсутствие о. Стефано приходилось действовать практически полуподпольно²⁶. В 1737 г. он скоропостижно скончался. Найти нового патера в Петербурге оказалось не так просто, чем воспользовались иезуиты, приславшие свою миссию. К тому времени в доме госпожи Ласси уже жил иезуит о. Иоганн Бер, прибывший из Курляндии. Он ежедневно служил там мессу и занимался обучением детей²⁷. Видимо, именно он, опираясь на губернаторскую семью, и предъявил права на рижскую миссию. Иезуитская коллегия в Митаве сразу же начала борьбу за неё, ссылаясь на наличие у себя столетнего опыта пасторской работы в Ливонии и знание литовского и латышского языков, которыми францисканцы должным образом не владели. Не желая провоцировать эскалацию конфликта между орденами, о. Карло в декабре 1738 г. решил отказаться от рижской миссии²⁸.

По возвращении офицеров-католиков с русско-шведской войны 1741—1743 гг. иезуиты «под званием капелланов» генерал-фельдмаршала Ласси организовали публичные богослужения в самой Риге²⁹. Теперь уже магистрат вынужден был уступать, дабы не портить отношения с генерал-губернатором Лифляндии³⁰. Только смерть Ласси 19 апреля 1751 г. изменила расстановку сил. Без мощной административной поддержки иезуиты не смогли удержаться в протестантской среде. 30 июня 1753 г. их выслали из города, а костёл запечатали³¹.

Неудивительно, что в сложившейся ситуации возобновила активность петербургская францисканская миссия, которой уже руководил энергичный о. Антонио да Торино. В августе—сентябре 1753 г. он искал заступничества у канцлера гр. А.П. Бестужева-Рюмина, у вице-канцлера гр. М.И. Воронцова и у самой Елизаветы Петровны, напоминая им про манифесты и указы Петра I и Анны Иоанновны³² и уговаривая согласиться на возвращение францисканской миссии в Ригу³³. Одновременно префект продолжал интриговать против своих соперников в Петербурге — о. Сабиниана Поффа, пользовавшегося уважением при Дворе, и о. Гелазия Фёдерля, которому симпатизировал гр. Воронцов³⁴. В феврале 1755 г., получив из Конгрегации пропаганды веры постановление об отставке и возвращаясь в австрийскую реформатскую (францисканскую) провинцию, о. Гелазий по пути заехал в Ригу. Местные католики, давно уже оставшиеся без священников, попросили его задержаться и взять на себя заботу о них. Судя по всему, благодаря поддержке офицеров гарнизона, миссионер остался и стал служить в предместье города без официального разрешения на то петербургской префектуры. Более того, имея в своём распоряжении 2 тыс. руб., вывезенные из Петербурга, он арендовал у протестантов дом и переделал его под капеллу. Несмотря на сложные взаимоотношения, префект не стал ему мешать, понимая важность закрепления францисканцев в Риге. Со своей стороны, Фёдерль с конца 1755 г. дважды просил Конгрегацию прислать ещё

²⁶ Ibid. S. 387.

²⁷ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1735 г., д. 1, л. 1, 6.

²⁸ Reinhold J. Op. cit. Vol. 54. S. 385—386.

²⁹ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1753 г., д. 1, л. 7 об.

³⁰ Андреев А.Н. Католик на русской службе... С. 42.

³¹ АВПРИ, ф. 10, оп. 10/1, 1753 г., д. 1, л. 1, 6.

³² Там же, л. 3—5.

³³ Там же, л. 6—8.

³⁴ Подробнее см.: Самыловская Е.А. Католическая община Санкт-Петербурга в первой половине XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. С. 121.

одного священника, владеющего польским языком, для окормления паствы, прибывающей в весенне-осенний период. Однако желанный помощник появился у него только в конце 1756 г.³⁵ И в том же году католикам разрешили совершать в Риге публичные богослужения³⁶.

Характерно, что решающую роль в возникшем в Риге противостоянии играли лютеранский магистрат и военная администрация, состоявшая преимущественно из католиков. Римско-католическое духовенство, формально имевшее право свободно и беспрепятственно окормлять свою паству, на деле находилось в подчинённом и крайне уязвимом положении, завися от усмотрений и распоряжений местных и центральных властей. Петербургские сановники относились к его просьбам равнодушно и даже небрежно. «Польский вопрос» и «католический фактор» ещё не выросли в значимую и болезненную для империи проблему, а конфессиональные противоречия лишь помогали контролировать подданных и управлять ими.

---

³⁵ *Reinhold J.* Op. cit. Vol. 55. S. 198—199.

³⁶ *Андреев А.Н.* Западно-христианские вероисповедания... Т. 1. С. 144.

Эдмунд Уолш, планы Ватикана и российская действительность 1922—1923 гг.

Евгения Токарева

Edmund Walsh, Vatican plans and Russian reality of 1922—1923

Evgenia Tokareva

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010787-6

Работа в Советской России организаций, пришедших на помощь голодающему народу в 1921—1922 гг., до сих пор ещё слабо освещена в историографии. Экономическая поддержка разорённой страны являлась к тому же и одним из факторов, способствовавших началу её выхода из изоляции и установлению международных контактов. Среди различных структур, так или иначе в этом задействованных, особое место занимала Папская миссия помощи. Несмотря на то что в советских учреждениях пытались рассматривать её исключительно как светскую, она всё же носила ярко выраженный религиозный характер и, оказавшись в России на начальном этапе гонений против Церкви, не могла на них не реагировать. Её деятельность частично уже освещалась в работах итальянских и французских исследователей¹. При этом обычно остаётся в тени фигура её главы — американского иезуита Э.А. Уолша, хотя его взгляды и взаимоотношения с советскими властями хорошо отражены в источниках (прежде всего в письмах и отчётах, отправленных им католическим иерархам и должностным лицам РСФСР, а также в официальных документах НКВД и НКВД и т.п.) и заслуживают самого пристального внимания.

Эдмунд Алоизиус Уолш родился в 1885 г. в Бостоне, где существовала большая община эмигрантов из Ирландии, родины его предков. Вступив в 1902 г. в Орден иезуитов, он был в 1916 г. рукоположен и уже через год назначен деканом Джорджтаунского колледжа. Почти одновременно он занял пост директора по образованию и стал одним из пяти разработчиков программы для обучения военного персонала в армейском студенческом учебном центре, готовившем контингент для участия в Первой мировой войне. Эта работа выдвинула его в 1919 г. в круг основателей первой в Америке Школы дипломатической службы, носящей ныне его имя и со временем превратившейся в ведущий центр подготовки дипломатов в США². Уолш руководил ею вплоть до своей смерти в 1956 г. Одновременно он возглавлял особые дипломатические миссии Ватикана в РСФСР (1922) и Мексике (1929), вёл переговоры с правительством

© 2020 г. Е.С. Токарева

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда № 19-18-00482 «Entangled Histories: Россия и Ватикан, 1917—1958 гг.».

This research was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 19-18-00482 «Entangled Histories: Russia and Vatican, 1917—1958».

¹ *Петракки Дж.* Папская миссия помощи России. 1921—1923 гг. // Россия и Ватикан в конце XIX — первой трети XX вв. СПб., 2003. С. 185—259; *Pettinaroli L.* La politique russe du Saint-Siège (1905—1939). P., 2015.

² В XX в. её закончили сотни государственных деятелей, в том числе А. Хейг, Б. Клинтон, Д. Грибаускайте, Ж.М.Д. Баррозу, сенаторы Д. Салливан и Р. Дурбин и др. В настоящее время в ней обучаются 3 тыс. студентов из более 100 стран мира.

Ирака о создании «Американской высшей школы» в Багдадском колледже в 1931 г., участвовал в качестве консультанта в Нюрнбергском процессе и т.д.

В октябре 1921 г. Уолш получил от своего друга полковника В. Гаскелла, возглавлявшего Американскую администрацию помощи в России (АРА), предложение присоединиться к нему и содействовать в распределении 20 млн долл., выделенных США для нужд голодающих. Уолш в то время находился в Европе, оканчивая терцианство (последний официальный период формации в Обществе Иисуса). Торопясь вернуться в США, он, судя по его письму американскому генеральному ассистенту генерала Общества Иисуса Дж.Ф. Ханзельману, посланному 15 января 1922 г., счёл «дело с Россией чем-то, находящимся целиком вне своей компетенции»³.

Однако, получив в конце января известия из России, Уолш передумал. То, что до этого момента интересы католиков не учитывались в АРА, он связывал с безразличием католических епископов Америки, проистекавшим «из-за отсутствия понимания влияния, представленного сейчас схизматиками». Сообщая об этом 1 февраля Ханзельману, Уолш просил его направить в АРА представителя Ватикана, если Американские католические организации от этого уклонятся⁴.

Э. Уолш — руководитель Папской миссии помощи в России. В Риме в то время готовился договор о направлении в Россию Папской миссии помощи, подписанный 12 марта 1922 г. полпредом РСФСР в Италии В.В. Воровским и государственным секретарём Ватикана кардиналом Пьетро Гаспарри. Согласно этому соглашению в РСФСР с благотворительной целью направлялись 12 «посланцев». Тогда же в Ватикане решили поручить надзор за распределением пожертвованных католиками средств, особенно на начальном этапе, представителю Национального католического совета благосостояния (ежегодного собрания американских католических иерархов и постоянного секретариата)⁵. Того же мнения придерживался генерал ордена иезуитов В. Ледуховский, который предложил заместителю государственного секретаря Дж. Пиццардо сделать Уолша главой группы членов Общества Иисуса, «во-первых, по той причине, что он уже доказал наличие большого организаторского таланта, во-вторых, потому что [как он надеется] благодаря своим близким связям с главой Американской комиссии он сможет оказывать важную помощь не только нашим отцам, но также и [отцам других орденов]»⁶.

8 марта Гаспарри официально уполномочил Уолша «приготовить организацию папской помощи России», и вскоре тот отправился представлять американский епископат в АРА. Кроме того, могилёвский архиепископ Э. фон Ропп, покинувший Россию в 1919 г., передал ему «все полномочия, которые [он получил] как по праву ординарной власти, так и временно (на трёхлетний или пятилетний срок) или же экстраординарно из-за революции»⁷.

Уолш прибыл в РСФСР в разгар кампании по изъятию церковных ценностей и мгновенно оценил открывавшиеся перспективы. «Я думаю, — писал он, — что Святой Престол — это единственная сила, способная предотвратить

³ Archivium Romanum Societatis Iesu (далее — ARSI). Russia 2001-III-5.

⁴ Ibid. 2001-III-6.

⁵ Edmund A. Walsh, SJ Papers, Georgetown University Library Booth Family Center for Special Collections, Washington, D.C., Collection GTM-GAMMS239 (далее — Walsh Papers), box 6, folder 381.

⁶ ARSI. Russia 2001-III-12.

⁷ Ibid. 2001-III-16.

трагедию и кровопролития. Вы увидите впоследствии, что я приступаю к тому, что можно будет назвать великолепной заслугой Ватикана в военное время». Уолш рекомендовал выкупить отнятые у храмов предметы. «Если мы можем сделать хоть что-то для поддержки Церкви, — рассуждал он, — либо с помощью такого финансового проекта, который я предложил, либо путём обращения к Советскому правительству с просьбой пощадить церкви, я знаю, что это будет оказывать положительное влияние. Возможно даже, что запрос из Ватикана остановит конфискацию». Конечно, «правительство может считать, что Рим может отвечать только за Католическую церковь». Но «если эти ценности будут сохранены церковью, то это никогда не будет забыто русскими». «Более того, — полагал Уолш, — отдавая все эти предметы обратно после окончания невзгод, мы сможем выиграть вечную признательность людей и духовенства»⁸.

Эти планы вызвали известную телеграмму Пиццардо Г.В. Чичерину в дни Генуэзской конференции. В ней сообщалось, что «святой отец готов выкупить эти священные и ценные предметы и передать их на сохранение архиепископу Цепляку»⁹. Чичерин уведомил Москву о поступившем предложении, добавив: «Это соблазнительно, но передача православных церковных предметов католикам вызовет бурю в России»¹⁰. Никакого ответа на это не последовало. Тогда государственный секретарь телеграфировал о желании папы В.И. Ульянову (Ленину), но и тот никак не отреагировал.

Руководитель 5-го отдела Наркомата юстиции П.А. Красиков отмечал: «По нашим декретам и циркулярам... покупка в собственность храмового имущества не предусмотрена... Ничто, конечно, не препятствует кому-либо, в том числе и папе римскому, выступить покупателем на международном или местном рынке. Конечно, условия покупки и цены... должны производиться уже Гохраном на коммерческих основаниях»¹¹. Однако советское правительство не собиралось ни передавать, ни продавать изъятое верующим. И Уолш быстро пришёл к заключению: «Если бы предложение было принято, алтарные сосуды были бы спасены, а на помощь голодающим были бы гарантированно получены деньги. Естественно, это аннулировало бы истинную цель конфискации — не помощь голодающим, а уничтожение»¹².

Как официальный сотрудник АРА Уолш активно участвовал в распределении средств этой организации и имел возможность изучить её образ действий. Кроме того, предполагалось, что ожидавшаяся Папская миссия будет работать в тесном сотрудничестве с АРА. Согласно договорённости, Уолш должен был делать необходимые закупки у АРА (деньги на это переводились Ватиканом в Америку), но и в случае прекращения её деятельности в России Святой Престол выражал намерение продолжить оказание помощи, «насколько позволяют его ресурсы».

Первоначально миссию, включавшую иезуитов, салезианцев, вербистов и кларетинцев, собирались развернуть в августе 1922 г. в Москве, Крыму, Ростове и Екатеринодаре¹³. Ей предстояло заняться созданием кухонь для бесплатных

⁸ Ibid. 2001-III-34.

⁹ Walsh Papers, box 6, folder 381.

¹⁰ Архивы Кремля. Политбюро и Церковь. 1922—1925. Новосибирск, 1997. С. 258.

¹¹ ГА РФ, ф. А-353, оп. 6, д. 9, л. 82.

¹² Walsh Papers, box 6, folder 381. Этот вывод совпадает с мнением исследователей: *Покровский Н.Н.* Предисловие // Архивы Кремля... С. 12.

¹³ О составе миссии см.: *Петракки Дж.* Папская миссия...

обедов (прежде всего для детей), раздачей пакетов с продуктами, тканями или готовой одеждой, организацией образцовых общежитий для студентов и т.д.

Но с первых же дней Уолш столкнулся в Москве с непредвиденными трудностями: советские ответственные работники попросили его не расплывать имевшиеся у него силы и сосредоточить их исключительно в Крыму, где голод ощущался сильнее всего, ничего не предпринимая в Ростове и Екатеринодаре. Хотя Уолш видел в этом «временную чрезвычайную меру», совершенно очевидно, что власти стремились ограничить размах миссии, не пуская её на материк. Кроме того, они настаивали на том, чтобы сам Уолш оставался в Крыму, не оставляя членов миссии без присмотра.

Тем не менее Уолш был настроен достаточно оптимистично. «Со временем, — писал он Гаспарри, — трудности и препятствия будут нарастать, а общая атмосфера беспокойства в этой страдающей стране усиливает в людях подозрительность, эгоизм, а порой ещё и жестокость. Мелкие чиновники в небольших городах, не понимающие общую политику правительства, уже чинили мне небольшие неудобства, но, слава Богу, серьёзных затруднений пока не возникало». Уолш согласился временно собрать всех членов миссии в Крыму (15 августа они прибыли в Севастополь, откуда их в ночь с 19 на 20 августа доставили в Феодосию). Однако, не зная о достигнутой договорённости, двое испанцев всё же продолжили путь в Ростов, чтобы основать там станцию, согласно прежним планам, и немедленно начать раздачу продовольствия. Свою готовность остаться в Крыму Уолш обосновал вескими аргументами: положение на полуострове действительно было крайне тяжёлым, а миссия, казалось, могла заручиться доброжелательной позицией правительства «из-за беспокойства, которое нам причинили эти изменения»¹⁴.

Однако в Ватикане не скрывали тревоги. «Ведь по сути Крым — это не Россия, — писал Уолшу Пиццардо. — Помимо политических представлений о том, что этот полуостров отличается от собственно России, большую часть его жителей составляют потомки приезжих из других стран, а настоящих русских среди них не более половины»¹⁵. Не ограничиваясь гуманитарными задачами, Ватикан постоянно стремился проникнуть и закрепиться на территории материковой России.

Ожидая дальнейших указаний, Уолш пытался наладить распределение продовольствия и работу бесплатных кухонь в Крыму. Одна из его многочисленных обязанностей состояла в том, чтобы ходить по берегу вместе с сотрудником местной власти и искать подходящие военно-морские мины, выброшенные волнами Чёрного моря. «Подобно тому, как люди перековывают мечи на орала, когда закрываются врата Храма Януса, — писал он, — смертоносные мины, предназначенные для взрыва вражеских кораблей, были переделаны в котлы и кастрюли для католических пунктов питания в России»¹⁶.

19 сентября Уолш получил строгое указание Ватикана следовать первоначальному плану и немедленно выехал в Москву, чтобы договориться о его исполнении. С трудом убедив полномочного представителя советского правительства при всех иностранных организациях помощи К.И. Ландера в невоз-

---

¹⁴ Walsh Papers, box 6, folder 381.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

возможности нарушить инструкции Ватикана¹⁷, Уолш приготовил квартиры для группы, которой со 2 октября предстояло трудиться в столице под руководством салезианца А. Симонетти, а также распорядился переездом группы во главе с иезуитом Ж. Капелло в Екатеринодар.

В Москве после консультаций с советскими властями было решено заняться в первую очередь беспризорниками. «Это одна из главных проблем, — писал Уолш Гаспарри 28 сентября, — спасти от полной деградации молодое поколение, которое всё больше подвергается нравственному разложению из-за восьми лет войны»¹⁸. Способствовать усилиям московской группы и снабжать её необходимой информацией должен был созданный Уолшем комитет из католиков (мужчин и женщин), председателем которого стал старейший приходской священник (видимо, о. Пётр Зелинский, с 1916 г. являвшийся настоятелем храма Святых апостолов Петра и Павла и московским деканом).

Начался подбор сотрудников миссии, причём он отнюдь не соответствовал пожеланиям властей, стремившихся включить в их число прежде всего членов ВКП(б), тогда как Уолш и Симонетти отбирали интеллигентных людей, владевших иностранными языками¹⁹. «С этим затруднением, — успокаивал Уолш Гаспарри, — давно уже сталкиваются все организации помощи, работающие в России, и меня это не слишком беспокоит»²⁰.

Споры с властями вызвало и нежелание миссии скрывать, что помощь оказывает именно Ватикан. На пропусках в бесплатные кухни для детей указывалось: «Этот обед — дар его святейшества папы Пия XI». Титулование «его святейшество» вызвало большое беспокойство у советских служащих. Один из них убеждал сотрудников миссии заменить эти слова, как и выражение «Святой Престол», поскольку крестьяне их просто не понимают. Поменяв текст, Уолш изменил и бланк миссии, на котором теперь значилось: «Папа Римский — русскому народу».

В Москве Уолшу удалось получить хорошее помещение в бывшей резиденции германского посла и достаточно просторный склад у железнодорожных путей. В октябре он обратился в Ватикан с просьбой одобрить проект организации в будущем небольшого отделения в Петрограде, где надеялся наладить плодотворную работу. В ноябре Уолш начал по просьбе властей подготовку к созданию новой временной станции в Оренбурге. В этом проявлялась противоречивость позиции большевиков. Характерно также, что, проявляя недовольство активностью миссии и постоянно упрекая её членов в прозелитизме, власти готовы были одобрить устройство образцовых хозяйств под управлением католических орденов, наиболее компетентных в подобного рода деятельности.

Однако с декабря 1922 г. Уолш постепенно утрачивает былой оптимизм, убеждаясь в «неискренности» властей, чинивших препятствия и в центре, и на местах²¹. В марте 1923 г. он сообщал Гаспарри о том, что шведский Красный Крест решил прекратить помощь России, а АРА сворачивает свою работу:

¹⁷ Этому способствовало предложение Святого Престола увеличить поставки продовольствия в Крым из Румынии (от чего впоследствии пришлось отказаться).

¹⁸ Walsh Papers, box 6, folder 381.

¹⁹ К 1 марта 1923 г. в миссии работали 1 700 граждан России (*Петракки Дж.* Папская миссия... С. 231).

²⁰ Walsh Papers, box 6, folder 381.

²¹ Это отмечалось и другими организациями помощи. Подробнее см.: *Бондаренко Т.Ю.* Вклад миссии Фритьофа Нансена в борьбу с голодом и в восстановление сельского хозяйства Саратовской губернии в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2016.

«Иностранные организации доставляют сюда большие объёмы продовольствия для голодающих, а правительство России тем временем продаёт продовольствие за рубеж, получая за него деньги. Если правительство располагает продовольствием для экспорта, отмечают представители этих организаций, почему оно не может само позаботиться о голодающих?»²².

Оставленные без присмотра станции помощи подвергались грабежу. Так, возглавлявший Оренбургское отделение иезуит Л. Галлахер, выделивший сиротским приютам большое количество материалов для пошива одежды, узнал, что они так и не попали в детские дома и были отправлены ещё куда-то или проданы на коммерческом рынке. «По оценке Галлахера, — жаловался Уолш Гаспарри 19 июля 1923 г., — государственные чиновники таким образом украли материала на 6—8 тысяч долларов»²³. Покидая Оренбург, Галлахер передал 9 кухням месячный запас продовольствия, но через два дня после его отъезда власти закрыли все кухни и конфисковали продукты.

С аналогичной проблемой столкнулся в Крыму Э. Герман. Стоило ему съездить в Москву, поверив заверениям местных начальников, обещавших ничего не трогать в создаваемом им заведении, как «власти вывезли из санатория всё оборудование, что не было намертво прикреплено к полу». Делалось это лишь для того, «чтобы вытянуть побольше денег из Папской миссии». «Должен, не кривя душой, сообщить Святому Престолу, — констатировал Уолш в своём меморандуме 9 апреля 1923 г., — что деньги, выделяемые на такие благотворительные предприятия, попросту позволяют Советам высвободить аналогичные суммы на революционную пропаганду для свержения законных правительств в Европе и других районах мира»²⁴.

В течение весны—лета 1923 г. Папская миссия всё чаще испытывала притеснения со стороны властей. Сотрудников миссии, выезжавших на время в Рим, обыскивали на границе, все их бумаги реквизировались, служащих подкупали или шантажировали, надеясь выведать какие-то тайны. Так, экономка миссии была арестована и после отказа шпионить «выслана в один из отдалённых районов России»²⁵.

В своих письмах Уолш всё более откровенно намекал на то, что миссии больше нечего делать в России. Ориентиром для него служила, в частности, АРА, которая 4 июня 1923 г. заявила советскому правительству о том, что согласно её данным продовольствия в СССР достаточно. Отправка посылок с помощью из США прекратилась ещё в марте, а из Европы — в апреле. К продолжению деятельности в Советском Союзе Уолш относился весьма скептически. «На мой взгляд, — делился он своими соображениями с Гаспарри 14 мая, — с учётом политики нынешнего правительства, которое не допустит ничего, хоть сколько-нибудь напоминающего моральное влияние на детей или взрослых, создание благотворительной организации на постоянной основе практически невозможно. Опыт профессора Симонетти в Москве, Пьемонте в Краснодаре и Германа в Крыму говорит о том, что правительство позволит нам лишь вкладывать большие суммы денег без возможности вести работу таким образом, который бы оправдал подобное предприятие Святого Престола»²⁶.

²² Walsh Papers, box 6, folder 384.

²³ Ibid., folder 385.

²⁴ Ibid., folder 384.

²⁵ Ibid., folder 385.

²⁶ Ibid.

Неудивительно, что Уолш начал постепенно реорганизовывать работу миссии так, чтобы она могла функционировать без генерального директора. Сам он с начала лета обдумывал свой отъезд из России. «Голод прошёл, — отмечалось в его письме Гаспарри 7 июня, — и власти согласны, что обеспечивать там людей питанием больше не нужно... Продолжение папской помощи после следующего урожая (конца июля) будет крайне трудно обосновать»²⁷. Тем временем прекратила работу Краснодарская станция. Группа находившихся там миссионеров переместилась в Ростов, откуда уехали в Рим испанцы-кларетинцы. В Москве, Краснодаре и Крыму с мая—июня всякая активность практически приостановилась. Станция в Оренбурге должна была закрыться 15 июля. «Меня постоянно волнует вопрос о программе на будущее, — признавался Уолш. — Власти всё время требуют от меня заявления относительно продолжения работы миссии (если оно будет), чтобы можно было составить необходимые планы»²⁸.

19 июня советская сторона в одностороннем порядке расторгла соглашение с Ватиканом²⁹. Выполняя пожелания папы, Уолш начал переговоры о подписании нового соглашения. Но уже 17 августа он предупреждал Гаспарри: «Без конкретного соглашения, чётко определяющего наше положение и гарантии, без которых, как показывает опыт, обойтись нельзя, я не считаю возможным возобновлять нашу работу в больших масштабах»³⁰.

Переговоры проходили с немалыми трудностями. Уолш добивался подписания формальных обязательств и предоставления миссии полной свободы действий в оказании помощи «на основе реальной нужды, без национальных, классовых, религиозных и политических различий». Он понимал, что это потребует значительных денежных вложений. Ещё 19 июня Ландер сообщил ему, что отныне иностранным благотворительным организациям придётся самим оплачивать все свои расходы на поездки, проживание, транспорт, конторы и т.д. «Мы подтверждаем, — заявлял он, — что приветствовали бы вашу дальнейшую помощь, но желаем, чтобы она была помощью в полном смысле слова, то есть не требовала бы расходов от моего правительства». В дальнейшем Уолш просил о присылке денег для миссии, оплаты существования миссионеров, аренды жилья и складов и т.п. «В Москве и Ростове вся работа приостановлена из-за отсутствия денег, — сетовал он 14 сентября. — Я с волнением жду прибытия каждого курьера из Варшавы и Берлина, но тщетно. Как уже сообщалось в предыдущих отчётах, мы оказались в положении нищей миссии помощи»³¹.

Выработка нового договора затянулась. «По сути, — рассуждал Уолш 27 июля в письме к Гаспарри, — они требуют, чтобы мы начали работу, понесли большие расходы и ввезли в Россию как можно больше материалов. Затем, когда, как и в прошлом, возникнут неизбежные трудности, — а они будут возникать до тех пор, пока страной правит нынешняя группа большевиков — у нас не будет никаких гарантий или защиты, помимо тех, что имеют сегодня

²⁷ Ibid., folder 384.

²⁸ Ibid., folder 385.

²⁹ Как сообщал Уолш, в середине июля Папская миссия ежедневно обеспечивала питанием 160 тыс. горожан, завершила распределение одежды для 100 тыс. человек, а также ввезла в Россию лекарств на 50 тыс. долл. Общая сумма, затраченная на помощь Ватиканом (включая как его собственные средства, так и деньги, собранные среди католиков всего мира для голодающих в России), по разным данным, составляла от 1,5 до 2 млн долл. Для сравнения: бюджет АРА достигал 66 млн долл. (Ibid.).

³⁰ Ibid., folder 386.

³¹ Ibid.

простые российские граждане»³². Поэтому Уолш настаивал на сохранении прежних прав за курьерами, а также на предоставлении членам миссии и её помещениям иммунитета от обысков, арестов и конфискаций³³. «Если я не смогу добиться чёткого письменного соглашения приемлемого характера, — писал он Гаспарри 27 июля, — я не вижу иного варианта, кроме как немедленно и достойно вывести из страны Католическую миссию»³⁴. 11 ноября Уолш послал отчаянную телеграмму Гаспарри, утверждая, что дальнейшие переговоры бесполезны. На этом его попытки заключения нового договора закончились. Основную причину своей неудачи он видел в изменении целей советского руководства, с лета 1923 г. стремившегося к признанию Ватиканом СССР. «Этот вопрос, — сообщал Уолш Гаспарри 2 ноября, — всплывал на различных встречах уже раз десять: они постоянно указывают, что всем трудностям пришёл бы конец, если бы наша миссия действовала на дипломатической основе, если бы “с Ватиканом существовали более нормальные и официальные отношения”... Я убеждён, что все проволочки последних трёх месяцев и многочисленные препоны, которые нам ставят, преследуют вполне определённую цель — установление этих официальных дипломатических отношений»³⁵.

Задержка с подписанием договора не позволяла Уолшу завершить реорганизацию миссии. Согласно указаниям Ватикана станцию в Крыму следовало закрыть, а действовавшую там группу перевести в Москву, заменив ею Симонетти и его сотрудников, которые покинули бы Россию. Однако в Евпатории оставалось ещё слишком много припасов. «Поэтому, пока это продовольствие не будет разделено, — докладывал Уолш 10 августа, — группе Германа невозможно разрешить покинуть Крым». К тому же Герману удалось заключить отдельный контракт с местными властями, предоставившими станции те гарантии, которых требовал Ватикан. В результате она продержалась до конца сентября. «Те трое сотрудников, что работают в Крыму, — отмечал Уолш, — выделяются мягкостью характера, изобретательностью и способностью работать с русскими». В то же время он признавал, что лучшим решением будет их переезд в столицу, где начались разногласия между салезианцами, один из которых потребовал возвращения в Рим³⁶.

Э. Уолш — представитель Ватикана в России. Другой стороной многогранной деятельности Уолша являлись переговоры с советскими властями о проблемах, затрагивавших интересы католического духовенства и его паствы. К их числу относилось судебное преследование архиепископа Я. Цепляка, заменившего высланного в 1919 г. Э. фон Роппа и отказавшегося отдавать государству церковное имущество. В октябре 1922 г. его несколько раз вызывали для объяснений в Ревтрибунал, председатель которого, как сообщали Уолшу, признался адвокату прелата: «Мы не знаем, что делать. Папа сейчас кормит многие тысячи детей в Крыму и отправил в Россию экспедицию помощи. Если бы не огромная помощь, которую отправляет суверенный понтифик, мы могли бы хоть завтра завершить расследование по делу архиеп[ископа] Цепл[яка]»³⁷. Тем самым благотворительность Ватикана начинала влиять на политические решения.

³² Ibid., folder 385.

³³ Ibid., folder 386.

³⁴ Ibid., folder 385.

³⁵ Ibid., folder 387.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid., folder 381.

Уолш отправился в Петроград, где вместе с Цепляком работал над формулой расписки, подписав которую, католики получали бы в пользование храмы. Но их проект власти не приняли. В начале декабря костёлы в Петрограде стали закрывать, и Уолш поставил перед Гаспарри вопрос: «Должен ли я зайти настолько далеко, чтобы заявить советским властям, что Католической церкви будет трудно продолжать оказывать России помощь, если католики в этой стране будут подвергаться гонениям?»³⁸. Впрочем, тогда он ещё надеялся на то, что его миссия будет носить постоянный характер. Отзываясь 11 декабря об антирелигиозной политике, приобретающей всё более острые формы, Уолш констатировал: «У некоторых из нынешних руководителей это обусловлено простым незнанием, но у многих — открытой враждебностью к любым формам религии. В этом плане самый настойчивый и беспощадный из них — Троцкий»³⁹.

В конце декабря 1922 г. Цепляк направил в Москву каноника К. Будкевича и нескольких мирян, которые подали в Наркомат юстиции официальный протест против радикальных действий Петроградского совета. Ответ на него звучал обнадеживающе: закрыв храмы без судебного решения, местные власти превысили свои полномочия. Узнав об этом, Уолш впервые решил «в дружественном тоне сделать представление». 21 декабря он направил Красикову письмо, где говорилось о том, что закрытие петроградских церквей в тот момент, когда Ватикан всеми силами пытается помочь России, произведёт на католический мир крайне неблагоприятное впечатление. Однако Красиков усмотрел в этом заявлении «известного рода вмешательство во внутренние дела Советской России»⁴⁰.

Уолш хорошо понимал масштаб развернувшейся борьбы. «Те, кто пристально следит за событиями, — писал он Гаспарри 20 декабря, — отмечают ужесточение противодействия влиянию религии в России. Полностью проиграв битву в экономике, Коммунистическая партия теперь полна решимости развязать энергичную войну против второго своего главного врага — духовности»⁴¹.

Уолшу обещали, что костёлы откроют, однако этого не последовало, и он известил Ландера о своём намерении приостановить создание станции в Оренбурге. Между тем 26 декабря в Революционном трибунале начиналось слушание «дела епископов», по которому проходили Цепляк и ещё 20 священников. Встретившись с членом коллегии НКВД Я. Ганецким, Уолш обсудил с ним ту формулу расписки, которую петроградская делегация католиков согласовала с Накоматом юстиции, после чего её будто бы одобрил Цепляк. Уолш видел в ней «существенную уступку правительства... по сравнению с первым вариантом». «Наша беседа, — сообщил он Гаспарри 1 января 1923 г., — закончилась чёткой договорённостью, что он постарается добиться положительного рассмотрения моей просьбы об открытии церквей соответствующим ведомством, при условии, что я вскоре отправлюсь в Рим со всеми документами». Однако события приняли совсем иной оборот. «Я пришёл к выводу, — оправдывался Уолш перед Гаспарри 13 февраля, — что разумная позиция советских властей в вопросе о формуле, которую необходимо подписать для открытия церквей, и прибытие телеграммы от Вашего высокопреосвященства позволяют говорить о благоприятном разрешении дела. Но внезапно я оказался лицом к лицу с самой печальной ситуацией из всех, с которыми мне приходилось сталкивать-

³⁸ Ibid., folder 383.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ ГА РФ, ф. А-353, оп. 6, д. 17, л. 76, 79.

⁴¹ Walsh Papers, box 6, folder 383.

ся с момента приезда в Россию... По какой-то необъяснимой причине петроградские власти — я имею в виду церковные власти, т.е. архиепископа и его советников — не доставили это письмо тому лицу, которому оно было адресовано, и поэтому у петроградских властей не было возможности разрешить им его подписать. Хотя Ваше высокопреосвященство телеграммой разрешило им подписать его, теперь уже почти слишком поздно, поскольку центральное правительство крайне недовольно этими действиями петроградских католиков. Что же касается меня, то я не понимаю, почему письмо не было доставлено: оно было вручено петроградской депутации советским Министерством юстиции для немедленной доставки в Петроградский совет и адресовано гражданской администрации города. Из-за того, что письмо, которое должно было быть доставлено немедленно (члены делегации выступали просто в качестве курьеров), «придержали» на 6—7 недель, у меня возникли огромные трудности. Центральное правительство через г-на Красикова заявляет, что церкви могли бы быть открыты на Рождество, если бы упомянутые господа сдержали слово и доставили письмо, которое было им доверено, особенно с учётом того, что оно было адресовано из одного государственного ведомства в другое. Он сказал мне, что мог бы отправить его обычной почтой или с собственным курьером, но передал его им, чтобы ускорить дело»⁴². Более того, по словам Уолша, «в голове у г-на Красикова сформировалось опасное подозрение, что петроградские католики, будучи поляками, сделали это намеренно, по политическим соображениям, чтобы создать впечатление, будто советская власть преследует католиков. Я пытался во всех случаях защищать петроградских католиков, но, признаюсь, по этому последнему вопросу защитить их крайне трудно. Конечный результат случившегося состоит в том, что у советского правительства теперь есть возможность предъявить католическому населению Петрограда серьёзные претензии, и я не сомневаюсь, что оно не преминет воспользоваться этим преимуществом»⁴³.

С этого момента положение Уолша стало особенно затруднительным. Петроградское духовенство считало, что он должен был действовать решительнее и угрожать прекращением помощи Ватикана. Сам же Уолш утверждал, что «использовал всё имеющееся влияние, не прибегая лишь к действиям, которые сорвали бы задание его святейшества по оказанию помощи России». 11 января он заявил Гаспарри: «Моё понимание своей нынешней ответственности требует иного курса, и я буду проводить более примирительную линию». Сторонники Цепляка были настроены гораздо решительнее. «Генеральный викарий монсеньор Будкевич спросил меня, — писал Уолш 13 февраля, — не считаю ли я целесообразным предъявить... обвинения властям. Мой ответ был однозначно отрицательным, поскольку у этих петроградских католиков шансов добиться осуждения советских властей Петрограда не больше, чем у ранних христиан из катакомбной церкви, если бы они вздумали жаловаться Нерону на действия его преторианцев»⁴⁴.

Накануне Уолш уведомил Наркомат юстиции о том, что получил телеграмму от кардинала Гаспарри, «в коей даётся согласие Ватикана на подписание расписки». Однако теперь уже Красиков заявил, «что указанный текст расписки был дан представителям петроградских католиков по их усиленным просьбам,

---

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

как временная мера для возможности открытия костёлов перед праздниками, и что представители злоупотребили доверием Отдела культов и вместо немедленного подписания расписки в Петрограде препроводили последнюю в Рим и оставили [таким] образом] церкви закрытыми»⁴⁵.

В середине февраля Уолшу по предложению Красикова вместе с ним пришлось составлять новый текст расписки. «Результат, с нашей точки зрения, был далеко не удовлетворительным, — признавал он, — но это абсолютно последнее слово правительства». Однако Цепляк и церковный совет продолжали настаивать на редакции, выработанной в конце декабря. Уолш понимал, что «теперь это уже невозможно, и они... опять оказались в тупиковой ситуации»⁴⁶. Он уже собирался лично отвезти февральский вариант расписки в Рим и даже заверял Красикова, что этот текст будет одобрен папой. Но в середине марта из Ватикана объявили о том, что «он безусловно отвергает такого рода договор». Нунций в Польше архиепископ Лоренцо Лаури уведомил об этом Цепляка⁴⁷.

Это не могло не сказаться на исходе «дела епископов». Процесс состоялся 21—26 марта 1923 г. Цепляк и Будкевич были приговорены к высшей мере наказания, остальные священники — к различным срокам тюремного заключения. Под влиянием международных протестов Цепляку заменили казнь на 10 лет лагерей, Будкевича расстреляли 31 марта⁴⁸. В ночь исполнения приговора Уолшу несколько раз звонили по телефону неизвестные лица и разражались издевательским смехом.

Советское правительство готовилось тогда к процессу против патриарха Тихона и, по мнению Уолша, желало продемонстрировать миру беспристрастность своего отношения ко всем конфессиям в условиях общего антирелигиозного наступления, приуроченного к Пасхе. Неблагоприятны оказались и внешнеполитические обстоятельства. Польский премьер-министр В. Сикорский активно добивался признания державами Антанты восточных границ Польши, включавшей, согласно Рижскому договору, земли Западной Украины и Западной Белоруссии. «Становится всё очевиднее, — признавал Уолш 18 марта, — что советская власть испытывает неискоренимую враждебность по отношению к польскому духовенству и всегда будет искать политические предлоги для препятствования свободе вероисповедания, пока существует общее мнение, что “католический” значит “польский”, а “польский” значит “католический”»⁴⁹.

Судебные заседания и вынесенный приговор произвели на Уолша крайне тяжёлое впечатление⁵⁰. Он явно не ожидал такого вердикта, поскольку представители власти заверяли его, что казней не будет. Буквально за несколько дней до суда Уолш сообщал Гаспарри, что смерть грозит скорее патриарху Тихону,

---

⁴⁵ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 714, л. 190.

⁴⁶ Walsh Papers, box 6, folder 384.

⁴⁷ ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 714, л. 235.

⁴⁸ Подробнее см.: *Козлов-Струтинский С., Парфентьев П.* Католическая церковь в России. СПб., 2014; *Осипова И.И.* «В язвах своих сокрой меня...» Гонения на католическую церковь в СССР. По материалам следственных и лагерных дел. М., 1996.

⁴⁹ Walsh Papers, box 6, folder 384. По этой причине Уолш старательно избегал контактов с официальными представителями Польши в Москве, хотя знал, что польский посланник желал теснее с ним сотрудничать.

⁵⁰ Отчёт Уолша о процессе, на котором он присутствовал, см.: *Беглов А.Л., Токарева Е.С.* Судебный процесс над католическим духовенством 1923 г. в освещении посланца Ватикана в России // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 4 (68). URL: <http://history.jes.su/s207987840002218-8-1> DOI: 10.18254/S0002218-8-1

чем Цепляку. Схожие обещания давали и дипломаты: М.М. Литвинов — представителю Великобритании, а Чичерин — Воровскому. Разумеется, Уолш всё более враждебно относился к советским порядкам, хотя и всячески пытался сдерживать себя, помня, что перед отъездом миссии в Москву Пиццардо советовал её членам молчать, «даже если церкви будут разграблены, а католические пасторы арестованы»⁵¹.

С этого времени важнейшей задачей Уолша становятся переговоры об освобождении и отправке в Рим Цепляка и польских священников. Уолш неоднократно беседовал об этом с Чичериным, передав ему соответствующую просьбу Пия XI. Однако нарком допускал лишь возможность обмена. Чичерин желал бы, чтобы СССР были переданы баварские коммунисты, но на это не согласилось правительство Германии. А кандидатуры литовских коммунистов, намеченные представителем Литвы в Москве, не заинтересовали НКВД. С поляками же советская сторона категорически отказывалась обсуждать какие-либо варианты, предпочитая иметь дело непосредственно с Ватиканом. Несколько раз посетив Цепляка в тюрьме, Уолш видел, как ухудшалось здоровье прелата. Однако вызволить его удалось только весной 1924 г., уже после отъезда Уолша из России.

Между тем «дело епископов» вызвало волну возмущения в мире, особенно в Варшаве. Международные протесты накалили ситуацию. Уолш допускал, что можно «скоро ожидать серьёзных осложнений и даже военных действий с Польшей». «По всему городу ощущалось общее беспокойство и напряжённость, — писал он в апреле. — Ходили слухи, что польский посланник вот-вот покинет Москву, а вскоре выедут также британская и папская миссии»⁵². При этом реакция Святого Престола оказалась весьма осторожной. 28 апреля представитель Российского общества Красного Креста (РОКК) в Италии М. Шефтель передал председателю Исполкома РОКК З.П. Соловьёву: «Ватикан заверил тов. Воровского, что они и впредь имеют в виду оказывать нам помощь, несмотря на... (отточие в документе. — *Е.Т.*) расстрел Буткевича»⁵³.

Апогея тревога достигла после «ультиматума Кёрзона». «Британская нота от 8 мая ввергла этот город в состояние лихорадочного беспокойства, — сообщал Уолш Гаспарри 14 мая, — поскольку Советы восприняли её как своеобразный ультиматум перед объявлением войны. Газеты, несомненно, уже донесли до Рима известия о смятении, охватившем этот город, но я сомневаюсь, что они описывают ситуацию со всей полнотой. В воздухе несомненно запахло войной, и советские власти умело нагнетают напряжённость, представляя дело так, будто Англия готовится напасть на Россию, и тем самым апеллируя к шовинизму масс в Москве. Это напоминает мне последние дни перед тем, как Австрия в 1914 году объявила войну Сербии: те события я наблюдал лично, будучи в Австрии. Хотя слово “война” в ноте искать бесполезно, в Москве оно у всех на устах»⁵⁴.

14 мая Пий XI пригласил Гаспарри, Пиццардо и Ледуховского для того, чтобы решить, оставаться ли дальше в СССР Уолшу и его миссии. На встрече

⁵¹ *Maqua M.* Rome—Moscou: L'ostpolitique du Vatican. Louvain-la-Neuve, 1984. P. 36.

⁵² Walsh Papers, box 6, folder 384.

⁵³ ГА РФ, ф. 9501, оп. 5, д. 45, л. 47. Почти в это же время директор АРА получил от президента США телеграмму, в которой говорилось, что России больше не будет предоставлено ни одного фунта продовольствия.

⁵⁴ Walsh Papers, box 6, folder 385.

присутствовал и прибывший из Москвы Аристид Симонетти. Гаспарри хотел сохранить миссию, сомневаясь, представится ли ещё когда-нибудь возможность вступить в контакт с Россией⁵⁵. В своём выступлении по случаю созыва Консистории 23 мая папа заявил: «То, что произошло, не остановит предпринятых благотворительных дел, продолжающихся уже ряд месяцев и облегчивших столько страданий»⁵⁶.

Уолш в эти дни был для Ватикана наиболее надёжным источником информации о происходившем в России. Помимо собственных донесений он переправлял в Ватикан тексты правительственных постановлений и выдержки из советских газет. Это являлось весьма ценным подспорьем. Так, в своём выступлении 23 мая Пий XI упомянул о преследовании католиков в СССР. Реагируя на это, первый секретарь полпредства в Италии Я.Я. Страуян, после гибели Воровского выполнявший его функции, в послании Пиццардо утверждал, что Ватикан «не совсем точно информирован о положении христиан и Церкви в России», поскольку, скорее всего, получает сведения от немногочисленных русских эмигрантов. Возражая ему, Пиццардо мог с лёгкостью указать на то, что у папы не возникало потребности в каких-либо непроверенных данных, ему достаточно было прочесть акт обвинения по делу Цепляка и мотивировку решения суда. При этом заместитель государственного секретаря выразил большую обеспокоенность статьями Уголовного кодекса, вступившего в силу 1 июня 1922 г.⁵⁷ Обвинительное заключение и другие документы поступили именно от Уолша.

Не собираясь вывозить миссию из страны, Уолш, по указанию Ватикана, приостановил все переговоры с Чичериным. В апреле он полагал, что нарком «бессилен перед избранным кругом радикалов, которые теперь правят страной в отсутствие Ленина», и едва ли «пользуется каким-либо реальным влиянием при выработке большевистского внутривластного курса». По его словам, «влияние г-на Чичерина в плане большей умеренности властей настолько мало, что целесообразность продолжения дальнейших переговоров по этой линии представляется весьма сомнительной»⁵⁸.

В то же время положение петроградских костёлов, по-прежнему закрытых, Уолш признавал крайне опасным. Власти могли в любой момент воспользоваться тем, что они пусты, и превратить их в кинотеатры или передать каким-либо учреждениям. Его беспокоило, что католики, не имея чётких инструкций от Ватикана, не спешили подавать расписки с последней формулой, предложенной властями, поскольку предыдущие варианты были лучше. При этом к Уолшу они относились всё более жёстко. Поляки подозревали его в предвзятости, осуждали за нежелание действовать вместе с представителем Польши в Москве, а также приписывали ему слишком сильное и нежелательное для них влияние на политику Ватикана, не проявившего решительности после процесса. Уолш же лишь убеждался в неразумности их действий. «Они подготовили петицию, — писал он Гаспарри 2 мая, — и, как мне сообщили, под ней подписались уже 15 000 человек. Однако я опасаясь результатов такого

⁵⁵ *Trasatti S.* La croce e la stella. La chiesa e i regimi comunisti in Europa dal 1917 a oggi. Milano, 1993. P. 46.

⁵⁶ АВП РФ, ф. 98, оп. 7, п. 5, д. 9, л. 43.

⁵⁷ Там же, л. 41.

⁵⁸ *Walsh Papers*, box 6, folder 384. Со своей стороны, Чичерин 28 мая 1923 г. направил в ГПУ весьма ёмкую характеристику Э. Уолша: ГА РФ, ф. А-353, оп. 2, д. 714, л. 209.

демарша. Инициаторы этого шага, в принципе благого и свидетельствующего о достойной преданности католиков-поляков, скорее всего, не умиротворят советские власти, а лишь ещё больше настроят их против себя... Не могу сказать, что католики-поляки как сообщество понимают, что они живут на российской территории, и, не желая ни на йоту поступиться своей верой и принципами, они тем не менее должны стараться не вызывать антагонизм своих гонителей, чтобы не давать им благовидных предлогов для дальнейшего преследования религии под маской “процессов по обвинению в государственной измене”»⁵⁹.

Прислушиваясь к Уолшу, Гаспарри пытался через папского нунция в Варшаве и проживавшего там же митрополита фон Роппа убедить польских священников вести себя благоразумно и следовать советам Святого Престола, однако, по-видимому, и это не произвело на них должного действия. «Я опасуюсь, — предполагал Уолш 26 мая, — что людьми, которые должны действовать во славу Божию и на благо нашей святой религии, движет ложный шовинизм. Как будто антирелигиозных гонений со стороны советского правительства недостаточно, в среде духовенства поднимают свою злобную голову внутренние раздоры, и уже слышатся недовольные речи. И, самое важное, мне кажется, что путь, которому они с особой радостью следуют — не церковный, а политический»⁶⁰. Недовольство католиков его собственной позицией и действиями Ватикана Уолш считал серьёзным препятствием для урегулирования их положения в СССР.

Расписки пугали католиков, которые опасались, что после передачи им храмов власти задавят их непомерными налогами. Признавая обоснованность таких опасений, Уолш всё же считал, что будущие проблемы нужно решать тогда, когда они возникнут. Вместе с тем он ещё ранее представил Ватикану план, предусматривавший, что американские епархии станут систематически, в определённом порядке, покровительствовать российским приходам. Так, Нью-Йоркской епархии предлагалось «удочерить» 11 костёлов Петрограда, Бостонской — три московских собора, Бруклинской — храмы в Одессе и т.д. «На карту поставлено само существование Католической церкви в России, — внушал Уолш Гаспарри 24 мая, — и поэтому я убеждён, что мы сможем организовать “финансовый крестовый поход” во спасение веры в этой стране». Особое значение это имело и для межконфессиональных отношений, поскольку Уолш осознавал: «Очевидно, если мы не спасём собственные церкви в России и не обеспечим их регулярное функционирование, на наше дальнейшее влияние на православных рассчитывать не приходится». Если же подобную помощь русским окажут англикане, то это «объединит Кентерберии и Москву против Ватикана», а «создание подобной религиозной Антанты повлечёт за собой и важные политические последствия: если Русская Церковь окажется под “квазипротекторатом” Англии, большевики уже не смогут ничтоже сумняшеся подвергать гонениям православную веру»⁶¹.

Во время визита Уолша в Рим летом 1923 г. данный план был поддержан и Пиём XI. Для реализации задуманного Уолш надеялся использовать желание

---

⁵⁹ Walsh Papers, box 6, folder 385.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ Ibid. Подробнее о перспективах взаимодействия между православными и англиканами в то время см.: *Беглов А.Л.* «Крестовый поход молитв» 1930 г. и реакция на него в СССР // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Выпуск 4(68) (URL: <http://history.jes.su/s207987840002219-9-1>); *Беглов А.Л.* Мольбы о помощи. Письма православных верующих Папе

СССР установить дипломатические отношения с США и собственный авторитет у американских епископов. В дальнейшем, ведя переговоры с Москвой, Ватикан настаивал на том, чтобы русские приходы могли получать материальную помощь из-за рубежа. Однако советские власти на это не соглашались.

В начале июня костёлы Петрограда открылись, поскольку католические священники стали, наконец, подписывать навязанные им расписки. Уолш вызвали в Рим, но вскоре он вернулся в Москву с указанием продолжить распределение помощи. Как писал Чичерину Ландер, «после выяснилось, что Уолш по данному вопросу получил какие-то инструкции из Ватикана, очевидно, предлагавшие ему не рвать с нами из-за Цепляка и истории с католическими церквями в Питере»⁶². Во всяком случае, судя по докладной записке Ландера во ВЦИК, по приезду Уолш «заявил, что католическая миссия желает продолжать работу и на новых условиях»⁶³. Тогда же он изложил новый план деятельности миссии, который включал организацию бесплатных детских диспансеров и амбулаторий, борьбу с эпидемиями, устройство студенческих общежитий и питания для учащихся в Ростове и Москве. Уолш сообщил, что миссия готова потратить 1 млн руб. золотом и попросил предоставить ему в Москве дом, за аренду которого соглашался платить 12 тыс. долл. в год.

В начале июля Уолш получил также и новые полномочия для ведения переговоров об исполнении изданной 27 апреля инструкции «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых». В Ватикане полагали, что «некоторые пункты» её, как писал 4 июля Чичерину Пиццардо, «противоречат основным принципам Католической церкви»⁶⁴. Во время встречи с Чичериным в начале июля Уолш протестовал против практики регистрации церквей, после чего разослал максимальному числу священников (в Москве, Петрограде, Ростове, Краснодаре, Киеве, Житомире, Саратове, Самаре, Оренбурге, Одессе и в Крыму) указание не подписывать никакие связанные с нею документы. Опираясь на появившееся 19 июня 1923 г. постановление правительства, он доказывал, что требование регистрации не относится к тем общинам, которые уже подписали ранее договоры об использовании храмов⁶⁵. В наркоматах же считали иначе. Чичерин поручил новому полпреду в Италии Н.И. Иорданскому начать в Риме переговоры о применении инструкции, указывая, что с конца июля 1923 г. католические приходы в России фактически находятся на нелегальном положении.

Таким образом советское руководство уже не желало иметь дело с Уолшем. «Это наш ярый, ни перед чем не останавливающийся враг», — писал Чичерин 20 августа Иорданскому. Нарком сетовал на то, что, по мнению Соловьёва,

---

Римскому 1931 г.: новые документы из архивов Ватикана // Вестник ПСТГУ. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2019. Вып. 91. С. 135—152.

⁶² АВП РФ, ф. 04, оп. 59, п. 419, д. 56870, л. 26—27.

⁶³ ГА РФ, ф. Р-1065, оп. 3, д. 64, л. 175.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 098, оп. 6, п. 103, д. 48, л. 6; Walsh Papers, box 6, folder 385.

⁶⁵ Так он пытался интерпретировать третий пункт постановления: «Вследствие сохранения в силе установленного инструкцией Народного комиссариата юстиции об отделении церкви от государства (Собр. узак., 1918, № 62, ст. 685) порядка пользования государственными имуществами, предназначенными для совершения культа, группы граждан, получившие с согласия указанной инструкции в бесплатное пользование здание культа, с изданием Закона от 3 августа 1922 года (Собр. узак., 1922, № 49, ст. 622) и инструкции Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел от 15 апреля 1923 года не обязаны тем самым преобразоваться в религиозные общества».

«невозможно иметь дело с Уолшем, который врёт, нарочно путает и коверкает истину и, видимо, старается создать обострение»⁶⁶. В Москве болезненно реагировали на большую информированность Уолша, его постоянные протесты и настойчивость в том, что «советское правительство должно рассматривать Католическую церковь в России как единое целое, а не собрание отдельных единиц, действующих независимо и по-разному». Ведь иезуит видел, что большевики, напротив, стремились «вынудить каждое католическое сообщество решать свои религиозные затруднения по отдельности, отлично понимая стратегическую ценность старой поговорки “разделяй и властвуй”». Причём, по мнению Уолша, «с Православной церковью им удалось воплотить её в жизнь»⁶⁷.

Иорданский, которому в дальнейшем поручались все переговоры с папской курией, выехал в Рим в конце августа 1923 г. Но в Ватикане не спешили с ним объясняться. Уолш, встречавшийся с Иорданским 19 июля, в тот же день предупредил Гаспарри, что новый полпред 20 лет был редактором радикальной коммунистической газеты и «считается искушённым пропагандистом», от которого «следует ожидать многочисленных нот протеста»⁶⁸.

Пиццардо принял Иорданского лишь 20 сентября. На первой же встрече полпред начал жаловаться на Уолша и даже просил его отозвать. Передавая подробности этой беседы, Пиццардо заверил Уолша в поддержке и высокой оценке его усилий папой, однако тут же намекнул на желательность более гибкого и мягкого взаимодействия с советским руководством⁶⁹. Скорее всего, этот совет уже запоздал, настойчивые требования отзыва Уолша возобновились, и 23 ноября в Ватикане решили, что ему пора покинуть Россию. Тем не менее незадолго до этого (13 сентября) ему удалось успешно завершить начатые ещё в конце 1922 г. переговоры о передаче Ватикану мощей блаженного Анджея Боболя (иезуита, убитого в Белоруссии в 1657 г.), вскрытых в Полоцке в 1922 г., перевезённых в Москву и размещённых в музее медицины. В октябре 1923 г. они были вывезены из России⁷⁰, а в начале 1924 г. прибыли в Рим.

* * *

В России Уолш оказался между двух огней — советским правительством, быстро убедившимся в его враждебности, и католиками-поляками, считавшими, что он чрезмерно уступчив и лоялен большевикам. При всей симпатии к преследуемым единоверцам Уолш не мог не видеть, что за их борьбой стоят не только религиозные, но и национальные устремления. Для иезуита, верно-го католическому интернационализму, это не являлось хорошей рекомендацией. Понимая, что его деятельность при сохранении советского строя не имеет будущего, Уолш тем не менее исполнял волю Пия XI, всячески пытавшегося укрепиться на русской земле и дорожившего работой миссии, которая служила,

⁶⁶ АВП РФ, ф. 04, оп. 59, п. 419, д. 56870, л. 24. Соловьёв в это время находился в остром конфликте с Уолшем из-за попыток миссии принять участие в распределении медикаментов, закупленных зимой 1922/23 г. Шефтелем на деньги Ватикана, выделившего на это 1 млн лир (ГА РФ, ф. 3341, оп. 6, д. 319, л. 22, 29, 51; ф. 9501, оп. 5, д. 45, л. 29, 31—33, 38; Walsh Papers, box 6, folder 384, 385, 386).

⁶⁷ Walsh Papers, box 6, folder 385.

⁶⁸ Ibid. Впрочем, Уолш был не совсем точен. Хотя Иорданский с 1904 г. участвовал в издании многих газет, включая «Искру», «Звезду», «Путь», журнал «Современный мир», он не редактировал ни один печатный орган в течение столь долгого времени.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid., folder 386.

по выражению её главы, «важным “подпорным клином”, держащим открытой дверь в Россию, а также средством защиты и развития католической веры в этой стране»⁷¹. Энергичная и деятельная натура ирландца, его природный оптимизм, по-видимому, отменное здоровье и крепкие нервы помогали ему приспособливаться к тяжёлым условиям жизни в России, где постоянно приходилось сталкиваться с голодом, болезнями, лишениями, трудностями передвижения и непрерывной подспудной борьбой с мелкими препонами и жёсткой антирелигиозной политикой властей. Характерно, что другие члены миссии не всегда выдерживали подобное напряжение: из-за болезней и нервного истощения СССР вынуждены были покинуть иезуиты Д. Пьемонте, Ж. Капеллос и Л.Дж. Галлахер, кларетинец П. Вольтас. Несмотря на большую помощь, которую она оказала, миссия Уолша была изначально обречена на провал, что и произошло в 1924 г., хотя её руководителю пришлось покинуть Россию ещё раньше.

---

⁷¹ Ibid., folder 387.

История исторической науки в творчестве А.И. Клибанова

Маргарита Вандалковская

The history of historical science in the works of A.I. Klibanov

Margarita Vandalkovskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870010788-7

Научное творчество всегда окрашивается и обогащается личностью его создателя. Несмотря на невзгоды, которые ему пришлось пережить, Александр Ильич Клибанов принадлежал к тому редкому типу учёных, которые органично сочетают рационализм профессионального подхода к науке и склонность к раздумьям, размышлениям и даже поэтическому восприятию истории, мира и жизни. Он и сам писал стихи, собирал картины, в совершенстве владел умением анализировать и обобщать исторический материал. В полемике с оппонентами он неизменно оставался интеллигентен, сдержан, деликатен, однако его вежливые и остроумные возражения не раз обезоруживали собеседника.

Труды Клибанова — исследователя духовной культуры России, религиозной и общественно-политической мысли, реформационных движений XIV — первой половины XVI в., народных социальных утопий XVI и XIX вв. — проникнуты идеей гуманизма и связаны с мыслью о человеке, его достоинстве, сознании, идеалах, о заложенном в нём потенциале общечеловеческих ценностей и любви к свободе. Для него как учёного свойственно обращение к истории исторической науки, к процессу развития научной мысли как части культуры, к профессиональному историческому мышлению. Особое его внимание привлекали переходные эпохи, отражение перемен в общественном сознании в тех условиях, когда ярко выявляются интеллектуальные созидательные возможности личности.

Будучи истым западником, Клибанов включал историю России в контекст европейской истории. Другая характерная черта Александра Ильича — глубокое знание и интерес к философским концепциям, спорам марксистов, позитивистов и неокантианцев — спорам, которые были насильственно оборваны в начале 1930-х гг. Но не для Клибанова. Его чрезвычайно привлекало творчество учёных начала XX в., в частности А.С. Лаппо-Данилевского, одного из первых русских историков-неокантианцев.

Проблему преемственности исторической науки Клибанов считал основополагающей в поступательном развитии научной мысли. При этом одним из составляющих факторов, обеспечивающих преемственность, он признавал отношение историка к своей стране. В сфере же науки, по мысли Клибанова, это преемственность научного знания, которую он воплотил в созданную им самим формулу «культура исследовательского процесса». В эту формулу он включил «терпеливую работу с первоисточниками во всеоружии вспомогательных исторических дисциплин», мастерство источниковедческого анализа.

Он — убеждённый сторонник комплексного подхода к изучаемым проблемам, использования достижений смежных наук: истории литературы и литературоведения, лингвистики, искусств и искусствоведения, применения сравнительно-исторических подходов и знания как древних, так и новых языков. Важным компонентом этой формулы Клибанов считал включение в орбиту исследования новых тем, возникавших в ходе развития науки, способных определить и новые подходы к изучаемой проблеме¹.

В собственной исследовательской практике Александр Ильич постоянно опирался на труды предшественников как по русской, так и по всеобщей истории. Особое внимание он уделял литературоведу Н.С. Тихонравову, применявшему исторические методы в изучении памятников древнерусской литературы и создавшему научно обоснованные исследования междисциплинарного характера; С.В. Ешевскому, историку-медиевисту, в работах которого воссоздавалась общественная мысль, психология людей античности и средневековья².

Клибанов считал научно значимым наследие каждого историка, если в его статье или книге содержались новые идеи, факты, доказательства³. Рассуждения Александра Ильича о культуре исследовательского процесса историка находятся в контексте его мыслей о творческой манере историографических работ Л.В. Черепнина и изложены в сборнике, посвящённом его памяти⁴. По мнению Клибанова, при анализе общих и единичных явлений в истории, общего и особенного в их проявлениях властно действует «фактор времени», в «распределении светлых и тёмных штрихов»⁵ — зависимость историка от времени творения.

Значительное внимание А.И. Клибанов уделил проблеме кризиса отечественной науки начала XX в., о котором много писали в советской историографии. К этому времени в советской историографии по теме «кризиса» была создана значительная литература, в её обсуждении принимали участие известные учёные: И.Д. Ковальченко, Е.В. Гутнова, Л.В. Черепнин, Л.Н. Хмылев, А.Н. Нечухрин и др.

Чтобы понять позицию в этом вопросе Клибанова, необходимо представить, хотя бы кратко, историографическую атмосферу времени, в котором разрабатывалась эта проблема. Общеизвестно, что понятие кризиса было заимствовано в трудах историков, научные взгляды которых сформировались до революции — Р.Ю. Виппера, Д.М. Петрушевского, П.И. Новгородцева. Для них историографический кризис — это прежде всего изменение взглядов на цели и методы исторической науки, отказ от позитивизма, от предопределённости перемен в экономической, социальной и политической жизни, свойственной позитивизму и окончательно утвердившемуся в марксизме с его «сменой общественно-экономических формаций». Историографический кризис воспринимался ими как кризис методологический и как предпосылка к появлению нового уровня осмысления истории.

---

¹ *Клибанов А.И.* Мастера исторической науки // Л.В. Черепнин. Отечественные историки XVII—XX вв. Сборник статей, выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 6.

² *Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 10—11, 13—18, 168, 173 и др.

³ *Клибанов А.И.* Мастера исторической науки. С. 7—8; *Клибанов А.И.* Высокие уроки // Исследования по истории и историографии феодализма. М., 1982. С. 93—95.

⁴ *Клибанов А.И.* Мастера исторической науки. С. 5—8.

⁵ *Клибанов А.И.* Александр Иванович Якубович: действительность и легенда // Исторические записки. Вып. 106. М., 1981. С. 203.

Совсем иначе историографический кризис оценивала официальная советская историческая наука. Эта тема приобретала политический характер, так как исследования истории страны неизбежно должны были подводить к идее смены формаций, роли классовой борьбы и в конечном счёте к пониманию и объяснению с этих позиций причин революции в России. Отношение к данным вопросам на многие десятилетия определяло оценки историографического наследия в советской исторической науке. Проявления кризиса усматривались только в работах представителей старой школы, которые ассоциировались с буржуазной наукой.

С середины 1950-х гг. в связи с некоторым ослаблением идеологического давления началось изменение в толковании этой проблемы. Появились исследования о вкладе буржуазных учёных в разработку конкретных проблем, о введении ими в научный оборот новых источников, совершенствовании техники исследования⁶. Восстанавливалось представление о методологическом характере кризиса в исторической науке и о его противоречивости (становление методологии истории как самостоятельной дисциплины, утверждение гносеологического подхода к анализу исторических проблем)⁷. Но важно отметить, что незыблемым оставалось утверждение о кризисе, относившемся лишь к либерально-буржуазной науке и к её якобы реакционной направленности.

В годы перестройки некоторые исследователи стали отходить от определения историографического кризиса как характеристики лишь либерально-буржуазной науки рубежа XIX—XX вв. Росло понимание кризиса как естественной стадии развития науки, переходившей от одного качественного состояния в другое под влиянием новых теорий и методологий⁸. На этом историографическом фоне в 1990 г. появилась яркая и содержательная статья А.И. Клибанова «А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель», которая, к сожалению, не стала предметом внимания историков⁹. «Понятие о кризисе русской историографии в его настоящем виде, — писал Клибанов, — представляется прямолинейным, односторонним, заидеологизированным и потому бесперспективным для исторических (как и для историографических) исследований»¹⁰.

Отрицая трактовку кризиса, определяемого советскими исследователями, Клибанов признавал характерную для конца XIX — начала XX в. «глубину и остроту социально-политических коллизий», вызывающих «к осмыслению исторического опыта и углублению в суть исторического процесса с целью прогнозирования его путей»¹¹. Он называл учёных и их труды «кризисной полосой»: А.С. Лаппо-Данилевского и его «Методологию истории», социологические труды М.М. Ковалевского, историко-философские сочинения Н.И. Кареева,

⁶ Алташов М.А. Кризис русской буржуазной медиевистики в начале XX века // Проблемы историографии. Воронеж, 1960. С. 23—27.

⁷ Черепнин Л.В. Основные черты кризиса буржуазной историографии // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 3. М., 1963. С. 239—278; Хмылев Л.Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в. Томск, 1978. С. 170.

⁸ Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. 1996. № 4; Шикло А.Е. Историческая наука в поисках новых подходов и изучению и осмыслению истории (конец XIX — начало XX в.) // Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории СССР. М., 2008. С. 226—227; Рамазанов С.П. Кризис в российской историографии начала XX века. Ч. 1—2. Волгоград, 1999.

⁹ Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель // А.С. Лаппо-Данилевский. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990. С. 249—280.

¹⁰ Там же. С. 254.

¹¹ Там же. С. 253.

«Теорию исторического процесса» В.М. Хвостова и отмечал их методологическую направленность, философские поиски и значение.

Изучение теоретических построений названных трудов о движущих силах и ходе исторического процесса привело Клибанова к заключению о наличии их общих и отличительных черт. Наиболее общей и объединяющей их чертой (что важно отметить) Клибанов признавал «такое понимание исторического процесса, которое противостояло его диссолюционному (попятному, регрессирующему) толкованию»¹². Он подчёркивал также, что признание различий в понимании исторического процесса как поступательного развития общества у Ковалевского и у Хвостова, допускающего изменения в ходе его развития, не меняло общего представления учёных этого времени об историческом процессе как прогрессе. Это, разумеется, контрастировало с представлениями об отсутствии у историков «кризисной эпохи» перспективы.

Теории истории, появившиеся уже после революции 1917 г. в России (Е. Трубецкой) и Германии (О. Шпенглер), Клибанов считал «перекрытыми» книгой Хвостова «Этика человеческого достоинства: критика пессимизма и оптимизма» (М., 1912). Этику человеческого достоинства Хвостов, по мысли Клибанова, признавал выше понятий пессимистического и оптимистического мировоззрения¹³. Дореволюционную историческую науку, особенно её лучших представителей, он рассматривал как профессиональный фундамент дальнейшего поступательного развития отечественной науки.

Отнесение советскими исследователями А.С. Лаппо-Данилевского и его современников (В.О. Ключевского, Н.П. Павлова-Сильванского, М.М. Богословского, П.Н. Милюкова, С.Б. Веселовского, С.Ф. Платонова, Ю.В. Готье, М.К. Любавского) к «фигурам, показательным для кризиса буржуазной историографии» (хотя и в разной степени), А.И. Клибанов признавал неправомерным и ошибочным. «Эти учёные, — писал он, — составляют цвет исторической науки, многие из них — авторы капитальных трудов, сохраняющих актуальное значение и поныне»¹⁴. К их числу относятся труды М.М. Богословского «Пётр I. Материалы для биографии», С.Б. Веселовского «Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси» и С.К. Богоявленского «Приказные судьи XVII в.», вышедшие в свет в 1940-х гг. Клибанов осознавал, что эти историки старой школы были и остались далёкими от марксизма, некоторым из них свойственна предубеждённость к марксистскому учению. Но их высокий научный уровень и профессиональное мастерство обогатили советскую историческую науку, и они заняли в ней выдающееся место. «Это означает не что иное, — делал вывод Клибанов, — как наличие творческого потенциала, реализованного и вне марксистского мировоззрения»¹⁵. В советской историографии эта мысль впервые прозвучала столь определённо и чётко и по существу явилась ответом на постоянный рефрен советских исследователей о том, что непринятие марксизма учёными старой школы закрывало путь к развитию их профессионализма и возможности творческого совершенствования.

В унисон с учёными, которые считали необходимым для понимания кризиса отечественной исторической науки провести аналогии с кризисами в других областях науки, А.И. Клибанов обращал своё внимание на западноевро-

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 251—252.

¹⁵ Там же. С. 252.

пейскую историографию и статью о ней известного философа В.Ф. Асмуса «Буржуазный алогический историзм эпохи империализма»¹⁶. Он показал, что суть кризиса западноевропейской историографии Асмус видит в том, что её развитие происходит лишь «в узком русле исторической и филологической критики источников, доведённой до высокого совершенства, и не соответствует низкому уровню способности решать теоретические проблемы»¹⁷. Продолжая изложение позиции Асмуса, Клибанов привёл выразительную цитату из его статьи: «Мастерство технической филологии обычно является последней границей научного совершенства буржуазного историка. За этой границей буржуазный историк — обычно самый плоский эмпирик, эклектик или идеалист без явно продуманной перспективы, без сознания логических основ и принципов собственной работы»¹⁸. Клибанов признал, что при определении кризиса западноевропейской историографии Асмус применяет те же критерии, которые используют советские историки для характеристики кризиса русской исторической литературы. Но главное — он вступил в полемику с Асмусом в оценке западноевропейской либерально-буржуазной историографии. «Энергия слов, отличающая характеристику Асмуса, — деликатно замечал Клибанов, — доказательности ей, конечно, не прибавляет, но объясняется ситуативно: работа написана, по-видимому, вскоре после года “великого перелома”»¹⁹.

Александр Ильич решительно не соглашался с обвинениями западноевропейских учёных в ограниченности, эмпиризме, эклектизме и в отсутствии у них ясно продуманной перспективы. Принять оценку Асмусом западноевропейских учёных, по мнению Клибанова, означает отлучить от историографии таких флагманов исторической науки, как Я. Бурхардт, Т. Моммзен, Л. Ранке, а также авторов более скромных, пусть эмпирических, но полезных в науке трудов.

Научную потребность Клибанов видел и в том, чтобы отмечать труды учёных, имеющих заслуги в специальных исторических дисциплинах, особенно в области источниковедения, «что не случайно и не безотносительно, к проверке надёжности таких критериев кризиса, как совершенствование историков в исторической и филологической критике источников»²⁰. В связи с этим историк высказал существенное суждение, направленное против сторонников признания кризиса буржуазной историографии: с одной стороны, кризис в методологии, с другой — высокий уровень методов конкретных исследований. Такое противопоставление методологии и метода профессионалу-историку, по его мнению, «представляется по меньшей мере наивным». Клибанов подкрепил свой вывод уместной в данном случае цитатой К. Маркса: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинным, истинное исследование — это развёрнутая истина, разъединённые звенья которой соединяются в конечном итоге»²¹.

Возражение Клибанова вызывает и утверждение Асмуса о том, что буржуазные историки конца XIX — начала XX в. «упрямо», «слепо и тупо» игнори-

¹⁶ Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 2. М., 1971. С. 351—360.

¹⁷ Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель. С. 255.

¹⁸ Там же; Асмус В.Ф. Избранные философские труды. Т. 2. С. 354.

¹⁹ Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель. С. 255.

²⁰ Там же. С. 256.

²¹ Там же; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 1. М., 1955. С. 7—8.

ровали философско-исторические работы марксизма. «Ни немецкие неокантианцы, философы и историки, ни их русские коллеги и единомышленники, — отвечает он Асмусу, — не игнорировали марксизм. И именно потому, что не были ни “слепы”, ни “тупы”, а напротив, достаточно зорки и чутки, чтобы в марксизме опознать развёрнутую теорию идей и целей, провозглашённых “Манифестом Коммунистической партии”»²².

Впрочем, марксистскую историографию этого периода Клибанов оценивал, по меньшей мере, сдержанно: «Даже отмеченные печатью яркого таланта исторические труды Г.В. Плеханова, как и “Русская история с древнейших времён” М.Н. Покровского, в качестве конкретного примера перспективности марксистской методологии истории не являлись вполне убедительными»²³.

Историк по существу отрицал правомерность той трактовки историографического кризиса, которая существовала в советской историографии. «Кризисы, — писал он, — бывают разные: необратимые, безысходные, и кризисы преодолимые в социально-детерминированных пределах, т.е. способные к обретению “второго дыхания”, наконец, кризисы целительные». По мнению Клибанова, буржуазная историография в конце XIX — начале XX в. «обрела своё второе дыхание» — в одних случаях на путях позитивизма и неопозитивизма, в других — неокантианства²⁴. Развитие неокантианства в России он связывал с творчеством А.С. Лаппо-Данилевского.

Клибанов испытывал к Лаппо-Данилевскому особое уважение. Он видел в Александре Сергеевиче не только незаурядного профессионала-историка, но и мыслителя. В этом он следовал традиции ученика Лаппо-Данилевского А.Е. Преснякова, который писал, что не только книги, но и мысли были «важнейшими фактами и событиями жизни Лаппо-Данилевского, важнейшим элементом его личного бытия, областью непрерывной борьбы за разрешение сложных и всё усложняющихся задач... научного и притом исторически ориентированного мировоззрения»²⁵.

Клибанов оценивал Лаппо-Данилевского как учёного европейского масштаба. Он объяснял это не только тем, что последний знал европейскую философскую, историческую мысль и творчески откликался на неё, но и тем, что его «слово как историка и мыслителя» по своему значению было вкладом в европейскую науку и культуру. И это являлось «свидетельством всемирной отзывчивости выдающихся деятелей отечественной культуры, о которой так вдохновенно говорил Ф.М. Достоевский» в своей знаменитой речи на открытии памятника А.С. Пушкину²⁶.

Лаппо-Данилевский, как считал Клибанов, «досконально знал» труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, названного им «новейшим приверженцем диалектического материализма». «Ни в одном историко-методологическом исследовании, — писал Клибанов, — вышедшем из-под пера представителя либерально-буржуазной историографии, не содержится столь широкого обзора марксизма как цельного мировоззрения и учения, как у Лаппо-Данилевского».

²² Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель. С. 256.

²³ Там же. С. 252.

²⁴ Там же. С. 256—257.

²⁵ Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 5—7. См. также: Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский как учёный и мыслитель // Русский исторический журнал. Кн. 6. Пг., 1920. Этот выпуск журнала был полностью посвящён «Памяти академика А.С. Лаппо-Данилевского».

²⁶ Клибанов А.И. А.С. Лаппо-Данилевский — историк и мыслитель. С. 251.

По словам Клибанова, он был безусловным идейным и убеждённым, но не предубеждённым противником марксизма²⁷.

Труды Лаппо-Данилевского конкретно-исторического и культурно-исторического характера, а также работы, посвящённые специальным историческим дисциплинам — дипломатике, источниковедению археографии, были подчинены, по мнению Клибанова, проблемам методологии и методам исторического исследования. И поэтому не случайно свои источниковедческие размышления Лаппо-Данилевский называл «методологией источниковедения».

Спорным, но «крайне важным» представлялся Клибанову вопрос о том, какой труд Лаппо-Данилевского является главным. В отечественной историографии утвердилось мнение, что таким трудом стала двухтомная «Методология истории». Но Клибанов думал иначе. «Речь идёт, — писал он, — о научно-методологическом приоритете в концептуальных рамках творческого наследия Лаппо-Данилевского». С этой точки зрения главным трудом он признавал «Историю политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием её культуры и ходом её политики». Именно эту работу сам Лаппо-Данилевский считал «делом своей жизни».

Клибанов считал также, что многочисленные и разнообразные статьи Лаппо-Данилевского — «Критические заметки по истории народного хозяйства в Великом Новгороде и его области за XI—XV вв.» (1895), «Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II» (1898), «Об институте социальных наук. Записка Комиссии Российской Академии наук» (1918) и многие другие — были «последовательными ступенями» монументального издания «Истории политических идей в России в XVIII в. в связи с развитием её культуры и ходом её политики». Вполне закономерно, что для понимания философского обоснования взглядов Лаппо-Данилевского и их существенных особенностей Александр Ильич обращался к неокантианству, точнее, к его Баденской школе, занимавшейся проблемами философии духовной культуры и методологии исторической науки. Примечательно, что Клибанов считал Лаппо-Данилевского не «простым эпигоном» этой школы, а создателем своеобразной концепции, отличающейся от концепции её основателей В. Виндельбанда и Г. Риккерта²⁸.

Присматриваясь к творчеству Лаппо-Данилевского, Клибанов не мог не задумываться о необходимости пересмотра устоявшихся в советской историографии оценок неокантианства и неокантианцев (и прежде всего их Баденской школы). Он видел, что «историко-философские построения неокантианства при всей их субъективистской гносеологии, апелляции к трансцендентным ценностям, телеологичности, противопоставленной казуальности, не были бесплодным заблуждением». Важным оказалось и то, что эта «школа разработала *проблемы человека* (здесь и далее курсив Клибанова. — *М.В.*), понятого в качестве “интегрального” явления (Лаппо-Данилевский, Риккерт), в качестве субъекта исторического процесса, человека автономного, ориентирующегося на высокие общественно полезные цели, неповторимого по своему внутреннему миру — миру, открытому вовне и вовне реализуемому». Она «утвердительно ответила на вопрос о *смысле жизни* человека в его назначении строителя мира» и «ввела понятие “культура” как совокупной духовной мощи человечества, на-

²⁷ Там же. С. 269.

²⁸ Там же. С. 259.

растающей по ходу истории, целеполагающей и целенаправленной, созидающей, преобразующей и таким образом составляющей *смысл истории*²⁹.

Клибанову явно импонировало то, что «приоритет истории выступал у баденцев как приоритет целесообразной деятельности людей во всех сферах культуры, не исключая и политической». По его словам, «отказав истории в наличии имманентных законов, тем и открывая простор культурному творчеству как целесообразной деятельности, Баденская школа стояла на почве утверждения культурной преемственности поколений»³⁰. Это было вполне созвучно стремлению Александра Ильича опереться на наследие русской дореволюционной науки, которое он считал фундаментом для дальнейшего развития отечественной историографии.

Вместе с тем Клибанов, как и Лаппо-Данилевский, не абсолютизировал характерное для Риккерта и Виндельбанда противопоставление номотетической (формулирующей законы и объясняющей) и идиографической (описывающей индивидуальное и событийное) методологий. Само представление об истории как идиографической науке казалось ему несколько упрощённым. С другой стороны, он обращал внимание на то, что «идиография — не фактография, а описание, не имеет ничего общего с описательством». «Описание, — пояснял он, — предполагает погружение исследователя в ткань исторического материала, его способность проникнуть в “душу живую” факта. Описание фактов призвано выволить из плена времени всё то, что делает факт “заложником вечности”. Такое описание и отвечает требованиям индивидуализации. “Пленённость временем” есть “бесполезное”, что необходимо отбросить, тогда как отнесённость к “вечности” есть “пригодное”, подлежащее сохранению»³¹.

Клибанова интересовал вопрос о жизнестойкости неокантианства на русской почве. В стремлении понять причины живучести этого философского участия он вновь обратился к трудам Асмуса. Но предложенные в них объяснения этого явления, сводящиеся к признанию «низкого уровня философской осведомлённости» историков и философов, которые не могли понять смысла утверждающегося неокантианства, Клибанова не удовлетворили. «До чего только не доводит ложная посылка в науке», — возмущался он, возражая Асмусу. Александр Ильич защищал историков начала XX в. от их критика — Асмуса, утверждавшего, что «историк не мог хотя бы “сколько-нибудь самостоятельным”... разобраться в философской литературе»³².

Бесспорным авторитетом в этом вопросе для Клибанова являлся Плеханов, который «понимал, что распространение и жизнестойкость неокантианства были связаны не с философской наивностью» историков и не с пропагандой этого учения, а со сложной научной атмосферой времени и с состоянием марксистской историографии. Чтение Плеханова, по признанию Клибанова, «наведало» его на размышления, с которыми небезынтересно познакомиться: «В той или иной теории, когда она не больше, чем пустоцвет, всегда заключены зёрна истины и они могут и бывают освобождены от шелухи, если в этом есть общественная заинтересованность. В смене времён происходит высветление одних граней теории и затемнение других, если теории не нищи или же вообще не успели умереть естественной смертью. В разных исторических условиях теории

²⁹ Там же. С. 261.

³⁰ Там же. С. 258.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 265.

проделывают свои метаморфозы, что представлялось их создателям существенно первостепенным. Как проницательно заметил ещё Л. Фейербах, “каждая эпоха вычитывает из Библии лишь себя самое”; “каждая эпоха имеет свою самодельную Библию”». Из этих суждений А.И. Клибанова следовала его мысль, «что и нашему времени найдётся, что вычитать у субъективистов, в частности у Лаппо-Данилевского»³³.

---

³³ Там же. С. 266.

Виталий Тихонов

«В великую книгу об истории нашей родины Б.Д. Греков вписал немало ярких страниц»*

Vitaliy Tikhonov

*(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences;
Russian State University for the Humanities, Moscow)*

«B.D. Grekov wrote many bright pages in the great book about the history of our homeland»

DOI: 10.31857/S086956870010789-8

На заседании Института истории АН СССР 3 апреля 1943 г. по случаю присуждения Б.Д. Грекову Сталинской премии выступил известный ленинградский историк И.И. Смирнов, который, среди прочего, заявил: «В великую книгу об истории нашей родины Б.Д. Греков вписал немало ярких страниц». Конечно, стоит учитывать присущую торжественному моменту патетику. Однако представляется, что эта фраза вполне отражает статус героя рецензируемой публикации и его значение для истории отечественной исторической науки.

При этом, как ни парадоксально, среди её классиков Греков остаётся одной из самых загадочных фигур. Ряд статей и апологетическая биография, написанная Н.А. Горской¹, не меняют общей картины и не позволяют до конца понять его место и роль в исторической науке первой половины XX в. Одни смотрят на него как на наследника и продолжателя дела дореволюционной историографической традиции, другие — как на символ конформизма, капитуляции академической среды перед партаппаратом, третьи видят благородного человека, вынужденного в непростое время

идти на компромиссы ради спасения науки. Разброс оценок определяется не только личностными особенностями, жизненным опытом и разными исследовательскими ракурсами, под которыми рассматривается фигура Грекова, но и острым дефицитом документов, позволяющих понять его как личность. Кроме того, такие источники позволили бы уяснить многие важные нюансы ключевых событий в истории науки сталинской эпохи, учитывая статус учёного как одного из руководителей «исторического фронта» (как любили говорить в 1930—1940-х гг.). Небольшой личный фонд Грекова сформирован совсем недавно и до сих пор к нему нет доступа исследователей. Вот почему любые публикации касающихся его документов вызывают неподдельный интерес.

Публикацию писем Грекова подготовил известный археограф В.Г. Бухерт. Книга прекрасно вписывается в серию его изданий эпистолярного наследия известных историков советского времени (например, не так давно вышла переписка Н.М. и Е.И. Дружининых²).

* Б.Д. Греков. Письма (1905—1952 гг.) / Сост. В.Г. Бухерт. М.: Памятники исторической мысли, 2019. 504 с., ил.

Перед нами сборник из 309 писем, охватывающих период 1905—1952 гг. Они выявлены в 12 московских и петербургских архивохранилищах — и проделанная работа впечатляет. В силу объективных причин — Греков небрежно относился к своему архиву — говорить о полноте сохранности его эпистолярного наследия не приходится, поэтому письма пришлось собирать буквально по крупичкам. Но даже в таком виде они дают многое для понимания биографии историка.

Документы выстроены по хронологическому принципу. В случае если источники уже публиковались, это указано в легенде. Спорным представляется решение отказаться от публикации ответных писем корреспондентов учёного. Учитывая вышесказанное, логично предположить, что их не так уж и много. Выбранный подход нарушает главную характеристику переписки как источника — её диалогичность, превращает издание в своеобразный (пусть и чрезвычайно интересный) монолог, контекст которого не всегда ясен, хотя в ряде случаев этого можно было избежать. Такое решение Бухерт объясняет нежеланием нарушать принцип издания. Однако его монолитность всё равно нарушают приложения, включающие самые разные виды источников. В книгу не попали (о чём указано в предисловии) ответные письма С.Б. Веселовского, при этом письма Д.М. Петрушевского (публиковавшиеся в упомянутой монографии Горской) оказались в разделе Приложение. Всё это выглядит несколько странно. Может быть, имело смысл отказаться от ряда приложений и всё же включить выявленные корреспонденции полностью? Необходимо отметить и то, что не учтена публикация письма Грекова (от 14 февраля 1942 г.) известному специалисту по истории древности А.Б. Рановичу³.

Как бы то ни было, опубликованные письма позволяют реконструировать важные факты интеллектуальной биографии учёного. Письма 1900—1910-х гг. раскрывают круг наставников-патронов тогда ещё начинающего историка: Д.М. Петрушевского, С.Ф. Платонова и С.Д. Шереметьева⁴. Последний сыграл особую роль в его судьбе. Их познакомил Платонов, и именно Шереметьев, видимо, стал главным патроном молодого учёного, помогая ему в начале академической карьеры⁵, которая складывалась достаточно успешно. Судя по письмам, отношения Грекова со старшими товарищами были достаточно близкими — он мог поведать им о своём эмоциональном состоянии и даже исповедоваться (см. письмо № 46 Шереметьеву).

Публикация даёт немало материала и для понимания неофициальной стороны жизни корпорации историков начала XX в. Например, в ней отразилось скрытое противостояние между «всеобщниками» (специалистами по европейской истории) и «русистами» (специалистами по истории отечественной). Так, 26 декабря 1913 г. Греков писал Платонову из Варшавы: «Погибаем без Вас, Сергей Фёдорович! Обижают на Курсах (Высших женских курсах. — *В.Т.*) русскую историю, и вступитья некому. На последнем заседании было обидно и больно не только за предмет, а и за Россию вообще, которая будет отдавать своих детей в школы, где их будут обучать, что в России ничего не было, ни одного учреждения, что “заниматься”, конечно, можно чем угодно, но что настоящие исторические работы могут быть только по западно-европейской истории *etc*» (с. 129. См. также письмо № 77 Шереметьеву). Стоит отметить, что противостояние определялось не только мировоззренческими и научными факторами, но и

вполне прозаичной борьбой за количество часов на те или иные предметы. Интересно, что сами «всеобщие» жаловались на «византийщину» (курс истории Византии, который начал вводиться в университетах в последней четверти XIX в.) как на инструмент «вытравливания» западноевропейской истории⁶.

Заслуживают внимания и характеристики ряда уже известных или только начинавших историков. Например, С.Б. Веселовского. Из воспоминаний А.А. Зимина известно, что Греков его «боготворил (в душе)»⁷, и формирование этого особого отношения фиксирует переписка. В письме Шереметьеву от 24 декабря 1911 г. Греков характеризовал историка так: «Это вдумчивый, серьёзный человек и очень скромный» (с. 94), а в письме к А.С. Лаппо-Данилевскому от 31 декабря 1911 г. писал, что он «очень интересный человек» (с. 95).

Интересно в письмах представлена академическая география Российской империи. Выясняется, что Казань, когда у Грекова возникла возможность начать преподавать там, воспринималась им как место, где можно работать (с. 151), но, очевидно, хотелось бы большего. Петроград воспринимался как важнейший научный и культурный центр, который нужен «как (научная. — *В.Т.*) школа» (с. 158). Пермь, где Греков работал в 1916—1917 гг., предстаёт, с одной стороны, как научная провинция, но с другой — как место, где профессора и студенты выполняют важную культурную миссию. Уже в советское время в письме В.И. Шункову из Ташкента он противопоставлял ленинградцев и москвичей: «Из Ленинграда здесь Валк, Предтеченский и Романов. Работают хорошо, как подобает ленинградцам. Это совсем не значит, что москвичи не работают, но во 1-х не все, а во 2-х в Ленинграде уже такой рабочий дух завёлся, вероятно, от Петра, чего в

Москве меньше» (с. 258). Интересно, что здесь мы сталкиваемся с классической для русской культуры дихотомией Москва—Петербург, проецировавшейся и на академическую среду⁸. Замечу, что проблема «ментальной» географии российской науки — тема почти не исследованная.

Февральскую революцию Греков встретил с восторгом: «Чувство большой тревоги за тех, кто взял на себя большое и ответственное дело, постепенно сменяется уверенностью в благополучном исходе борьбы, восхищением перед мужеством и умением ориентироваться в сложной обстановке, радостью, большой невыразимой радостью за успех и гордость за русского человека. Слава Богу!» (с. 183. Письмо № 141 от 4 марта 1917 г. Петрушевскому). Впрочем, эйфория быстро прошла, и со всей остротой встали вопросы выживания в революционную эпоху. В письме Платонову из Перми от 23 февраля 1918 г. находим: «Слава Богу, питаться есть чем. Думаю о тех, кто сейчас в Петрограде, и больно за них» (с. 187). Письма № 148—154 пополняют знания о работе Грекова в Симферопольском университете в 1918—1921 гг.⁹

1920-е гг. представлены в издании довольно скупо, зато писем следующего десятилетия куда больше. В 1933—1934 гг. можно отметить высокую плотность переписки с Петрушевским. Заметно, что контакты между двумя историками усилились. Именно Петрушевский рекомендовал АН СССР кандидатуру Грекова в качестве члена-корреспондента (с. 344—345. Приложение. Док. № 6). Это время стало переломным для главного героя книги, поскольку именно тогда он представил концепцию феодализма в Киевской Руси, сделавшую его ведущим советским историком, а вскоре и важным администратором от науки.

В письмах раскрываются черты его характера. Из письма Петрушевскому от 12 февраля 1933 г. можно узнать, что Грекова не привлекала педагогическая и административная деятельность в вузе. Он отдавал предпочтение научно-исследовательской работе (с. 211).

Великая Отечественная война привела к увеличению количества писем, поскольку эвакуация в Ташкент потребовала поддерживать связь с коллегами. Письма военной поры, пожалуй, самые интересные в издании. В них — подробности работы учёных в эвакуации, описание взаимоотношений внутри корпорации. Даже если судить только по ним, очевиден рост числа дискуссий в исторической науке. Это можно связать с поиском советской элитой нового образа прошлого, обусловленного текущими идеологическими потребностями. Историки играли в этом процессе ведущую роль, откликаясь на не всегда ясные установки верхов и предлагая свои версии «полезного прошлого».

Послевоенные годы стали зенитом карьеры Грекова, но в выявленных письмах они отражены скупно. Между тем это было непростое время, на которое пришлась серия идеологических кампаний, затронувших и научный мир. Надо отдать учёному должное: он старался выполнять предписания организаторов погромов формально, что помогало сглаживать последствия репрессий. Так, опубликовано письмо учёному секретарю АН СССР А.В. Топчиеву, в котором Греков заступался за подвергшихся проработкам сотрудников Института истории: С.Б. Кана, Л.И. Зубока и Э.Б. Генкину (док. № 281). Наиболее информативной частью послевоенной корреспонденции можно считать письма И.И. Смирнову.

Издание сопровождается обширными приложениями. Публикацию ряда из них следует одобрить. В пер-

вую очередь это касается характеристик Грекова, данных Петрушевским и С.Г. Томсинским при выдвижении его в члены-корреспонденты АН СССР в 1934 г. Большой интерес представляют рецензии Грекова на труды других историков и ранее не публиковавшиеся тексты его выступлений и небольших статей.

В то же время вряд ли удачно решение напечатать тексты выступлений Грекова в Институте красной профессуры в 1937 г., на заседаниях Учёного совета Института истории АН СССР, посвящённых борьбе с «буржуазным объективизмом» (1948) и «безродным космополитизмом» (1949). В последнем случае, кстати, представлены и выступления других историков: С.В. Бахрушина, А.Л. Сидорова, Н.А. Машкина. Выхваченные из контекста, они вряд ли могут послужить информативным и надёжным источником понимания феномена идеологических кампаний «позднего сталинизма».

Любопытна подборка «Историки о Б.Д. Грекове», в которой помещены тексты уже упомянутого доклада Смирнова «Б.Д. Греков как историк». Интересен и впервые опубликованный фрагмент воспоминаний, написанных Сидоровым. В этой связи хотелось бы пожелать, чтобы до сих пор неопубликованные мемуары последнего в скором времени вышли в свет в полном виде.

Завершая обзор, отмечу, что книгу предваряет написанный Бухертом большой очерк жизни и научного творчества учёного, в основном учитывающий новейшую историографическую литературу по теме. Однако полноценной научной биографии Грекова историческая наука пока не имеет. Стимулирует ли это издание её написание? Очень хочется на это надеяться.

Примечания

¹ Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. М., 1999.

² Переписка Н.М. и Е.И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями / Сост. В.Г. Бухерт. М., 2018.

³ Абрам Борисович Ранович: документы и материалы / Сост., предисл. и примеч. А.И. Клюева, О.В. Метель; науч. ред. С.Б. Крих. Омск, 2018. С. 39—40.

⁴ О феномене патронажа, его роли и механизмах функционирования в среде историков первой четверти XX в., и особенно роли Шереметьева, см.: Kaplan V. *Historians and historical societies in the public life of Imperial Russia*. Bloomington (Ind.), 2017.

⁵ Подробнее см.: Горская Н.А. Указ. соч. С. 34—39.

⁶ Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010. С. 131—132.

⁷ Зимин А.А. Храм науки // Судьбы творческого наследия отечественных историков второй половины XX века. М., 2015. С. 152.

⁸ См.: Тихонов В.В. Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва—Петербург» (конец XIX — начало XX в.) // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М., 2013. С. 344—378.

⁹ Подробнее об этом см.: Филимонов С.Б. Интеллигенция в Крыму (1917—1921): поиски и находки источниковеда. Симферополь, 2006. С. 140—171; Кривошеев Ю.В. Крым в жизни и творчестве академика Б.Д. Грекова // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 361—376.

Владимир Глазьев

Рец. на: А.П. Синелобов. Персональный состав городских приказчиков и губных старост Московского государства XVI—XVII вв. М.: ИНФРА-М, 2018. 174 с.

Vladimir Glaziev

(Voronezh State University, Russia)

Rec. ad op.: A.P. Sinelobov. Personalniy sostav gorodovykh prikazchikov i gubnykh starost Moskovskogo gosudarstva XVI—XVII vv. Moscow, 2018

DOI: 10.31857/S086956870010790-0

С 1990-х гг. в российской исторической науке усилился интерес исследователей к истории провинциальных дворян и детей боярских XVI—XVII вв., объединённых в «служилые города». История «служилого города» продолжает изучаться с учётом региональных особенностей. В этом контексте вполне ожидаемо появление трудов об участии городских дворян и детей боярских в местном управлении. В монографии А.П. Синелобова исследуется персональный состав городских приказчиков и губных старост XVI—XVII вв. Автор обоснованно относит их к элементам сословного представительства и управления

выборных институтов на местах (с. 3). Представляется оправданным учёт региональных особенностей состава городских приказчиков и губных старост, их личностных характеристик, судеб, родственных связей, имущественного положения. Исследование дополнено списком губных старост и городских приказчиков примерно 80 уездов.

Исторические источники для написания работы автор условно разделил на две группы. К первой группе он отнёс перечни лиц, служивших городскими приказчиками и губными старостами, в том числе созданный на основе этих перечней «Местни-

ческий справочник». Сведения о городских приказчиках и губных старостах содержатся в Тысячной книге 1550-х гг., «верстальной десятне новиков» 1596 г., росписи русского войска 1604 г., «Росписи воеводам в тех городах, где прежде были судьи и губные старосты» 1627—1628 гг., «Делах об определении губных старост и воевод по городам». Целесообразным представляется использование автором десятен, содержащих сведения о городских приказчиках и губных старостах. В боярских книгах и списках известий о самих городских приказчиках и губных старостах нет, но эта разновидность документов позволяет проследить судьбы их сыновей и внуков. Ко второй группе источников Синелобов относит материалы, связанные с управленческой деятельностью городских приказчиков и губных старост. Документация этих должностных лиц отложилась в фондах разных приказов, в первую очередь Разрядного и Поместного. Автор отмечает составление городскими приказчиками и губными старостами различных книг — кабальных, полоняничных, ввозных поместных и вотчинных, разъезжих, писцовых, переписных и дозорных.

Следует заметить, что исследователи и ранее обращались к приказной документации для составления списков губных старост. В частности, В.Н. Козляков при перечислении ярославских губных старост конца XVI — первой половины XVII в. опирался на акты, отказные, писцовые и переписные книги. Как отмечал исследователь, «особенно подробный материал дают отказные книги, в которых записаны имена проводивших “отказ” губных старост и городских приказчиков»¹. Полагаю, что к числу источников для перечней губных старост следует причислить материалы делопроизводства не только сто-

личных приказов, но и местных учреждений, в частности губных изб, отложившиеся в фондах центральных и местных архивов, таких как Белозерская и Воронежская губные избы. При составлении перечня городских приказчиков и губных старост автор в некоторых случаях обращался к архивным описям, но следует отметить и необходимость обращения к документам, где можно почерпнуть данные о местных управлениях, отсутствующие в описях.

Синелобов аргументированно обосновывает совместное рассмотрение в одной работе персонального состава городских приказчиков и губных старост. Круг потенциальных кадров этих служб был однотипен и чаще всего представлен городскими детьми боярскими, принцип их комплектования заключался в сочетании выборов и назначений, существовали общие критерии для выполнения этих служб и общие принципы содержания институтов. Следует согласиться с Синелобовым в определении различий функций городских приказчиков и губных старост. У городских приказчиков, как отметил автор, более выражены военные, административно-финансовые и хозяйственные функции. У губных старост главной специализацией являлось расследование и пресечение случаев татьбы, разбоя и убийств. В то же время функции городских приказчиков и губных старост частично пересекались, например, в сфере решения земельных вопросов (с. 9).

Автор рассматривает появление институтов местного управления не как некую альтернативу власти наместников и кормленщиков, а как видоизменение и дополнение существующих структур, как сосуществование и наращивание дополнительных служб. По мнению автора, новые институты возникали на иной социальной

базе и по иным принципам. К делам управления «служилым городом» были допущены его представители. Исследователь резонно заметил, что только местные дети боярские, «находящиеся в гуще событий и знавшие местную специфику, могли наиболее оперативно выполнять поручения центральной власти» (с. 11).

Синелобов прослеживает преемственность новых институтов и выполнение земских служб в более раннее время. Одна из них — присутствие «добрых мужей» на земельных разъездах и межевании. Используя данные генеалогии, автор приводит конкретные примеры связи ранних поколений фамилий «добрых людей» и их потомков, служивших городовыми приказчиками и губными старостами. Исследователь считает, что к 1510—1530-м гг. на уровне уезда сложился круг фамилий, специализирующихся на управленческих службах: «Во второй половине XVI — XVII в., несмотря на все перипетии и изменения в составе уездных дворянских корпораций, сложившаяся традиция преемственности сохранялась» (с. 14). Автор показал, что в уездах, где отсутствовало дворянское поместное землевладение, к местному управлению привлекались люди из богатых и влиятельных, но неслужилых родов (например, солепромышленники Мичурины в Соли Галицкой). Автор указывает и на случаи участия в местном управлении представителей семей, недавно переместившихся в данный уезд, лиц сравнительно молодого возраста, увечных, неграмотных. Подобное хотя и редко, но случалось, и это расширяет традиционные представления о составе городских приказчиков и губных старост.

Синелобов отметил появление в пригородах во второй половине XVI в. собственных органов местного управления, отвечавшее интере-

сам дворян и детей боярских, помещённых в пригородах. Обратный процесс концентрации в уездном городе властных функций автор отнёс к последней четверти XVII в. (с. 19). Думается, подобная тенденция обозначилась значительно раньше. Объединение нескольких городов и уездов в разряды — крупные военно-административные округа — прослеживается в Сибири уже в конце XVI в., а в европейской части России в середине столетия. С другой стороны, Разбойный приказ стремился соединить несколько уездов в одну губу, поскольку для разбойников границы уездов не существовали.

Синелобов подтвердил высказанное другими исследователями мнение о том, что служба в губных старостах привлекала дворян возможностью избежать дальней и опасной службы в полках; привёл колоритные примеры кормления городских приказчиков и губных старост. О фактах злоупотреблений должностных лиц становилось известно из коллективных челобитных. По мнению автора, «цель челобитчиков — сообщить центральным властям о превышении квоты злоупотреблений, когда аппетиты превосходили установившиеся традицией размеры кормов и подношений» (с. 29). Исследователь обратил внимание на конкуренцию за получение служб в органах местного управления. Это явление, несомненно, имело место, однако относить обострение соперничества к середине 1650-х гг. (с. 31) вряд ли обосновано: конкуренция дворян в этой сфере прослеживается и в более ранний период.

Автор аргументированно отметил, что служба дворян местными управленцами не мешала карьерному продвижению их сыновей и внуков. Более того, выполнение управленческих служб на местах часто становилось трамплином для получения разно-

образных должностей на столичном уровне. Используя данные генеалогии городского дворянства, Синелобов показал, что во многих дворянских родах сформировалась склонность к несению управленческих и дьячих служб. Анализ персонального состава губных старост показывает и обратный процесс, когда приказные дьяки и подьячие отправлялись губными старостами в уезды (с. 33—36).

Автор пришёл к выводу о том, что городовые приказчики и губные старосты во взаимодействии с воеводской и земской властями поддерживали политико-территориальное единство страны и способствовали консолидации разных социальных слоёв общества для решения общегосударственных задач. По его мнению, городовые приказчики и губные старосты стояли на страже местных традиций, создавая серьёзную помеху на пути бюрократизации местного управления. Ослабление дворянских уездных учреждений он связывает с начавшимися в 1650—1660-х гг. общегосударственными процессами абсолютизации царской власти, расширения приказного делопроизводства, укрепления власти воевод, разрушения системы «служилого города» (с. 38). В новых реалиях, по его мнению, городовые приказчики и особенно губные старосты должны были уступить место воеводской власти.

Важная часть книги — список городских приказчиков и губных старост. Списки губных старост по отдельным городам и регионам составлялись и ранее. Однако в представленной автором форме, объединяющей городских приказчиков и губных старост по многочисленным уездам, список не имеет аналога в исторической науке. По данным Синелобова, городовые приказчики в некоторых уездах ещё действовали в 1670—1680-х гг. Обращает на себя внимание,

что в большинстве городов городовые приказчики служили только в XVI — первой половине XVII в. (Алатырь, Алексин, Арзамас, Балахна, Бежецкий верх, Белая, Белёв, Белоозеро и др.). Между тем губные старосты численно преобладали и находились на своих постах во второй половине XVI в. и на протяжении всего XVII в. Материалы по южным русским городам конца XVI—XVII в. — Курску, Ельцу, Воронежу — показывают, что схожие с городовыми приказчиками функции имели осадные головы. В круг их служебных обязанностей входила подготовка города-крепости к возможному нападению неприятеля. Городовой приказчик и осадный голова следили за артиллерией и боеприпасами. В их непосредственном подчинении находились пушкари, затинщики, воротники, казённые кузнецы и плотники.

Дублирование функций осадных голов и городских приказчиков привело к постепенной ликвидации последних в южных городах. Исключение составлял Белгород, где во второй половине XVII в. действовали не встречающиеся в иных местах городничие. Должность осадного головы по рангу была выше поста городского приказчика. Осадный голова в южные города, за редкими исключениями, назначался из Москвы, и постепенная замена выборных городских приказчиков осадными головами означала усиление контроля центра за жизнью окраинного города-крепости. Объём обязанностей осадного головы зависел от местных условий и традиций, а также от полномочий, определённых наказами и грамотами. Иногда осадные головы решали вопросы, не связанные непосредственно с обороной крепости. Они осуществляли размежевание земельных владений, производили суд, взыскивали платежи в пользу потерпевших. Осадные головы назначались в южные города в тече-

ние XVII в., и назначение на должность осадного головы рассматривалось царской властью как пожалование служилого человека. С этой точки зрения правительственный подход к осадным головам, воеводам, стрельцким или казачьим головам, приказным людям в небольших городках одинаков. При назначении осадным головой учитывалось мнение местных сословных групп. Жители Курска и Курского уезда, например, настойчиво добивались назначения на этот пост именно местных дворян и детей боярских, характеризуя в коллективных челобитных достоинства претендентов на должность².

Подводя итог, отмечу, что монография А.П. Синелобова является

новым этапом изучения роли «служилого города» в местном управлении Российского государства, а перечень городских приказчиков и губных старост дополняет круг справочных материалов по составу органов государственного управления XVI—XVII вв.

Примечания

¹ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 139, 199.

² Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 58—59.

Николай Мининков

Рец. на: В.Н. Глазьев. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI — XVII веках. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2018. 270 с.

Nikolay Mininkov

(Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)

Rec. ad op.: V.N. Glaziyev. Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uyezda v kontse XVI — XVII vekakh. Voronezh, 2018

DOI: 10.31857/S086956870010791-1

Новая монография известного исследователя губных учреждений в южных уездах России, социально-экономической и военной истории Воронежа и истории управления города и уезда в XVI—XVII вв. Владимира Николаевича Глазьева, представляющая собой очерки истории Воронежа и Воронежского уезда, появилась не случайно. Это своего рода концентрированный итог исследований по истории Воронежской земли, которые велись местными историками с дореволюционного периода и были продолжены в советское время, когда сложилась школа выдающегося исто-

рика В.П. Загоровского. В.Н. Глазьев, принадлежа к школе Загоровского, развил её традиции и создал собственную научную школу, изучающую вопросы истории Воронежа с его обширным уездом и соседних окраинных южных земель России. Вместе с тем до сих пор в историографии отсутствует написанная на современном уровне общая характеристика событий, явлений и процессов на этой исключительно значимой для России части южной окраины. Поэтому постановку проблемы в новом исследовании Глазьева можно одобрить и признать значимой для углубленного

понимания характера и особенностей развития южной части Московского государства на рубеже XVI—XVII вв., в период Смуты и при первых царях из династии Романовых.

Глубоко продуманная структура монографии, написанной как серия очерков, позволила автору сконцентрировать внимание на наиболее значимых страницах истории города и уезда, выделить людей, которые сыграли в ней особенно заметную роль. Как представляется, определить наиболее существенное в более чем вековой и насыщенной истории города и округа Глазьеву удалось. В центр исследовательского внимания поставлены две темы. Одна из них относится к событийной истории, другая раскрывает вопросы биографии наиболее видных личностей, имевших отношение к Воронежской земле. В заголовке первой части автор особо подчеркнул: «Свидетельства документов». Указание справедливое. Изложение событий в монографии насыщено документальным материалом, прежде всего архивным (из фондов РГАДА и Государственного архива Воронежской области), а также свидетельствами опубликованных источников. Присутствуют ссылки и на материалы археологических раскопок. Каждое положение исследователя опирается на солидную источниковую базу. Работа в эмпирическом отношении глубоко фундирована.

Для исследования Глазьева характерны историографические экскурсы и самое внимательное отношение к положениям и выводам предшественников: ряд вопросов, относящихся к истории города и уезда, получал освещение в работах других авторов. Тем не менее Глазьев в некоторых случаях обосновывает свои уточнения по этим сюжетам, в частности вопрос о промежутке времени между появлением указа об основании Воронежа и

завершением строительства крепости, о выборе места, где могла стоять новая крепость, о возникновении названия города по левому притоку Дона. Представляется, что вывод Глазьева о связи между названиями города и реки вполне приемлем. При освещении дискуссионного вопроса об участии жителей Воронежа в городском восстании 1648 г. исследователь реконструировал ход событий в городе за этот год. По его данным, многие воронежцы не поддержали «бунтовщиков», и восстание удалось предотвратить. Реконструированная Глазьевым картина представляется убедительнее традиционной¹.

Особенностью монографии является то, что все события и явления, о которых в ней говорится, имеют чёткую и опирающуюся на источники историко-географическую привязку. Это особенно важно для истории города и уезда XVII в. Историко-географические исследования России за XVI в.² есть, но за следующее столетие таковых нет. И в этой связи монография, дающая характеристику историко-географического положения Воронежа и других населённых мест Воронежского уезда (в том числе его незаселённой южной части) является необходимой подготовительной частью для общего комплексного труда по исторической географии России XVII в., потребность в котором становится всё более очевидной. Для уточнения выдвигаемых положений автор обращается и к данным других вспомогательных исторических дисциплин — хронологии, метрологии, генеалогии. Это делает его выводы более конкретными и убедительными.

Другая заметная черта книги Глазьева — внимание к повседневной жизни и быту разных слоёв воронежского населения, особенностям характера людей и нравов общества рассматриваемого времени, наиболее

наглядно проявившихся во время выборов на Земские соборы и в ходе общественных конфликтов. Вызывает интерес анализ коллективных челобитных воронежцев. В этих документах выразилось мнение общества, но в отдельных случаях они составлялись воеводами ради своей поддержки перед лицом столичных властей. Исследование коллективных челобитных позволяет уяснить, какие методы воеводского правления оказывались наиболее благоприятными для народа, как город отстаивал свои интересы, какое место занимало общество в жизни Воронежа. Вывод Глазьева о сохранении общественного влияния на положение в городе, о незавершённости процесса бюрократизации управления в XVII в. представляется убедительным.

Интересна полная и обстоятельная характеристика автором конфликта жителей Воронежа с таможенным и кабацким откупщиком Л. Елизарьевым в 1668—1671 гг. В историографии система кабацких откупов оценивается как одна из наиболее ранних форм первоначального капиталистического накопления. По оценке И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова, в подобном виде была представлена «первичная, примитивная форма торгового и ростовщического капитала»³, весьма распространённая в то время в России; анализ её на примерах предпринимательской и торговой активности некоторых помещиков Северо-Запада России после Смуты предпринят В.А. Аракчеевым⁴. В личности воронежского откупщика Елизарьева и способах организации им кружечных дворов прослеживаются черты предпринимателя, готового использовать самые жёсткие меры для получения прибыли. Глазьев сумел наиболее полно и конкретно показать, как в откупной системе соединились финансовые интересы государства и от-

купщика, и как общество вело борьбу против злоупотреблений со стороны последнего. Городское население также активно вмешивалось в столкновения между должностными лицами местного управления, и от того, какое место в событиях занимали горожане, в немалой степени зависел исход этих столкновений. Вообще сильной стороной монографии является вклад в исследование проблемы отношений между властями и общинами, в последние десятилетия активно разрабатываемой на материалах Древней Руси И.Я. Фрояновым и историками его школы. Эта проблема не менее актуальна для понимания положения в стране в период Раннего Нового времени и имеет прямое отношение к ситуации, сложившейся в условиях «бунташного века».

Ещё одной интересной особенностью монографии является подход к истории Воронежа и Воронежского уезда в контексте исторической биографии. Перед читателем проходит галерея лиц, чья судьба связана с городом. Индивидуальные личностные характеристики этих лиц даются с учётом «специфики и вариативности разнородного социального пространства»⁵, в данном случае Воронежа и Воронежской земли, от времени основания города до царствования Петра I. Перед читателем предстают основатели города, воронежские воеводы, видные представители церкви — старец Исайя и воронежский епископ Митрофан, известные в истории города семьи, а также воронежцы, связанные с организацией кораблестроения в период Азовских походов Петра I. Говоря о людях, участвовавших в закладке крепости на Воронеже, Глазьев показывает характерные черты личности С.Ф. Сабурова, И.Г. Судакова-Мясного, В.Г. Биркина и, как типичную черту жизни служилых людей в Московском государстве,

их местнические споры. Впрочем, как показал автор, местническая тяжба не получила развития, что может объясняться правильной позицией центральной власти, сумевшей учесть местнические притязания участников спора и не обострять его.

Как заслуженных военных предводителей и опытных администраторов представляет Глазьев воронежских воевод. При этом он учитывает индивидуальные особенности их личностей. Говоря о кн. Г.П. Ромодановском, исследователь обратил внимание на его столкновение с местными стрельцами, до которого он довёл ситуацию, будучи человеком молодым и не имеющим жизненного опыта. Как верно отмечено в монографии, для Ромодановского, служившего при семи царях (от Фёдора Ивановича до Михаила Фёдоровича), служба воеводой в Воронеже в 1587—1588 гг. была лишь эпизодом в его бурной жизни. Значительно более длительное время служили воронежскими воеводами Мирон Вельяминов и Борис Бухвостов, причём последний своими решительными мерами способствовал подавлению восстания на территории Воронежского уезда, когда под Коротяк явились восставшие казаки во главе с Фролом Разиным.

Несомненный интерес вызывает анализ событий этого времени, когда участники использовали возможность объявить «государево дело» для обвинения своих противников. После окончания Смуты власти боялись всякого высказывания, в котором можно было увидеть смысл, задевающий нового царя и его права на престол. Один из таких случаев — дело 1624 г. в Воронеже по обвинению старцем Исайей игумена Карачунского монастыря Варсонофия. Подробности дела, а также выявившиеся факты притеснения игуменом крестьян монастырской вотчины подтвердили обвинения старца, а суд Рязанского

архиепископа приговорил игумена к ссылке. Глазьев на материалах судебного разбирательства сделал вывод о том, что в сознании людей в полной мере сказывались последствия Смуты; «преодоление Смуты в головах» людей было главной задачей в царствование Михаила Романова. Это справедливо, но едва ли использование «государева дела» в судебно-следственной практике способствовало такому преодолению.

Одним из наиболее существенных вопросов, относящихся к истории Воронежа и уезда, является возникновение Воронежской епархии, связанное с именем епископа Митрофана. Как представляется, Глазьев уточнил, при каких обстоятельствах появилась в 1682 г. новая епархия. Он справедливо поставил под сомнение распространённый в историографии вывод о том, что это церковное нововведение было принято только как мера по противодействию старообрядчеству. Но, подчёркивает автор, в отличие от соседней земли Войска Донского, где старообрядцы имели сильные позиции и где постепенно созревали условия для мощного старообрядческого выступления, в Воронеже и в Воронежском уезде позиции старообрядцев не были сильными. Исследователь указал на более глубокую причину, определявшуюся отношениями между государством и церковью: путём увеличения количества митрополичьих кафедр царская власть стремилась ослабить позиции патриарха. Вывод представляется обоснованным — вскоре, при Петре I, самодержавие вовсе упразднило патриаршество. Епископ Митрофан показан Глазьевым как сложная личность, решительный противник западноевропейских культурных нововведений, затрагивавших религиозные чувства православного населения, но поддерживавший многие реформаторские мероприятия Петра I. Верно отмечено, что образ этого свя-

тителя сохранился в исторической памяти последующих поколений.

Убедительно показана роль Воронежа как центра российского кораблестроения в период Азовских походов Петра I и в течение нескольких последующих лет, в период, когда после 1700 г. кораблестроение перешло из ведения кумпанств в управление Адмиралтейского приказа. Обращено внимание не только на успехи в деле судостроения, но и на тяготы, с которыми встретилось население города и других городов Воронежского уезда, приписанных к Адмиралтейскому приказу, а также на колоссальное обогащение некоторых лиц за счёт судостроения. Подчёркнуто, что в городе возникли особые трудности в связи с большим притоком разных людей, в том числе колодников, которых размещать было негде. Отмечены некоторые интересные детали внутренней жизни города, в частности нехватка квалифицированной рабочей силы, сложности во взаимоотношениях между нанимавшимися на службу и на работу в России иноземными офицерами, матросами и мастерами. Тем самым представлена живая картина положения в городе и в его окрестностях на рубеже XVII—XVIII вв.

Заинтересованный читатель, прежде всего воронежский, получает насыщенную богатым материалом и отличающуюся глубиной его анализа книгу по ранней истории города и уезда. Для историка эта книга важна тем, что она даёт более чёткое, полное и конкретное представление о положении на юге страны в XVII в., когда Воронеж служил важным центром обороны на этом рубеже. Из желаний представляется возможным обра-

тить внимание на роль донских казаков станицы атамана Павла Чесночихина в 1648 г. в событиях в городе. Можно отметить значение Воронежа как центра, через который осуществлялись сношения между московским правительством и войском Донским; стоит отметить, что немало воронежцев ходили в донские казачьи городки в качестве работников и торговцев, закупая у казаков в числе прочего ясырь. Необходимо также отметить, что исторические перспективы создания при Петре I военного флота в Воронеже были ограниченными. Этот флот сыграл свою роль в войне с Османской империей, но в силу ряда причин долго просуществовать не мог, в том числе и потому, что многие суда делались наспех зимой и не могли быть долговечными. Но, несомненно, новый труд В.Н. Глазьева развивает и обогащает знания учёных по истории Воронежа и Воронежского уезда.

Примечания

¹ *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975. С. 114—117.

² *Чечулин Н.Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889; *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962.

³ *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974. С. 27.

⁴ *Аракчеев В.А.* Помещик-стяжатель первой половины XVII века: К вопросу о «неадекватных» формах капитала в России // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 5: Пятые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к международной научной конференции. М., 2017. С. 11—16.

⁵ *Репина Л.П.* Личность и общество, или история в биографиях (вместо предисловия) // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2005. С. 9.

Рец. на: Арзамасский уезд в XVII веке. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи: сборник документов: в 2 ч. / Сост. Б.М. Пудалов. Ч. 1. Н. Новгород: Комитет по делам архивов Нижегородской области, Центральный архив Нижегородской области, 2018. 395 с.; Ч. 2. Н. Новгород: Центральный архив Нижегородской области, 2019. 542 с.

Aleksey Morokhin

*(Institute of International Relations and World History,
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)*

Rec. ad op.: Arzamasskiy uezd v XVII veke. Akti prikaznogo deloproizvodstva dopetrovskoy epohi: sbornik dokumentov. Vol. 1—2. Nizhni Novgorod, 2018—2019

DOI: 10.31857/S086956870010792-2

Нижегородская архивная служба уже давно зарекомендовала себя в деле публикации документов приказного делопроизводства, связанных с историей Поволжья¹. В этой связи выход в свет очередного сборника актового материала по истории Арзамасского уезда в XVII столетии представляет очевидный интерес, особенно с учётом того, что последняя масштабная публикация документов, связанных с этим регионом, была предпринята более ста лет назад². Составитель сборника Б.М. Пудалов справедливо отмечает наличие традиции издания документов по истории Арзамасского уезда, уходящей корнями в начало XX в. Настоящая публикация призвана пополнить источниковый комплекс для написания научной истории региона допетровской эпохи.

Публикация сопровождается подробным предисловием (с. 3—29), в котором составитель сборника отмечает особое место Арзамасского уезда среди других районов России, где «своеобразно сочетались общерусские черты и местные особенности развития», связанные как с однотипностью экономического уклада, административного устройства и управления, так и с различным этническим и конфессио-

нальным составом населения (с. 3). Далее представлены история формирования территории уезда, организация системы его управления, развитие местного служилого города во второй половине XVI—XVII в., структура землевладения, демографическая ситуация в регионе (с. 4—17). Составитель коснулся и таких важных событий в истории уезда второй половины XVII в., как движение сторонников Степана Разина в 1670 г. и активизация старообрядчества (с. 18—19).

Научная значимость публикации не вызывает сомнений. Сборник включает в себя 115 документов из архива Арзамасской приказной избы, хронологически охватывающих период с 1608 по 1682 г. Материалы выявлены в двух фондах Центрального архива Нижегородской области. Каждый документ снабжён текстологическими сносками и подробным комментарием, в котором обоснованы атрибуция и датировка публикуемого акта. Составитель сборника в этой связи отмечает: «Наши комментарии как раз и призваны, с одной стороны, минимизировать риск произвольных толкований документов, а с другой стороны, предоставить заинтересованным исследователям известные ныне свиде-

тельства источников в упорядоченном виде и тем самым облегчить последующую работу» (с. 25). В сборнике преобладают акты поместно-вотчинного землевладения, но присутствуют и дела о сыске беглых крестьян, документы о сдаче поместной земли на оброк, долговые обязательства, акты о владениях мордовских собственников и их взаимоотношениях с русскими помещиками, судные дела.

Особого внимания заслуживают пять приложений к сборнику. Первые два из них представляют родословные документы семей Болтиных и Чегодаевых, как справедливо отмечает Пудалов, тематически связанные с публикуемыми актами Арзамасской приказной избы. Весьма удачным видится и третье приложение, где представлены семь документов, относящихся к делопроизводству других приказных изб — Алатырской, Нижегородской и Курмышской. Важным представляется и четвертое приложение, где представлены краткие биографические справки о чинах Государева двора и приказных служащих, упоминаемых в публикуемых документах. Полагаю, что скрупулёзно собранные в данном разделе сведения могут быть дополнены новейшими разработками исследователей, в частности данными о службе Б.Ф. Болтина, И.В. и Т.В. Измайловых и ряда других государственных деятелей, содержащимися в недавно изданном фундаментальном исследовании А.П. Павлова³. В последнем приложении представлены сведения о должностных лицах, управлявших Арзамасским уездом в 1578—1682 гг. Издание также сопровождается именным и географическим указателями.

Составитель справедливо отмечает, что сборник документов «показывает многие существенные черты жизни Арзамасского уезда в допе-

тровскую эпоху и позволяет глубже понять социально-экономические и внутривотчинные процессы, происходившие тогда в Российском государстве» (с. 26). Важными представляются и наблюдения Пудалова, связанные с жизнью местных крепостных крестьян. Составитель отмечает, что опубликованные документы «показывают, как крепостное рабство разрушало человеческие личности не только крестьян, но и их владельцев. Всё это — убедительный ответ былым и новейшим рассуждениям о “патриархальности” в отношениях между помещиками и крепостными и чуть ли не о “благе” крепостного права для России» (с. 28)

Опубликованные документы существенно расширяют источниковую базу исследований по истории региона, а само издание, безусловно, должно способствовать активизации научных работ, посвящённых истории Арзамасского уезда. На мой взгляд, следующим этапом в истории изучения региона должно стать издание единого комплекса источников по истории Арзамаса и его округа XVI—XVII вв., включая материалы, изданные в начале XX столетия.

Примечания

¹ Балахнинский уезд в XVII веке. Документы приказного делопроизводства. Сборник документов. Н. Новгород, 2005; Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII — первая четверть XVIII в.). Чебоксары, 2006; Нижегородский край в конце XVI — первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства). Сборник документов. Н. Новгород, 2009.

² *Веселовский С.Б.* Арзамасские поместные акты 1578—1618 годов. М., 1915.

³ *Павлов А.П.* Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. Т. 1. СПб., 2018. С. 388—394, 600—602 и др.

Виктор Мауль

Новая книга о том, как в середине XVII в. Московское царство сделалось самодержавием*

Viktor Maul

(Tyumen Industrial University, Russia)

The new book on how in the middle of the 17th century the Moscow kingdom became autocracy

DOI: 10.31857/S086956870010793-3

Представления о природе власти и её носителях признаны одним из ключевых идентификаторов культуры того или иного народа. Тем более это характерно для отечественной истории с гипертрофированной ролью государства во всех без исключения сферах общественной жизни. К изучению такой неизменно актуальной проблематики неоднократно в своих трудах обращался Д.А. Ляпин, чья новая монография стала логическим продолжением предыдущих публикаций. Как минимум со времён карамзинского «Самодержавие есть палладиум России» эта тема постоянно присутствовала на страницах исторических сочинений¹. Не остались в стороне и современные историки, приложившие изрядные усилия, пытаясь разгадать загадку обаяния власти, раскрыть, несмотря на бремя власти, секреты её искушения, в том числе на российской почве. Заметный вклад в копилку знаний вносит рецензируемая книга. После концептуальных построений В.Е. Вальденберга, А.Н. Медушевского, Р. Пайпса, В.И. Саввы, Р. Уортмана и других научных авторитетов, казалось, сложно найти принципиально иные формы осмысления данного многоликого феномена. Тем не менее Ляпин сумел взглянуть на него под нетривиальным углом зрения.

Московское самодержавие, модель которого многие учёные считают уникальной и не имеющей себе аналогов, возникло не в одночасье, а в результате долгой и сложной эволюции. Его образ зримо воплощался в разных способах репрезентации и сакрализации. Учитывая, по верному замечанию Ляпина, «закрытый характер высшей власти в допетровской Руси» (с. 8), она постепенно приручала население с помощью визуальных, вербальных и иных коммуникативных практик. Со временем они выглядели всё более устойчивыми, привычными, эксплуатировали хранящийся в культурной памяти монархический архетип и воспринимались как онтологическая сущность царской власти вообще. В центре умозрительной мировоззренческой композиции размещалась фигура самого царя — помазанника Божия, наделённого неограниченными полномочиями для утверждения социальной Правды на земле и ответственностью за свои дела исключительно перед Всевышним.

В семиотической череде названных социокультурных трансформаций XVII в. занимал особо значимое место. Поскольку с закатом Московского царства читателей познакомила интересная монография П.В. Седова², цель и хронологию своего обобщающего исследования Ляпин определил

* *Ляпин Д.А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.

предельно чётко: показать особенности социально-политической борьбы в России в середине XVII в., а для этого — понять её причины и следствия. На протяжении всей книги автор весомыми аргументами подтверждает известные и приводит новые доводы в пользу тезиса об укреплении московского самодержавия в указанные сроки. В изображении историка оно происходит в результате ожесточённого противоборства двух атавизмов Смутного времени — «аристократической» и «народной» тенденций общественно-политической жизни страны. Одна из них «была связана с влиянием на царя близких к его трону аристократических родов» и выражала идею «ограничения царской власти». Другая заключалась в религиозно окрашенной уверенности социальных низов, что «ради спасения “Святой Руси” “мир” имеет право вмешиваться в государственные дела». В царствование первого Романова обе тенденции уравнивались, «несмотря на то что были противоположны по своей сути». Но политический кризис 1645 г. и его итоги «изменили это равновесие», политическая борьба аристократии за власть и влияние вызвала народное возмущение. «В бунтах середины XVII в. две отмеченные нами тенденции..., — пишет автор, — столкнулись между собой». Именно тогда, в июне 1648 г., отчётливо прозвучал громкий призыв восставших к монарху «взять “царский меч” для “вершения” справедливого суда», отразивший, по мнению Ляпина, развитие «самодержавных тенденций» (с. 5, 7—9).

В результате проделанной работы историку удалось найти неизвестные факты и высказать ценные суждения, требующие внимательного отношения. Исходные гносеологические установки определили композиционное построение монографии. Она

состоит из предисловия, десяти глав, послесловия, справочной хронологии событий и размещённых в приложениях документов. Обстоятельный историографический очерк (с. 11—35) заложил прочный фундамент для изучения важнейших этапов и событий социально-политической борьбы, а также побудительных мотивов главных действующих лиц не только из числа придворной элиты или приказной бюрократии, но и вожakov народных выступлений в разных городах Московского государства.

Не имея возможности объять необъятное, остановлюсь на трёх моментах, показавшихся наиболее значимыми в авторских построениях и предпочтениях: 1) политическая борьба при царском дворе; 2) социально-политическая борьба в Москве и провинции; 3) теоретическое осмысление ключевых смысловых конструкций темы.

Верно полагая, что суть изучаемых событий можно понять только с учётом их предыстории, автор вначале напомнил общую картину хозяйственного разорения страны после Смуты и политических перипетий 1634—1645 гг., когда вслед за смертью патриарха Филарета «у руля власти вместе с царём остались те же представители нескольких аристократических родов». На основе источниковедческого и историографического анализа исследователь обоснованно маркирует данный период как «соправление» государя и титулованной знати, в то время как «единоличная царская власть в эти годы декларировалась только на бумаге» (с. 39—40).

Ситуация, считает он, стала меняться в конце царствования Михаила Фёдоровича. В придворных кругах развернулась малоизученная в литературе борьба за власть, участники которой не скупались на изощрённые интриги и заговоры. Их недостаточ-

ная научная разработанность открыла перед исследователем возможности для самостоятельных интерпретаций, чем он умело воспользовался. При этом он невольно совершил распространённую в историографии ошибку, приняв династические страхи за объективную реальность. Напуганным Смутой Романовым действительно в каждом непригожем выкрике голи кабацкой ещё долго мог мерещиться грозный призрак нового самозванчества. Мистический ореол загадочного явления, похоже, заворожил и автора рецензируемой монографии, побудив к бездоказательной тираде о появлении в последние годы жизни Михаила большого числа «самозванцев, выдающих себя за наследников московского престола» (с. 53). Однако не за последние годы, а за весь срок царствования таковых известно только двое — «Султан Ахия» (1625) и «московский царевич Иван Дмитриевич» (1641). Оба не были русскими подданными и не имели отношения к кремлёвским страстям³.

На взгляд Ляпина, генеральное сражение, изменившее расстановку сил у трона, разгорелось вокруг планов бракосочетания царевны Ирины и датского «королевича» Вальдемара. Поддерживая идею брака, «старая аристократия» в лице Н.И. Романова, кн. Я.К. Черкасского, Ф.И. Шереметева и их союзников якобы вынашивала замыслы возведения заморского принца на московский престол. Развязку конфликта ускорила внезапная кончина государя и его супруги, после чего яростная подковёрная схватка быстро закончилась дворцовым переворотом и поражением сторонников ограничения царской власти. Всё это дало автору право заявить, что последовавшая процедура приведения подданных к присяге на верность Алексею Михайловичу без каких-либо ограничительных обязательств с

его стороны и затем коронация юного царя засвидетельствовали, что «Россия твёрдо следует курсу укрепления самодержавной власти» (с. 60).

Между тем сформировавшийся и возглавивший новое правительство боярин Б.И. Морозов приобрёл такое сильное влияние на коронованного родственника, о каком бывшие царедворцы могли лишь мечтать. Ляпин подтверждает, что царю, доверившему государственное «управление своему воспитателю», только и оставалось проявлять «искреннюю набожность» в компании «ревнителю благочестия» (с. 65). Видимо, распространяемые в народе типовые слухи, будто «государь де молодой глуп, а глядит де все изо рта у бояр у Бориса Ивановича Морозова да у Ильи Даниловича Милославского», появлялись не без серьёзных на то оснований⁴.

Однако опыт истории учит, что полагаться на постоянство капризной фортуны — дело безнадёжное, за каждым стремительным взлётом зачастую следует сокрушительное и болезненное падение. Судьба новоиспечённого царского фаворита стала наглядным подтверждением прагматичной мудрости столетий. Неизбежность проведения непопулярных в стране преобразований, в том числе в сфере налогообложения, скоро дискредитировала легитимность «партии власти». Поэтому в нескольких следующих главах книги доказывается каузальная связь между политикой морозовского правительства, реваншистскими настроениями «старой аристократии» и вереницей народных восстаний 1648—1650 гг. в провинции, начало которым положил так называемый Соляной бунт в столице. При этом Ляпин отмечает амбивалентность итогов осуществлённых перемен. С одной стороны, они позволили «пополнить казну и провести важные военные и финансовые реформы, а так-

же принять реальные меры по защите южных рубежей, колонизации Сибири и Поволжья». С другой — вызвали обнищание людей, бюрократизацию, волокиту, мздоимство и казнокрадство (с. 72—73). Знаменитая макиавеллевская дилемма цели и средств так и осталась нерешённой на страницах монографии. Зато отношение большинства современников закономерно выразилось в резком отрицании содержания и последствий реформ. По меткому выражению И.Л. Андреева, «население буквально взвыло»⁵.

В массовом негодовании Н.И. Романов, кн. Я.К. Черкасский и их сторонники усмотрели реальный (возможно, последний) шанс на реванш, подогревая без того раскалённую атмосферу апокалиптических страхов слухами и толками, направленными против могущественного временщика. Хотя эти провокативные слухи падали на благодатную почву, роль отставных вельмож в дальнейших событиях, как кажется, немного преувеличивается. Возможно, в локальном пространстве кремлёвских хитросплетений их затейливые комбинации и вызвали «бурю в стакане», но в макроисторическом масштабе русских бунтов оказались каплей в море. Безусловно прав автор, заметивший, что к этому времени в народном сознании «формировался единый образ бояр, стремящихся захватить власть и отстранить царя». Жертвой невыгодного для него стечения обстоятельств стал всесильный Б.И. Морозов, превратившийся в ненавидимый символ человеческих страданий и «царской неволи», для освобождения из которой богоизбранный венценосец нуждался в поддержке всего мира. Идея исконного единства «всяких чинов людей и всего простого народа» с царём красной нитью проходит через подробное описание известных событий «Московского мятежа 2—3 июня 1648 г.» (с. 76, 77—87).

Однако в данном случае ценность авторского нарратива заключена не в изобилии новых фактов, которых сложно было ожидать при эвристической исчерпанности имеющейся базы данных, дело в другом. Современный познавательный «инструментарий» позволил Ляпину скорректировать или пересмотреть устаревшие историографические стереотипы о социальном составе, «классовой направленности», но главное, о смысловом наполнении взглядов бунтовщиков. Выводы о них опираются на скрупулёзное исследование текста «Челобитной “мира” московского», попутно уточняется время её создания. Прежде автор ещё разделял имевшееся в науке заблуждение, будто документ появился на свет 2 июня, в самый разгар протестных эксцессов. В «Царском мече» он уверенно констатировал иное: «Единственно верной датировкой следует считать 10 июня 1648 г.», когда сумятица в столице несколько улеглась и протестующие рассчитывали на конструктивный диалог с государем. Согласно наблюдению Ляпина, челобитная отрефлективировала не только нужды и чаяния, но и целостные представления близких к мятежникам кругов «о царской власти и государственном устройстве». Поскольку в политическом дискурсе традиционной культуры «царь» и «государство» — синонимичные понятия, их тождество акцентировало общественную востребованность самодержавного вектора развития страны. Не случайно, «сам Бог вручает государям царский меч» для «наказания злодеев, в похвалу добродеев». Далее автор путём текстологического сравнения раскрывает генеалогию полисемантической метафоры, использованной в названии монографии. Он выдвигает приемлемую гипотезу о возможности её заимствования из первого послания Ивана Грозного кн. А.М. Курбскому, тем более что их «Переписка»

«была широко известна в XVII в.». И уже в другом месте мотивирует выбор книжного заглавия расшифровкой сакральной символики «царского меча» как атрибута «справедливого наказания за грехи», орудия «возмездия» и семиотического воплощения «верховой, божественной власти» земного царя. Надо признать, автору удалось показать, как скрытые символические значения постепенно раскрывались в практической деятельности Алексея Михайловича и его ближайшего окружения (с. 87, 88, 93—94, 100, 248—249).

Компаративный анализ двух сохранившихся вариантов челобитной, а чуть позже рассказа о багряной ризе Б.И. Морозова, учитывающий творческое переосмысление их составителями библейских, богослужебных и литературных протографов, — безусловное украшение рецензируемой книги. Не менее сильной стороной исследования надо признать сюжеты о мятежах в провинции, значительная часть которых вспыхнула в южнорусских городах и крепостях с преобладанием в них служилого, а не торгово-ремесленного населения. Однако, полагает автор, не стоит преувеличивать степень политической ангажированности и опасности каждого из таких выступлений. Лишь в Воронеже, Козлове, Курске, Сокольске, Соли Вычегодской, Устюге Великом и Челнавском остроге (июнь—август 1648 г.) они были «напрямую связаны с мятежом в Москве». Здесь слухи о расправах со столичными предателями «общих интересов “мира” и царя» стали детонаторами стремления закончить богоугодное дело ликвидацией оставшихся «мирских кровопивцев». Но в большинстве случаев это были обычные «конфликты местного уровня», «имевшие значение только для конкретного региона», всё бунтарство коих состояло в оживлённых пересудах обывателей по поводу последних новостей и в

критике никчёмности своего воеводы. Таким образом, пишет историк, нарицательная советской историографией «картина бушующего “моря народного гнева”» в середине XVII в. «не соответствует действительности» (с. 109, 126, 138, 139).

Преимущественно на основе открытых им самим архивных источников рассматривая народные движения в провинции, Ляпин считает их «фоном для нового этапа политической борьбы в Кремле», где для непримиримых оппонентов наступал момент истины (с. 139). Алексею Михайловичу едва ли не впервые пришлось самостоятельно проявлять настоящую царскую волю. Недовольный возросшим влиянием «старой аристократии», он прилагал небезуспешные усилия по возвращению из ссылки Б.И. Морозова, отправленного туда по требованию московских мятежников. В конце концов, пишет автор, «задуманный царём» политический переворот состоялся. Кн. Я.К. Черкасский «был лишён всех постов и отстранён от дел», Н.И. Романов ушёл в отставку, а «дядька» царя вновь «оказался у руля власти» (с. 144). Ещё раз замечу, что не готов принять взгляд на народный протест лишь как «фон» якобы судьбоносного для тогдашней России противостояния придворных «партий», члены которых в своих интересах манипулировали простолюдными словно марионетками. Он априорно исходит из характерного и поныне неверного убеждения, что большая политика может вершиться только в кремлёвских коридорах. Об ошибочности подобного упрощения неоднократно свидетельствовали уроки истории, показавшие, что бунты могут быть самодостаточной исторической ценностью. Так, английские инсургенты в том же XVII столетии продемонстрировали, как иной раз обитатели трущоб могут заполнить королевские чертоги и оттуда во весь

голос заявить о своих правах. Нечто подобное в 1644 г. в пекинских императорских покоях не без успеха вытворяли бойцы Ли Цычэна — легендарного предводителя великой крестьянской войны в Китае. Следствием их действий стало падение правившей династии Мин. Можно вспомнить другие яркие примеры торжества «хижин» над «дворцами».

Но пусть даже так, как определил Ляпин, ведь куда важнее, что сами участники городских восстаний не подозревали, что были просто пешками в игре чужих амбиций и выражали собственную позицию с императивной настойчивостью традиционного миропонимания — Правда на стороне народа, а где она, там и царь. Подобная непреклонная убежденность легитимировала в их глазах любые насильственные акции бунтовщиков, будь то ритуальная казнь «заевшего мир» отставного стрельца Т. Чубулова, коллективная расправа со сборщиком податей подьячим А. Михайловым или стрелецким головой К. Теглевым, отказ подчиняться и даже отстранение от власти местной администрации. Казалось абсолютно естественным, что виновники людских бед — алчные бояре-изменники, поэтому «следует помочь своему монарху “взять царский меч” для справедливого суда над злодеями». Значит, борясь против них, восставшие действуют «с одобрения царя или даже по его указу» (с. 130). По такому поводу О.Г. Усенко правильно заметил: «Желание посчитаться с угнетателями созрело давно, но реализовалось только после получения известия о санкции царя»⁶.

Анализ напряженной обстановки в провинциальных городах и уездах летом 1648 г., подобно событиям в июньской Москве, позволил Ляпину увидеть в них вехи на пути к царскому самодержавию. Не имея реальной поддержки со стороны населения, оп-

позиция терпела фиаско на всех фронтах социально-политической борьбы. Невыгодный расклад сил понуждал её к ещё одной попытке отвоевать место под солнцем. Не сумев возмутить слухами какой-нибудь очередной мятеж, полем боя наметили Земский собор и кодификационную комиссию во главе с их человеком, боярином кн. Н.И. Одоевским, работавшую над проектом Соборного уложения. Историк прав, не находя в «Челобитной “мира” московского» прямых требований созыва собора и нового свода законов, но нет сомнений, что эта мысль витала в воздухе. В монографии показано, как Алексей Михайлович, поднаторевший в искусстве закулисных интриг, с помощью тонких политехнологий превратил гипотетическую перспективу в трамплин к триумфу самодержавной идеи, вождельной для него самого и для монархически настроенных выразителей «народной» тенденции. В утверждавшейся системе политических координат своими мятежами и бунтами «от Москвы до самых окраин» они манифестировали безоговорочный приоритет неограниченной царской власти. Сознательно не углубляясь в казуистические дебри юридических норм Соборного уложения, Ляпин однозначно заключил, что оно «было составлено в угоду» победившему царю. «Проигравшая партия Н.И. Романова — Я.К. Черкасского уже ничего не могла поделать в борьбе за власть», Алексей Михайлович твёрдо взял «царский меч» в свои руки, окончательно став «полностью самостоятельным, независимым правителем» (с. 162, 164).

Как отголосок последних всплесков придворной борьбы трактуется новая волна слухов на старую тему — бояре, в первую очередь Б.И. Морозов, у царя якобы снова отняли власть. Правдоподобность слухов усугублялась более частными поводами и кон-

клетными жизненными обстоятельствами. В 1650 г. бунтами выразили своё отношение к опасности, нависшей над Святой Русью, жители Новгорода, Пскова и Усмани. Идеинный потенциал их протестных действий и лозунгов, внимательно изученный Ляпиным, позволил заметить сходство с недавними событиями в столице и провинции. Здесь они тоже сводились «к поддержке царя и стремлению отстранить от власти влиятельных аристократов». Потому владетельный государь, входя в нужды и просьбы «уездного общества», подобно 1648 г., постарался, за редким исключением, «не применять жёстких репрессивных мер против бунтовщиков» (с. 192).

В заключительных разделах книги речь идёт о формировании государственной идеологии, закрепившей победоносный исход социально-политической борьбы середины XVII в. Среди её ключевых элементов автор называет книжное обоснование сильной самодержавной власти и особой миссии России как защитницы вселенского православия от иноверцев и еретиков и в связи с этим унифицирующую обряды церковную реформу патриарха Никона. Важно, что самодержавие трактуется автором не на языке сегодняшней политологии, а в духе политического лексикона той эпохи, как царское самовластие. Кроме того, в деталях анализируется предпринятая Алексеем Михайловичем апология деяний Ивана Грозного, в том числе переключивание с него на «коварное окружение» вины за убийство митрополита Филиппа Кольчёва, чьи мощи в 1652 г. торжественно перенесли с Соловков в Москву. И, наконец, указывается на «Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства», анонимный автор которой (не без подсказок самодержца) в нужном русле отредактировал историю, нарисовав

актуальный образ «нового прошлого». Соглашусь с оценкой Ляпина, что таким образом историческая память «подстраивалась» под развивающуюся идеологию самодержавного государства», где Алексей Михайлович предстал способным «навести порядок (“тишину”) в своём царстве, заботился о православии, победоносно воевал за интересы России» (с. 244). Это означало, что и под пером московских книжников, и на практике сакрализация самодержавной власти тесно переплелась со священным характером православного царства. При желании автор мог бы усилить акценты указанием на идеологическую роль торжественных церемониальных мероприятий, в которых «власть не просто выражала себя. Она в них воплощалась». Но осознавая их значение (с. 249), исследователь всё-таки воздержался от специального экскурса в столь специфическую область⁷.

Несколько слов об интересных, но не бесспорных теоретических построениях автора по поводу форм, характера и типологии народных движений. Критические стрелы он направляет в адрес Соляного бунта как названия, искажающего реальные причины события. Здесь Ляпин, конечно, прав, да и сами мятежники не считали за таковые отменённый налог на соль. Недоумение вызывает другое — принципиальное желание отказаться от понятия «городские восстания», появление и смысл которого он связывает только с «идеологическим влиянием на историческую науку» и «политизированным классовым подходом к истории». Аргументы, приведённые в монографии, в этом не убеждают, предлагаемые дефиниции «восстания» легко могут быть оспорены. Неудачна и аналогия с концепцией «крестьянских войн в России», которая была тщательно отшлифована марксистской историографией⁸. Насколько

могу судить, ничего подобного никогда не предпринималось в отношении городских восстаний. В конце концов, нет никаких противопоказаний, чтобы именовать их на старинный лад «мятежами» или «бунтами», как предлагает автор. Так, кстати, неоднократно поступали дореволюционные и советские историки, могут и нынешние. В принципе, нет возражений и против классификации основных форм протеста на разбойные выступления и бунты «именем царя», что теоретически вполне допустимо. Однако в рамках реализации поставленной цели более важным является не различие, а сходство, о чём автор пишет на последних страницах книги. Вне зависимости от формы, которую принимал в середине XVII в. народный протест, его участники неизменно выступали на стороне царя и против бояр. Даже в тех случаях, когда включали механизм культурной инверсии. Последний тезис, впрочем, нуждается в дополнительном обосновании (с. 195, 196, 198, 211, 247).

Без каких-либо оговорок монография с символическим названием «Царский меч» — это увлекательное повествование и одновременно содержательное исследование важного исторического процесса, в результате которого в середине XVII в. Московское царство сделалось самодержавием. Каждая страница насыщена неожиданными сюжетами, раскрывающими смысл авторских интенций, и интересными фактами, доказываю-

щими выводы. Книга, несомненно, заслуживает, чтобы её прочитали. А отдельные недостатки, как известно, — продолжение достоинств. Поэтому настойчиво рекомендую монографию Д.А. Ляпина всем любителям родной истории.

Примечания

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 105.

² Седов П.В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2006; см. также дискуссию об этой книге: Российская история. 2008. № 1. С. 173—191.

³ Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России XVII века: новые факты и общая картина // Общество, государство, верховная власть в России в Средние века и Раннее Новое время в контексте истории Европы и Азии (X—XVIII столетия). Тезисы докладов и сообщений международной конференции. М., 2005. С. 224.

⁴ Городские восстания в Московском государстве XVII в. Сборник документов. М.; Л., 1936. С. 87.

⁵ Андреев И.Л. Страсти по д'Артаньяну // Знание—Сила. 1991. № 8. С. 81.

⁶ Усенко О.Г. Повод в народных выступлениях XVII — первой половины XIX века в России // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1992. № 1. С. 46.

⁷ Андреев И.Л. Образ шествующей власти. Первые Романовы в церковных и придворных церемониях // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века. Новое время. М., 2008. С. 254, 259.

⁸ Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 292—327.

Великокняжеское детство: воспитание и образование царских сыновей в XIX веке*

Olga Belousova

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

Grand-Ducal Childhood: Upbringing and Education of the Tsar's Sons in the 19th Century

DOI: 10.31857/S086956870010794-4

Семейная, династическая история Дома Романовых в последние годы активно изучается. Книга А.Н. Сидоровой, посвящённая воспитанию сыновей Николая I и Александра II, не являвшихся первенцами (и соответственно не игравших роли наследника престола), — важный шаг в этом направлении. На фоне многих других работ по данной тематике она отличается колоссальной источниковой базой, значительная часть которой до сих пор остаётся неопубликованной и не привлекала ещё внимание исследователей.

В первой части работы автор кратко очерчивает историю великокняжеского титула и место института великих князей в государственной системе Российской империи после издания в 1797 г. Акта о престолонаследии и Учреждения об Императорской фамилии. Поскольку павловское нормотворчество, прочерчивая границы возможного и невозможного, фиксировало права и обязанности августейших особ (правда, лишь косвенно и только в вопросах престолонаследия), исследовательница даже уподобляет их «особой сословной общности со своими специфическими правами и обязанностями» (с. 25), что всё же едва ли корректно. Впрочем, затем

она абсолютно справедливо отмечает внесловный и внеправовой — по отношению к юрисдикции общих законов — статус великих князей (с. 38). Исчерпывающе раскрыв служебный функционал родственников царя (с. 41—42), Сидорова видит в них «промежуточное и связующее звено между самодержцем и элитой общества — высшими слоями бюрократии и дворянства» (с. 41). Однако такое несколько упрощённое представление неизбежно предполагает определённую формализацию, в то время как каждый из царских детей, а позднее и всех потомков Николая I в XIX — начале XX в. занимал собственную уникальную нишу в политической иерархии. Императоры лично определяли должностные обязанности и положение своих сыновей, братьев и дядьёв, деятельность которых подчас вызывала у сановников скепсис, а к концу XIX в. — с трудом скрываемое, а иногда и нескрываемое недовольство.

Сидорова обстоятельно излагает историю создания, оглашения и публикации законов 1797 г. (с. 25—29), их применения в сложной династической ситуации последних лет жизни Александра I и междуцарствия (с. 29—31), анализирует манифесты

* Сидорова А.Н. «Образовать в детях ум, сердце и душу». Воспитание великих князей в семьях императоров Николая I и Александра II. М.: Кучково поле; Музеон, 2019. 384 с., ил.

Материал подготовлен в рамках деятельности Выдающейся научной школы МГУ имени М.В. Ломоносова «Трансформации культуры, общества и истории: философско-теоретическое осмысление».

1826 и 1855 гг. (с. 31) и корректировку Учреждения об Императорской фамилии в 1820, 1861, 1885 и 1886 гг. (с. 32—33). В книге приведены сведения о титуловании великих князей, их гербах и орденах (с. 34—35), формах присяги и церемониале её принесения (с. 38—41). Не забыто и о полагавшемся им материальном обеспечении (с. 35—37). Говоря о регламентации семейно-брачных отношений великих князей, Сидорова называет «обязательным условием» принадлежность невест к православию или их обращение в греко-российскую веру непосредственно перед замужеством (с. 35). Между тем это правило с 1870-х гг. не раз нарушалось. Так, вел. кн. Мария Павловна-старшая, супруга вел. кн. Владимира Александровича, приняла православие лишь через 33 года после замужества, менее чем за год до кончины мужа. А жена вел. кн. Константина Константиновича — вел. кн. Елизавета Маврикиевна — ушла из жизни лютеранкой.

Во второй части исследования рассказывается о формировании программ и принципов великокняжеского воспитания. При этом автор учитывает и практику допетровского времени, и опыт XVIII в. Особое внимание уделяется подходу Екатерины II к воспитанию сына и старших внуков — Александра и Константина, которых целенаправленно и систематично готовили к исполнению некой высокой миссии, понимавшейся в духе просветительских ценностей, отчасти в ущерб удовлетворению детской потребности в заботе и ласке (с. 53—57). Младших сыновей Павла воспитывала уже их мать, императрица Мария Фёдоровна. Она придерживалась даже ещё более строгих дисциплинарных правил, чем её свекровь. Но если Екатерина II, опять же в соответствии со стереотипами Просвещения, усматривала главную цель воспитания в формировании личности, обладав-

шей чуть ли не возрожденческой образованностью и широтой кругозора, пусть и без глубокого погружения в какие-то конкретные области знаний, то Мария Фёдоровна стремилась к гораздо более приземлённым и прикладным результатам: полагая, что Николаю и Михаилу не придётся царствовать, она готовила их к военной службе (с. 57—58). По-видимому, и намерение (правда, так и не реализованное) дать им университетское или лицейское образование также было связано с мыслью о необходимости профессиональной выучки в признанных и авторитетных заведениях. В целом же разработанная под её внимательным надзором система обучения младших сыновей по количеству и характеру изучаемых предметов и дисциплин «не уступала просвещённой программе», составленной их бабушкой для старших внуков (с. 58), однако даже это не сглаживало существенной разницы в подходах к воспитанию. Важнейшим нововведением стала детальная регламентация великокняжеской повседневности, включавшая такую деталь, как непременно ведение ежедневных записей. Как отмечает Сидорова, Мария Фёдоровна видела в этой практике способ «развития в детях самодисциплины и организованности» (с. 59). И это важно учитывать для понимания специфики дневниковой культуры представительниц династии в XIX — начале XX в. Отнюдь не случайно, к примеру, в дневниках Николая II позже фиксировались не размышления о политических событиях и решениях, а лишь детали индивидуального распорядка дня — это норма для существовавшей с XIX в. традиции.

По мнению исследовательницы, «образовательная система» Марии Фёдоровны имела «существенные минусы»: слабый методически и дидактически уровень преподавателей, злоупотреблявших мелочными при-

дирками и насаждавших буквально палочную дисциплину, отсутствие между великими князьями и их матерью «тёплых и доверительных отношений» (с. 59—60). Испытав на себе издержки педагогического формализма, Николай I всегда придавал особое значение «формированию личности и нравственности» своих детей (с. 61). Вместе с тем, не полагаясь на собственный опыт, который не без основания считал неудачным, он интересовался мнениями разных лиц, пользовавшихся его доверием, о том, чему и как нужно учить молодых царевичей (с. 62—63). Так, по словам исследовательницы, «близким и доверенным другом» и «хранителем семейных преданий» для монарха был кн. А.Н. Голицын, служивший ещё при Екатерине II и с молодых лет пользовавшийся особым расположением Александра I. Именно на его попечении оставались великие князья, когда их родители находились в отъезде (с. 95—98).

Установившийся при Николае I среди членов династии культ семейственности не только соответствовал распространённой в посленаполеоновской Европе моде на поведение монарха как «частного человека», о чём пишет Сидорова (с. 63), но и являлся своеобразной реакцией на тягостную атмосферу разлада, характерную для Императорской фамилии в конце XVIII — первой четверти XIX в. Теперь её сменила нарочитая демонстрация домашнего счастья, хранительницей которого и надёжной помощницей царя выступала императрица Александра Фёдоровна (с. 64). Вместе с мужем она даже больше, нежели Екатерина II, лично и ежедневно участвовала в эмоциональном и интеллектуальном развитии детей (с. 64—68). Его стержнем являлось восприятие и усвоение «идеи долга» как «главной идеи нравственного воспитания» (с. 81, 114—115). При этом, помня о своей судьбе и наблюдая за

поворотами в жизни представителей европейских династий, Николай I считал необходимым, чтобы каждый из великих князей был в полной мере готов к вступлению на престол (с. 324).

Наиболее обширна третья часть книги, в которой рассматривается, как были организованы воспитание, общеобразовательная и профессиональная подготовка троих сыновей Николая I — Константина, Николая и Михаила. Впечатляет не только детализация собранного и систематизированного исследовательницей материала, но и широта охвата всех сторон жизни царевичей — от рождения и создания для них мерных икон до принесения присяги и начала государственной деятельности.

Любопытно, что по распоряжению императора в повседневном быту его сыновья носили русскую национальную одежду. Сидорова объясняет это «склонностью» царя к образам «русского стиля», олицетворявшим для него «единение высшей власти с народом» (с. 94). Между тем Николай I, строго следивший за внешним видом подданных, официально запрещал дворянам и чиновникам появляться в публичных местах в простонародных костюмах, и А.С. Хомяков демонстративно эпатажил современников своей косовороткой. Столь странное раздвоение требований в семье и в обществе, выявленное в монографии, безусловно, ещё нуждается в осмыслении.

Повседневная жизнь великих князей, которых с малолетства приучали к воинскому духу и долгу, изобиловала армейской атрибутикой, даже поощрения от отца выражались преимущественно в новом мундире или в «назначении и продвижении по символической служебной лестнице» подразделения, где числился царский сын (с. 125—126). Изучению военного дела, как в теории, так и на ма-

нёврах, придавалось исключительное значение. Закреплялись же полученные знания в реальной боевой обстановке — в Венгрии или в Крыму (с. 195, 200—202). Однако при этом отнюдь не игнорировались общеобразовательные дисциплины и предметы, развивавшие творческие способности. Более того, прививая им навыки «частного человека», царских детей обучали даже ручному труду (с. 164) и умению распоряжаться деньгами, что представляло нетривиальную задачу, поскольку при полном дворцовом обеспечении их ценность, по сути, не ощущалась (с. 138—139). С этим соседствовала жёсткая муштра придворным этикетом (с. 137—138), составлявшим неотъемлемую часть династического искусства. Учебный курс, а вместе с ним и детская жизнь великих князей заканчивались путешествиями — по России и европейским государствам (вел. кн. Константин Николаевич посетил даже владения султана). Кстати, было бы интересно сопоставить поездки по России младших сыновей Николая I — Николая и Михаила — в начале 1850-х гг. (с. 207) с тем, как знакомился со страной вел. кн. Александр Николаевич в 1837 г.

В последних частях книги анализируются воспитательные установки, принятые в семье Александра II в бытность его цесаревичем¹ и после восшествия на престол в 1855 г., а также их практическое воплощение. В этот период педагогическая система, заложенная при Екатерине II и доведённая до совершенства Николаем I, уже явно переживала кризис. В частности, в ней заметно изменилась роль императора. Александр II, в отличие от отца, не проявлял особой «заинтересованности в мельчайших подробностях быта его детей» и в гораздо меньшей степени стремился «контролировать их жизнь». Заботы по воспитанию и образованию сыновей он по большей части делегировал

императрице Марии Александровне (с. 224, 226). В результате у них не оказалось «единого и сильного авторитета» (с. 289—290), что не могло не отразиться на формировании их нравственных представлений (с. 290—294). Не на пользу шла и частая ротация преподавателей, из-за которой страдали успеваемость и прилежание (с. 313—319).

Следовало бы отметить и непростые отношения с матерью вел. кн. Александра Александровича, ставшего наследником только в 1865 г. после смерти своего старшего брата — вел. кн. Николая Александровича. Императрица, ревниво смотревшая на роль в правящих кругах вел. кн. Константина Николаевича, намеренно увеличивала дистанцию между своими сыновьями, опасаясь, что впоследствии второй сможет в чём-то затмить первого. Настороженно и недоверчиво восприняла императрица и свою невестку².

После выхода книги А.Н. Сидоровой практически не остаётся закрытых сторон в жизни, протекавшей в детских комнатах царских дворцов при Николае I и Александре II. Нельзя не отметить и тщательно, с огромной любовью и безупречным вкусом подобранный иллюстративный материал, включающий уникальные рисунки и фотографии из ГА РФ и музейных собраний. Соединение ценнейших фактических данных, их высокопрофессионального аналитического осмысления и редких изображений, передающих колорит изучаемого времени, превращает монографию в обстоятельный путеводитель по эпохе и прочный фундамент для дальнейших исследований.

Примечания

¹ Этот титул он получил только в 1831 г., после кончины вел. кн. Константина Павловича, хотя был объявлен наследником и представлен отцом в новом качестве лейб-гвардии

Сапёрному батальону ещё 14 декабря 1825 г. (с. 216). Такое разделение титула и статуса не предусматривалось в павловском Учреждении об Императорской фамилии, соответствующее место которого, правда, было сформулировано достаточно туманно. Но затем оно вновь повто-

рилось уже в царствование Николая II: *Андреев Д.А.* «Наследник, но не цесаревич» // *Родина*. 2011. № 7.

² Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М., 2004. С. 417—418, 421.

Дмитрий Андреев

Д.Н. Любимов как мемуарист и историк*

Dmitry Andreev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

D.N. Lyubimov as Memoirist and Historian

DOI: 10.31857/S086956870010795-5

Издание воспоминаний Дмитрия Николаевича Любимова, несколько списков которых отложились в архивах России и США, делает доступным для широкого круга исследователей уникальный источник по истории правительственной политики, проводившейся накануне и в период кризиса 1905—1906 гг., завершившегося фундаментальным реформированием основ государственного строя Российской империи. Особенно ценно, что воспоминания показывают, как воспринимались решения тех лет чиновником, прошедшим путь от секретарства в Особом комитете наследника в начале 1890-х гг. до назначения виленским губернатором в 1906 г. В мемуарах делаются экскурсии и в более раннее время, начиная с конца царствования Александра II. Совершенно очевидно, что сведения, приведенные в них, непременно должны учитываться при изучении широкого круга проблем политической истории России конца XIX — начала XX в.

Однако далеко не во всём мемуаристу следует доверять. Ведь Любимов не только наблюдатель и участник описываемых событий, но и их

истолкователь, интерпретатор, претендующий как на точность изложения по памяти того, что происходило на его глазах, так и на осмысление прошедшего. И тут он предстаёт уже в качестве историка.

Неслучайно им часто используются перегруженные историческими аллюзиями выражения «смута» и «смутное время», они встречаются уже в названии. Вероятно, сказывалось их активное употребление в эмигрантской литературе. В 1921 г. начала издаваться эпопея А.И. Деникина «Очерки русской смуты», а П.Б. Струве в «Размышлениях о русской революции» указывал тогда же на то, как «удивительно много черт», делающих начало XVII в. похожим на «современные события»¹.

На первой же странице воспоминаний Любимов упоминает о периодизации революции, в соответствии с которой она «должна рассматриваться как одно целое в трёх больших эпизодах»: октябрь—декабрь 1905 г., февраль и октябрь 1917 г. (с. 35). Но собственное описание «смутного времени» он начинает с убийства 2 апреля 1902 г. министра внутренних дел

* *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902—1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / Авт. вступ. ст. и коммент. К.А. Соловьёв. М.: Кучково поле; Ретроспектива, 2018. 560 с. (Живая история).

Д.С. Сипягина (с. 36). Вскоре после этого события мемуарист перешёл в МВД, возглавив канцелярию нового руководителя ведомства — В.К. Плеве, под началом которого служил и в Государственной канцелярии. К своему назначению министром Вячеслав Константинович отнёсся стоически, зная, что в любой момент может погибнуть на этом посту, как и его предшественник (с. 41, 137, 413). В том же 1902 г. возникла Боевая организация партии эсеров, и Плеве, точно предчувствуя, какую роль она сыграет в его жизни, напряжённо интересовался всем, что касалось её руководителя — Г.А. Гершуни (с. 130, 189).

Любимов обстоятельно рассказывает о том, что собой представляла канцелярия МВД «смутного времени» (с. 46—49), сообщая немало ценных сведений о разных лицах и специфике деятельности этого учреждения в начале XX в. Пожалуй, никто, за исключением В.И. Гурко, проделавшего в те же самые годы очень похожий путь, и тоже под началом Плеве², не описал обстановку в МВД столь же компактно и насыщенно. Однако выводы, которые делает автор, порой вызывают недоумение. Например, говоря про составление в канцелярии министра внутренних дел докладов с характеристикой известных общественных деятелей «несоответствующего видам правительства образа мыслей» (с. 49—55), мемуарист жалеет о том, что «весь этот интересный материал исчез без следа», поскольку «из него будущий историк мог бы усмотреть, как, в сущности, невинны были и в большинстве случаев скромны антиправительственные выступления русской общественности накануне смуты в 1902—1903 годах» (с. 55). При этом сравнивает он их с тем, что разворачивалось в 1916 г. Между тем и в начале XX в. либералы вынашивали конституционалистские идеи и стремились к ограничению самодержавия³.

И управляющий канцелярией МВД, разумеется, не мог этого не знать. Но, вероятно, находясь в эмиграции, причудливо соединившей людей различных взглядов и судеб, он склонен был скорее приуменьшать, чем преувеличивать прежние разногласия и вольно или невольно стуживал их принципиальность. Нельзя не учитывать и то, что фрагменты воспоминаний печатались в парижской газете «Возрождение», которую незадолго до этого редактировал Струве (с. 29—31).

В тексте Любимова не всегда сразу видно, когда он передаёт то, что было известно только ему или сравнительно небольшому кругу лиц, а в каких случаях лишь воспроизводит ходившие в обществе слухи и газетные статьи. Иногда автор делает оговорки — «рассказывали», «будто бы». Именно так он пишет о разговоре Плеве с П.А. Столыпиным (с. 81—82)⁴. А вот слова Плеве о недопустимости идти на уступки, «когда их “требуют”», мемуарист сам неоднократно слышал от своего начальника (с. 99).

Управляющий канцелярией министра внутренних дел хорошо знал, какие именно бумаги и почему лежали в портфеле Плеве в момент его убийства. Неудивительно, что он убедительно опровергает несурзные сплетни, распространявшиеся в том числе и С.Ю. Витте, о том, что вёз глава МВД для доклада императору (с. 134). Однако Любимов почему-то умалчивает о том, что среди документов, с которыми ехал его начальник, находилась и «новая молитва о даровании победы русским воинам на Дальнем Востоке», составленная полтавским духовным раввином Е. Рабиновичем. Вечером 14 июля, накануне гибели, министр собственноручно подготовил сопроводительную записку к этой молитве. Видимо, он придавал ей особое значение, возможно, из-за того, что молва упорно приписывала ему организацию кишинёвского погрома

в 1903 г. Николай II ознакомился с этими текстами 16 июля в Петергофе, куда доставили содержимое портфеля убитого накануне Плеве. Об этом имеется соответствующая резолюция товарища министра внутренних дел П.Н. Дурново. Все эти сведения сохранились в «Коллекции автографов и портретов государственных и общественных деятелей», внимательно собиравшейся Любимовым и содержащей уникальные источники⁵. Тем более странным выглядит игнорирование им этих деталей в мемуарах.

Весьма любопытно сравнение Любимовым политики Плеве и его преемника кн. П.Д. Святополк-Мирского, основанное, несомненно, преимущественно на личном опыте общения с обоими. Историки вслед за современниками обычно считают их политическими антиподами, в действиях князя видят лишь последовательное отрицание политики его предшественника и потому не сопоставляют их цели и методы. Между тем, по словам Любимова, хотя представители «громادного большинства общества» относились к Плеве враждебно, тем не менее «с ним все считались», а известное меньшинство даже поддерживало. А кн. Святополк-Мирский своими намёками и туманными обещаниями, напротив, только раззадорил общественность, его планы «небольших уступок» лишь «окрыляли противников правительства». В результате в оппозиции к нему оказались и либералы, задававшие тон в общественном мнении, и вчерашние сторонники Плеве. Вскоре князь превратился в политического изгоя, на него даже возлагали косвенную ответственность за катастрофу 9 января 1905 г. (с. 201—204).

В тех случаях, когда мемуарист опирается не на собственные впечатления, а на различные публикации, он допускает немало неточностей и ошибок. Так, приведённая им вы-

держка из «записок» Н.М. Варнашёва отсутствует в единственном издании воспоминаний этого активиста зубатовской и гапоновской организаций⁶, что следовало бы отметить в комментариях. Письмо, отправленное 20 января 1905 г. начальнику Киевского охранного отделения А.И. Спиридовичу заведующим наружным наблюдением Департамента полиции Е.П. Медниковым, цитируется Любимовым с искажением смысла: сказанное о Д.Ф. Трепове представлено как характеристика А.Г. Булыгина (с. 205)⁷. Однако и это несоответствие не комментируется публикатором.

Неверно передана Любимовым и запись, оставленная в дневнике Николая II 17 октября 1905 г.: «Я подписал сегодня в пять часов манифест. После такого дня голова тяжела, мысли путаются. Господи, помоги нам, смилуйся над Россией!» (с. 278). Мемуарист, по-видимому, узнал о ней из берлинской публикации 1923 г., но, скорее всего, излагал слова императора по памяти и примерно, поскольку в прочитанной им книге они звучат несколько иначе: «Подписал манифест в 5 час. После такого дня голова стала тяжёлой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, усмири Россию»⁸. Подлинная же запись заканчивается фразой: «Господи, помоги нам, спаси и умири Россию!»⁹. В научном издании, конечно же, необходимо было бы учесть подобные расхождения.

Столь же неточно и с пропусками Любимов цитировал опубликованное в «Красном архиве» письмо Николая II к матери от 19 октября 1905 г.¹⁰ (с. 279—281). В комментарии отмечено, что мемуарист даёт его «с купюрами» (с. 467). Но в качестве примера выбран далеко не самый значимый фрагмент — о беспорядках. Между тем для того, чтобы продемонстрировать труднообъяснимую внутреннюю цензуру автора, в комментарии стои-

ло бы привести это письмо целиком или хотя бы указать все пропущенные места. В том числе — о фактическом шантаже монарха председателем Комитета министров: «Он (Витте. — Д.А.) прямо объявил, что, если я хочу *его* (в тексте разрядка. — Д.А.) назначить председателем Совета министров, то надо согласиться с его программой и не мешать ему действовать»¹¹. Не исключено, что мемуарист опустил эти слова намеренно, поскольку они явно не соответствовали его стремлению показать несостоятельность «целого ряда легенд, вплетённых в событие 17 октября, о том, что манифест “был вырван” у государя» (с. 281).

Не менее выразительной правке подверглась в воспоминаниях Любимова и цитата из письма, посланного 20 октября 1905 г. епископом Волынским и Житомирским Антонием (Храповицким) митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану (Городецкому): «Горе нам, если народ не вступится за царя, иначе Витте доведёт его до эшафота» (с. 304—305). В оригинале говорилось «за себя и за царя»¹², что существенно меняет смысл сказанного. К сожалению, и эта «лакуна» в комментариях не оговаривается.

Даже явные описки мемуариста порою игнорируются комментатором. Так, приводя большую цитату из напечатанных в «Былом» воспоминаний большевика Д.Д. Гиммера¹³, Любимов называет его «Гиллером» (с. 171). В результате, не будучи правильно идентифицированным, в именном указателе он обозначен всего лишь как «очевидец событий кровавого воскресенья» (с. 498), тогда как найти о нём более подробные сведения не составляло труда¹⁴. Упомянутая в воспоминаниях эпиграмма на И.С. Аксакова («Привалило счастье Ване, он женат на царской няне») принадлежала не Ф.И. Тютчеву, как считал мемуарист (с. 333), и не Н.Ф. Щербине, как полагает коммен-

татор (с. 474), а М.А. Дмитриеву¹⁵. Отцу Иоанну Кронштадтскому в августе 1904 г. было не 70 (с. 143) и не 65 лет, как «уточняется» в комментариях (с. 450), а 74 года. Натолкнувшись на редкое значение глагола «отливать» (в данном случае — поливать водой для приведения в чувство), публикатор ограничивается констатацией: «Так в тексте» (с. 42). Комментируя реплику Витте о том, что он вовсе не собирался рекомендовать Плеве возглавить «движение, явно оппозиционное правительству» (с. 80), К.А. Соловьёв утверждает, будто речь шла про зубатовщину (с. 430), тогда как, судя по контексту, министр финансов говорил о либеральной ответственности.

Появление в русском политическом лексиконе понятия «самодержец» «памятники русской книжности», по мнению автора комментариев, фиксируют при Фёдоре Иоанновиче (с. 478). Между тем столь категоричное заявление нуждается в каком-либо обосновании, поскольку на сей счёт высказывались и иные суждения¹⁶.

К сожалению, в книге немало неисправленных и неоговоренных публикатором пропусков, ошибок и опечаток, встречающихся и в тексте воспоминаний, и в комментариях, и в именном указателе, где, к примеру, неверно указан год рождения П.К. Ренненкампа (с. 535). Не всегда правильно расставлена и пунктуация. Любимов часто употреблял слово «видимо» в значении не «скорее всего», а «явно, очевидно». Так, «видимо волнуясь», держался Николай II в день открытия I Думы 27 апреля 1906 г. (с. 391). Поэтому и П.С. Ванновский характеризуется в оригинале как «видимо больной», и разделение этих слов запятой, сделанное в публикации, конечно, ошибочно (с. 119).

Вместе с тем первое полное издание воспоминаний Д.Н. Любимова —

всё же ценнейшее подспорье для изучающих политическую историю России конца XIX — начала XX в. Особенности же их создания, композиции и публикации, безусловно, ещё потребуют самого пристального и всестороннего рассмотрения.

Примечания

¹ Струве П.Б. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 21.

² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 129—302.

³ Соловьёв К.А. Политическая система Российской империи в 1881—1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 304—312. Подробнее см.: Островский А.В. Самодержавие или конституция? На пути к Манифесту 17 октября 1905 г. // Островский А.В. Россия. Самодержавие. Революция. Т. 1. М., 2020 (в печати).

⁴ Тот же самый разговор, правда, не называя собеседника Плеве, приводит и А.С. Суворин: Алексей Суворин. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904—1908) / Сост. А.Д. Романенко. М., 2005. С. 139.

⁵ РО ИРЛИ РАН, ф. 160, т. 4, л. 115—116.

⁶ Варнаищев Н.М. От начала до конца с гапоновской организацией (Воспоминания) // Историко-революционный сборник / Под ред. В.И. Невского. Т. 1. М.; Пг., 1924. С. 177—208.

⁷ Письма Медникова Спиридовичу // Красный архив. 1926. Т. 4(17). С. 212.

⁸ Дневник императора Николая II. 1890—1906 гг. Берлин, 1923. С. 222.

⁹ Дневники императора Николая II (1894—1918). Т. 2. Ч. 1. М., 2013. С. 65.

¹⁰ Переписка Николая II и Марии Фёдоровны (1905—1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 3(22). С. 166—169 (в комментариях (с. 467) год этой публикации указан неверно); Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Фёдоровной. 1894—1917. М., 2017. С. 548—550.

¹¹ Переписка Николая II и Марии Фёдоровны (1905—1906 гг.). С. 168.

¹² В церковных кругах перед революцией (Из писем архиепископа Антония Вольнского к митрополиту Киевскому Флавиану) // Красный архив. 1928. Т. 6(31). С. 208.

¹³ Гиммер Д.Д. 9-е января 1905 года в СПб. Воспоминания // Былое. 1925. № 1(29). С. 3—14.

¹⁴ Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. Т. 5. Вып. 2 / Сост. Э.А. Корольчук, Ш.М. Левин; под ред. В.И. Невского. М., 1933. Стб. 1247—1251.

¹⁵ Поэты 1820—1830-х годов / Сост. В.С. Киселёва-Сергенина; под ред. Л.Я. Гинзбург. Л., 1972. С. 64.

¹⁶ См., например: Лобачёва Г.В., Парфёнов В.Н., Плеве И.Р. К обозначению носителя верховной власти в политической культуре «Первого» и «Третьего» Рима // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. № 4(77). С. 221.

Игорь Кирьянов

Дуэль в парламентской истории позднеимперской России*

Igor Kiryanov

(Perm Federal Research Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences)

Dueling in the parliamentary history of late imperial Russia

DOI: 10.31857/S086956870010902-3

В монографии А.А. Иванова отчетливо проявился тот «антропологический» поворот, который наметился в современной отечественной историографии, освещающей судьбы российского парламентаризма начала

XX в.¹ Внимание исследователей всё чаще смещается с институциональных аспектов и традиционной «думской биографики» к анализу депутатской повседневности, личных взаимоотношений внутри политической элиты и т.п.

* Иванов А.А. «Дело чести». Депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906—1917). СПб.: Владимир Даль, 2018. 634 с.

Иванов выявил 44 конфликта, вызвавших дуэли или грозивших завершиться ими. Правда, к их числу с некоторой натяжкой отнесены даже два эпизода 1911 г. с участием переводумца В.Д. Набокова. Кроме него, с риском оказаться перед барьером столкнулись ещё 30 депутатов из 1 724 думцев 1906—1917 гг. Впрочем, их могло бы быть гораздо больше, учитывая агрессивную риторику словесных перепалок в Таврическом дворце, которая, как показал Иванов, являлась основной причиной дуэльных скандалов между политиками. Каждое из этих событий вызывало широкий общественный резонанс, даже если дело ограничивалось только слухами, как, например, при ссоре депутатов А.Ф. Мейендорфа и В.Н. Львова в ноябре 1907 г. (с. 607). Мельчайшие детали таких столкновений смаковались и в «жёлтой» прессе, и во вполне солидных изданиях. Неудивительно, что, по словам автора, «наиболее ценным источником для раскрытия выбранной темы стали материалы дореволюционной периодической печати», а именно — почти шесть десятков столичных и провинциальных газет (с. 21, 22).

С другой стороны, поединки между самими депутатами, начавшиеся в период деятельности III Думы (11 из 18 за неполные двенадцать лет), отражали осознание ими своей принадлежности к одной корпорации, уравнивавшей их, несмотря на разный сословный статус. Характерно, что первая собственно парламентская дуэль между «политическими антиподами» Н.Е. Марковым и О.Я. Пергаментом в июне 1908 г. завершилась, после обмена выстрелами, — рукопожатием и ужином с шампанским и тостами за «здоровье», «общее дело» и «процветание России», напоследок дуэлянты даже расцеловались (с. 241—242). Когда же через год Пер-

гамент скоропостижно скончался от инфаркта, Марков прислал на похороны венки с надписью «Достойному противнику».

Благодаря приложению «Краткая хронология дуэльных инцидентов с участием депутатов Государственной думы (1906—1917 гг.)», составленному Ивановым (с. 605—616), легко установить, что чаще всего участниками дуэльных историй оказывались В.М. Пуришкевич, Н.Е. Марков, А.И. Гучков, В.А. Бобринский и П.Н. Милюков². Причём если завязтые думские скандалисты Марков и Пуришкевич, а также «бог бестактности» Милюков по пять раз провоцировали своим поведением вызовы, то В.В. Шульгин и П.Н. Крупенский пользовались успехом как секунданты (каждого из них трижды приглашали на эту роль). Всё это были известные и хорошо узнаваемые политики, чьи громкие выступления раздавались не только с думской кафедры. Однако они не упускали случая напомнить о себе, считая внимание публики значимым для себя ресурсом, помогающим влиять на дела и общественное мнение. А интерес прессы к поединкам доходил иногда до ажиотажа. Причём проявлялся он не только в статьях. В книге Иванова собрано более двух десятков рисунков и карикатур из газет и сатирических журналов, реагирующих на ту или иную дуэльную историю. Даже такая визуализация позволяла обывателю представить себе вполне конкретного депутата, тем самым усиливая эффект его узнаваемости.

Впрочем, видеть в дуэльных историях исключительно способ воздействия на общественное мнение едва ли верно. Так, С.М. Санькова упрекает думцев начала XX в. в том, что они, получив полномочия, «переполнялись гордостью, не отдавая себе должного отчёта в сложности и взве-

шенности парламентской работы» и считая трибуну Таврического дворца неким «средством массовой информации»³. Между тем среди депутатов выделялись разные группы: «болото», законодатели, лоббисты, публичные политики, открыто искавшие популярности. Их поведение в Думе заметно отличалось, но ни одна из них не воспринимала успех в обществе как главную цель своей деятельности.

Следует отметить, что в книге депутаты представлены не элементом политической системы, а живыми людьми, поведение которых не объяснялось исключительно рациональным выбором. Ничто человеческое им не было чуждо. Поэтому автор монографии «посчитал оправданным дать развёрнутые характеристики российских парламентариев, оказавшихся вольными или невольными участниками дуэльных историй. Эти характеристики (как известные, так и впервые введённые в научный оборот), основанные преимущественно на свидетельствах современников, не только позволяют составить или скорректировать уже имеющееся представление о главных героях книги, но и во многом понять их мотивацию, действия и реакцию в ходе конфликтов, чреватых вызовом к барьеру» (с. 23—24). Своим трудом А.А. Иванов практически исчерпывающе раскрыл историю дуэльных конфликтов отечественных

парламентариев начала XX в., хотя, конечно, уточнение каких-то её деталей ещё возможно.

Примечания

¹ Ей предшествовала публикация статей: *Иванов А.А.* Как Н.Е. Марков с О.Я. Пергаментом стрелялись: к истории депутатской дуэли // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. Ч. 1. СПб., 2014. С. 316—334; *Иванов А.А.* Депутатская дуэль и её восприятие российским обществом начала XX века // Научный диалог. 2016. № 11(59). С. 222—234; *Иванов А.А.* Дуэльные злоключения Ф.И. Родичева // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 52—66; *Иванов А.А.* Дуэль А.И. Гучкова с графом А.А. Уваровым // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. Ч. 2. СПб., 2017. С. 62—72. О парламентских дуэльных историях начала XX в. см. также: *Розенталь И.С.* Дума и дуэли: дуэль как средство политической борьбы в России 19 — нач. 20 вв. // Родина. 2006. № 3. С. 34—37; *Розенталь И.С.* Авантюрист и дуэлянт // Политический журнал. 2006. № 37—38. С. 90—93; *Розенталь И.С.* Дуэли // Государственная дума Российской империи. 1906—1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 176—177; *Некрасов Н.В.* Несостоявшиеся дуэлянты: из истории скандалов во II Государственной думе // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 87—100; *Горбачёв И.О.* Дуэли курского депутата Н.Е. Маркова // История в подробностях. 2016. № 3—4. С. 86—89.

² К сожалению, из-за допущенной в книге опечатки (с. 605) можно подумать, будто кадетский лидер являлся депутатом II Думы.

³ *Санькова С.М.* Дуэльный скандал как форма политического самопиара российских депутатов в начале XX века // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 271.

Наши авторы

Акишин Михаил Олегович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

Амброзяк Томаш, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Андреев Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, директор Российского государственного архива древних актов

Белоусова Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Беляев Леонид Андреевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заведующий отделом археологии Московской Руси Института археологии РАН

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Вандалковская Маргарита Георгиевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Виноградов Александр Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Глазьев Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета

Горский Антон Анатольевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ерусалимский Константин Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета

Кириянов Игорь Константинович, доктор исторических наук, доцент, заведующий отделом по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН

Кучкин Владимир Андреевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Лукин Павел Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Мауль Виктор Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Нижневартовского филиала Тюменского индустриального университета

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН; доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Петрова Наталья Анатольевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета точной механики и оптики; библиотекарь Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Подолинский Владимир Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск)

Самыловская Екатерина Анатольевна, кандидат исторических наук, ассистент Санкт-Петербургского горного университета; старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Седов Павел Владимирович, доктор исторических наук, заведующий отделом древней истории России Санкт-Петербургского института истории РАН

Селин Адриан Александрович, доктор исторических наук, профессор Департамента истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский кампус

Слесорюнас Гинтаутас, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Литвы (Вильнюс)

Стрикалов Игорь Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии РАН

Тихонов Виталий Витальевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Токарева Евгения Сергеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

Чернецов Алексей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии РАН

Яблокова Илона Вадимовна, кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский кампус

СОДЕРЖАНИЕ

Батыево нашествие

- В.А. Кучкин*
Завоевание Руси Батыем 3
- А.А. Горский*
Наследование великого княжения в середине XIII в., Батый и мачеха Александра
Невского 31

Историк и источник

- Л.А. Беляев*
Северо-Восточная Русь в середине XIII — второй половине XIV в.: археологические
данные 38
- А.В. Чернецов, И.Ю. Стрикалов*
К 200-летию археологического исследования Старой Рязани 49

Великий Новгород

- П.В. Лукин*
«Весь Новгород»: к вопросу о происхождении и содержании понятия 56
- Н.А. Петрова*
К вопросу о датировке Болотовского договора 64
- В.А. Аракчеев*
Земцы: эволюция социального статуса и отношений собственности в XV—XVI вв. 71
- А.А. Селин, И.В. Яблокова*
Местное судопроизводство и правоприменение в Новгороде Великом конца XVI —
начала XVII в. 83

Люблинская уния

- В.А. Подолинский*
«И выступил с речью довольно искренней и горестной»: индивидуальное измерение
Люблинского сейма 1569 года 94
- К.Ю. Ерусалимский*
Польско-литовская демократия глазами московской шляхты XVI — середины
XVII в. 103
- Т. Амброзяк*
Характер Люблинской унии и польско-литовской Речи Посполитой в оценке
Ивана Ивановича Лаппо 122

<i>Г. Слесорюнас</i> Проблемные вопросы современных исследований Люблинской унии и её последствий с точки зрения литовской историографии	134
---	-----

История власти

<i>Д.В. Лисейцев</i> Почему Земский собор — не парламент?	142
--	-----

Диалог о книге

Государев двор Михаила Фёдоровича Романова: политическая элита Московского государства в отражении просопографии	151
<i>В.А. Аракчеев: Образцовое просопографическое исследование истории сотен родов, воссоздавших Российское государство . . . . .</i>	<i>151</i>
<i>А.В. Беляков: «Восточный след» в Государеве дворе первой половины XVII в. . . . .</i>	<i>156</i>
<i>А.В. Виноградов: Думные и комнатные люди царя Михаила Романова в дипломатических «ссылках» Российского государства с Крымским ханством . . . . .</i>	<i>160</i>
<i>М.О. Акишин: Фундаментальное исследование, открывающее новые аспекты познания взаимоотношений самодержца с думными и комнатными людьми . . . . .</i>	<i>165</i>
<i>П.В. Седов: Научный труд, способный породить новые книги . . . . .</i>	<i>170</i>
<i>Д.В. Лисейцев: Долгожданный подарок специалистам по истории России XVII в. . . . .</i>	<i>174</i>

Институты и общности

<i>Е.А. Самыловская</i> Рижские католики и протестанты в середине XVIII в.	182
<i>Е.С. Токарева</i> Эдмунд Уолш, планы Ватикана и российская действительность 1922—1923 гг.	188

Профессия и сообщество

<i>М.Г. Вандалковская</i> История исторической науки в творчестве А.И. Клибанова	205
---	-----

Обзоры и рецензии

<i>В.В. Тихонов — «В великую книгу об истории нашей родины Б.Д. Греков вписал немало ярких страниц» . . . . .</i>	<i>214</i>
<i>В.Н. Глазьев — А.П. Синелобов. Персональный состав городских приказчиков и губных старост Московского государства XVI—XVII вв. . . . .</i>	<i>218</i>
<i>Н.А. Мининков — В.Н. Глазьев. Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI — XVII вв. . . . .</i>	<i>222</i>

<i>А.В. Морохин</i> — Арзамасский уезд в XVII в. Акты приказного делопроизводства допетровской эпохи: сборник документов. В 2 ч.	227
<i>В.Я. Мауль</i> — Новая книга о том, как в середине XVII в. Московское царство сделалось самодержавием	229
<i>О.В. Белоусова</i> — Великокняжеское детство: воспитание и образование царских сыновей в XIX в.	237
<i>Д.А. Андреев</i> — Д.Н. Любимов как мемуарист и историк	241
<i>И.К. Кирьянов</i> — Дуэль в парламентской истории позднеимперской России	245
Наши авторы	248

CONTENTS

Batu invasion

- V.A. Kuchkin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
The conquest of Russia by Batu 3
- A.A. Gorsky (Lomonosov Moscow State University, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Inheritance of a great reign in the mid 13th century, Batu and stepmother of Alexander Nevsky 31

Source studies

- L.A. Belyaev (Institute of Archaeology, Russian Academy of Science, Moscow)*
North-Eastern Rus' in the mid 13th — second half of the 14th century as revealed by archaeology 38
- A.V. Chernetsov, I.Yu. Strikalov (both — Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
200th Anniversary of Archaeological Investigations in Staraya Ryazan 49

Veliky Novgorod

- P.V. Lukin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
«All Novgorod»: on the problem of the origin and content of the concept 56
- N.A. Petrova (ITMO University, Saint Petersburg, Russia)*
Revisiting the date of the Treaty of Bolotovo 64
- V.A. Arakcheev (Russian State Archive of Ancient Acts, Moscow)*
«Zemtsy»: evolution of social status and property relations in 15th—16th centuries 71
- A.A. Selin, I.V. Yablokova (both — National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia)*
Local legal proceedings and law enforcement in Novgorod the Great in late 16th — early 17th centuries 83

Union of Lublin

- U.A. Padalinski (Belarusian State University, Minsk)*
«And Made Quite an Honest and Sorrowful Speech»: the Individual Dimension of the Lublin Diet of 1569 94
- K.Yu. Jerusalimsky (Russian State University for the Humanities, Moscow)*
Polish-Lithuanian Democracy in View of the Muscovite Gentry of the 16th and First Half of the 17th century 103

<i>T. Ambroziak (Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg)</i>	
The nature of the Union of Lublin and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the assessment of Ivan Ivanovich Lappo	122
<i>G. Sliēsoriūnas (Lithuanian Institute of History, Vilnius)</i>	
Problematic Issues of Modern Studies of the Union of Lublin and its Consequences from the Perspective of Lithuanian Historiography	134

History of power

<i>D.V. Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics, Moscow)</i>	
Why is the <i>Zemsky Sobor</i> not a parliament?	142

Discussing recent books

The Sovereign's court of Mikhail Fedorovich Romanov: the political elite of the Moscow state in the reflection of prosopography	151
<i>V.A. Arakcheev (Russian State Archive of Ancient Acts): The Exemplary prosopographic study of the history of hundreds of genera that recreated the Russian State . . . . .</i>	<i>151</i>
<i>A.V. Belyakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «Eastern trace» in the Sovereign's court of the first half of the 17th century . . . . .</i>	<i>156</i>
<i>A.V. Vinogradov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Duma and room people of Tsar Mikhail Romanov in diplomatic contacts of the Russian state with the Crimean khanate . . . . .</i>	<i>160</i>
<i>M.O. Akishin (Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russia): A fundamental research revealing new aspects of understanding relationship of the tsar with Boyar Duma and Royal courtiers . . . . .</i>	<i>165</i>
<i>P.V. Sedov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences): Scientific research generating new books . . . . .</i>	<i>170</i>
<i>D.V. Liseitsev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Expected gift to specialists in the history of Russia of the 17th century . . . . .</i>	<i>174</i>

Institutes and communities

<i>E.A. Samylovskaya (Saint Petersburg Mining University; Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Catholics and Protestants of Riga in the middle of the 18 th century	182
<i>E.C. Tokareva (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Edmund Walsh, Vatican plans and Russian reality of 1922–1923	188

Professional community

<i>M.G. Vandalkovskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The history of historical science in the works of A.I. Klibanov	205

Reviews

- V.V. Tikhonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow)*
«B.D. Grekov wrote many bright pages in the great book about the history of our homeland» 214
- V.N. Glaziev (Voronezh State University, Russia)*
Rec. ad op.: A.P. Sinelobov. Personalniy sostav gorodovykh prikazchikov i gubnykh starost Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. 218
- N.A. Mininkov (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia)*
Rec. ad op.: V.N. Glaziyev. Ocherki istorii goroda Voronezha i Voronezhskogo uyezda v kontse XVI–XVII v. 222
- A.V. Morokhin (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)*
Rec. ad op.: Arzamasskiy uезд v XVII veke. Akti prikaznogo deloproizvodstva dopetrovskoy epohi: sbornik dokumentov. Vol. 1–2 227
- V.Ya. Maul (Tyumen Industrial University, Russia)*
The new book on how in the middle of the 17th century the Moscow kingdom became autocracy 229
- O.V. Belousova (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
Grand-Ducal Childhood: Upbringing and Education of the Tsar's Sons in the 19th Century 237
- D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia)*
D.N. Lyubimov as Memoirist and Historian 241
- I.K. Kiryanov (Perm Federal Redearch Centre, Ural Branch of Russian Academy of Sciences)*
Dueling in the parliamentary history of late imperial Russia 245
- Contributors to this issue 248

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.	
Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор
Мац А.Г.	— Младший редактор

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей
в журналы Российской академии наук
воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

- 1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);
- 2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье, а также оставить комментарий редактору;
- 3) статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
  - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых
коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В образовательные программы, помимо обязательных дисциплин, предусмотрены федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).